

А. С. СЕРАФИМОВИЧ

- АВТОР

«ТИХОГО ДОНА»

Генеалогия и семейная история
Донского казачества

Выпуск 63

*Геральдика и
семейная история
Донского казачества*

— ◆ —

**А.С.
Серафимович -
автор
«Тихого Дона»**

С.В. Корягин

LXIII

Москва

2006 г.

Печать Войска Донского
до Петра I и после
революции

Первый выпуск серии
вышел в ноябре
1998 года

Корягин С.В. А.С. Серафимович – автор «Тихого Дона». Серия «Генеалогия и семейная история Донского казачества». Выпуск 63. М.: Русаки, 2006. – 256 с., илл.

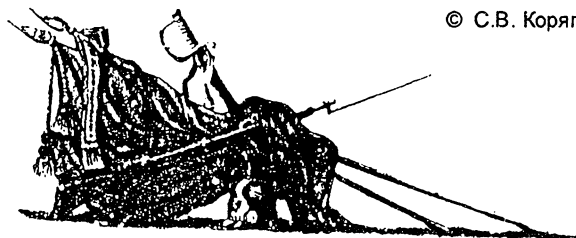
ISBN 5-93347-190-9

В данной книге подробно рассматривается деятельность писателя А.С. Серафимовича, а также предлагается версия того, кто и каким образом внес основной вклад в создание и опубликование первых двух томов романа «Тихий Дон».

Описана Донская казачья фамилия: *Петровы*. Предлагаются поколенные росписи, а также сведения о других представителях этой фамилии, не вошедших в основные рода.

Продолжена рубрика: *В краю непуганных историков*. Для генеалогов, историков и всех интересующихся русским офицерским корпусом, российской генеалогией и семейной историей.

ISBN 5-93347-190-9

© С.В. Корягин, 2006 – А.С. Серафимович -
автор «Тихого Дона»

Содержание

Введение.....	5
Доводы А.В. Венкова.....	8
Происхождение.....	14
Выбор литературы.....	17
Работы 1889 – 1905 гг.....	18
Работы 1906 – 1917 гг.....	24
Мнение доктора А.Г. Кабанова.....	37
Работы 1918 – 1926 гг.....	46
Итоги по периоду 1918 – 1926 гг.....	102
Месть за сына ?.....	104
Анекдоты от В.В. Петелина.....	111
Замысел.....	116
Его осуществление.....	119
Работы 1927 – 1929 г.....	132
Оценка вклада.....	134
Результаты работы.....	138

Работы 1930 – 1948 гг.....	143
Литературные заметки, автобиографии, письма.....	157
Последствия.....	175
Заключение.....	181
Приложения.....	183
<i>Роды</i>	
Петровы.....	194
<i>В краю непуганых историков</i>	
Доктор филологических наук Ф.Г. Бирюков	230
Писатель Д.И. Петров (Бирюк)	234
Именной указатель.....	246
Список сокращений.....	249

Примечание.

В основу поколенных росписей положены материалы РГВИА (Москва) – послужные и формулярные списки (ПС) XVIII – XX веков, документы из РГВА (Москва) времен Гражданской войны, а также опубликованные материалы по истории Донского казачества и справочники Военного ведомства. В меньшей степени к работе были привлечены материалы ГАРО (Ростов-на-Дону) и РГИА (Санкт-Петербург).

При использовании документов РГВИА, РГВА и РГИА автор старался передать их дух и колорит, сохраняя в некоторых случаях устаревшую терминологию и нетрадиционное написание географических названий. Все необходимые расшифровки даны в списке сокращений. Даты до февраля 1918 г. приведены по старому стилю (юлианскому календарю), после – по новому (григорианскому календарю).

Автор выражает большую признательность: Алабину Игорю Михайловичу, Волкову Сергею Владимировичу, Кабанову Алексею Геннадьевичу, Русаковой Галине Евгеньевне - за предоставленные материалы.

Автор с благодарностью примет критические отзывы, исправления и дополнения коллег по адресу:

121165, Москва, Кутузовский проспект, д. 33, кв. 87. Сергей Викторович
Корягин. Тел.: 095 – 249.61.98 dongenealog2003@mail.ru

Введение

Эта книга – 3-я на тему романа «Тихий Дон» в данной серии. Ей предшествовали вып. № 47 «Миражи «Тихого Дона»» и вып. № 50 «Шолохов. Крюков или . . . ?»

* * *

В кн. «Миражи «Тихого Дона»» рассмотрены четыре основные темы, поднятые в романе: мирная жизнь Донского казачества, 1-я Мировая война, революция и Гражданская война. Сделана попытка сравнить описания жизни казаков и исторических событий, предложенных автором, с тем, что было на самом деле.

1-я Мировая война.

Три главы романа посвящены описанию подвига Кузьма Крюкова, а, точнее, тому, что это деяние никоим образом не подпадает под понятие «подвиг». Помимо очевидного желания выставить в неблагоприятном виде красу и гордость Донского казачества, автор демонстрирует элементарную неграмотность: незнание обращений подчиненных к офицерам, непонимание порядка награждения, притягивание «за уши» так называемой дедовщины, которых в Донских частях, в общем-то, не существовало.

Практически отсутствует описание подвигов Донскими казаками, а ими получено около 36 тыс. крестов. Нет ни одного подвига офицера.

Описание гвардии дается в самом непривлекательном (с элементами протеска) виде. Первое же упоминание о гвардейцах говорит о многом: «. . . *Правил здоровенный и дурковатый, как большинство атаманцев, Христоня*». В дальнейшем все – в том же духе. К этому добавляется незнание: того, где находилась гвардия с начала войны (а именно – воевала); примерного возраста, в котором офицеры гвардии получают обер-офицерские чины; порядка перехода из гвардии в армейский полк.

Немыслимые ситуации, оставшиеся без последствий: групповое изнасилование Франи (в Польше), порка нижним чином офицера (Григорием - Листницкого).

Головокружительная карьера Григория (таких не было), да еще и при всех его нарушениях дисциплины. Патологическая неприязнь (если не сказать больше) к офицерам.

Мирная жизнь.

Невозможная сцена убийства бабки Григорием.

Очень маловероятная сцена изнасилования Аксиньи отцом. Да еще и с «наворотами» (получасовое избивание отца сыном).

Систематическое битье женщин, которого, на самом деле, на Дону не было. Распутная жизнь казачек, да еще в контрасте с чистой большевистской любовью Анны и Бунчука. Снохачество, кровосмесительные связи и пр.

Несуразность сватовства: за Григория все решает отец, а Наталья свой выбор делает сама. Незнание автором свадебного обряда.

Немыслимые взаимоотношения Григория с Аксиньей. Никакой возможности побега двух человек, каждый из которых венчан церковным браком, не существовало. Да еще не в какую-нибудь отдаленную губернию, а в соседний хутор (!!). Да еще и с рождением ребенка (!!!). Кстати, исключение из романа только этой несуразицы (совместное житье Григория и Аксиньи), фактически, перечеркивает весь смысл романа.

Революция. Четыре месяца Советской власти (до Обще-Донского восстания) вывернуты наизнанку. Ничего не говорится о действительных причинах восстания – многочисленных бессмысленных и жестоких расстрелах. Более того, деятельность Бунчука (председателя ревтрибунала) показана, как необходимая и обоснованная. В качестве причины восстания выставлено малозначительное событие.

В очень непривлекательном и малозначимом виде выписаны образы атамана Каледина и героя Гражданской войны Чернецова. В противовес этому гипертрофированно раздута фигура Подтелкова. Этот деятель представлен куда более значимой фигурой, нежели Каледин и Чернецов, вместе взятые. Разумеется, нет и намека на те преступления, которые совершал Подтелков. Дана только сцена того, как он зарубил Чернецова, да и то она представлена, как вынужденная мера.

Представленные "ужасы" казни подтелковцев необъективны и диаметрально образом искажают происходившие исторические события.

Гражданская война.

Несуразность 3-го и 4-го томов с лихвой превосходят немислимые сцены 1-го и 2-го томов. В том же духе уделено внимание: половой распущенности казаков, подонкам – офицерам, историческим личностям и историческим событиям.

Главное – взаимоотношения М. Кошевого и хуторян. Смысл этих отношений, в изложении автора, можно коротко выразить так:

1) Какие бы преступления не совершала Сов. власть, она имеет на это право.
2) Любые ответные действия (меньшие по значимости и, явно, неадекватные) трактуются как гнусные и коварные преступления, за которые может следовать только одно наказание – смертная казнь.

3) Мораль, изложенная в предыдущих двух пунктах, с пониманием, и, в общем-то, одобрением воспринимается казаками.

Уничтожение, чуть-ли, не половины хутора и сжигание трети дворов Кошевым подаются как правомерные и необходимые деяния.

Двумя основными выводами данной книги являются следующие:

1) Роман на 100 % - Советское произведение, описывающее события именно в том виде, в каком их бы хотела видеть правящая власть. Ничего общего с действительностью не наблюдается, все переставлено с ног на голову.

2) Автор "спустил" казачество по полной программе, пугает к данному сословию, по меньшей мере, неприязнь (причем, ну уж очень большую).

Основная деятельность М.А. Шолохова, за которую он был особенно почитаем Советской властью, состояла в том, чтобы прикрыть (описать в удобоваримом виде) два наиболее слабых места правящего режима: Гражданскую войну и коллективизацию. Как не странно (случается и такое) – это совпало и с пожеланиями и "мировой общественности", желающей видеть в качестве абсолютного зла, скажем, Освенцим. Понятно дело, что, если исследовать Гражданскую войну и коллективизацию, то называемый "эталоном" смысла иметь не будет.

Это, во многом, и предопределило, по моему мнению, вручение Нобелевской премии. Вот, мол, ваше национальное достояние, развенчивать его нельзя, тем более, что, все равно, больше ничего не получите.

Стереотипы: абсолютное зло – Освенцим, наше национальное зло – "1937 год" – вбиваются в сознание масс всеми возможными способами. Что, интересно, останется от этих стереотипов, если всерьез заняться отечественной историей?

На основании этого проблема поиска автора, по моему мнению, теряет какой-либо смысл. Зачем искать автора произведения, немислимо искажающего действительность? Не проще ли закрыть тему, признав произведение аморальным и нежелательным для прочтения?

* * *

В кн. «Шолохов, Крюков или . . . ?» подробно рассматривается принцип "наворота", под которым понимается следующее. Любой текст можно изменить до неузнаваемости путем внесения 3 – 5 дополнений. В этом случае рассказ (очерк, глава, часть текста) будет повествовать о прямо противоположных событиях, в сравнении с

тем, что было в исходном материале, и, соответственно, говорить в этом случае о плагиате просто глупо.

Здесь представлен обзор работ антишолоховедов. Авторство самого М.А. Шолохова, в общем-то было определено сразу (еще в 70-е годы). С тех пор принципиальных изменений не наблюдается. Обычный вариант – 3-я и 4-я книги. Некоторые ограничиваются 4-й книгой.

3-я и 4-я книги разнятся в пух и прах, первые две – нечто вроде “священной коровы”, которую трогать нельзя

Принципиально новым шагом в разработке этой темы явилась книга А.В. Венкова “«Тихий Дон»: источниковая база и проблема авторства” [Ростов-на-Дону, ООО «Тера», 2000, 584 с.].

Автор таким же скрупулезным образом разбирает и первые две книги. Выводы в работе сделаны следующие:

“... Вопреки устоявшемуся и широко распропагандированному мнению, что роман написан по рассказам очевидцев, «списан с жизни», мы увидели в основе огромного количества сцен, в том числе бытовых и батальных, письменные источники. Грубо говоря, роман писался «по газетным и журнальным статьям».

... А имеем мы правленный-переправленный, но – шедевр.

... Честь, слава и вечная память всем, начиная от «торопливого переписчика» до «мэтра», кто способствовал появлению на страницах печати этого шедевра. Теперь самое трудное – конкретика, И М Я.

Мы ни в коем мере не отрицаем авторство М.А. Шолохова. Им бесспорно написано более четвертой части всего текста, в основном в ч. 7 – 8 романа и огромные монологи в предыдущих частях. Кроме того, ему принадлежит правка некоторых глав первоначального варианта, «костяка».

Но основная правка первых частей романа, в том числе и любовного сюжета, – дело рук А.С. Серафимовича. Ему же, видимо, принадлежат главы с Бунчуком и Анной. Батальные сцены, сцены из офицерской жизни – обработанный материал В.В. Пузанова, В.В. Попова, Т.М. Старикова, И.С. Мельникова... «Имена их, лихих донских офицеров «Ты, Господи, веши...» В тексте есть заимствования у Ф.Д. Крюкова, Р.П. Кумова, П.Н. Краснова – авторов «Донской волны».

Язык диалогов 1-х частей романа (да и не только диалогов), детали любовного сюжета, даже имена второстепенных героев – это все от Ивана Дмитриевича Филиппова. Насколько доказательна и доказуема эта версия – со стороны виднее. И все же мне кажется, что основной костяк романа написан им –И.Д. Филипповым...”

Выводы же кн. «Шолохов, Крюков или ...?» таковы:

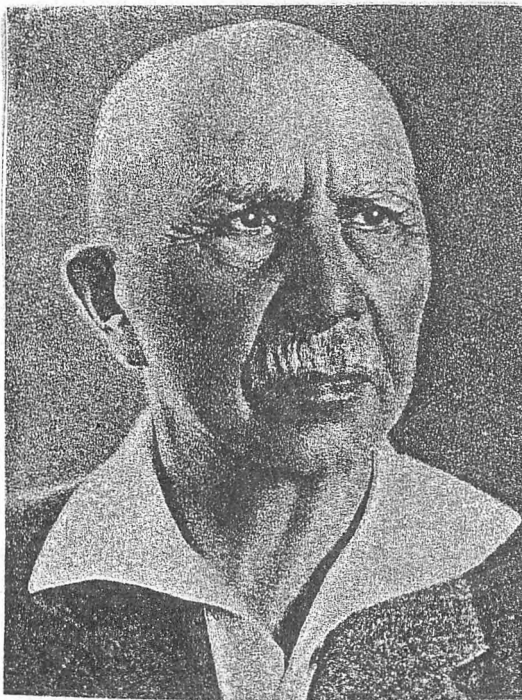
1) Нет никакой необходимости приплетать Ф.Д.Крюкова постому, что а)он любил казачество; б) никогда не увлекался “наворотами”; в) число заимствований из его произведений не является уж до такой степени подавляющим (на фоне заимствований у других писателей).

2) Сочетание “Филиппов – Серафимович – Шолохов” вполне устраивает, поскольку все трое: а) гражданские лица; 2) не очень образованы; 3) не любили казачество.

Более точное определение делать нет необходимости ввиду того, что этот вопрос (проблема авторства) явно второстепенен и малозначим.

* * *

В данной книге я возвращаюсь к этой теме ввиду того, что деятельность А.С. Серафимовича явно преуменьшена в истории Дона, а также потому, что произошел целый ряд интереснейших событий, связанных с выходом в свет этого романа.

Доводы А.В. Венкова

Рассмотрим, прежде всего, те обоснования, которые приводит А.В. Венков в пользу участия А.С. Серафимовича. Они представлены в его книге в главе «Александр Серафимович и его возможное участие» [с. 354 - 362].

* * *

Вначале краткая характеристика.

“Он сочувствовал левым радикальным революционерам. А затем пришедшим к власти большевикам”. “В рамках данной работы нет никакой возможности дать глубокий анализ творчества такого прекрасного писателя, как А.С.Полов (Серафимович)...”

Достаточно подробно о потрясающих пейзажах в изображении А.С. Серафимовича. “. . . Пейзажи А.С. Серафимовича и впрямь великолепны . . .”

“Но не пейзажи главное. Произведения Серафимовича пронизаны классовой непримиримостью, они конфликтны, полны безысходности, жестокости, крови.

...

И вдруг среди рассказов военного времени встречаем один – о том, как муж из ревности убил свою жену. Рассказ называется «Фетисов курень». Мужа зовут Степан, жену – Маланья. Что-то знакомое видим мы и в предыстории героев, и в их взаимоотношениях. Вот что сказано о родителях Маланьи: «Мать была пьяницей и торговала тайком водкой, отец каменщик, от пьянства и умер»...

«Вечеру он помер. Людям сказали, что пьяный упал с арбы и убили» (ч. 1, гл. VII).

Вот коротко о сватовстве: «Приехал свататься Степан, показался ей—красивый, тонкий, - ремнем обтянется, две четверти. И в доме достаток...»

«А через год приехали на нарядной бричке сваты за Аксинью. Высокий, крутошей и статный Степан невесте понравился» (ч. 1, гл. VII).

Скучающая Маланья вступает в связь с приехавшим техником, а мучимый подозрениями и ревностью Степан избивает ее. «Удар выбил на секунду сознание»...

«Страшный удар в голову сзади вырвал у Григория сознание... Жестокий толчок при падении на секунду вернул его к действительности» (ч. 3, гл. XIII).

Сложные чувства Степана и Маланьи и целые сцены кажутся нам тоже знакомыми: «В нем росла ненависть и странно мешалась с ласками, грубыми и страстными, от которых кружилась голова»...

«По ночам, иступленно лаская мужа, думала Аксинья о другом, и плелась в душе ненависть с великой любовью» (ч. 1, гл. XX).

«...Он уснул... Маша смотрела на тонкие черные брови, красивое ястребиное лицо, на злую, темную с желтизной плотную кожу и почувствовала, что она одна в этом доме, одна во всем свете»...

«Засыпал он поздно... Аксинья, приподнявшись на локте, подолгу глядела на красивое, измененное сном лицо мужа» (ч. 1, гл. XVI).

В характеристиках других героев из рассказов того времени тоже можно встретить много интересного.

«Ферзенко любили товарищи и солдаты, товарищи — за веселье, беспечный, общительный нрав, солдаты — за бесстрашие и заботливость о них. Он всегда шел с охотниками на самые рискованные предприятия»... («Двое»).

«...любили его казаки за веселый улыбчивый нрав, за похабные песни (на них был Митька мастер не из последних), за товарищество и простоту, а офицеры—за разбойной лихостью, ...охотником шел на рискованнейшие предприятия» (с. 4, гл. V).

...

... в пьесе «Марьяна» мы снова встречаем Степана, возвратившегося из германского плена красивого мужа неверной жены.

В деревне ждут прихода красных, боятся, что будут резать. Старик, хозяин дома, успокаивает разволновавшихся и ругающихся меж собой женщин. И фраза знакомая: «Расходились, как бондарский конь под обручами»...

Точно так ругает свою жену Мартин Шамиль: «Цыц ты! Небось разродишься! Расходилась, как бондарский конь» (ч. 3, гл. I).

Приходят красные. Хозяин старается не обращать на них внимания: «Старик садится за починку хомута»...

И в «Тихом Доне», когда пришли красные, Пантелей Прокофьевич «сел со старым салогом в обнимку» (ч. 6, гл. XVI).

На попытку приставать к девушке старик заявляет красному солдату: «Ты, служивый, вот што: ты с кем хошь балуй, а девуку не замай. У нас этова заведения нету... Што ж, стреляй, твоя сила, ну девуку не трожь».

То же самое слышим, когда красные вступают в хутор Сетраков: «Ты пришел в мой курень гостем... на что обижаешь бабу? Ты что же? Оставь! Я твоего оружия не боюсь! Бери, что тебе надо, грабь, но бабу не моги поганить! Через меня перейдешь рази...» (ч. 5, гл. XXI).

«В избу входит красноармеец Павел, отделенный; худой, скулы выдались, молодой, некрасивый, славные глаза». И позже хозяйская дочь Луша говорит о нем: «А этот скуластый некрасивше всех, а как запел, аж за самое сердце схватил. Глаза у него уж дуже хороши. Так бы глядела в них не отрывалась». Сам некрасивый, а вот глаза красивые...

И в «Тихом Доне» Анна была *«сутула и, пожалуй, даже некрасива, если б не большие сильные глаза, диковинно красившие всю ее»* (ч. 5, гл. V).

Между некрасивым Павлом и хозяйской невесткой Марьяной зарождается любовь, но тут «из плену» возвращается ее муж Степан. Так и отвечает на вопрос, откуда пришел: «Из германского плену»...

«- Откуда ты взялся ?..

- Из плену... Пришел к тебе, Аксинья... (ч. 6, гл. XXI).

Марьяне Степан рассказывает: «За меня у немцев сватали, а сами богатые, всего...»

«Я жил там со вдовой, немкой... богато жил – и бросил...» (ч. 6, гл. VII).

Во время гражданской войны и сразу после ее окончания А.С. Серафимович много пишет. В 1918 году – 25 рассказов и очерков, в 1919 – 4 и одна пьеса. В 1920 – 9, в 1921 – 6 (и начинает писать «Железный поток»), в 1922 – 2, в 1923 – 11 и уже знакомая нам «Марьяна», в 1924 – 8 (и завершает «Железный поток»), А в 1925 году всего один рассказ и один очерк. С этого времени «продуктивность» писателя резко падает. В 1926 году – 7 рассказом и очерков, в 1927 – 6, в 1928 – 1 очерк, в 1929 – один рассказ и один очерк, в 1930 – один рассказ и один очерк, в 1931 – то же самое...

Правда заявлено, что писатель работает над крупным произведением под названием «Борьба», и «Железный поток» - лишь составная часть этого произведения. В 1926 и 1927 годах в журналах «Делегатка» и «Новый мир» по частям публикуется рассказ «Товарищца Дора» - отрывок из «Борьбы». «Товарищца Дора» - еврейская девушка, ставшая комиссаром красноармейского отряда. И в Доре мы, как ни странно, узнаем многие черты из образа Анны Погодка, еврейской девушки, погибшей в боях за Ростов в 1918 году, возлюбленной Бунчука. «Товарищца Дора» родилась в музыкальной семье. «... То запоют, или рояль заговорит, или виолончель грудным человеческим голосом, человеческим грудным глубоким голосом...». И в журнальном варианте «Тихого Дона» Бунчук, возвращаясь в Ростов, *«забежал в ревом – и еще с лестницы услышал знакомый виолончельный густой голос Анны»* (Октябрь. 1928. № 8. с. 110). Да и в образе Бунчука мы найдем много общего с героем «Железного потока» Кожухом. Кожух – «великолепный пулеметчик», Бунчук – *«превосходный пулеметчик»* (ч. 3, гл. XV). Портрет и того и другого дается через описание *челюстей и глаз*. Кожух – «у ветряка стоит низкий, весь тяжело сбитый, точно из свинца, со сцепленными четырехугольными челюстями. Из-под низко срезанных бровей, как два шила, поскверкивают маленькие, ничего не упускающие глазки, серые глаза»; «У ветряка стоит с железными челюстями и тоненько смотрит острыми, как шило, серыми глазами» («Железный поток», II). Бунчук – *«Сотник еще раз оглядел невысокую плотную фигуру Бунчука... все было обычно, лишь твердо загнутые челюсти да глаза, ломающие встречный взгляд, выделяли его из гущи остальных лиц»* (ч. 3, гл. XV).

Кроме всего, образы Бунчука и Анны в романе совершенно самостоятельны, их судьбы не переплетаются с судьбами главных героев, лишь соприкасаются. Бунчук служит с Листницким. Спорит с ним, да лишь однажды в бою на Бунчука и Анну обращает внимание Григорий Мелехов. И с ранее изображенными большевиками – Штокманом, Кошевым, Котляровым – Бунчук никак не связан.

Еще один образ – жены Листницкого, Ольги Николаевны Горчаковой, - интересен в этом отношении. В романе первый муж Ольги Николаевны зовет ее «Леля». И в произведениях имя «Леля» встречается трижды. В «Холодной равнине» («Ты его затормошишь, Леля...»), в «Клубке» («Слушай, Леля...»), правда, здесь героиня – Елена Александровна. В «Городе в степи» так зовут жену инженера. «белая стройная грациозная фигура стояла вполоборота, головка в золоте пышных волос повернута к нему. – Леля! («Город в степи»). И Листницкий, рассматривая «Лелю». Ольгу Николаевну, *«видел... золотую пыльцу волос, взвихренную над откиннутой головой»* (ч. 6, гл. V); *«...смотрел... на... голову Ольги Николаевны,отягченную узлом волос...»* (там же).

Может быть, это простые заимствования ? Если бы крик «Про-па-да-а-ю !» и «виолончельный голос» Анны так и остались в каноническом тексте после публикации в «Октябре», можно было бы его (заимствование) допустить. Но все это впоследствии убрано, и убрал не автор, у которого заимствовано, а он мог это сделать, будучи редактором «Октября». Нет, редактор «Октября» и автор «заимствованных» фраз эти фразы оставил... Убрали эти «явные заимствования» позже, что очень похоже на «заметание следов» (впрочем, к сравнительному анализу журнального варианта и канонического текста мы еще вернемся и обратим особое внимание на изменение политических взглядов автора). Рука А.С. Серафимовича чувствуется во всем. Она чувствуется в описании запахов и цвета (с чего мы начали).

«...Острой волной набегал кровавый запах, чувствовался на языке приторно знакомый привкус» («Похоронный марш»).

«...Ощущался соленый запах крови и приторно-сладкий васильковый трупный дух...» (ч. 6, гл. XXXV).

«Стоял приторно-сладковатый запах трупа» («В Галиции»).

«...Ветерком уже нанесло на него сладковато-приторный запах» (ч. 6, гл. VI).

«От этих пятерых плыло безмолвие и сладкий, приторный смрад» (Железный поток).

«От них уже тек тяжкий, сладковатый запах мертвечины» (ч. 4, гл. III).

«От него пахнет табаком, молодым, здоровым телом» («Железный поток»).

«Пахло мужским потом, скученными здоровыми телами» (ч. 5, гл. XXIX).

«Пряно пахло потом, кровью, йодом» («Шрапнель»).

«...Ощупил пряный запах дешевого мыла и пота» (ч. 3, гл. XXII)

«Пахнет до одури насыщенным смолистым запахом, голова кружится. Чайку бы попить в этой благодати да с книгой завалиться вон в той сосновой роще» («На панском фронте»).

«Одуряющее пахло нагретой земли, травяной молодью» (ч. 7, гл. XXVII); «От основных свежих нар – смолистые запахи» (ч. 4, гл. X).

«Это – памятник не собакам, а гнилостному, разложившемуся трупу помещичье-царского самодержавия» («К.А. Тимирязев»).

«От раны... исходил дурной гнилостной запах» (ч. 8, гл. XV).

Это «двойной», подразумевающая оттенок цвет. «...Ночь, иссиня-черная...» («Грех»); «...Иссиня-дымчатые очертания далеких гор» («Железный поток»).

«Пантелей рос исчерна-смуглым, бедовым» (ч. 1, гл. I); «У него вдруг хищно ощерился рот, оголив иссиня-чистые зубы...» (ч. 6, гл. I).

«...Перед ними немо чернел пустой лес» («Железный поток»).

«...Мертвенно розовели лепестки отцветавшей в палисаднике вишни» (ч. 1, гл. II).

«...Ало краснеют алые банты» («Железный поток»).

«...Лишь с краю ало дымился откатившийся в сторону кизяк» (ч. 6, гл. III).

Это описание звука и его имитация. «...То обветренные, хриплые, то крепкие степные звонкие голоса» («Железный поток»).

«Его хриплый, обветренный голос долго еще перекатами ходил по залу» (ч. 5, гл. XIX); «...Твердым, обветрившим голосом заговорил Долгов» (ч. 4, гл. XI); «...Обветренный ломкий бас Долгова» (там же).

«...Слышится топот, стук опрокинутого тела и тяжелые удары: «Хапп ! Хапп ! Хапп !... И вдруг вырывается резкий крик...» («Город в степи»).

«Топот возле уха и тяжкий дых лошади: «Хал, хал, хал !»» (ч. 3, гл. XIII).

А вот интересное сочетание цвета и звука: «... мечут веселый синий звон» («Железный поток»).

«...Как видно, отходит свое по голубой веселой земле» (ч. 2, гл. V).

Цвет, звук, запах... Из них складываются и оживают картины природы. «Марево трепещет знойным трепетанием... А от гор, а от морей потянулись степи, протянулись степи и потеряли границы и пределы... Белыми пятнами белеют станицы, хутора, села в неоглядной густоте садов, и остро вознеслись над ними в горячее небо пирамидальные тополя, а на знойно трепещущих курганах растопырили крылья серые ветряки» («Железный поток»).

«А кругом – сколько хватало глаз – зеленый, необъятный простор, дрожащие струи марева, полуденным зноем скованная древняя степь и на горизонте недосыаем и сказочен – сизый грудастый курган» (ч. 6, гл. II). «В полдень за парным маревом, струившимся поверх ложбины, увидел Мишка железную крышу казармы, изгородь, серую от непогоды тесовую крышу конюшни» (там же).

«А под всем – изнеможенно звенящий, неумирающий зной... Тонко звенящий, всюду трепещущий зной» («Железный поток»).

«Тонкий вибрирующий зной ее возрастал неумолчно» (ч. 6, гл. II).

«По сторонам – чахлые перелески...» («Сердце сосет»).

«Искромсанная лезвиями чахлых лесков, лежала чужая, польская, земля» (ч. 3, гл. II).

«Зыбится голубоватое сияние, рождаются, тают марева...» («Пески»).

«Редкие в пепельном рассветном небе зыблились звезды» (ч. 1, гл. II).

«Ветер по-прежнему воровски таился» («Оцененная голова»).

«Морозная воровски таилась за гребнем ночи» (ч. 4, гл. XXI).

«Дождь сеялся мелкий, настойчивый, холодный... Железные крыши мокро отсвечивали» («Обман»).

«С оболоченного хмарью неба сеялся дождь... Степь мокро зеленела» (ч. 5, гл. XXIV).

Вот беглая характеристика внешности: «Оба плечистые, грудастые степняки» («Без билета»).

«Тонконогий, непомерно грудастый и широкоплечий Атарщиков говорил запальчиво» (ч. 4, гл. XI).

А вот – бег лошади: «По степи, к самому жнивью, вытягиваясь в нитку, скакал вороной... Видно, как изо всех сил рвется обезумевшая лошадь...» («Железный поток»).

«На полпути Митькин жеребец, вытягиваясь в стрелку, достиг кобылицу сотника» (ч. 1, гл. VIII); «Лошади стлались в бешеном намете...» (ч. 6, гл. III); «В круп его кобылицы грудью ударились какая-то обезумевшая лошадь...» (там же).

Постоянно повторяется такое определение, как «густо», «густой»: «Тяжелыми изломами густая чернота гор»; «...густо расплывается винный дух»; «Мухи густо чернеют на лошадиных спинах...» («Железный поток»); «И густо отдается...» («Город в степи»).

«Густая тоска полонила Григория» (ч. 6, гл. II); «Где-то на путях ненасытно и густо ревет паровоз...» (ч. 6, гл. V).

И еще много знакомого встретим мы даже при беглом знакомстве с произведениями А.С. Серафимовича: «Кара гордо пронесла свою бледную голову» («Город в степи»).

«А она гордо и высоко несла свою счастливую, но срамную голову» (ч. 1, гл. X)

«Срубил девочку, потом развалил череп хохотавшей матери» («Железный поток»).

«Удар с длинным потягом развалил череп надвое» (ч. 3, гл. V).

«... Он борется за свое право на жизнь, борется за свое понимание ее, за свою власть над нею» («Старое»).

«... билась за самку, за право на жизнь, на любовь, на размножение» (ч. 5, гл. XXXI).

«... вдарил два – упал, из ухов, из глаз – кровь» (Старсе).

«... стукнул кулаком – лег бык на борзэде, из ушей кровь, насилу отлежался» (ч. 1, гл. II).

«... и, запустив руку под рубаху, огромной широкой ладонью растирал взмокшую грудь...» («Старуха»).

«...долго растирал розовой мягкой подушечкой ладони пухлую грудь»(ч.4, гл.1)

«И горькая, едкая слюна обильно бежала» («Железный поток»).

«Изю рта его обильно пошла слюна» (ч. 5, гл. XXX).

«По прежнему лепятся курени по обрыву...» («Грех»).

«К просторному суходолу наростом прилипло имене Листницкого – Ягодное» (ч. 2, гл. XXI).

А вот и инверсия: «Слабо различимые, легли на руки два штыка» («Железный поток»). Но на весь «Железный поток» это единственный пример...

Выстрелы... «Стукнул вязкий в сырой мгле винтовочный выстрел...» («Двое»); «... раздался далекий выстрел, немного погодя сдвоило...» («Железный поток»).

«С правого берега не стукнул ни один выстрел»; «Сочно треснул выстрел, и в тишине, вслед за выстрелом на короткое время сблотившей двор, четко сдвоил затвор...». А это даже не «Тихий Дон», а «Донские рассказы» - «Жеребенок» и «Чужая кровь».

Вот таким образом можно составить несколько тысяч сравнений.

Итак А.С. Серафимович правил сведенные в одну рукопись произведения (видимо, незаконченные) нескольких авторов и, возможно, добавил от себя некоторые образы и несколько глав, касающихся революционных событий. Но как все это было сведено вместе ? Когда ? И кто же в таком случае описал Вешенское восстание ? На какие данные опирался ?"

* * *

На мой взгляд, все это звучит счень убедительно. И, кстати, удивительно: почему сторонники авторства Ф.Д. Крюкова, нашедшие огромное число заимствований в романе, и перечисляющие большее число авторов, не включают в этот список А.С. Серафимовича ? Вернее, ничего удивительного в этом нет. Если обнаружить подобного рода знания, то придется пересмотреть всю концепцию. Это ведь не какой-то эмигрант, а маститый и влиятельный (на момент выхода в свет романа) писатель, к тому же еще и обеспечивший первую публикацию.

В полной мере понимая и принимая важность текстологических совпадений, в данной работе, тем не менее, хотелось бы подойти к решению поставленной задачи с другой позиции.

Как, помнится, высказался один лысый картавый сифилитик: «Мы пойдем другим путем !»

Пойдем не «от текста», а – «от состояния души». В первую очередь, хотелось бы определить взгляды предполагаемого автора на казачество, какими он видит основные причины Обще-Донского восстания, его отношение к красным и белым, а также к ряду исторических лиц.

Наконец, насколько правдоподобны его произведения ? Склонен ли он к использованию "наворотов" и в какой мере ?

Такой разбор творчества А.С. Серафимовича, по-моему, важнее текстологических сравнений. А уж сочетание этих двух подходов (если их выводы совпадают) дает наиболее реалистичный ответ на поставленный вопрос.

Происхождение

Следует заметить, что мальчик рос во вполне благополучной семье. Его отец:

Попов Серафим Иванович, сын сотника, р. 6 декабря 1826 г., казак Нижне-Курморской ст.; окончил 2 Донское окружное училище; награжден: СГ-3, СГ-4, БМ-853, БМ-863, Крестом за службу на Кавказе.

В службе казаком с 1 января 1845 г. В полку № 36 с 22 мая 1846 г. Урядником с 22 мая 1846 г. Переведен в полк № 7 – 27 мая 1850 г. За отличие в делах против горцев награжден ЗОВО – 9 января 1854 г. Участник Восточной войны 1853 – 1856 гг., в действительных сражениях. За отличие против турок при р. Чолоке награжден второй третью пансиона к ЗОВО (аналог СГ-3) – 4 июня 1854 г. Состоял в полку № 7 по 14 марта 1858 г. Помощником казначея 2 Донского окружного казначейства с 25 ноября 1860 г. по 8 августа 1861 г. В полку № 5 с 21 мая 1862 г. по 5 ноября 1864 г. Произведен в хорунжие 18 июня 1862 г. В полку № 35 с 14 ноября 1864 г. по 8 июня 1865 г. В полку № 55 с 15 мая 1866 г. по 8 декабря 1869 г. В полку № 12 с 29 апреля 1870 г. по 28 октября 1873 г. Произведен в есаулы 27 июня 1872 г. Старшим адъютантом управления 3 военного отдела с 21 февраля 1874 г.

Жена – дочь есаула Дубовскова Раиса Александровна, дети: **Александр** р. 6 января 1863 г., **Сергей** р. 17 июня 1867 г., **Вениамин** р. 6 октября 1874 г., **Олимпиада** р. 24 июля 1869 г. Имущество благоприобретенное – 15 десятин земли в Черкасском округе. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 182, ПС за 1874 г.].

Примечание. Куда-то “задевалось” производство в чин сотника.

В РГВИА есть еще, по меньшей мере, два ПС Попова С.И. – за 1870 и 1866 г. [ф. 330, оп. 55, д. 1662 и 1439].

Его дед:

Попов Иван Иванович, из половских детей, р. ок. 1806 г., казак Нижне-Курморской ст.

В службе с 1 октября 1819 г. Произведен в хорунжие 28 февраля 1831 г. Служба “по внутренности” ВД – в течении 16 лет 3 месяцев; затем в Грузии в полку № 22 Николаева с 24 мая 1838 г. [РГВИА, ф. 405, оп. 6, д. 3315, л. 185, док. 1840 г.].

В РГИА (С.-Петербург) сохранилось дворянское дело:

Урядником с 16 февраля 1824 г.; хорунжим с 28 февраля 1831 г.; сотником с 11 марта 1846 г.

Венчался 9 ноября 1822 г. на дочери обер-офицера Федосье Федоровне. Его дети: Серафим р. 8 декабря 1826 г. (восприемница – дочь есаула Федора Емельяновича Попова – Мария); Александр р. 11 января 1829 г.; Александра р. 4 апреля 1831 г.; Пелагея р. 1823(?) г.; Иван р. 30 января 1833 г.; Анна р. 14 декабря 1835 г.; Екатерина р. 2 декабря 1837 г. [РГИА, ф. 1343, оп. 27, д. 5329].

Из дворянского дела видно, что на потомственное дворянство по заслугам Попова И.И. могут претендовать только дети, родившиеся после февраля 1831 г. (получения первого офицерского чина).

Именно поэтому происхождение Серафима Ивановича – *сын сотника* (или, что то же самое – *сын обер-офицера*). Происхождение же его младшего брата и родного дяди писателя Ивана Ивановича (р. 1833 г.), соответственно – *из дворян*. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 182, ПС за 1874 г.].

Сам Серафим Иванович служил уже в то время, когда для получения потомственного дворянства необходимо было получать чин полковника. Поэтому писатель *из обер-офицерской семьи*.

Мать Раиса Александровна – из дворянского рода **Дубовсковых** Нижне-Курмоярской ст.. Этот род описан в вып. № 39 «Волошиновы и другие» данной серии.

Дед писателя по материнской линии:

Дубовсков Александр Иванович, из дворян, р. ок. 1816 г., казак Нижне-Курмоярской ст.

В службе казаком с 1 января 1835 г. В полку Леонова 1-го в Грузии с 30 мая 1835 г. по 25 апреля 1838 г. Урядником с 6 декабря 1837 г. В Атаманской канцелярии с 1 марта 1841 г. по 15 июня 1842 г. Произведен в хорунжие 29 января 1842 г. (26 лет от роду). Заседателем 2 Донского Сысного Начальства с 15 июня 1842 г. по 16 мая 1845 г. Сотником с 11 марта 1846 г. Квартальным надзирателем 3 Полицейской части с 11 марта 1847 г. по 10 мая 1848 г. Дьяком исполнительной экспедиции Войскового Правления с 14 декабря 1848 г. по 12 мая 1853 г. Произведен в есаулы 6 февраля 1851 г. В полку Скасырского (впоследствии № 59 Яковлева) с 4 мая 1854 г. по 22 марта 1855 г.: по берегам Азовского моря. ПС составлен в связи с предполагаемой отставкой по болезни без наград. Жена – дочь войскового старшины Пашкова Акулина Васильевна, дети: Раиса р. 1 октября 1841 г., Юлия р. 11 марта 1843 г., Софья р. 1 мая 1844 г., Людмила р. 15 декабря 1845 г. Имущество: у него родовое - 8 душ во 2 Донском округе и у жены – родовое 10 душ в Донецком округе и приобретенное – 1 душа там же. [РГВИА, ф. 405, оп. 6, д. 13415, ПС за 1855 г.]

Документов о прадеде Иване Киреевиче – нет.

Прапрадед:

Дубовсков Кирей Петрович, сын обер-офицера, р. ок. 1735 г.

В службе казаком с 1 сентября 1767 г. В полку полковника Карпа Денисова с 6 декабря 1768 г.: участник войны с турками. В действительных сражениях: Перекоп. В полку войскового атамана Иловайского с 12 мая 1776 г. в этом полку участвовал в 4-х походах; за Кубань, против ногайских татар. Произведен в сотники 20 января 1786 г. В полку нынешнего генерал-майора Исаева с 15 января 1788 г. Участник войны с турками, в действительных сражениях: Очаков. Бендеры; в 1789 г. вновь Бендеры. Капитаном с 22 декабря 1789 г. Произведен в майоры 30 июня 1794 г. В 1797 г. комиссаром на почте. Подполковником с 27 июля 1799 г. В отставке с 12 декабря 1800 г.

Женат, сын Михей в службе. Имущество – 31 душа. [РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 3030, ч. 1, ПС за 1800 г.]

Казак Нижне-Курмоярской ст.; подполковник; умер 20 февраля 1829 г. [ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 316, л. 21 об.]. Умерший подполковник. Венчался в 1797 г. с Ефросиньей. Сын Антон р. 1802 г. (на 1839 г. в службе урядником). Внуки Александр р. 1816 г. (на 1839 г. в службе урядником), Капитон р. 1819 г. (на 1839 г. в службе урядником). [РГВИА, ф. 405, оп. 6, д. 2478, док. 1839 г.]

И, наконец, шур (шестое колено от писателя):

Дубовсков Петр, казак Нижне-Курмоярской ст.; в службе офицером с 12 февраля 1782 г.; войсковым есаулом с 25 декабря 1790 г. (до отставки); умер 15 августа 1803 г. от колликов. [ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 316, л. 102].

Бабка по материнской линии Акулина Васильевна – из рода Пашковых. Эта фамилия описана в вып № 18 «Фетисовы и другие» данной серии.

Таким образом, прадед писателя:

Пашков Василий Степанович, сын обер-офицера, р. ок. 1794 г., пос. Березовско-Проциков Донецкого округа, награжден С-3.

В службе казаком с 1 января 1803 г. С этого числа по 30 января 1805 г. писарем Военной экспедиции Войсковой канцелярии. В полку Черевкова 2-го с 25 февраля 1807 г. по 15 мая 1810 г. в Вятской и Казанской губерниях. Произведен в хорунжие 16 марта 1812 г. Участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничного похода 1813 – 1814 гг. В полку Грекова 17-го с 12 октября 1812 г. по 5 октября 1814 г., в действительных сражениях: Малоярославец, Вязьма, Смоленск, Вильно, Ковно, Берлин, Данциг. За отличие в делах произведен в сотники 17 августа 1813 г. К Рейну. Во 2-й Донской конно-артиллерийской роте с 3 мая 1818 г. по 5 октября 1820 г. Есаулом с 12 октября 1821 г. Помощником дьяка Воинской экспедиции Войсковой канцелярии с 10 мая 1822 г. по 11 марта 1824 г. В полку Катасонова (впоследствии Семилетова 1-го) с 11 мая 1826 г. по 26 августа 1834 г.: Польша; по границе с Пруссией; в 1831 г. взят в плен; в 1832 г. в Польше, по границе с Австрией. Произведен в войсковые старшины 26 сентября 1833 г. В полку Луковкина (впоследствии Валуева) с 18 мая 1837 г. по 29 ноября 1841 г.: Польша, на границе с Австрией и Пруссией – за отличие по службе награжден С-3. В Донецком окружном Судном начальстве с 16 сентября 1842 г. по 6 апреля 1843 г. ПС составлен в связи с предполагаемой отставкой по выслуге с мундиром.

Вдов, детей нет. Имущество – благоприобретенный дом в Новочеркаске [РГВИА, ф. 405, оп. 6, д. 5462, ПС 1843 г.].

Не удостоен к производству по неспособности быть командиром полка. [РГВИА, ф. 330, оп. 58, д. 652, док. 1842 г.]. Казак ст. Новочеркаской; войсковым старшиной с 21 сентября 1833 г.; при ВД с 30 ноября 1841 г.; в отставке с 27 декабря 1844 г. [ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 344а, л. 24 об.].

И, возможно, прапрадед:

Пашков Степан Павлович, р. ок. 1745 г. казак Павловской ст.; в службе с 1753 по 1775 г.: за Кубаном, в Польше; в Крыму – в плену 3 года претерпел разные мучения: повешение за руки и ноги на веревках, накладывание на спину немалого числа тяжелых камней, разрывание тела железными щипцами. Сыновей нет. [РГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 93, ч. 2, дск. 1775 г.].

А.С. Попов венчался 5 июля 1905 г. в Новочеркасском Соборе с Ксенией Александровной Петровой. [РГАЛИ, ф. 457, оп. 1, д. 404].

Примечание. Ниже представлена фамилия *Петровы*, в целом, и представлены документы о КА., в частности.

“У моего умершего брата Сергея была на станции Котельниково маленькая сельская аптечка”, т.о. на 1912 г. – умер.

Брат -- Вениамин Серафимович на 1929 г. заведует в «Правде» литературным отделом; у него дочери. [РГАЛИ, ф. 457, оп. 2, д. 325].

Ксения Александровна умерла 29 января 1938 г. [РГАЛИ, ф. 457, оп. 2, д. ?]

А.С. Серафимович вступил во 2-й брак с Феклой Родионовной Белоусовой 30 мая 1939 г. в ЗАГСе Ленинского района г. Москвы. [РГАЛИ, ф. 457, оп. 1, д. 404].

В 1942 г. перебирался из г. Серафимовича в Сталинград со внуками: Светланой и Искрой.

А.С. Серафимович умер 19 января 1949 г. Свидетельство о смерти выдано ЗАГСом Щербаквского района г. Москвы 20 января 1949 г. [РГАЛИ, ф. 457, оп. 1, д. 410].

Выбор литературы.

В Российской Государственной библиотеке (бывшей Ленинке) почти два полных ящика карточек посвящена Серафимовичу.

Во-первых, собственно его работы: отдельные рассказы, сборники, собрания сочинений. Самое раннее издание датируется 1901 годом.

“Полное” собрание сочинений издавалось только один раз, еще при жизни, в 1930 г. Это – 15 томов небольшого формата (меньше А5). Еще одно полное собрание сочинений (в 10-ти томах) было издано в 1940 – 1948 гг. У меня создалось впечатление, что в библиотеке не все тома этого издания. И, наконец, 7-ми-томное собрание (слово “полное” при этом не употребляется) в 1959 г. В последние 30 лет Советской власти собрания сочинений не издавались.

Во-вторых, произведения Серафимовича, переведенные на различные языки народов мира.

В-третьих, многочисленные исследования, посвященные писателю, его творческому пути и разбору его работ.

1) В 80-х годах найти классическую литературу в книжных магазинах было достаточно трудно. С одной стороны, хотелось иметь большую и разнообразную библиотеку, с другой, захламлять квартиру чем попало не хотелось.

Мне очень нравилась (и до сих пор нравится) форма издания классики, практиковавшаяся в 40 – 50-х годах. Однотомник большого формата, включавший в себя основные произведения классика. Недостаток был пожалуй только один – книга достаточно тяжелая и ее не совсем удобно читать лежа.

В уже упомянутых 80-х годах подобного рода книги достаточно регулярно появлялись в букинистических магазинах и стоили, кстати, недорого. В результате, я их приобрел более двух десятков. В их числе и «А. С. Серафимович. Сочинения» [М., Худ. литература, 1939, 504 с.].

Существенным недостатком однотомника является то, что произведения расставлены по тематике. И не показано – когда именно написан тот или иной рассказ.

Этот однотомник проработан полностью.

2) В 1985 г. издан двухтомник сочинений А.С. Серафимовича.

В 1-м томе: рассказы и повести 1889 – 1913 гг. и роман «Город в степи». Объем – 632 с. Произведения взяты из 7-ми томного собрания сочинений [М.: ПИХЛ, 1959 – 1960, т. 1 - 4] Во 2-м: рассказы и повести 1914 – 1948 гг.; роман «Железный поток» и статьи. Объем – 424 с. Произведения взяты от туда же [т.1, 5 - 7]. Этот двухтомник положен в основу данного исследования (также проработан полностью).

3) 6-й том собрания сочинений в 7 томах [М.: Худ. литература, 1959].

4) 10-й том собрания сочинений в 10 томах [М.: Худ. литература, 1948].

Для лучшего понимания взглядов писателя и того, как они изменялись, по моему мнению, целесообразно разбить период его творчества на три этапа.

Первый – до революции 1905 г.

Второй – с революции 1905 г. до окончания 1-й Мировой войны.

Третий – Советский период.

Разбиение же по тематикам (как это представлено в однотомнике 1939 г.) не дает такого представления, поскольку рассказы, скажем, о старой России писались в любой из этих трех периодов и только на основании этого несли в себе существенно различную смысловую нагрузку.

Работы 1889 – 1905 гг.

Рассказ «В камышах».

Иван Сидоркин обвинен в браконьерской ловле рыбы. Долгие препирательства с “заседателем в потертом мундире”. Слово «казак» – в рассказе не встретишь ни разу, однако:

“- Ваше благородие, у нас в станице по 16 десятин на пай земли приходится, а теперича народонаселение размножилось – по восьми не хватает, скотину некуда выгнать, нечего пахать, бахчу незде посеять . . .”

“Иван Сидоркин был тоже когда-то хозяином, но год за годом по частям уменьшалось его хозяйство, и когда он явился на берег, у него, кроме жены и детей, ничего не было”.

Не понятно, каким образом это может относиться к казакам ? Земли всегда было достаточно, пай был таков, что никаких проблем прокормить семью – не было. Рыбу, конечно-же, ловили, но это не было основным и, тем более, единственным источником дохода.

Автор подробно описывает, как запрещали рыбную ловлю во время нереста. Помимо этого, ввиду огромного вылова рыбы: большие зоны: объявлялись заповедными. Неплохо звучит следующее предложение:

“И рыба, повсюду гонимая, преследуемая, истребляемая, ни днем, ни ночью не находя себе места, огромными стадами устремлялась в заповедные места – единственный уголок, где она могла укрыться от жестоких преследователей.”

Какая сознательная рыба !

При следующей браконьерской ловле Иван погибает.

В Примечаниях к двухтомнику А.С. Серафимовича [Л., «Художественная литература», 1985, т. 1, с. 621] читаем: “Впервые - в журнале «Жизнь», 1901, № 1, под названием: «В лимане»”.

Рассказ «Степные люди».

“В Предкавказье свирепствовала чума на рогатом скоте, и, чтобы не пропустить эту страшную эпизоотию дальше на север, поставлен был кордон, растянувшийся на много сотен верст, с ветеринарными пунктами, через которые только и разрешалось прогонять гурты скота после осмотра его ветеринаром.

Казак Иван Чижиков с двумя товарищами служил в кордоне на посту у «Соленого колодца». Служба была нетрудная, но скучная. . .”

Затем подробно о том, что казаки, в основном спали (это на службе то !): *“по целым дням лежал Иван на спине”, “По большей части казаки убивают время сном. Спят по целым часам, целым дням”.*

“Иногда на казаков нападало беспричинное озлобление, и они с ожесточением начинали ругаться по самому малейшему поводу и без всякого повода”.

Дальше следует перебранка.

“Отборные скверные ругательства повисают над степью, казаки изощряются в сквернословии, как виртуозы”.

Снова перебранка, потасовка. Экскурс автора о том, что каждая станица имеет кличку, которая обычно и используется в качестве оскорблений. Снова драка, затем, после замирения, небольшой разговор о ведьмах и порче.

Появление гурта скота. Недолгая торговля, после которой, получив взятку, казаки пропускают скот. Приезд ветеринара, который обвиняет казаков в незаконном пропуске гурта. Казаки без зазрения совести врут ему прямо в глаза.

“Так провел Иван Чижиков свою службу. Наконец подошел срок. Собрал он свои пожитки в сумочку, зашил в тряпочку и повесил на гайтане на шею 37 рублей 49 копеек, собранные им за службу; перекинул через плечо старую шинелишку, сумку, взял пику, помолвился и отпраивлся степью. . . С усилием передвигает казак побуревшие от солнца, от горького полыня сапоги, то и дело перекладывает с плеча на плечо шинель, сумку и пику, и отирает катящийся с лица пот. Идет он уже второй день. . .”

Итак, отслужив на Кавказе, казаки не всем полком отправлялись домой (как я, по наивности, всегда думал), а поодиночке и, к тому же, пешком. Вероятно, что-то вроде товарища Сухова в незабываемом «Белом солнце пустыни». С тем дополнением, что в руки товарищу Сухову нужно еще дать пику. Ничего себе видок ?

В степи Чижикова на *“великолепном степном скакуне”* встретила *“старая, в морщинах, калмычка”*. Заарканила его и тащила на веревке несколько верст.

Н-да, такого я еще не читал - угнетение калмыков Донскими казаками. Кстати, *“Большая Дербетовская Орда калмыков”* была причислена к ВД – 16 февраля 1799 г. [«Казачьи войска» (Хроника гвардейских казачьих частей), 1912 г.; репринт 1992 г., “Дорваль”, с. 55]. Калмыки несли воинскую повинность наравне с казаками, отличались во многих битвах и были уже заметны в Отечественную войну 1812 года.

Во второй части – бессовестность купцов, в третьей – зверства царизма.

Калмычка притаскивает Чижикова к колодку и со словами *“будешь девятым”* пытается его туда отправить. Оказывается с восьмерыми она уже разделалась таким образом. Вероятно, по мнению автора, это – справедливый гнев поработенного народа. Казаку, правда, удастся вывернуться. Он сбрасывает старуху в колодец. Подходит к ее коню, но не решается взять (?). Берет только подругу. Кстати, а откуда такой дорогой конь у разорившейся старухи ? Казак возвращается домой, через какое-то время обнаруживает в подруге деньги (фальшивые). Беспечно тратит их и отправляется на каторгу.

Вот такая правда жизни !!!

В Примечаниях к двухтомнику А.С. Серафимовича [Л., «Художественная литература», 1985, т. 1, с. 621] читаем:

“Одним из поводов создания рассказа стали воспоминания матери писателя: «...Она еще молодой жила в степи, ей там и рассказывали про этот случай. Она так ярко его передала, что я тут же сел и стал писать» (т. 2, с. 428)”.

Рассказ «Дородники» (в 2-х-томнике его нет; ниже приводится полностью).

“В одной из станиц у мирового судьи разбиралось любопытное в бытовом отношении дело. Казачка, почтенная мать семейства, обвиняла другую казачку, тоже не менее почтенную мать семейства, в нанесении обиды. Дело заключалось в следующем.

У ответчицы была взрослая дочь, которая недавно вышла замуж за казака тут же, в станице. И вот во время свадьбы молодую женщину «испортила» казачка Фомина. Фомина была известна в станице как особа, способная «портить».

Мать «испорченной», Иванова, встретив Фомину на улице, остановила ее.

- Ты когда же своих дородников заберешь ? - Ка-аких ?!

- Каких ! Да которых ты насажала в мою дочь.

- Ах ты, срамница ! Да ты откуда знаешь, что я сажала ? - Да она глаголет.

- Караул ! Свидетели !.. Будьте свидетелями !

Сбежался народ. В результате-жалоба мировому. Мировой судья, рассмотрев дело, увидел, что тут вовсе не было обиды и злого желаня нанести ее, а просто – непроходимое невежество, тьма, хотя внешний факт обиды был несомненно налицо. Судья был гуманный человек, и ему хотелось выяснить этим бедным людям, что они сами создают себе всякие неприятности и горе, и он терпеливо выслушал казачек

- Как же, безлезный мой... - говорила торопливо, захлебываясь и утирая углом головного платка слезы, бежавшие из глаз, Иванова, обрадованная, что наконец она может все рассказать судье. – Безлезный ты мой, ведь дочка-то у меня одна, как наливное яблочко была, уж такая-то красавица, да главная, да румяная, да веселая. Нашелся хороший человек, четыре пары быков у него, хозяйство, все как следовало. Ну, думаем, чего же еще. Нам и сказывают: «Чего вы Лексеевну на свадьбу не позвали ? Осерчает она, испортит вам дочь». Ну, мы говорим: «А бог-то, бог зачем, царица небесная, заступница наша ? Да рази он попустит эдакое беззаконие ?» А только прозневался господь за грехи наши черные, попустил, и испортила она дочку нашу любимую. Теперича нам жисть не в жисть.

- Да в чем же проявляется эта «порча» ?

- Да как же, болезный ты мой !.. Была зима. Таша моя спала с мужем. Окошки морозом занесло, небо от мороза все звездами играют. Таша поднялась, босая, простоволосая, в одной рубашке, и пошла на улицу, а муж-то ничего не видит. Вышла она себе и идет по снегу, а там уж до того холодно – дыхание стынет. Пришла, стучит. Мы спали. Отложились, глядим, - царица небесная ! На ней лица нет, вся синяя, трясется, рубашка заиндевела, ноги побелели. Я так и закричала. А она глаголет: «Чего вы думаете ? Чего вы спите ? Ведь Васька сидит во дворе да собачьи воет. А на баз-то заглянула: на каждой озце сидит бес и сдирает с нее кожу, а овца-то пляшет, кровь с нее льет, а она пляшет, она-то пляшет. Побегла на другой баз, а там што со скотиной делается ! На кажинной скотине по бесу, и дерут они с нее шкуру, и кровь с нее бежит, а она пляшет, она пляшет...» Тут мы все всполошились. Старик схватил полушубок, руки трясутся, никак в рукав не попадет, валенки не натянет. Бросился на баз, мы все прибегли за ним, глядим, - скотина вся целая стоит, жует, овцы тоже сбились в кучу, лежат. Ну, взяли Ташу, одели, укутали. Думали – померет с простуды, только господь смилостивился, отошла.

- Так значит, ваша дочь просто больна, душевно больна, ее лечить надо.

- Здоровая ! Здоровая и гладкая, да сильная, а только это в ней дородники насажены. - Да вы откуда знаете, что это именно Фомина посадила ?

Да болезный ты мой, как же не знать-то. Уж мы знаем – она, эта самая... Все ведь знают. Таша-то глаголет: когда стоит сна-то в церкви, так бесы, прости ты меня, господи, грешную, которые за ней постоянно ходят, дородники-то ее, - им в церкви-то нельзя стоять, потому святое место – так они друг на дружку станут и ей на голову, а у ней на голове до самого купола один на один, потому они только на ней и могут быть. А как херувимскую геть, она выходит.

- Ну, вот что – все это пустяки и бабьи сказки, сами себе горе придумываете. Помиритесь. Обе женщины зарыдали навзрыд.

- Господин судья, как же мне помириться, ведь обидела она меня. Да уж бог с ней, обиду я прощаю ей, да ведь славит она меня на всю станицу, ведь прохожу мне нигде нет, ведь жисть – то моя теперь какая... Человек же я... Ежели она меня славить не будет, господь с ней, все я ей прощаю.

- Господин судья праведный, - рыбая, говорила другая женщина, судорожно комкая угол своего платка; глаза у нее вспухли от слез, лицо все подергивалось от горя и сдерживаемых рыданий, - да я рада помириться, только пусть она забрет дородников на моей дочери. Ведь чего ей ? Зачем она губит молодуху ? Ну, на што ей ? Ведь я слезы все выплакала, я на коленях перед царицей небесной напролет все ночи стояла, молила ее, заступницу, чтоб только дочь мою спасти. Сердце во мне разрывается, глядя на нее ! Зачем ей наше горе ? Я и хлебом и всем ее отдарю, пусть только она голубицу мою отпустит. Сердце у меня все изныло... Ведь я не знаю ни дня, ни ночи покою, извелась мы с стариком...

И женщины продолжали плакать с покрасневшими, распухшими лицами. Свидетели – казаки, бабы – урюмо молчали. Это было действительно два горя: с одной стороны – преследовали, травили женщину за то, что она якобы сажает дородники, с другой – сердце разрывалось, глядя на обезумевшую от горя мать.

- Вошкблагородие, дозвольте слово сказать, - прогвеорил один из свидетелей, богатый степенный бывальыи казак. Действительно, значит, она сажает их. Во мне теперича сидит, - она посадила, на свадьбе же и посадила. Не доглядел, несу рюмку ко рту, зирк на нее а она махнула. Мне бы приостановиться выпить бы, да не удержался, водка-то сама полилась в рот он и проскочил. Теперя мочи моей нет, - как только выпил, так и помираю. Да што говорить. Нядьсь ваш сусед Евстигнеев новый курень бросил, перебрался в землянку, нельзя жить: все углы

дородники запакошили. Напустила она их, они и свили себе гнездо. Так и бросили. А курень стоит три сотенных, и теперя никто не берет через это самое. Пропадут деньги...

Рассказанная история служит яркой характеристикой той атмосферы, которую дышит казак.

Я знаю одну казачку из богатого дома. Встречаясь с людьми, она никому никогда не подавала руки, и это потому, что «девица Родиада, мать антихриста, ходит по свету и здороваается со всеми людьми, и как поздороваается с кем за руку, так на том печать и останется». Эта женщина в своем большом прекрасном саду вырубилась и повыдергала весь хмель, и это потому, что жена Ноя, перед тем как садиться в ковчег, сварила квасу, - «сварила квасу да подбросила туда хмелю, квас-то стал хмельной, все и охмелели, этим воспользовался «дородник» и уцепился за ковчег, спасся, а то бы он утонул». Вот поэтому-то Иванова и вырубилась в своем саду весь хмель. Она рассказывала об этом так убедительно, что многие казачки последовали ее примеру. Эта же Иванова не пьет чаю, потому что чай из Китая, а Китай – родной брат черту. Не подумайте, читатель, что это раскольница, сектантка или изуверка какая-нибудь. И не подумайте опять-таки, что я привожу отдельные факты, которые везде и всегда имеют место. Нет, это характеристика населения целой области.

Здесь столько тьмы, невежества, самых диких, невероятных понятий, что на свежего человека это производит оглушающее впечатление. Видишь, что люди, как в тенетах, бьются в самых невероятных понятиях, верованиях. Дородники, бесы, «порча», «напуск», «Родиада», «братья Китая» окружают казака со всех сторон, преследуют, мстят, отправляют его жизнь, судьбу, привычки, отношения к людям. Я уже не говорю о глухих хуторах, далеких, заброшенных, захолустных местах, - то же самое вы встретите в любой станице на Дону».

Я заказал в библиотеке первые 5 томов 15-ти-томного полного собрания сочинений (изданного в 1930 г.).

В т. 2 в разделе "Станичные этюды" помимо рассказа «Дородники» было еще две статьи: «Моралисты» и «Во тьме».

В статье «Моралисты» обсуждается моральный облик казака. Автор вроде-бы и пытается его защищать, но, в любом варианте, исходя из данной статьи, создается явно негативный образ. Статья «Во тьме» посвящена тому, что администраторы среднего звена (станичные атаманы) тормозят развитие народного образования.

Еще в т. 5 обнаружен рассказ «В станице». Сюжет: отец с сыном отправляются косить; двое младших детей без ведома отца участвуют в травле волка. Ну, от силы, данное произведение можно трактовать, как нейтральное.

* * *

Еще прочитаны рассказы «На льдине»(1889), «На плотях»(1890), «Стрелочник»(1891), «Маленький шахтер»(1895), «Месь»(1897), «Сцепщик»(1898), «В камышах»(1901), «Степные люди»(1902), «Жара и грузчики»(1902), «На курорте»(1902), «В бурю»(1903), «На берегу»(1903), «Заяц»(1904).

Если посмотреть по 10-ти-томному собранию сочинений, то видно, что произведения этого периода занимают первые два тома полностью. Думаю, что рассмотренные работы дают достаточно полное впечатление о деятельности писателя.

Положительную рецензию на первый сборник прозы А.С. Серафимовича «Очерки и рассказы» (1901 г.) дал В.Г. Короленко. Особо выделил рассказ «На плотях». Рассказ «Маленький шахтер» высоко оценен А.М. Горьким.

Писатель Л.Н. Андреев, пригласивший А.С. в Москву работать в газете «Курьер», очень хвалил рассказ «Заяц», который понравился и Горькому.

Рассказы о стрелочниках и шахтерах, о «фабричных», мелких торговцах и ремесленниках; о борьбе человека и природы.

Желание показать языку общества. При этом, несомненно, живой и самобытный язык. Очевидный талант. «Навороты» есть, но их пока немного. Они еще не бросаются в такой мере в глаза.

Высказаться по поводу неприязни к казачеству также пока еще трудно. Автор описывает негативные стороны жизни и иногда обращается к казачеству. Еще нет рассказов о революции 1905 г., которые дают уже более определенное представление. Полагаю, этим и обусловлено включение А.С. в сборник «Донцы XIX века» [Новочеркасск, 1907, с. 387 – 388]. Можно указать и ряд второстепенных причин:

1) Вообще малочисленностью Донских писателей. В книге их и десятка не наберется.

2) Желанием поощрить молодого писателя, как бы, авансом. С надеждой, что донская тематика будет им развита в будущем и не только в негативном свете.

3) Терпимостью к инакомыслию. На это хотелось бы обратить особое внимание, тем более, что в последующий за этим в скором времени Советский период ничего подобного не было и в помине.

“ПОПОВ, Александр Серафимович.

Писатель. Род. 1863 г.

Писатель Александр Серафимович Попов, принимающий участие во многих русских журналах под псевдонимом «Серафимович», родился в 1863 году в станице Нижне-Курмоярской от отца Серафима Ивановича и матери, рожденной Дубовской. Раннее детство А.С. провел вместе с отцом, который служил казначеем в разных донских полках, преимущественно в Польше. Это сблизило будущего писателя с походным бытом донского казака, который произвел неизгладимое впечатление на ребенка, впечатление, сказавшееся в некоторых его очерках, относящихся к донской жизни.

По возвращении на Дон в 1874 г., Попов поступил в Усть-Медведицкую гимназию, по окончании курса которой в 1883 г., он поступил на математическое отделение физико-математического факультета петербургского университета, откуда, будучи уже на четвертом курсе, он не по собственному желанию, очутился в Архангельской губернии; здесь, пораженный молчаливой суровостью и величием северной природы, он написал свой первый рассказ, из жизни северных поморов «На льдине» («Рус. Вед.» 1889 г.) под псевдонимом Серафимович. С тех пор Попов отдался русской литературе, сотрудничал в журналах «Новое слово», «Жизнь», «Русская мысль», «Русское богатство» и «Журнал для всех».

Когда Попов возвратился на Дон, то проникнутый воспоминаниями своего детства, дал ряд рассказов из донской жизни: «Степные люди», «В Камышах», «Пропавшая лошадь», «Поход», «Наказание».

В 1899 г. стали выходить отдельные издания рассказов Попова, выпущенные книгоиздательствами: «Посредник» Звонарева, «Звание», «Донская речь». В последнее время Попов – Серафимович деятельно работает во многих русских журналах и других повременных изданиях».

В биографической справке, на мой взгляд, примечательно одно предложение: «Раннее детство А.С. провел вместе с отцом, который служил казначеем в разных донских полках, преимущественно в Польше». Видно, что уже тогда (в 1905 – 1906 гг.), когда «Донцы» готовились к изданию, А.С. не хотел показывать своим друзьям – революционерам своего офицерского происхождения. Вероятно, правомерно отметить, что еще не было Советской власти, а уже, как бы, была Советская цензура.

Работы 1906 – 1917 гг.

Из рассказа «Похоронный марш».

“Офицер полуоборотнулся к солдатам и сказал слово команды.

Горнист поднял рожок, раздвинул усы, приставил к губам, надул щеки. И разом вся огромность, все значение больно сверкавших штыков, черно зиявших пулеметов перешло к одному человеку в серой шинели.

Словно испытывая мощь, весь ужас, который сосредоточился в нем, он оторвано бросил этим тысячам жизней три коротких звука.

Дружно блеснув, покачнулись штыки и сотни их послушно легли на руку, остро протянувшись, к надвигавшемуся живому морю и безмолвно глядя чернеющими дулами. Передняя шеренга серых людей опустилась на колено, и пулеметы жадно глядели на неумолимо приближавшиеся живые тела”.

...

“Офицер, с бережно зачесанными сверху усами, холодно мерял привычным глазом неумолимо сокращающееся расстояние, блеснул, подняв руку, саблей, и губы шевельнулись, произнеся последние слова команды!”.

...

“Отвернувшись, офицер опустил ненужную холодную саблю. Глупо глядели пулеметы”.

В Примечаниях к двухтомнику А.С. Серафимовича [Л., «Художественная литература», 1985, т. 1, с. 625 - 626] читаем:

“Впервые – в «Сборнике товарищества «Знание» за 1906 год», кн. 9, СПб., 1906

В авторских комментариях А.С. Серафимович сообщал: «Описанный в «Похоронном марше» случай отказа казаков стрелять в рабочую демонстрацию действительно произошел в Москве, у Зоологического сада, недалеко от дома, в котором я проживал тогда с семьей.

Против демонстрантов выслали 1-й Донской полк, который и остановил движение демонстрантов. Но рабочие выслали к казакам «парламентеров», и после недолгих переговоров казаки наотрез отказались стрелять в рабочих. Незвирая на приказание офицера, они не желали даже разгонять демонстрацию нагайками. В отдельных кучках казаки братались с рабочими. Я не приукрашивал, не преувеличивал факты» (т. 3, с. 378 – 379)”.

Во-первых, серые шинели и примкнутые штыки говорят, вообще-то, о пехоте, а не кавалерии. Во-вторых, слово “солдаты” (а не “казаки”) тоже присутствует.

Немного веселит двойное упоминание “сабли”. Сабля была заменена в русской армии шашкой задолго до описываемых событий. И в детстве в руки А.С. (сын офицера) мог брать (если брал) шашку папаныки. Ну и, разумеется, хороша фраза: *«Я не приукрашивал, не преувеличивал факты»*

Из рассказа «На Пресне». Впервые – в «Сборнике товарищества «Знание» за 1906 год», кн. 10, СПб., 1906 г.

“Баррикады одна за одной вырастают вниз по улице” . . . “Я тоже захожу за угол, в переулок. – Что такое? – Казаки.

И это короткое слово разом освещает пустынную улицу и наваленные бревна ровным, немигающим серым светом, в котором чувствуется: «Для кого-то в последний раз?»”.

“Я выглянул. Серым развернутым строем поперек всей улицы шли вдали спешенные казаки. Когда взошли на мост, их серый ряд разом блеснул огнем. . . Подобрал четырех раненых, свернувшись повзводно, серели вдали, уходя, казаки”.

Все - то же. Казаки участвовали в подавлении восстания 1905 г., но обычно действия совершались в конном строю. И разве казачье обмундирование было серого цвета ?

Из рассказа **«Белая Глина»**. Впервые – в журнале «Новое слово», 1906, № 46 – 50, под названием «Присяга».

“ . . .

- А все жалуются на казаков, - проговорил молодой человек в пропотелом крахмальном воротнике, - обижают народ.

- Что ж, жалуются, - сказал казак, и опять добродушно разъехалось загорелое скуластое лицо, блеснув ровным рядом белых, здоровых зубов, - служба.

И, помолчав и ухмыляясь, добавил:

- Опять же – присяга.

Молодой человек посмотрел на зеленое мелькание в окне и раза два высоко поднял и опустил брови. Ему хотелось прямо и открыто сказать то, что думал, и в то же время подыскивал форму, чтоб не обидно было.

- Это, конечно, действительно так, что как крест целовал, стало быть, присяга... ну, только, разумеется, в разных обстоятельствах и разное применение, не одинаково... потому что, собственно...

- А такие обстоятельства, - заговорил внушительно и авторитетно старик по свиной части, с белыми косичками, в картузе, напяленном на самые уши, - такие обстоятельства... Вот к нам прислали сотню, да житья не стало: **кур режут, все тянут, девок всех перепортили, бабе показаться на улице нельзя – зараз как кобели; мужикам проходу нет – порют, как скотину.** Вот они, обстоятельства.

- Я то и говорю, - заторопился, приосанившись, молодой человек, - жалитесь, жалитесь народ. К примеру, я сам изъездивши всю Россию, и везде неправильность, везде бедствие от военного мундира.

- Оно, конечно, не без того, - все показывая зубы, проговорил казак, - да ведь што ж... так уж поведено.

И он вдруг громко рассмеялся каким-то своим мыслям и потряхнул головой.

- **Командир у нас – веселый человек «Ребята, говорит, тут все бунтовщики, постарайтесь, говорит, чтоб умножение произошло верноподданно-му населению».** Ну, мы – рады стараться ! Все по деревне.

И он опять засмеялся, показывая здоровые веселые зубы. . . .”

Рассказ **«У обрыва»**. Впервые – в «литературно-художественных альманахах издательства «Шиповник»». Кн. 1, СПб., 1907.

Рабочие, расположившиеся на перекатах реки. Из городу пробирается наборщик-революционер (весь – такой положительный), которого всюду разыскивают. Появляются казаки.

“- **Подлый народ !.. Земли у него сколько хошь, хочь обожришь, ну и измываются над народом...**”

“Они подъехали вплотную к костру, сдерживая мотающих головами, сторожко похрапывающих лошадей, сидя прямо и крепко в седлах, и концы винтовок поблескивали из-за спин.

- Что за люди? - А тебе что?

Все трое поднялись. Сыпалась отборная ругань.

- Шашки захотели отведать? Так это можно... две половинки из тебя сделаю... Что за люди, спрашиваю?

- Ослеп, что ль?.. Сторожа при барже.

- Рябов, вяжи их, дьяволов, да погоним к командиру.

Молодой казак, с серым лицом, выпятившимися челюстями, прыгнул с коня и держа его в поводу и звякая оружием, подошел.

- Знаем мы этих сторожов. Поворачивайся-ка...

- А тебя, сволочь длинная, всю дорогу нагайкой буду гнать, чтоб ты не огрызнулся, погань проклятая... "

Короткая схватка, казаки связаны. Сидя у костра, рабочие неторопливо объясняют казакам, как они будут утоплены и их лошадей без упряжки (чтобы не опознать) отпустят на волю.

Обстоятельно описан ужас, охвативший казаков.

Однако наутро рабочие не устраивают расправу, а отпускают пленных. Один из казаков (молодой) горит желанием ответить на это черной неблагодарностью. У другого (пожилого) просыпается совесть и он возвращается к рабочим, чтобы предупредить об опасности:

"- Вот что, ребята... перегоните зараз баржу на ту сторону, а парень, нехай уходит через лес. Энта стерва поехал докладывать командиру сотни... Хотел перестрелять вас отсюда, с обрыва, насилу уговорил... Сказываю, дескать, живьем надо взять их. А тоже мне наседать-то на него не приходится: зараз доложит, что люцинеров покрываю... Смотрите, к утру взвод пришлют, туго вам придется..."

- Ххо-о!.. Часа через два пароход придет, к утру нас и след простынет.

- А-а, ну так... То-то, и думаю, ворочусь, скажу... Ну, прощайте!..."

Из рассказа — «Зарево». Впервые — в журнале «Трудовой путь», 1907, № 7.

Старик, живет тем, что перевозит людей через реку на богомолье в монастырь и продает рыбу. Помимо этого рассказывает о своей разбойничьей молодости.

О монастыре:

"А Афиногеныч: - Это ангелы так поют?... А потом, вчера вечером, - хмуро говорит он, ни к кому в особенности не обращаясь, - **Пятерых бабенок перевозил... для монахов... на святое дело... Ядреные бабенки...**

Все хмуро замолкали. И как-то иначе глядели горы, отмель, иначе золотились кресты. Но потом вскипало раздражение, и с слегка вспотевшими лицами ему кидали злобно:

- Глядим мы на тебя, Афиногеныч, не то ты богопротивник, не то ты беспоповник, не то бусурман — лба не перекрестит, так бесперечь и живет, ни ему праздники, ни ему воскресный день.

Старик хмуро копается и говорит: - Рыба вон ходит в воде, тоже праздников нету...-И перебивая самого себя и усмехаясь: - Был я молодой и крепкий, были у меня товарищи. Знали мы праздники. Бывалыча, как праздник, народ перепьется, как свины, в грязь рылом тыкаются. Потому в праздники полагается скотиной ходить, - перепьются, ну нам праздник: заберемся в церкву да кружку-то и опорожним..."

Приходил монах, требовал не мутить народ, сказал, что если старик не уймется, то игумен вызовет полицию и его переселят. Старик тотчас поставил его на место:

– Кто же бабьят вам будет перевозить ? Тоже на паром округ не всякая захочет киселя хлебать...

...

– А... самим вам заводить перевоз не покажется зорно ? Вишь, я вам и пригожусь. Ну, полиция-то станет брать. Что ж, придется обсказать, как Марьянку-то, вытащили из воды, бросилась топиться... Чай, знаешь ?”

О молодости: Был конокрадом. Но грабил богатеев (это, как бы, должно восприниматься с пониманием). Двух приятелей поймали (сам спрятался в камышах).

“... Вдарил кто-то товарища колом, свалили и зачали... Цельную ночь сидел я и глядел, не отрывая глаз, а они били, они измывались, они мучили. Не признаешь за человека, а они все молотят по мясу, по красному мясу, во тут, передо мной, рукой подать...”

Затем описана “справедливая” месть:

“... А после того восемь раз сжег деревню. Из тюрьмы из Сибири бежал. Прибегу и сожгу... Все разорились. В восьмой раз как сжег, разбрелась вся деревня, одни головы остались... А таперича и место то запахали, ничего нет. . .”

В эпилоге. Кто-то поджигает (разумеется, справедливо) монастырь. Старик перевозит на лодке двоих “героев” этого события. Затем появляются преследующие их казаки, требуют от старика переправы. Он соглашается, пятеро казаков садятся в лодку, на середине реки старик ее сознательно переворачивает и т.о. топит преследователей; затем, однако, и сам не дотягивает до берега. Как говорится – “смертью запечатлел содеянный подвиг”.

Рассказ – «Старое».

“Он высок, широкоплеч, старинная борода не очень седа, а ему – девяносто два года”.

Итак, рассказ о старике, живущем с племянником и его женой. Те с нетерпением ждут его смерти, в надежде найти спрятанные деньги. Он это понимает в полной мере и, к тому же, твердо убежден, что они хотят его отравить.

“Он живет отдельно от тех, занимается верх двухэтажного куреня. . . По стенам, на гвоздиках – множество мешочков с сушеными травами, с семенами, с косточками неведомых зверей и оружие. Кривая баклановская шашка, с которой он ходил на Кавказ, пика – наискось, из угла в угол, во всю стену; еще шестнадцатилетним казачком он служил с нею во время наполеоновского нашествия, много переколол французов – и счет потерял; красная ржавчина, как старая забытая кровь, всю ее оползла.”

“Обедать приносит ему в горшочке Марья. Он и ее встречает настороже, хитрой улыбочкой, сувиз глазки, стоя в углу.

– Ага, принесла !.. Ну, ну, ну... Так, так, так... Попробуй, попробуй...

Марья, раздраженно и сдерживая себя, ложкой черпает кашницу и, дуя, осторожно тянет губами горячее варево. А он все ухмыляется.

– Та-ак, та-ак... Черпни сбоку, черпни сбоку... Развороты, развороты кашу-то...

И вдруг трясется от охватившей его злобы и жуёт заросшими губами:

– Подсыпала, подсыпала !... Что не берешь сразу – то ? Ага, выбираешь ! Нет, ты развороты – ка, возьми – ка с донушка, с донушка, с донушка...

– Тьфу, будь ты проклят ! И когда только...

И переламывая себя, со злобной и льстивой ласковостью говорит, стягивая тонкие позеленевшие губы в уродливую улыбку:

- И чтой – то вы, Трофим Никанорович ?.. Али мы лиходеи ? Ну вот, вот беру, отжеда хотигте. Господи, да неужто ж мы... Горячее, губы гжешь... Кушайте на здоровице”.

“Вечером приезжает с поля племянник. Ему шестьдесят два года. Сухонький маленький старичок, живой и озабоченный, с зимой и летом, загорелым лицом.

Когда – то это был офицер старинных времен, каракулями подписывавший свою фамилию, отличавшийся от казаков не лицом, не голосом, а погонями на неуклюжем, мешковатом мундире. Но теперь и это стерлось...”

“И вот четверо обсели стол, и у каждого свое, и каждый, обжигаясь, носит и дует на горячие галушки. Старик сидит в красном углу, под потемневшими, закоптелыми иконами, и девяносто два года, все, как один, смотрят из прошлого и караулят каждое ес движение.

Работник ест сосредоточенно, много и без конца набивая оттопыривающиеся щеки. Для него – все просто и ясно: проработал с зари, теперь поест и завалиться спать, а завтра – опять. И так – изо дня в день до Покрова. А в деревне, в России – хозяйство, жена, дети.

У Марии – тоже свое. Где – то в смутном, нежном далеком прошлом – милая Польша. Где – то, как на потерявшемся повороте непылзшей дороги, веселая, гибкая фигура и смеющиеся, задорные глаза, и русая коса, и звонкий голос.

Это – ее веселые глаза, это – ее тонкая фигура, это – ее сбегаящая по спине каштановая коса. И казачий офицер, смешной, неуклюжий, с черными, как маслины, глазами, позванивает серебряными деньгами. И вот – чуждое небо, чуждые люди, старая река, чужие степи. И они не знают, они не видят, сколько бессонных ночей, сколько пролито слез по милым краям. Звонкий девичий голос...

А теперь – седые жесткие пряди, теперь – грубое, обветренное, полумужское лицо, полумужской голос, крепкая жилистая рука, которая и коня осадит, и сильными взмахами умело перегонит на ту сторону каюк, и раскинет сети. И уже свои – это небо, эти пески, этот зной, эта неустанная работа в поле, в саду, в огороде, эти, когда – то грубые и отталкивающие своей грубостью люди.”

“Вот они сидят четверо и носят деревянными ложками дымящиеся галушки. И Григорий Митрич (племянник, С.К.) говорит:

- Плугом хорошо теперича подымать землю. Кабы косилку, - н-но, хозяйство вполне было бы.

Говорит это, а за словами стоит: «Измучился ждать... Старость, штоб тебя !..» И с подавленной, может быть, неосознанной ненавистью глядит на того, кто сидит под образами и с хитрой старческой улыбкой носит в заросший рот галушки. А тот:

- Во ! Косилки, веялки, жнейки, а – дураки... Почему такое в старину выйдет, деревянным плугом подымет степь, - во пшеница была ! А ноне што ? Куда Дон делся ? Али птица у вас гогочет на лузу ?.. Дураки ! Людоеды ! Куда пятитесь ?.. Оглянитесь, - позади благодать-то господня была.

А за словами: «Не спеши, погоди-ишь ! Еще поживу. Бог веку дает, отчего не пожить ?..»

Двадцать два года назад помер его сын – и тоже тот так же ждал пятьдесят лет. Знал, - у старика еще с французского похода было накоплено, но крепкий был старик, кремень, - и сын умер, не дождавшись. Пришел племянник с женой и тоже стал ждать. Кормит, поит, одевает, рвется в работе, недосыпает и ждет – ждет каждый день, просыпается, прислушивается каждую ночь.”

“А племянник смотрит на него, как на далекое темное прошлое, и думает: «Куды прячешь? Беспременно старинными монетами червонными, ноне таких и не выпускают. В банк не положит, про банк и слышать не хочет. Стало быть, у него... Где? Разве зарыл?..»”

“- Врешь, врешь, врешь! Врешь!.. Ежели придут ко мне, да мертвый, священнику сделал заявление: стало быть, племянник с племянницей удушили. А-а!..”

“К Григорию Митричу приехал сын.” Просит денег. Тот отказывает.

“- Будь тебе! Размяк!.. Ты вон у старого черта денег достань.

Старик разом осунулся. Не те же ли речи он слышал от дяди, которые теперь от него не хочет слышать сын?

- Ждем, - уныло проговорил он.

- «Ждем»!.. Двадцать два года только и слышно: ждем!.. Что на него смотреть! Поите, кормите, - поди да возьми! Он, старый козел, еще сто годов проживет. Чего ждать - то?

- Заявление оделал, - уныло тянул старик.

- Ну, цалуйся с этой падалью, а я вам не товарищ!

И уехал... Умер племянник незаметно, тихо, как будто и не боролся за себя, не боролся за свою жизнь.”

“С этих пор старик решил умереть”. После смерти племянника смысл жизни для старика потерян.

“И когда уже смерть глядела в окна, в двери и он уже не поднимался с кровати, пришла Марья и с искаженным, изуродованным судорогой лицом наклонилась над ним со сведенными в крючки пальцами.

- Сказывай, куды дел!.. - шипела она змеиным шепотом злобы и отчаяния. - Сказывай!..

А он глядел на нее белыми невидящими глазами, и что-то в них, в слепых, смеялось беззвучно, но лицо было бледно и неподвижно.

- У-у, изверг!.. Господи, всю жизнь...

И опять, как во все тяжелые минуты, на нее глянуло далекое родное небо, далекие полузабытые люди, говоря, поля, - глянуло все невозвратным прошлым, и она с судорожным озлоблением кинулась и вцепилась в эту худую, жилистую вытянувшуюся шею, но она была мертвенно холодна, и не билась жилы...

Все перерыла Марья, но - ни золота, ни денег, ни драгоценностей. Разбила шкатулку, которую старик берег, как зеницу ока, оттуда вывалились желтые звериные зубы да пыль иссохших трав. В несказанном отчаянии она взламывала половицы, взрыла весь двор, - ничего. А он лежал длинный, сухой и мертво смеялся неподвижным восковым лицом. Когда похоронили, она продала все на снос и ушла, а на следующий год, в разлив, мутный и сердитый Дон смыл остаток двора, и только сады, зеленая, смотрели в воду...”

Итак, “любовь к казачеству” у автора, можно сказать, бьет фонтаном. Ну хоть бы одна положительная фигура! Что - старик, что - племянник, что - внучек, рекомендуемый папе убить деда, что - жена племянника. А, кроме этого, эксплуатация работника, а также короткие, но емкие отмашки в отношении офицеров и “отталкивающих своей грубостью людей”. И все это, в общем то, в коротеньком рассказе.

В Примечаниях к двухтомнику А.С. Серафимовича [Л., «Художественная литература», 1985, т. 1, с. 625 - 626] читаем:

“Впервые - в газете «Русские ведомости, 1910, 24 января.

В автокомментариях Серафимовича об истории создания произведения сказано следующее. «Откуда я взял «модель» старика? Когда я был в Мезени в ссылке, жил там старик 92 лет. А был еще крепкий, еще хорошо ковал – здоровый кузнец. Я решил учиться кузнечному делу. Мы договорились со стариком, что он будет меня учить, но только на моем железе и угле, потому что в начале я-де много буду зря портить материала. Пришлось согласиться. Купил я материал и начал работать».

Долго изо дня в день загонял меня этот чертов старик. И все держал меня в роли молотобойца, ничему не учил, только эксплуатировал, не давал передышки...

Было старику 92 года, а жена у него была молодуха – 28 лет. Она вышла за него замуж 18-летней девчонкой-сиротой в надежде, что он скоро помрет и тогда ей в наследство достанется кузница да еще изба с огородом. Намытарилась она с ним.

Этот старик и послужил мне живой моделью. Я только переключил его донским казаком, дал донскую обстановку, которую хорошо знал. Сердцевина же осталась мезенского кузнеца». (т. 4, с. 483 – 484".

Вероятно, комментарий не менее интересен для оценки взглядов и морали писателя. Во-первых, представляется в самом неприглядном виде человек, обучавший его. Кстати, в подмастерьях ходят обычно достаточно долго – месяцы. Судя по всему А.С. захотел, чтобы его начали интенсивно обучать уже через несколько дней. Во-вторых, явное сочувствие к «молодухе». Вышла замуж с «благородными» целями – побыстрому получить кузнецу и избу с огородом. А старик (скотина) все не помирает. В результате она – «намытарилась». В-третьих, вся эта мерзкая ситуация да еще и с «наворотами» переносится на Донское казачество.

Рассказ – «Чибис».

О нетерпимой жизни семьи работника, нанявшегося на сезонные работы к казаку и бросающего иступленно выполнять любую работу. К дочери работника бесовенно пристаёт хозяйин (казак). Это заметила казачка, пожелавшая спровадить семью. Работник постоянно избивает дочь. В результате жена работника вынуждена бросить дочь (спровадить на «произвол судьбы» в город). Все равно работника с семьей прогоняют с хутора.

В Примечаниях к двухтомнику А.С. Серафимовича [Л., «Художественная литература», 1985, т. 1, с. 626] читаем:

«Впервые – в газете «Русские ведомости». 1911, 30 июня.

Об источниках произведения Серафимович сообщал: «В этом рассказе я дал родную донскую степь... Я с детства бегал на луг около нашей станицы, который весь истрескался от зноя и побелел от пуха и пера пасшихся гусей. Я всегда пристально всматривался в носившегося над степью траурного чибиса, который жалостливо кричал: «Чи-и-ви». Кочующая в степи семья батрака – типичное явление на Дону до революции. И мне хотелось заострить внимание тогдашнего «образованного» общества на жестокой эксплуатации батраков из так называемых «иногородних», показать. Как они живут в забитости, с горя пьют и неудачи вымещают на своих близких» (т.5, с.346)»

Роман - «Город в степи».

Беспросветная жизнь рабочих в бурно растущем городке, образовавшемся в степи рядом с железнодорожным узлом.

Все виды пакостей (включая кровосмесительство) и преступлений. Ну и, разумеется, зарождающееся революционное движение рабочих, не желающих мириться со своим положением.

Несколько вариантов “ужастиков”, для примера:

“Когда Захарка стал заставлять ее делать то, что делали девки в заведе-нии, ее вынули под сараем из петли. А теперь, потягивая вытянутыми в трубочку губами из блюдца, рассказывает, открывая чернеющий беззубый рот:

- А опосля слесарь. - Ну ? - А опосля из артели. - Ну ? - А опосля курносый.

- Ну ? - А опосля хозяин двоих привел - подрядчика та Кирьку. - Ну ?

- А я сказываю хозяину: хоба я казенная, шо по два до разу ? - Ну ?

- Ну, а хозяин вдарил, grit, сполный надобность, жалование получаешь. - Ну ?

- Ну, а опосля вы их вышибали – пьяные и ведут себя дуже нехорошо.

- Стрась сколько народу вечераь привалило, - вставляет другая, ущемляет нос, сморкается и вытирает о колено; ее лицо измучено. – До Гришки с сестрицей бегала. Феньку привела, Лизаветку... Ой, батюшки !.. о-ой !..

Она скорчилась, прижимая подбородок к коленям.

Каждый раз, когда приходило много народу, Захарка, посылая в землянки по поселку, и приводили: от кого сестру, от кого дочь, от кого жену”. [2-х-томник, Л., «Художественная литература», 1985, т. 1, с. 452 - 453].

И, кстати, а как это можно вешаться под сараем ?

“- Ну-к что ж, то для миру. Это во имя господне. Одначе он меня просил, скажи им проповедь, мещанишкам, чтоб не воровали. А то вон уволокли опять мешок муки. Что ж, я и на них... А ты бы, молодка, - налей-ка чайку. – подала бы милостыньку... николи не зазовешь... а бабочка тепленькая...”

А та так же сонно:

- Грехами тебе подавать, што ль ?

- В миру – во грехе. Всякое даяние благо, и всяк дар совершен. Вот в монастырь свой уйду, замаливать буду... и за тебя...

- Да у тебя и монастыря никакого нема. Шатущий ты, мабуть, босяк...

- А из босяков и праведники не выходят ? Громогласно выходят, по прямой линии. Ты погляди: праведники, они все – бессребреники, ни в нем, ни на ем, то и есть босяк.

Этот монашек всю неделю слоняется по поселку, по станции пробирается. Вечером проливает набранное у Захарки, а в воскресенье утром идет на перекресток против Захаркиного дома, долго крестится на солнце, ...” [то же, с. 455].

“И Липатов пошатнулся – в черепе потемнело. Точно проломило его.

«Ай... гирыми ?...» - И повернулся. Как медведь, чтобы вышвырнуть – они ему не нужны были.

Но били действительно гирыми. В глазах помутнело, и увлекая всех на землю, Липатов рухнул, как огромный обвал. Озверевшие, с окровавленными лицами, мещане били его на земле, выдыхая харкающие звуки, точно дрова рубили

Когда огромная кровавая туша, на которой не было лица, перестала подаваться под ударами, Захарка вылез из загородки.

- Буде вам !.. зверье... дорвались... уьете на свою голову...

Те остановились, задыхаясь, отирая кровь на разбитых лицах”. [то же, с. 542]

Кстати, после того как, человека били гирыми по голове (да еще – долго), он вовсе и не умер, я только лишь провалялся пару недель.

Казаки, по сути, появляются только раз, когда требуется разогнать стачку:

“На пустыре выстроилась казачья полусотня. Лошади мотали головами. Не слышно было, но, должно быть. Скомандовали, полусотня справа по шести свернулась в колонну и потянулась по улицам к окраине, где были конюязи.

В последние дни, правда, собравшихся кучками рабочих казаки били плетьюми, прикладами, топтали лошадыми; рабочие разбегались, прыгали через заборы, ныряли в калитки, в подворотни, и опять уж чернеют где-нибудь на пустыре или на перекрестке; сверху видно: среди них говорит кто-нибудь и, должно быть, отвечает их мыслям и чувствам – поднимаются руки, жестикуют, поворачиваются друг к другу». [то же, с. 603].

В Примечаниях к двухтомнику А.С. Серафимовича [Л., «Художественная литература», 1985, т. 1, с. 627 - 628] читаем:

Впервые в ж. «Современный мир», 1912, № 1 – 5.

“Роман был посвящен писателю Л.Н. Андрееву. После разрыва с ним в годы Октябрьской революции Серафимович снял посвящение.

Первая публикация романа вызвала лишь немногочисленные отклики критики, **не сумевшей оценить прогрессивную направленность романа, серьезность раскрытых писателем социальных противоречий русской той эпохи.** («В газетах ругают», - писал Серафимович своему брату В.А. Попову, см.: Серафимович А. Собр. соч. в 7-ми т.; т. 7, с. 467). По-настоящему роман был осмыслен лишь в послеволюционные годы . . . “.

Рассказ «Медведь».

В Примечаниях к двухтомнику А.С. Серафимовича [Л., «Художественная литература», 1985, т. 2, с. 409] читаем:

“Впервые – в журнале «Проталинка». 1914. №1, под названием «Веселая ночь». Впоследствии перерабатывался писателем. В основу рассказа положена конкретная история, случившаяся с охотником, с которым писатель познакомился во время поездки на Кавказ в 1913 г. Но и помимо этого писателя всегда интересовало поведение животных: «Если медведь у меня забавно-живой, - писал Серафимович, - то это досталось с трудностями. Медведей я старался наблюдать в разных положениях и поэтому мог правдиво изобразить его» (Серафимович А. Собр.соч. в 10-ти п.; т.6.,1948, с.436)”

Итак, в основе рассказ о медведе, который полез на дерево за сливами. Стал трясти. Падавшие сливы стали подбирать неожиданно появившиеся свиньи. Когда он спускался вниз – свиньи убежали; стоило снова залезть – они вновь появлялись.

Ну, предположим. Хотя число подъемов и спусков медведя по дереву уж очень велико. Не верится.

Еще одно – медведь лазил на сливу (! ?). Что ж это за слива (какой же у нее, по мнению автора, ствол), чтобы медведь влезал и слезал, обхватывая её лапами ?

Теперь о контексте, в который вставлена эта история.

Большая мама обращается к сыну: “- *Галаша, сынок, ты бы мне медвежатинку добыл, что ли. Так и вертится в носу, так и вертится, кабы съела кусочек, поздоровила, гляди. Уж так-то хочется, так-то хочется !”* [с. 7].

Ничего себе, просьба к 14-летнему ребенку ! Автор отдает себе отчет – что такое медведь ?

Окружающая природа:

“*Много по Кавказским горам и лесам звериного и птичьего населения, - охотнику тут раздолье. Много и гадов всяких: в траве, в каменистых щелях извиваются гадюки; на припёке греются маленькие красные змейки, от укуса которых человек и зверь быстро умирают; на камнях выползают греться смертоносные скорпионы, похожие на рака. Бегают проворные сколопендры, многоножки, и серые ядовитые фаланги, похожие на большого длинного паука, охотятся на мух, ловко хватая длинными мохнатыми лапами”*. [с. 8].

Против гадюк я не возражаю. Смертельных змей (исходя из школьной программы) в СССР было три: кобра, порза и эфа. И все, вроде бы, в Средней Азии.

Открыл энциклопедический словарь. Скорпионы водятся "в тропиках и субтропиках", "В СССР гл. образом в Ср. Азии", да и те виды, которые там есть, к смертоносным не относятся. Сколопендры "распространены в основном в тропиках". Фаланги "обитают в пустынях и полупустынях".

Отстреливать медведей мальчик решил на территории монастыря, куда они повадились за медом из ульев.

"Зашел к знакомому монаху. Монах был откормленный, краснорожий, с огромным брюхом". "Помолчали. Галактион подумал: «Божье ! Пьянствуете тут. Обжираетесь, народ обманываете и заставляете на себя работать. Ружья, вишь, ему в руки нельзя взять, а бездельничать можно – привыкли все чужими руками загрэбать» [с. 9, 10].

Какой мудрый мальчик уже в 14 лет. Впрочем, это – что ? В рассказе «Место свято» (см. ниже) будут еще и не такие умозаключения 13-летнего (!) мальчика.

Рассказ **«Шрапнель»**, впервые с г. «Биржевые ведомости», 1915, 1 ноября, утр. вып., под названием «В лесу».

Редкий случай, когда писатель не паскудит казаков:

"Подъехал казачий офицер, постоял, как бы раздумывая, потом слез с лошади, отдал поводья ехавшему с ним и соскочившему казаку. Присел на смолистый корень огромной сосны, которую не пробивал дождь.

Обруев протянул папиросы ? - Не хотите ли ?

Тонкий пахучий дымок терялся в сумерках. Лошади понуро стояли, темнея кроной шерстью.

- Газет нет ли ? – сказал офицер и вдруг слегка отвалился к дереву, голова свесилась, повисла рука с красневшим огоньком.

Обруев сидел, не шевелясь, прислушиваясь к сонному дыханию. У офицера выпала из руки папироса, и он разом встрепенулся, быстро огляделся:

- Сергеев, где сотня ?

- У Кирсановского болота, вышкблагородие, - проговорил казак, привычно делая под козырек.

- Спасибо, - пожал руку Обруеву офицер и вскочил, попрыгав на одной ноге, на лошадь. – Сегодня ночью раненых вдоволь у вас будет.

И, уже отъезжая и полуобернувшись, сказал: - Третьи сутки не сплю.

Лошадиный топот мягко замер среди деревьев. За лесом все отдавались орудийные удары

Когда сгустилась темнота, дождь перестал, стали подвозить раненых. Красноватое пламя свечей шевелило в палатке длинные тени. Пряно пахло потом, кровью, йодом. Врачи в запятнанных халатах, наклонившись, копались в зияющих ранах". [т. 2, с. 53].

"Подъехал офицер. Обруев взгляделся – это был давешний, казачий; рука на перевязи. Казак соскочил, помог сойти офицеру.

- Ну, вот опять к вам, покурить, - сказал офицер, стараясь улыбнуться.

Перевязали. Офицер сел на нары. Обруев подал папиросы.

- Никогда не курил с таким удовольствием. Сейчас изрубили застава. К утру опять будут напирать. Поверите ли, никогда не думал о военщине, о лошадях, о винтовке. О походах. У нас, у казаков, все обязаны служить, но в свое время был освобожден – руку когда-то в ребячестве сломал. А теперь пошел, охотой пошел. И

уж не уйду, если останусь жив, до конца... Я – адвокат. Семья. Бывало, набьются клиенты; всё кипучий народ, а мне скучно: думаешь, черт знает, как жизнь проходит. И не разгонишь, просто потому. Что заработок нужен. А теперь вспомнишь, боже ты мой! – сколько человеческой жизни они несли, и душевного золота, и гнили, и отчаяния, и редкой радости! И я ничего этого не видел... Не то что не видел, а не ценил, смстрел куда-то мимо – вот теперь отсюда видишь, отсюда ценишь.

Он помолчал, жадно докуривая папиросу.

- Ну, прощайте! У меня предчувствие – ещё свидимся. Верю в предчувствия, здесь стал верить. Сергеев! - Здесь, вашсклабородие.

- Да куда вы, что вы, рана открывается, этим не шутят!

Офицер пошел к выходу и, пошатнувшись, толкнулся о притолоку в одну сторону, в другую. Улыбнулся, даваясь, с усилием пересохшими губами.

- Крози много потерял. Всего доброго!

За палаткой слышался, замирая, удаляющийся мягкий топот по влажной земле". [с. 55 - 56].

Рассказ «Закон Плевако», год издания определить не удалось.

“Дуракам и гениям закон не писан. То, за что заклеили бы обыкновенного среднего человека, совершенно сходит с рук людям силы, поскольку эта сила проявляется в тех или иных выдающихся их качествах. Это – на каждом шагу.

Вы хотите доказательства?

В Новочеркасском окружном суде разбиралось дело о коннозаводчице Королькове. Обвинительный акт передает следующие подробности.

Рабочий Карпенко пустил на землю коннозаводчика Королькова волов. Корольков задержал волов. Карпенко явился к Королькову и стал просить возвернуть волов, а Корольков стал бить его. Он бил его по шее, бил о землю за волосы, бил по-китайски тяжелой чабанской палкой по пяткам, а когда устал и перестал бить, Карпенко лежал на земле с отнявшимися руками и ногами, - у него был паралич от разрыва вещества спинного мозга. Через три дня Карпенко умер, а Корольков попал на скамью подсудимым и... выписал себе Плевако.

На суде вполне выяснилась сцена убийства, да и Корольков не отрицал этого факта и только говорил, что произошла маленькая ошибочка: он хотел «избить», а не «убить».

Король русской адвокатуры только наводящими вопросами старался выявить, не получился ли разрыв вещества спинного мозга просто вследствие падения с высоты, или не перекусил ли себе Карпенко сам спинной мозг. Но, несмотря на вдохновенную речь художника – оратора, суд приговорил Королькова к восьмимесячному тюремному заключению за убийство без заранее обдуманного намерения и к церковному покаянию”.

Далее следуют другие примеры вызова Плевако сильными мира сего, в результате чего приговор был значительно мягче положенного, либо наказания вообще удавалось избежать.

Очерк «Пауки и кровососы», - часть брошюры «Рабочее движение в России», написан в канун революции.

О капиталистах и о том, как живет рабочий.

* * *

Еще прочитаны рассказы: «Бомбы»(1906), «Среди ночи»(1906), «Похоронный марш» (1906), «На Пресне»(1906), «Белая глина»(1906), «У обрыва»(1907), «Мертвые на улицах» (1907), «Зарево»(1907), «Сопка с крестами»(1907), «Лесная жизнь» (1908),

«По следам»(1908), повесть «Пески»(1908),«На белой горе»(1910),«Старое»(1910), «Большой двор»(1911), «Мышиное царство» (1913), «Медведь»(1914), «Три друга» (1914), «Семишкура»(1914), «Змеиная лужа» (1914),«На побывке»(1915), «Шрапнель» (1915), «Воробьиная ночь»(1916), «Родная земля»(1917), «Галина»(1917).

Думаю, что рассмотренные работы дают достаточно полное впечатление о деятельности писателя в этот период.

Какой же объем произведения этого периода занимают в 10-ти-томном собрании сочинений? Оказывается, что это III – VII тома, то есть половина всего собрания сочинений. Самый плодотворный период творчества писателя. Высокие и заслуженные оценки за целый ряд произведений. Очевидные достижения, например, в описании природы, передаче запахов и цвета.

Можно привести некоторые оценки.

Первый из рассказов, посвященных революционным событиям 1905 г., - «Среди ночи» - хвалил А. М. Горький, но, при этом, рекомендовал несколько исправить.

О повести «Пески» в Примечаниях к двухтомнику А.С.Серафимовича [Л., «Художественная литература», 1985, т. 1, с. 626 - 627] читаем:

“Впервые – в «Литературно-художественных альманахах издательства “Шиповник”, кн. 3, СПб., 1908.

Повесть получила высокую оценку современников, ее прочитал Л.Н. Толстой. Из двух источников можно судить о впечатлении, которое оставила у великого писателя повесть Серафимовича. Секретарь Толстого Н.Н. Гусев в «Дневнике за февраль – март 1908 года» делает запись: Февраль 19. Чтение вслух рассказа Серафимовича «Пески». Который понравился [Толстому] «Художественностью положений и обрисовкой личности одного из действующих лиц –мельника». По мнению [Толстого], это «настоящее художественное произведение», но «описание природы искусственны»; 25 марта: [Толстой] опять говорил о рассказе Серафимовича «Пески»: “Это – такая прелесть...”” (См.: Гусев Н. Летопись жизни и творчества Л.Н. Толстого. 1891 – 1910. М., 1960, с. 611 – 612, 617). В воспоминаниях доктора Д.П. Максвицкого слова Толстого приводятся в несколько другой редакции: «Мне попался рассказ Серафимовича «Пески»... Это такая прелесть! Это мне Чехова напоминает... Настоящий художник!» Как свидетельствует составленная Н.Н. Гусевым «Летопись жизни и творчества Л.Н. Толстого» (М., 1960), на одной из страниц рассказа в первом издании Толстой. Исходя из оценки произведения по пятибалльной системе, поставил пять с плюсом».

Вместе с тем, “наворот” переходит из редко используемого приема в обычный и, даже, постоянный.

Очень характерен в этом плане рассказ «Медведь» (1914 г.). Практически, нейтральный сюжет (никакой политики здесь нет; немного только, мимоходом, автор лягунок монахов, и только). Цель – рассказать смешную историю про медведя. И сколько при этом “наворотов”!!

И “любящая” мама, отправляющая 14-ти-летнего сына на охоту на медведя.

И слива, на которую медведь забирается, обхватывая её лапами. Это какая же у нее (сливы) толщина?

Ну ладно бы только это. Ясно, что без этих шуточек не будет сюжета.

Но ведь здесь есть “навороты”, без которых можно было бы и обойтись. Зачем напихивать такое количество гадов в Кавказские горы (схорпионы, сколопендры, фаланги и пр.). Можно было бы заменить их бабочками, жуками и другими “приятными зверюшками”, что, с одной стороны, ничего бы не отняло у рассказа, а, с другой, сделало бы его чуть более реалистичным.

Полагаю, что данный рассказ наглядно показывает, что в компоненте “навороты” писатель уже не ограничивается минимумом, необходимым для осуществления главной цели – выстраивания сюжета, а использует данный прием без всяких ограничений.

Рассуждения примерно такие – все равно почти никто не знает природу Кавказа. Стоит обратить на это внимание. Вспомним казачью жизнь в «Тихом Доне», наполненную страстями, убийствами, изнасилованиями и другими подобного рода деяниями. Такое описание казачества принято, в целом, в России за чистую монету. И по той же самой причине: Дон для Российской глубинки – нечто экзотическое.

Начиная с событий 1905 г., становится очевидна политическая платформа писателя. Речь идет не только о принятии революционных идей, но и о деятельном участии в борьбе с существующим режимом. Уже в рассказах 1906 г. ничего хорошего для власти не наблюдается. И это уже не традиционное для русской литературы “бичевание недостатков” и “концентрация внимания на язвах общества”, а именно “навороты”.

Неплохо, например, смотрится абзац из рассказа «Зарево»:

“... А после того восемь раз сжег деревню. Из тюрьмы из Сибири бежал. Прибегу и сожгу... Все разорились. В восьмой раз как сжег, разбрелась вся деревня, одни головы остались... А таперича и место то запахали, ничего нет...”

После того, как деревня сожжена, сколько нужно лет для того, чтобы она вновь отстроилась? И этот срок ведь надо помножить на 8 (восемь)!!

Постепенно в творчестве писателя характеры начинают упрощаться и поляризоваться. Демонстрируется крайне отрицательное отношение, скажем, к священнослужителям. Ничего хорошего нельзя прочесть о казачестве.

Количество преступлений в рассказах выходит за все мыслимые пределы. В том числе встречаются и очень напоминающие то, что было в «Тихом Доне», например:

В рассказе «Зарево» бьют человека зверски всю ночь. В романе «Город в степи» бьют гириями (долго по голове), но жертва остается живой. Это ничего не напоминает? Мне сразу же вспомнился отец Аксиньи:

“... На глазах у Аксиньи брат отцепил от брички барок, ногами поднял спящего отца, что-то коротко спросил у него и ударил окованным барком старика в переносицу. Вдвоем с матерью били его часа полтора”. Умер же он только спустя сутки.

Наблюдается откровенная тяга автора к освещению: всякого рода половых вопросов, извращений, изнасилований, венерических заболеваний и т.д.

Не разобравшись с данной темой в повести «Галина», я обратился к Алексею Геннадьевичу Кабанову, сексопатологу из г. Волгограда, с просьбой – помочь, тем более, что опыт сотрудничества у нас уже был.

В кн. «Миражи “Тихого Дона”» я обратил внимание, что, по мнению автора («Тихого Дона»), на службу в царскую армию принимали, в том числе, и с врожденным сифилисом. В кн. «Шолохов, Крюков или ...?» А.Г. Кабанов прокомментировал эту ситуацию статьей «Шолохов и большевистская конъюнктура», где, в частности, говорится, что, во-первых, с врожденным сифилисом обычно до такого возраста (19 лет) не доживают, а, во-вторых, если и доживают, то выглядят такими “жуткими зверюшками”, что ни о какой службе и речи не может идти.

А.Г. и на этот раз любезно согласился помочь. Помимо повести «Галина», в соотствии со взятым на себя “встречным планом”, доктор изучил еще целый ряд произведений, результатом чего стала статья, предлагаемая ниже.

Мнение доктора А.Г. Кабанова

ПОВЕСТЬ «ГАЛИНА» – БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ЗАКАЗ ИЛИ ОТКРОВЕНИЯ О ПРИСТРАСТЯХ.

Серафимовича я не люблю!

Не знаю почему. Но не люблю.

Пробовал читать в детстве несколько раз, но на душу не легло. Какой – то он слащавый, коньектурный.

Можно сказать, что на очередное прочтение Серафимовича, после долголетнего затишья, меня подтолкнул уважаемый мною Сергей Викторович Корягин. Набравшись терпения, я начал читать не школьный «Железный поток» (вызывавший у меня неприязнь, хотя и приходилось писать сочинения на его вариации), а повесть «Галина». Первые две страницы дались мне тяжело. Сразу бросился в глаза оборот «как бы». Серафимович применял его, как оказалось впоследствии, чтобы сгустить краски. Но сколько открытий меня ждало в дальнейшем !!!

Для тех, кто возьмётся читать эту повесть, как и я через много лет соприкосновения с творчеством Серафимовича, хочется пояснить, что действие происходит с молодой учительницей, воспитанной в лучших традициях русской интеллигенции (почему я фиксирую на этом внимание – читатель вскоре поймёт) и давно потерявшей родителей, приехавшей в деревню центральной полосы России из – за необходимости помогать брату.

Вот что говорит сам Серафимович об этом произведении: « В этой повести, написанной накануне Февральской революции, я стремился обрисовать безвыходное положение деревни. Тут я изображаю центральную полосу России... Во время выездов я встречался с разными либеральными деревенскими деятелями: земскими врачами, учителями и пр. Наблюдения постепенно накапливались, укомплектовывались и «вынашивались». Ничего себе, безвыходное положение! Житель этой деревни Никифор Лукич, не пропивающий свою жизнь, а работающий день и ночь, собрал денег, выкупил сначала недалеко от деревни «экономку», затем земли вокруг неё, построил в деревне церковь и училище, стал давать деньги на их содержание. Хозяйственный мужик, одним словом. Но Серафимовичу такой мужик не нравиться. Хотя сам о нем пишет: «Осмотрели училище. Никифор Лукич всюду заглядывал, во все закоулки, и отдавал распоряжения Василию: - Плотника позвёшь, пушай двери у сарая перевесит, а то снегом задуть дрова будет. Финогенова Ваську позвёшь, трубы прохудились, угол загниёт, - чтоб как следует».

А крестьяне описываемой деревни о нём отзываются: « - Много добра делает Никифор Лукич?

- Фу, да им только и дышаем! Кабы не он... сама посуди: в эконмии рендованная земля – двадцать восемь с половиной десятина, скажем. А Никифор Лукич нам предоставляет по шесть. Мыслимо? Под огороды которая, заливная, в эконмии по двести цалковых с десятины ..., а Никифор Лукич – ту самую землю нам даёт по сорок цалковых».

«За благотворение от самого государя имею серебряную медаль» - говорит Никифор Лукич. Хорош кровопивец! Но это тоже ещё цветики.

Надо сказать, что монархов Серафимович не любил с юности. В университете познакомился с Александром Ульяновым (старшим братом В.И. Ленина), разделял его взгляды (и что вполне возможно, мог быть причастен к покушению на Императора Александра III). После революции 1905 года активно участвовал в подпольных движениях. Во время первой мировой войны работал в госпитале вместе с сестрой Ленина Марией Ульяновой. В 1919 году сам Ленин (Владимир Ильич Ульянов) прислал ему

телеграмму с соболезнованиями по поводу гибели сына. Впоследствии всё это отразилось в его творчестве.

Мог ли он при таких революционных друзьях тепло относиться к самодержавию, русской интеллигенции и православию? Скорее всего - нет! Он постоянно очерняет даже всё то, что с этим связано.

Естественно, что в этом романе Серафимович умудрился облить грязью и всю местную интеллигенцию и духовенство. Батюшку обрисовал недалёким студентом, ставшим священнослужителем из – за превратностей судьбы. Попадья – ревнивая базарная баба (Это усиливает негативный образ священника как некоего повесу, хотя о непорядочности батюшки в повести нет ни слова. Но, образ оттеняет). Врач – просто психически больной человек. Основная героиня Галина – невротизированная личность, впавшая в депрессию. Деревенские жители – по большей части или дураки, или пропойцы. Есть, правда, некоторые крестьяне, которые копят деньги, да и уезжают в другие места, но за это автор выставляет их кончеными сволочами.

Получается - недаром «вынашивал»! Сумел слустить краски до беспросветно чёрного цвета.

А в то же время, не так уж и мрачно было в деревнях этих местностей. В своей речи 27 июня 1906 года депутат от Саратовской губернии Аникин говорил: «После того как в нашей деревне подросла крестьянская молодёжь, прошедшая школу, получившая хотя элементарное образование, в деревне созрела и потребность соединить лучшие культурные силы крестьянства, лучшие силы деревни. И вот мы видим, что за последние два – три года во многих сёлах крестьянская молодёжь начинает объединяться сначала на почве чисто культурной. Я по Саратовской губернии знаю много примеров. Например, в селе Лох Саратовского уезда года три тому назад 15 молодых крестьян, грамотных, развитых, объединились в артель, завели все артельное хозяйство и на доходы с артельного хозяйства устроили библиотеку, помогали бедным крестьянам, помогали погорельцам и являлись культурным ядром села, которому завидовали многие. В Петровском уезде мне известно, например, в Малой Сердобе было организовано также лучшей, сознательной частью крестьянства сельскохозяйственное общество. В обществе стали читаться доклады об улучшении сельского хозяйства, стали выписывать семена и сельскохозяйственные орудия, была заведена библиотека, и крестьянская молодёжь стремилась приступить, объединившись, к культурной работе. Такие же случаи, я знаю, были во многих и многих сёлахⁱⁱⁱ. Но Серафимович придумал село вырождков и дегенератов, при этом нередко страдающих сифилисом.

И что удивительно, он обиделся на своих единомышленников по творческому объединению «Среда», когда они убрали повесть «Галина» из уже подготовленного к выпуску сборника «Слово» «Книгоиздательства писателей в Москве», исключили его из своих рядов за сотрудничество с большевиками и работу в газете «Известия». А как, в принципе, иначе? В те времена было постыдным, если тебя отождествляли с таким «правдивым» писателем, как Серафимович. Даже если Вы только состоите с ним в одном творческом обществе.

К тому же, весной 1918 года большевики закрыли все оппозиционные издания. За осуществления цензуры в это время боролись ВЧК, ЦК РКП (б) и народный комиссариат просвещения. А общение с означенными органами ничего хорошего не сулило. Тем более, если в своих рядах иметь их доверенного человека. А Серафимович заведовал ЛИТО народного комиссариата просвещения (остаётся только догадываться, сколько счётов он свёл с бывшими друзьями по «литературному цеху»). С большевиками Серафимович породнился ещё в 1905 году на революционных баррикадах, а в 1918 вступил в их партию.

А теперь о ягодках.

Серафимович, как и Шолохов, лихо обыгрывает тему неприличных болезней. Но делает это в повести «Галина» резко, вешая своим героям липкие ярлыки. Не имея специальных медицинских знаний, вынашивая взгляды на медицинские проблемы после общения с врачами (а выдернуть из текста можно и лишь то – что выгодно для обоснования своей мысли), Серафимович выдаёт такие вещи, которые подошли бы только для большевистской пропаганды. Расписывает их ярко и красочно, смакуя детали. Но именно на это смакование и стоит обратить особое внимание.

Современные психологи утверждают, что смакование каких – либо ситуаций или деталей говорит об актуальности **этого** для личности, и свидетельствует о склонностях и психологическом портрете человека. Особенно сильно развил эту тему Зигмунд Фрейд, говоря, что нереализующиеся психосексуальные комплексы ищут выход, и выливаются в сновидениях, творчестве, поведении. Говорить сейчас о сновидениях и поведении А. С. Серафимовича трудно, ну а творчество осталось. Мы не будем в данной статье подходить к его творчеству с позиций психоаналитиков, но забывать об этом тоже не будем.

Не отрицают этих положений и психиатры. Так, например, алкоголики любят говорить на алкогольные темы. Стоит начать с ними разговор о выпивке, дозах выпитого, они сразу веселеют, раскрываются. И диагноз тогда не вызывает сомнения.

Также реагируют и больные с сексуальной патологией. Как только затрагиваешь тему их склонностей, они охотно о ней говорят, начинают даже выпячивать её. Транссексуалы говорят о своём поведении и возможной жизни в роли противоположного пола; гомосексуалисты о половых контактах; эксгибиционисты описывают испуганное поведение женщин; маньяки с удовольствием смакуют детали сексуальных преступлений.

К чему это я всё - будет понятно дальше. Для меня – сексопатолога с двадцатилетним стажем – всё **это** показалось значимым.

Начнём с простеньких примеров.

Учительница Галина во время проведения урока спрашивает ученицу: «- Кто диких гусей видел? Девочка с испитым лицом – в семье у неё сифилис (при чём он здесь? – А.К.) – подняла замызганную бледную руку и то приподнималась, то садилась, дёргаясь, стараясь обратить на себя внимание. – Скажи, Феня. Заикаясь и помогая себе белобрысыми полувывлезшими бровями, девочка сказала: - У д...ддя-дденки ФФ-феддула гусь сс-сбесился и с-стал д-ддикой. – А его зарезали!.. – хором подхватывают ребяташки»^{iv}. Второй раз эта девочка появляется в повести в момент проводов Галины из деревни: «А девочка с испитым личиком, у которой в семье сифилис, когда учительница на секунду остановила на ней свои глаза, сказала, робко глядя и заикаясь: - У д...ддя-дде-ньки ФФ...фе-дду-ла г...гу-сь д...дди-кой... И вдруг губёнки её задёргло, на глазах заблестели слёзинки...»^v. Но даже по этим двум моментам можно сразу понять (даже не сведущему в психиатрии человеку), что здесь описывается случай глубокой умственной отсталости, говоря современным психиатрическим языком – олигофрения в степени выраженной дебильности. Ребенок знает только фразу о гусе, да, наверное, несколько простейших слов типа «мама – папа». Такие дети никогда не были обучаемы в обычных школах, потому что они не всегда даже осознают что такие папа – мама, соседи, а уж тем более учителя или одноклассники. Но это Серафимовичу можно простить – не психиатр! Но причём здесь сифилис, особенно в семье. Да ещё в сочетании с алкоголизмом (подтверждением служит испитое личико).

Ни для кого не секрет, что глубоко умственно отсталые люди не склонны к алкоголизму. У них на это ума не хватает! Нет потребности в опьянении, и тем более инициативы для организации попойки. Они не испытывают подъёма эмоций и радостных

ощущений от приёма алкоголя (тем более в дозах для помятого лица, причём «испитого» постоянно), потому что у них этих самых эмоций нет! Болезнь такая – не развиваются интеллект, эмоции, память и мышление. Вряд ли Серафимович не знал об этом. Ведь в эти годы гремели на весь мир русская психиатрическая и физиологическая школы: Сербский, Корсаков, Сеченов, Павлов, Бехтерев и другие. По крайней мере, мог проконсультироваться у знакомых врачей, с которыми, как сам пишет, встречался.

Тем более не понятна вставка – у неё в семье сифилис. Для описываемого дебильного ребёнка он никакого значения не имеет. Серафимович описывает клинику более врождённого сифилиса, а обычной дебильности. К тому же сифилисом может болеть эпилептик, шизофреник и алкоголик. Но сифилитик не обязательно пьющий человек. К такой категории больных относился и «великий сифилитик» Ленин. Серафимовичу надо было бы учесть данное обстоятельство.

Удивительно, но проблему сифилиса Серафимович в небольшой повести затрагивает шесть раз^{vi}.

Но ещё больше меня поразил другой отрывок. В этом отрывке помимо проблемы сифилиса, Серафимович даёт порнографические для того времени картинки. Следует отметить, что в те времена нравственность была гораздо выше, чем в наши дни с откровенной пошлостью и половой распущенностью. Потоки сексуальной грязи и порнографии льются на нас с экранов телевизоров и кинотеатров, делят с прилавков киосков жёлто – голубая пресса. Тогда же, даже такой литературный опус относили к порнографическим. Под порнографией во всём мире понимают вульгарно – натуралистические непристойные изображения полсвой жизни в литературе, изобразительном искусстве, театре, кино и пр.^{vii}. Правда, термин «порнография» в те далёкие годы ещё практически не употреблялся. Но Серафимович всё равно обиделся на своих соратников по творчеству. Видимо, они были просто значительно порядочнее.

Но и это ещё не всё. Здесь же автор описывает парня, страдающего эксгибиционизмом. Если с порнографией, более менее, читателю ясно, то поясню что такое эксгибиционизм. В «Справочнике по сексопатологии» отмечается: «Эксгибиционизм – влечение к обнажению половых органов перед представителями того или иного пола; встречается, как правило, у мужчин. Проявляется в демонстрации обнажённых половых органов. Особо важное значение при этом имеет испуг женщин»^{viii}. То есть, обнажил хозяйство и получил от этого удовольствие. Следует отметить, что нередко эксгибиционизм сочетается с откровенным садизмом. И один из ярких тому примеров – маньяк Чикатило.

А теперь, имея определённые познания в сексологии, прочтём отрывок.

«Старуха прижимает одной рукой к вдавленной груди скокманной платочки, другой подталкивает растерянно и удивлённо переступающего парня.

- Ничего, сынок, ничего, она всё одно, што дохтор... Без стеснения... Ну, чего улёрса бык быком, пра, бык.

Парень, так же растерянно ухмыляясь, возится огромными, корявыми, трудно гнущимися пальцами у шланов, развязывает поясик и начинает виновато выбирать колкую, с мерзким запахом, рубашку.

Девушка отшатнулась и вдруг закричала отчаянно: - Уйдите... Уйдите... Уйдите! Что же это такое?... Я приказываю... Василий, выведите их... Боже мой, что же это такое... Куда же мне, наконец, деваться...

Она разрыдалась, убежала в класс и заперлась. А старуха, утирая платочком набрякшие глаза и прижимая другую руку к костлявой груди, кланялась перед дверью: - Родная моя, да не держи ты сердца на нас, убогих. Бог нас убил... Сказывала, блюди себя, не возжайся и с девками, а луще к Феньке курносой (При запущенных формах сифилиса поражаются хрящи, в том числе носа. И он становится седловидным. Больные становятся курносыми, голос у них псуавый – авт.) не ходи. Да рази послу-

хают. Кабы отец, шкуру спустил, забыл бы и дорожку и к девкам. Фенька-то снила вся. А больница, сама знаешь, тридцать пять верстов. Ну, дали примочки, да что с неё, с примочки. А то, говорит, ложись в больницу. Да как же ложись, - один он у меня во дворе-то. Как же без мужика. Всё кверху тараманом пойдёт. Присыпала ему Козлиха присыпкой, так он, как присыпала, - а ночь месяшная, как присыпала, что есть духу как оглашенный бёг в одной рубахе до водяной мельницы, верстов шесть будя, а потом повернул назад до деревни, что есть духу, говорит, жгло, маменька, мочи нету, до чего жгло. С того полегчало. А теперь на раны пробило, дрянь стала вытягать. Присыпай бы ещё трощечки, дак теперь его на аркане до Козлихи не приведёшь. А парню почитай и ходить скоро нельзя.

Пришёл Василий, молча взял старуху за плечи и толкнул к выходу, а парню дал леща коленом со ступенек.

Долго гнала из памяти эту мерзость Галина, судорожно вздрагивая от отвращения...»^{ix}

Как врачу –сексопатологу приходится сталкиваться с большими сифилисом. Хочется сказать, что даже передо мной – мужчиной – больные не особо хотят оголяться. Необходимость заставляет их делать это. А здесь перед молодой девушкой, учительницей, человеком очень почитаемой во все времена на селе. И на тебе, смотри ! При этом ухмыляясь. И вот он испуг, чувство омерзения.

Мне меньше всего хочется верить, что писал эти строки Серафимович, умышленно скатываясь к порнографии, но определённого рода смакование деталей раздевания парня и испуганное поведение девушки (что практически всегда встречается у воспитанных девушек при неадекватном сексуальном поведении мужчин), подводит к мысли, что здесь сквозит определённого рода склонность автора. К чему? Возможно, к порнографии. А может быть ещё к чему-нибудь более серьёзному. В обществе всегда есть какое-то число лиц, кому подобная, пусть крайне низкопробная, литература нужна. Даже если это собственные скрытые влечения, изложенные на бумаге. При помощи неё они снимают какие-то свои собственные комплексы, которые, будучи непережитыми, пусть даже и в такой форме, могут принять уровень сексуальных извращений.

Всё выше изложенное привело меня к желанию перечитать Серафимовича вновь. Но уже с позиций не только простого читателя, но и с позиций взрослого мужчины, с позиций опытного врача с двадцатилетним стажем сексопатолога, до этого несколько лет проработавшего психиатром.

ЗАМЫСЕЛ ПИСАТЕЛЯ – РЕВОЛЮЦИОНЕРА ИЛИ ТАЙНЫ ИЗВРАЩЕНЦА?

И сейчас есть талантливые люди в какой-то области (например, эстраде или танце), но являющиеся сексуальными извращенцами. Никто не оспаривает их творческие способности. Но, к сожалению, они пытаются формировать культуру, стиль поведения людей, сломать вековые устои и традиции народов с экранов телевизоров, со страниц газет и модных журналов. Они ссылают в души людей моральный хлам. Столетие назад ту же задачу, по-видимому, ставил перед собой и Серафимович. И появилась у него эта возможность явственно только после событий 1917 года, с приходом к власти моральных уродов и просто негодяев во главе с его другом –Лениным. И сам Серафимович впоследствии признавался: «Уже тогда, в 1908 году, я считал своей обязанностью подпиливать столетний дуб собственности всеми доступными средствами: ведь именно в этом, по моим понятиям, состояла подготовка социальной революции, т. е. главное дело революционного художника»^x.

Возможно, в это время стало приоткрываться истинное лицо писателя–революционера. Не то, которое видели соратники по борьбе, а то лицо человека со своим

внутренним миром, со своими сексуальными влечениями, пусть даже не общепринятыми и нередко порочными. Возможно, что **это** объясняет нелюбовь Серафимовича к православной церкви, ведь в православии такие влечения огромный грех, расплата за который – вечность в аду.

Интересно отметить тот факт, что после повести «Галина», то есть после окончательной победы большевиков, Серафимович ни разу не коснулся в своих произведениях и очерках темы сифилиса. Что это – сила большевистской цензуры (но он сам возглавлял ЛИТО), или сочувствие другу Ленину, который и умер от последствий прогрессивного паралича (психические и неврологические изменения при длительной болезни сифилисом)³⁰? Кстати, в рассказе «Таинство святого причащения» Серафимович всего лишь одним словом описывает прогрессивный паралич: « - Муж-то ваш где? На работе? – С ума сошёл. Всё от нас! От нашей болести заразу принял».

В 1984 году на областном обществе психиатров Волгоградской области мне довелось докладывать больного с прогрессивным параличом. Случай интересный! В глухой деревне один скотник стал ходить с колом из плетня, к которому привязал тряпку как знамя, а на него нацеплял пробок от бутылок (старшее поколение помнит металлические пробки с пробковой прослойкой изнутри, которые легко крепились к ткани двусторонним прижатием – мы в детстве во время игр делали себе такие ордена). Говорил, что «он властелин мира», что «он имеет всех женщин не только в Союзе, но и в мире», «что все они его жёны» и прочую чушь. Первое время после его поступления в областную психбольницу думали, что это шизофреник, пусть и с необычной фабулой бреда. Но когда пришли анализы крови на сифилис с четырьмя крестами, сомнения развеялись. Перед нами был больной с прогрессивным параличом. Стали выяснять. Оказалась жена больного – простая доярка того же колхоза, пятнадцать лет назад (единственный раз в жизни) съездила в дом отдыха. Там заразилась сифилисом, привезла его мужу, и они благополучно им болели. У него болезнь перешла в психические нарушения. У неё при обследовании (после вызова её из деревни) свисали из половых органов, можно сказать, «виноградные гроздья» (ни до, ни после этого случая я таких проявлений сифилиса больше не видел), но она к врачам за это время не попадала. И если бы этот чудака не стал бы ходить с флагом по деревне и орать, что «он властелин мира», так бы и жили они в глухой советской деревни с сифилисом до самой смерти.

Мне, надо сказать, повезло (в профессиональном плане). Я видел в жизни очень редкие теперь формы сифилиса (многие современные врачи только читали об этом) – врождённый сифилис в Сайгоне в 1982 году и прогрессивный паралич в 1984 году в Волгограде. В настоящее время (после всплеска заболеваемости в начале девяностых) с появлением пролонгированных препаратов пенициллинового ряда, значительно реже стали обращаться больные с сифилисом, не говоря уже о запущенных формах – врождённый сифилис, прогрессивный паралич, спинная сухотка и т. п. Они уже, практически, не встречаются.

Примечание. Далее следует разбор рассказа «Таинство святого причащения». Эта часть статьи перенесена в текст, рассматривающий данный рассказ (см. ниже).

...

К теме сифилиса лишь единожды Серафимович прибегает в романе «Город в степи», над которым он работал с 1907 по 1912 год. Он долго не мог пристроить его в печать. Да и было почему.

В этом романе писатель – революционер смакует тему **инцеста** (кровосмешения) – сексуальных отношений отца и дочери, что привело впоследствии к рождению дегенеративного ребёнка (но он со временем стал богатым и влиятельным челове-

ком, даже поддерживающим рабочее движение – как Серафимович мог так “лопухнуть” ? Вероятно, не знал бедолага, что грядёт диктатура пролетариата).

Не осталась без внимания и порнография. Она в романе проходит двумя эпизодами: в рассказе помощника машиниста на базаре и момент приставания Кары к инженеру Польшову. И если рассказ машиниста укладывается в одну страницу, то второй эпизод лишь маленькая часть практически целой главы посвящённой разврату: описание сцен гульбища мирового судьи, заседателя, адвоката и купца с местными проститутками.

Но именно в этой главе Серафимович словами одного из своих литературных персонажей выразил свою нравственную позицию: « - Почему войти в сношение с женой – не разврат, а с другой женщиной – разврат?». Мораль революционера ! Вот он скрытый мир сексуальных переживаний писателя – большевика: разврат, порнография, эксгибиционизм, сифилис, садизм. Да, да, садизм.

В рассказе «Пески» *это* своё пристрастие Серафимович описывает очень талантливо и чётко. Такого я не читал даже у маркиза де Сада. Вот эти строки: «Он бил её беспощадно, с той особой жестокой сладострастностью, с какой бьют только женщин». Здорово ? Одной строчкой выразить состояние души и сексуальные пристрастия. Честно говоря – талантливо!

Непонятно только почему в романе «Город в степи» писатель – реалист в образе владельца кабака Захарки (именно он сожигательствует с дочерью) выводит русского мужика, случайно попавшего в строящийся городок (прообразом послужила строящаяся тогда станция Котельниково, ныне Волгоградская область): «А с другой стороны, на отшибе от посёлка, прямо и высоко, четырьмя углами нового двухэтажного сруба подымается трактир. Покрыт он камышом и, видно, сколочен, на живую нитку, и человек, его поставивший, тоже пришёл откуда-то и заночевал в степи, но, должно быть, понравилось место, и не собиравшись он скоро сняться, поставил плетни, сараи, вырыл колодец, и то и дело скрипит и кланяется над колодцем высокий журавель».

Дело вот в чём. Императора Александра Ш мучило и смущало то, что русский народ пропивается. Он решил провести в жизнь питейную монополию. Это дело государственной важности он поручил министру финансов С. Ю. Витте.

Сергей Юльевич понимал, что кабак - это позор России. Он называл его «гибелью русского народа». В этом традиционном месте опавания человек пропивался иногда до нательного креста. Здесь расплачивались краденным, сорванной у прохожего за углом шапкой или снятым с убитого пиджаком (не правда ли, напоминает сегодняшние дни, когда производство пива стало негосударственным). Витте хотел стереть кабаки с лица земли. Кабатчики развернули широкомасштабную газетную войну по компрометации водочной монополии и самого министра финансов.

Вот как об этом вспоминает представитель знаменитых русских винозаводчиков Владимир Петрович Смирнов: «Шинкарь – еврей по-прежнему вечером зажигал в своём доме приветливый огонёк и ждал посетителей. Скамья и стойка в бывшем шинке остались на прежнем месте. ...В трактирных чайниках под видом кипятка продаётся ... водка. Если заявлялась полиция, то посетителей хозяин представлял как своих дорогих гостей или родственников. ... - О, хитрющий народ! Всегда найдёт выход, - говорил батюшка (Пётр Арсеньевич Смирнов, великий русский промышленник, поставщик Императорского двора, основатель всемирно известной марки водки «Смирнов» - авт.). – Кабак надо закрыть, и делу конец. Бююсь, Витте это не под силу. ... Оказалось, ошибся батюшка. Кабатчики, почувствовав силу винной монополии, тысячами эмигрировали в северо-американские Штаты, вызвав там настоящую волну антисемитизма»^{xii}. Мне хочется сказать, что на Царицынской сторожевой линии (протяжённость 65 вёрст от Царицына до станции Качалинской), которую охраняли донские казаки, была всего одна лавка, в которой заправлял тоже еврей.

Поэтому Захарка, по логике, должен был быть евреем. А если вспомнить, что большая часть революционеров была либо чистокровными евреями (и октябрьский переворот 1917 года это убедительно показал), либо полукровками (в том числе и семья Ульяновых), то получается, что дружил с ними Серафимович очень плотно, и, естественно, впитал их взгляды и образ жизни. И покажите мне еврея, который бы любил православие (Александра Меня не в счёт). А так как выкресты всё равно остаются по духу евреями, можно сказать словами старой русской поговорки: «Сколь волка ни корми, а он всё равно в лес смотрит».

К тому же евреи ревностно относятся к своим семейным традициям, но очень охотно развратничают с представителями других народов. А для этого пытаются доказать другому народу, что «он порочен», что «он может делать всё». На этом фоне сексуальные патологии евреев видны гораздо меньше. Еврейский народ чаще (хотя они тщательно срывают это, и, если об этом кто-то говорит, поднимают визг, обвиняют человека в антисемитизме, выливают на него ведра грязи) склонен к сексуальной патологии. Называется это умным словом инверсия. Связано это с самим половым воспитанием евреев. Так, например, ни под каким предлогом (длительное отсутствие жены или её болезнь) еврею нельзя заниматься мастурбацией (онанизмом – не люблю этот термин, так как он не совсем точен исторически), но разрешается вступать в половую связь с другой женщиной (вспомним взгляды одного из героев Серафимовича приведённые выше). А, учитывая, что и с другой женщиной не всегда в силу каких-то причин получается, то обнажение гениталий (эксплибиционизм) тоже приводит к сексуальному удовлетворению (повесть «Галина»). Охотно евреи идут на половые контакты с женщинами других народов, нередко делая их проститутками. Одно из таких исторических явлений – маздакитское движение в V веке в Персии^{xiii}.

Больше всего эти пороки осуждает христианство и, особенно, православие. Возможно, Серафимович впитал в себя взгляды друзей – революционеров евреев, возненавидел православие, и поэтому чернит его во многих своих произведениях.

А теперь подытожим портрет революционера – развратника. Порнография, эксплибиционизм и садизм, неразборчивость в связях и, как итог, сифилис (знатком которого, как мы увидели, был Серафимович). Конечно, я не выдаю свои мысли за истину в последней инстанции, но то, что я увидел в произведениях Александра Серафимовича Попова, привело меня к мысли, что это человек с большими комплексами. Конечно, чтобы говорить об этом утвердительно, надо бы изучить стиль его поведения в повседневной жизни, прочесть воспоминания современников (но не те хвалебные пролетарские оды), найти письма и, возможно, истории болезни.

Окончательный диагноз после подробного изучения документов должны, конечно же, выносить судебные психиатры. В цели моего исследования это не входило. Да и нужно ли делать это теперь, через полвека после его смерти. Думаю, что да.

Необходимо просто восстановить историческую справедливость, правильно расставить акценты – не заслужила православная церковь и русская интеллигенция такого гадкого отношения к себе и такого очернения со стороны моральных уродов. Даже со стороны Серафимовича.

ХУДОЖНИК – ПЕЙЗАЖИСТ

Несомненным достоинством произведений Серафимовича, является описание природы. Здесь талант автора трудно не оценить. Умеет он передать колорит заката, запах степи, прелесть дождя. Серафимович талантливый художник-пейзажист. Это отрицать невозможно. Ему удавалось сочетать практически несочетаемое, изысканность, стилизаторство, за которые его высоко ценили в интеллигентной среде, и редкостную ясность и общедоступность языка.

Талантливо он описывает течение времени и жизни в повести «Пески». Подобно тому, как прекрасная природа погибает под натиском коварных песков, так человеческая жизнь угасает под натиском дней, сливающихся в страшное сильное явление – время. Советую всем прочитать эту повесть.

А как он описывает казачьи песни в повести «В дыму орудий». Вряд ли кто-то смог это сделать лучше. Читая такое, ощущаешь себя в гуще красивых казачьих голосов: « - Песенники, вперёд! Молодой приземистый казак на рослой гнедой лошади, сжав ей бока коленями, выдвинулся вперёд и, поправив шапку и приподняв руку, на которой свободно висела у кисти плеть, затянул высокими и необыкновенно сильным тенором что – то протяжное и тягучее, глядя прямо перед собою и как – то смешно раздвинув рот в ширину, и потом вдруг повернулся к казакам и резко и нежданно оборвал, точно ему перехватили горло. И в ту же секунду подхватили казаки плясовую песню, ударили в бубен и тарелки, и, мелодично вибрируя, зазвенел стальной треугольник. И далеко через колосившиеся уже поля откликнулось эхо казачьей песни. Потом казак, управлявший бубном, быстро приложил к нему большой палец и искусство повёл по туго натянутой коже, и бубен зажужжал и загудел, словно то ветер заходил, крутя опавшим листом.

Песня на мгновение упала и сейчас же подхватывалась молодыми, необыкновенно высокими голосами, почти фальцетами, не выговаривавшими даже слов: сквозь переливы где – то на самых верхних нотах слышно только было: э-э... оо-э... А бородатые, оканчивавшие уже срок службы казаки густо, дружно и отчётливо выговаривали слова, точно поддерживали молодых, которые рвались слишком высоко»^{xiv}.

Не хочу, чтобы у читающего эти строки сложилось мнение: «Вот, мол, напал на хорошего писателя. Тем более давно почившего. Легко теперь ругать». Нет, не ругаю я его. Да и при жизни его имел бы смелость сказать то же самое в глаза. Просто перед нами тот случай, когда понятно, что история необратима, и из неё нельзя удалить неприятные эпизоды – это, конечно, банальные, но справедливые слова. Другое дело, что историю и творческие наследие можно пересмыслить, иначе расставить акценты, заполнить фактографические лакуны. И это входит в обязанности историков, исследователей. Такой процесс должен быть! Пусть точки зрения будут диаметрально противоположны – это только приблизит к истине, избавит от однобокого взгляда.

Литература

- I) А. С. Серафимович, собр. соч., Т. VII, М., ГИХЛ, 1948, с. 328.
- II) А. С. Серафимович, собр. соч. т. 3, М., изд. «Правда», 1987, с. 293 – 296.
- III) «Коммерсантъ-ВЛАСТЬ», № 27 /681/, 10 июля 2006, с. 10.
- IV) А. С. Серафимович, собр. соч., т. 3, М., изд. «Правда», 1987, с. 317.
- V) А. С. Серафимович, собр. соч., т. 3, М., изд. «Правда», 1987, с. 337.
- VI) А. С. Серафимович, собр. соч., т. 3, М., изд. «Правда», 1987, с. 302, 317, 314, 337, 341 – 342
- VII) Сексопатология. Под ред. Г. С. Васильченко. – М., Медицина, 1990, с. 424.
- VIII) Сексопатология. Под ред. Г. С. Васильченко. – М. Медицина, 1990, с.422 – 423.
- IX) А. С. Серафимович, собр. соч. т. 3, М., изд. «Правда», 1987, с. 302.
- X) А. С. Серафимович, собр. соч., ГИХЛ, 1947, т. 4, с. 472.
- XI) «Деликатная болезнь Ленина», «Приазовский край», №27 /680/, 08. 07. 2004.
- XII) А. С. Серафимович, «Худ. Литература, 1939, с.306 – 309.
- XIII) Гумилёв Л. Н., «От Руси до России», М., изд. «АСТ», 2004, с. 190.
- XIV) Смирнов В. П., «Русский характер», М, «Вагриус», 2004, с.157.
- XV) Гумилёв Л. Н., «От Руси до России», М., изд. «АСТ», 2004, с. 38.
- XVI) А. С. Серафимович, собр. соч. т. 3, М., изд. «Правда», 1987, с. 16 -17.

Работы 1918 – 1926 гг.

Быль «Как он умер», впервые напечатано в г. «Известия». 1917, 6 (18) декабря, № 223 (230).

Приводится полностью:

“У самого синего моря под зелеными крымскими горами раскинулось громадное имение бывшего царя – Ливадия.

Чего только в этом имении не было: и невиданные деревья, и заморские цветы, и дорогие виноградины, и фонтаны, и диковинные фрукты, - только что птичьего молока не было.

А в белых дворцах, полных роскоши, шла пьяная разгульная жизнь: пьянствовал царь, пьянствовали великие и не великие князья, пьянствовали бароны, графы, Иереи, генералы, офицеры, вся свора, которая толпилась около царя и обедала вместе с ним русский народ. А чтоб эту пьяную компанию кто-нибудь не потревожил, все имение было оцеплено колючей проволокой заграждения, а в казармах стояли сводные роты, которые день и ночь охраняли царя с его прожорливой шайкой. Солдаты были подобраны молодец к молодцу. Кормили и содержали их хорошо, но было скучно и тяжело жить. Несли строгие караулы, целыми часами сидели в секрете и смотрели в бинокли и подозрные трубы на шоссе, на горные тропки, на леса, на море – не покажется ли подозрительный человек, не покусятся ли кто на пьяную, но «священную» особу царя.

А если по морю пройдет судно или лодка мимо имения ближе чем на версту, стреляли из винтовок и убивали людей.

В город Ялту, лежавший под боком, отпускали редко, да и отпустят не на радость: ходили командами, строго, подтянувшись, и во все глаза надо глядеть – не прозевать офицера. Чуть замешкался отдать честь или отдал не так уж молодцецки – карцер, на хлеб и на воду, в штрафные.

В городе хотелось побыть по-человечески, как все, спокойно и свободно, чтоб хоть сколько-нибудь передохнуть, но и этого нельзя было; нельзя было даже поговорить с вольными, - и город, и окрестности, и весь Крым кишмя кишели царскими шпионами.

С офицерами было особенно тяжело. Это все были аристократы, князья, графы, бароны, либо купеческие сынки, большие миллионеры – народ все гладкий, холеный, белотелый, отъевшийся. И когда проходили мимо вытянувшихся в струнку солдат, небрежно взмахивали, не глядя, белой перчаткой.

И не то чтоб они скверно обращались с солдатами, а просто проходили мимо солдата, как проходят мимо тумбы, мимо дерева или камня. Но за малейшую провинность наказывали беспощадно.

А солдаты тосковали; тосковали по семье, по дому, по работе. «Эх, и работнул бы теперь в поле!» - думалось солдатам.

Тосковал и Иван Науменко.

По виду и не признаешь, что у человека день и ночь под сердцем червяк точит. Также, как всегда, балуются солдаты, играют в чехарду, ездят друг на друге, гогочут, смеются, дуются в три листика. А в остальное время, несмотря на смертельную жару, несут караульную службу полном снаряжении.

Да и сам Науменко не думал о своей тоске, был всегда веселый, разговорчивый, аккуратный и ловкий по службе, - любили его товарищи. Да и офицеры его отличали, но отличали, как отличают хорошо пригнанное седло от плохого пригнанного.

Не думал о своей тоске Науменко, а думал, что на хорошую службу попал, хорошо ему живется. Только, бывало, когда стоит на часах или в секрете и выплы-

вут звезды, да такие крупные, каких он никогда не видал в своей Воронежской губернии, защемило сердце. Сзади стоят горы. И лежит от них огромная черная тень. За садом медленно и тяжело всплывает у берега ночное море, а из сада пахнут неведомыми цветами. И Науменко думает: «Мабушь, убралась моя Мотря, коров подошла. Полягали вси спать... Ээх!»

Курносенькая она у него, круглолицая. Чернобровая, ласковая, а работница-то! Девочка у них, четвертый годок. Аккурат родилась, как ему на службу идти.

А тут лежи с заряженной винтовкой и высматривай. Как зверь: не лезет ли кто через проволоку в царскую резиденцию. А если приметит. Что лезет, свой ли, чужой ли, велено стрелять без оклику.

Однажды Науменко сидел в свободное время под деревом на траве и раскладывал подарки, которые приготовил своим: три шелковых платочка, коралловое монисто и куклу. Один платочек старой маты, один жинке, один дочке. И монисто дочке, и куклу дочке. А кукла, ежели в груди придавить, она говорила: «Ппа-ппа!». И глаза закатывала. Науменко смеялся, глядя на куклу: - Жива душа, тай годи!..

Четыре месяца осталось, а там домой.

Науменко и не заметил, как проходил сзади офицер. Офицер остановился:

- Эй, ты!

Науменко вскочил, держа куклу в руках. Офицер нахмурился: - Н-не видишь?

Науменко все также стоял растерянно, забыв бросить куклу. Офицер шагнул к нему и впился серыми глазами, полными неизъяснимого презрения. Потом ловко и сильно, так, что у Науменко мотнулась голова, снизу ударил его в подбородок. Бриллиантовый перстень на офицерском пальце пришелся в челюсть, и у Науменко во рту стало солоно от крови.

Не впервой это было: били и офицеры и унтеры, били и его и товарищей, и на все покорно, бывало, отмалчивались солдаты; только в казарме, когда останутся одни, отведают душу крепким словом.

А тут Науменко сам не знает, что сделалось: размахнулся и ударил офицера куклой в самые уши. Офицер побледнел как полотно, отшатнулся, сунул руку в карман, но револьвер не оказалось. Тогда он повернулся и пошел прочь, процевид через плечо сквозь зубы: - Ступай, скажи, что арестован.

Науменко пошел и арестовался. С тех пор все пошло, как в **железном порядке: допрос, кандалы, суд и... столб, а возле свежевырытая яма.**

Подошел взвод. Науменко завязали глаза и поставили к столбу возле ямы. Офицер, командовавший взводом, поднял саблю. Солдаты взяли на прицел, целясь Науменко в грудь. Вдруг послышался задыхающийся крик: - Стой... Сто-ой!..

Снизу по тропке бежал солдат и кричал, без перерыва махая руками:

- Стой!.. Стой!..

Точно мглу отнесло, и все увидели то, чего до этого момента не видели: необъятно-спокойное море, одиноко белеющий в синеве парус, голубое небо, дрожащие от зноя горы; услышали, как гомозились и щелбетила мелькавшие в чаще птицы. Науменко стоял, как слепой, с завязанным лицом, но и он увидел, - увидел свою далекую Воронежскую губернию, белую хату, Мотрю и... и дочку с монистом, с коралловым монистом на шее. И где-то в ухе у него, а может, не в ухе, а позади уха, в глазу, а может, не в глазу, а... в сердце, которое, чтоб не спугнуть, еле-еле билось, где-то в сердце почуялось «помилование... помилование...»

Подбежавший солдат вытянулся и, тяжело переводя дыхание, взял под козырек: - Позвольте, вашкблагородие, доложить.

- Что такое?

- Так что каптенармус просит, которая одёжа на ём, так чтоб выдать, как в пехаузе у него недостача, пто сказать пропажа, и каптенармусу отвечать, так чтоб...

- Какая одежда ? Что такое ? Ничего не понимаю...

- Дозвольте доложить, вашкблагородие, как ему теперича, - он кивнул на Науменко, - одежда не нужна, все одно пропадать ей, а в цехаузе недостача, каптенармус даже просил.

- Ну, ладно, - сказал офицер и сердито отвернулся.

Солдат подошел к Науменко

- Ну, брат, сьмай... все одно уж...

Науменко, не видя и неловко тыча руками, стал снимать гимнастерку, потом, поевозившись у пояса. Штаны, потом один сапог, потом другой, и все смотрели, как глина сыпалась у него из-под ног в яму.

Солдат взял одежду и сапоги и, повернувшись к офицеру и держа под козырёк. Сказал: - Вашкблагородие, дозвольте и белье, каптенармус приказывал.

- Ну, хорошо, только скорее.

Науменко опять неловко и не видя стал снимать с себя рубаху, потом портки и бесстыдно стоял, опустив руки и желтая исхудалым телом, только лица не видать было. Дрожал хной, а тело покрылось гусиной кожей. И когда солдат увидел это беспомощное голое тело, у него запрыгала челюсть, он стал скатывать одежду, белье, сапоги, но все валилось из рук. Наконец подхватил под мышки и торопливо стал спускаться. Еще не дошел до поворота тропинки – по горам, ломаясь, раскатился залп.

Оглянувшись, яму торопливо зарывали. И он побежал вниз, вытирая мокрые от слез глаза".

Все "нравится".

И экскурс о царизме, и характеристика офицеров, и рассуждения о дедовщине. Повод к расстрелу – вообще восторг !

А еще: по какому поводу приостановлен расстрел (каптенармус проворовался); что руководит расстрелом штаб-офицер; что осужденный раздевался с завязанными глазами, и что хоронят его не в гробу, а, просто, в яме.

Очерк «**В капле**», опубликован впервые в г. «Известия», 1917, 12 (25) декабря. Об исключении писателя из общества «Среда».

Рассказ «**Море**», напечатан впервые в г. «Известия», 1918, 6 (19) января.

О радостном митинге – концерте, организованном Московским комитетом РСДРП(б) 31 декабря 1917 г. Представители разных полков, далеких губерний, разных национальностей, - выступали волнуясь и заикаясь от радости свершившейся революции и от того, что находятся в кругу друзей. Их радостно слушали, их ободряли, им аплодировали.

Статья «**Братья – писатели**», "впервые напечатано в газете «Известия», 1918, 12 (25) января. № 7 (255). Травля Серафимовича буржуазной печатью, начатая после Октябрьского переворота, не прекращалась. Редакция сборников «Слово», издаваемых «Книгоиздательством писателей в Москве», отказалась печатать повесть Серафимовича «Галина». Статья «Братья-писатели» явилась ответом на этот отказ".

Рассказ «**Место свято**», впервые напечатано г. «Известия», 1918, 14 (1) февраля. № 24 (272). Вероятно, этот рассказ можно трактовать как самый омерзительный в отношении казачества. Поэтому ниже он приводится полностью.

“И чудесное время было, и тяжкое, и мучительное. Чудесное потому, что мне было 13 лет, солнце было жаркое, небо синее, внизу, под горами, тихий, седой от песков Дон Иванович, а по ту сторону – лес и луга, и чуть синеющие за ними прибрежные горы за Медведицей.

Тяжкое и мучительное потому, что гимназия, учителя, директор – все изо дня в день **мучило, терзало, давило, как кошмар, и издевательски надругалось** над детской душой и телом. Когда, бывало, шел утром в гимназию, – шел с **окаменелым сердцем в ненавистный стан врага**. Так мы росли с нежного детского возраста в **ненависти и презрении** к тем, кого была потребность любить и уважать. И это было тяжело.

Зато, когда освобождались от уроков, от самых стен, пропитанных **обуюдной** (! ? !) **ненавистью**, наступала счастливая пора. Спускались на Дон, в котором отражались белые горы; часами, не вылезали из воды, купались, удили рыб, ловили раков.

А в воскресенье уходили из станции. Налево расстилалась степь, бескрайняя, волнистая, прорезанная оврагами. На высокой меловой горе мы усаживались. Внизу белел монастырь и тоже, как горы, отражался в Дону. Белая высокая стена тесно окружала веселенькие чистенькие кельи. Блестели купола. Из-за стены густо и свежо вылезали деревья. Тяжко ударил колокол и, дрожа меднопевуче, долго гудит над кельями, над стеной, над светлым Доном, который колеблет в текущем зеркале и белую стену, и вылезающую из-за нее шапками густую зелень, и живое золото куполов. И это певучее гудение – должно быть, медь с серебром – говори о святом, о чистом, об отрешенности от всякой суеты. Недаром монастырь отгородили от станции целой горой. С горы видно, как из кельи идут монахини, черные строгие, чинные, с четками, не глядя по сторонам.

Мы спускаемся, проходим мимо огромной, с зеркальными окнами, монастырской гостиницы, мимо стоящих тут экипажей, телег и оседланных обошенными домашними седлами казачьих лошадей и вступает в обитель. Всюду подметено. Ни соринки. Весело и радостно на сердце тихой радостью. Перед чистенькими кельями – цветнички, в окнах – белые занавесочки и тоже цветочки.

Входим в храм – и разом охватывает строгое чувство благоговения и благолепия. Одну половину занимают черные неподвижные, разом кланяющиеся ряды монахинь, другую – миряне; впереди барыни в шляпках с перьями и цветами, господа, чисто одетые; а дальше – заветренные, сожженные трудовые лица казаков и **испытые, изрезанные горем и заботами, непосильными трудами лица казачек**.

Впереди, на возвышении, великолепно отделанном дубом, – игуменья. Она, как святой истукан, неподвижна и высокомерна высокомерием отдельности, чистоты и молитвы. У нее посох из черного дерева; на ручке сверкают в огне свечей бриллианты. Вся в черном. Бледное лицо удивительной красоты, уже тронутое годами. Крест на груди тоже блестящий бриллиантами.

Юные, с полудетскими розовыми припухлыми личиками, послушницы торопливо, мягко и благозвучно ходят по церкви и каждый раз быстрым молодым движением, перегнувшись вдвое, кланяются до земли неподвижной игуменье, а она и не глядит на них. Служба продолжается, и согласные, по-детски звучащие, нежные голоса монашек наполняют храм вместе с синим кадилыным дымом до самого купола, на котором серомный господь Саваоф.

Подконец начинаешь уставать. Перестаешь слышать возгласы священника и дьякона; согласное серебряное пение монашек отодвигается куда-то вдаль, и уже слов не разбираешь, а лица тонут в сизом пахучем кадилыном дыму. Видишь одну игуменью, и упрямо лезет одна и та же мысль, которую никак не отгонишь: у игуменьи в миру был роман с каким-то гвардейцем. Светская красавица и гвар-

деец – и, кажется... кажется, ребенок. Ушла в монастырь... Я не хочу об этом думать, трясу головой – и не отделаюсь, как прилипло. Ребенок... Отчего в монастырь? Чуть ли не графиня или княжна в миру...

«Тьфу ты, мерзость какая! Не хочу думать».

Примечание. Интересные мысли лезут в голову 13-ти-летнему ребенку (!!!)

Служит приезжий иеромонах. У него великолепная черная борода, бархатный баритон и гугучие черные глаза, и под глазами мешки: выпить и пожить, видно, не дурак.

Примечание. Опять же, наблюдения 13-ти-летнего мальчика.

- Господи, по-мо-о-лимся!

А сам – на изуменью и чуть усмехнется левым глазом. А когда поворачивается, блеснет глазами на клирошанок, которые попрежнему послушно и согласно звенят девичьими серебряными голосами.

Я был очень религиозен и, чтобы заглушить это постороннее, врывающееся в мое молитвенное настроение, начинал усиленно креститься.

К концу службы послушницы начинают разносить на серебряных тарелочках просфоры именитым гражданам: прокурору, жандармскому полковнику, окружному атаману, помещику и помещице, купцам, - стало быть, и у бога они на первом месте. Наконец все выходим из храма. Все именитые граждане приглашены к изуменью на чай. Я знаю (откуда - ?, С.К), там богатейшие вина, закуски.

Ну, ничего! Все-таки я ухожу с приподнятым чувством благоговения к храму и к службе в нем и с чувством благодарности и преданности к этому месту, откуда ближе к богу. С товарищами мы выбираемся из ворот, влезаем на гору и смотрим на белеющий внизу монастырь. Он – как на ладоньке. На гору поднимаются два маляра, парни лет по восемнадцатипяти; в руках заляпанные краской ведра и кисти. Садятся возле нас, свертывают по козьей ножке, закуривают.

- В монастыре рабстали. Обсчитала старая хрычовка на два полтинника. Ну, да мы свое взяли!

- Как!

- Фу, да две недели работали, так вот весело было! На ночь-то нас из монастыря выгоняли, - ворота запрут, на скотном дворе должны ночевать. Ну, как заведает, мы зараз с задней стороны к стене, а там уж послушницы лестницу спускают. Зараз влезем в келью. А кельи у них двухэтажные: внизу старые хрычовки спят, наверху – послушницы. Натянут они всего из изуменского погреба – и водки, и ликеров, и цимлянского и шампанского, и закусок разных, сладкого, - ключи подобранные имели, - горы нанесут, и пойдет пир горой. Зараз принесут постелей. Расстелим по полу, чтобы не слышать было, разуемя, и пойдём плясать до самого до колокола, как старым до утрени подниматься. Выпроводят их. Энти богу молятыя, а у нас тут свое, мать честна! !

Примечание. 1) Никогда не слышал, что бывают двухэтажные кельи. 2) Так просто и кому угодно можно было пробраться в игуменский погреб? 3) 18-ти летние делятся своими воспоминаниями с незнакомыми, да еще и 13-ти-летними подростками!

Он закутил от удовольствия головой и от полноты чувств выругался.

- Да-а... А потом детей воц из этого колодца вытаскивают. Каждый год сколько навыволочут!

Я густо краснею. У меня такое ощущение, что на монастырь, на эти золотые маковки, на выпирающие из-за стены густые сады харкнул кто-то густой мерзкой харкотинной. Но я не хочу показаться трусом и говорю легким басом:

- Здорово ! Ну ?

- Ну, вот тебе. Да ты что думаешь ? Мы-то объедками пользуемся. А вот Коньков придет – это генерал, - придет с камердинером... вон его коляска стоит... фу, да вот пара вороних под деревом, - так энтот в церковь, отстоит обедню и выберет себе самых молоденьких клирошанок. После обедни – к игуменье. Там только птичьего молока нет. Ну, нажрется, напьется – и в келью: для него у них приготовлена особая, роскошная. Ну, туда и приведут клирошанок, - ему две, а камердинеру одну. От, жадный крокодил !

- Стало быть, с водосвятием, помолвившись...

Оба захохотали:

- А Купцы, ух, - дела делают ! Оттого и жертвы столько, - ишь, набухали храмов.

Примечание. Теперь понятна основная статья дохода монастырей, которая и обеспечивает массовое строительство.

Мне уже перестало быть стыдно, а подымалась злоба.

- Врешь !

- Чего мне брехать ? Пуцай кобель брешет. Послушницы нам всю подноготную рассказывают. Ты думаешь, этот бородатый служил... да он с игуменьей живет. А она его к послушницам ревнует, везде у нее шпионы. Там, брат, дела. Хочешь, ночью сведем тебя в монастырь ? (это 13-ти-летнего, С.К.). Пятерку дашь ?

Я шел домой, как оплеванный. Как будто с горы накатился огромный вал помоев и все размыл и нарушил – и беленький, чистенький монастырь, и золотые главы, и белую стену, и замутил тихий светлый Дон, и унес в крутящийся муты чистые серебряные голоса клирошанок с милыми детскими личиками.

- Как же это так ?.. Как же это так ?.. – повторял я бесчисленно, не находя ответа.

Примечание. Потрясающе ! Оказывается это на автора вылили “огромный вал помоев”.

И на уроке, и в драке с товарищами, и когда сидел без обеда или читал что-нибудь, - вдруг, помимо воли, назойливо и дразняще всплывал златомаковый монастырь у светлой реки над белой горой, серебряные согласные девичьи голоса, милые полудетские личики, строгие клобуки, недоступно неподвижная игуменья и бородатый иеромонах с мешками под глазами, и трупики детей, которых выволакивают из колодцев...

И я трясу головой и хочу вытрясти эту мертвечину, но она стоит и ходит за мной.

Примечание. 1) Какая недетская сознательность. 2) Неплохой оборот для 13-ти-летнего – “милые полудетские личики”. 3) Колодцев уже несколько.

...К матери заходили знакомые монашки. Приходила пожилая строгая регентша с низким, басовым голосом, беспалая, - у нее на одной руке было два пальца, на другой только один, - и замечательная художница – удивительные иконы рисовала. Это была прямая, искренняя женщина. Прежде я на обращал на нее внимания, а теперь, невольно прислушивался. Что она рассказывала матери. Рассказывала она то же, и все больше рос темный преступный клубок в белом монастыре.

Как-то пришла послушница с грубыми, мозолистыми от работы руками и с заплаканным лицом.

- Господи, да за что же ? ! – слышала я ее сдавленный плач-шепот. – За что же ? За что они меня гонят ?.. Ведь работала не покладаячи рук, **жилы все вытянула**. Игуменья доложили, что я занимаюсь с парнями. А хоть бы и так ? Али мы уж не люди ? Ведь не старухи, сердцу не прикажешь... У других своя семья, любят друг друга, а мы – как неприкаянные. Меня-то батенька насильно отдал девочкой в монастырь по обещанию: болел, так обещал, ежели выздоровеет, отдаст меня богу и сто рублей вкладу сделал. Ушла бы, да куда же я теперь денусь ? Отвыкла от миру, пропаду я там. Хоть руки на себя наложить !.. Сама-то игуменья в свое удовольствие живет, тоже в Воронеж ездит, как время придет. Так там для нее все устроено, никто не знает, все шито-крыто... **А клирошанок-то сколько портят купцы да генералы, да помещики !** И Игуменья знает, да будто не видит. А как, на грех, забеременеет да концы в воду не спрячет, – *знать* зараз из монастыря. А куда пойдешь ?.. Господи, не жисть, а мука !

Примечание. Какой «компот», к тому же из взаимоисключающих составляющих ! 1) В монастыре невыносимо – жилы тянут. Ну так если при этом гонят, то это благо. 2) Жить в миру не хочу – не привыкла. Если умеешь работать, то чего же там страшного ? 3) Традиционное мракобесие. На этот раз у родного отца. 4) Для разврата все имущее человечество направляется в монастырь, там все можно скрыть. Однако любой подросток информирован во всех деталях о том, что там происходит. 5) Игуменья, чтобы заняться «этим-самым» отправляется аж в другую губернию. И это из специально приспособленного для этого места (монастыря). При этом, опять же, абсолютно все в курсе происходящего.

С тех пор я никогда нигде не видел чистенького, бельенького монастыря с золотыми главками: стояли они тяжелые, черные, до краев затопленные жидкой грязью. И когда где-нибудь я подъезжал к монастырю, если это был женский, я невольно не мог оторваться от колодцев – и никогда не пил воды студа, – **пахнет мертвечиной да и младенцами**. Если мужской, я присматривался к поселку, который всегда выросал около монастыря, причем весь поселок состоял из одних баб и много бегало ребятишек, – это были «прачки», стирающие на братию, причем на каждого монаха приходилось по одной прачке”.

Примечание. Неплохо о поселке с “одними бабами” и о том, что “на каждого монаха” приходилось именно “по одной прачке”.

С чем можно сравнить такое ? Кто рассматривается в качестве создателя непристойной литературы ?

Традиционно – И.С. Барков. Удалось обнаружить два стихотворения на заданную тему (о священнослужителях). Ниже приводятся полностью.

Исповедь

1) – Отец духовный, с покаяньем
Я прийти с тебе спешу.
С чистым искренним признаньем
Я о помощи прошу.

3) – От младенчества не знала,
Что есть хитрость и обман:
Раз с мужчиною гуляла,
Он меня завел в чулан.

2) – Кайся, кайся, дочь моя,
Не скрывай, не унывай,
Рад я дочери помочь.

4) – Ай да славный молодец,
Кайся, расскажи конец,
К худу он не приведет:
Что-то тут произойдет.

- 5) – Катя, ангел, он сказал, -
Я в любви тебе клянусь, -
Что-то твердое совал,
Я сейчас еще боюсь.
- 7) – Что-то в ноги мне совал,
Длинно, твердо, горячо,
И, прижавши, целовал
Меня в правое плечо.
- 9) – Кайся, кайся, честь и слава.
Вот примерная забава.
Ай да славный молодец,
Расскажи теперь конец.
- 11) – Вот в чем дело состоит,
Как бежать, когда стоит ?
Ты просящим помогай:
Чего просят – то давай.
- 13) – Ай да славный молодец,
Кайся, расскажи конец,
К худу он не приведет,
Что потом произойдет ?
- 15) – Ну, что дальше ? Поскорей,
Кайся, кайся, не робей,
Я и сам уже дрожу,
Будто на тебе лежу.
- 17) – Сердце к сердцу, губы вместе,
Целовались мы с ним.
Он водил туда раз двести
Чем-то твердым и большим.
- 19) – Мы немного полежали...
Вдруг застала меня мать,
Мы с ним оба задрожали,
А она меня – ругать.
- 21) – Ах, безумна, - мать кричала, -
Недостойная ты дочь.
Вся замарана рубашка...
Как тут этому помочь ?
- 23) – Так пошла я к покаянью:
Обо всем тебе открыть,
И грезам моим прощенье
У тебя, отец, просить.
- 6) – Кайся дальше, не робей,
Кайся, кайся поскорей.
Будь в надежде на прощенье,
Расскажи про приключенье.
- 8) – В то же время как ножом,
Между ног мне саданул,
Что-то твердое воткнул,
Полилася кровь ручьем.
- 10) – Он немного подержал,
Хотел что-то мне сказать,
А сам сильно так дрожал,
Я хотела убежать.
- 12) – Он меня схватил насильно,
На солому уложил,
Целовал меня умильно
И подол заворотил.
- 14) – Потом ноги раздвигал,
Лег нахально на меня,
Что-то промеж ног совал,
Я не помнила себя.
- 16) Кайся, кайся, bravo, bravo,
Кайся, кайся, честь и слава.
Ах, в каком я наслажденье,
Что имела ты терпенье.
- 18) – Ай да славный молодец.
Кайся, расскажи конец.
Это – опытный детина,
Знал – где скрытая святыня.
- 20) – Ах, хрычевка, старый пес,
Зачем пес ее принес ?
Он немного отдохнул бы,
Да разок еще воткнул бы.
- 22) – Берегла б свою, хрычевка.
Что за дело до другой ?
Злейший враг она, плутовка,
Подождала б час – другой.
- 24) – Дочь моя, тебя прощаю,
Нет греха, не унывай.
В том тебе я разрешаю,
Если просят, то - давай.

Второе стихотворенье густо "сдобрено" нецензурными словами. Вместо них ставится многоточие. Ввиду ограниченного числа матерных слов, необходимости соблюдать рифму, а также тому, что количество букв в пропущенном слове соответствует количеству точек, - пылливый читатель, при желании, без особого труда ликвидирует пробелы в тексте.

Поп Вавила

- 1) Жил-был сельский поп Вавила,
Уж давненько это было.
На скажу вам – как и где,
И в каком таком селе.
- 2) Поп был крепкий и дородный,
Вид имен он благородный,
Выпить тоже – не дурак,
Лишь плохой имел елдак.

- 3) Очень маленький, мизерный,
Так, х о очень скверный –
И з а не стоит,
Как сморчок во мху торчит.
- 5) Долго с ним она возжалась:
И к знахаркам обращалась,
Чтоб поднялся . . . попа,
Не выходит ни кляпа.
- 7) Стала вовсе нена . . . на,
Ненасытная утроба,
Кто уж, кто ее не . . . :
Сельский знахарь и холоп.
- 9) Благочинному давала –
И того ей стало мало:
Захотела попадья
Архирейского . . .
- 11) Что с таким, де, неуклюжим
жить она не может мужем,
Что ей лучше в монастырь,
А не то, так и в Сибирь.
- 13) Долго ль, скоро она шла,
Наконец и добрела.
Встретил там ее келейник,
Молодой еще кутейник.
- 15) После в зал ее отправил
И в компании оставил:
Эконома старика,
Двух просвитеров, дьяка.
- 17) Взор суров, движенья строги,
Попадья тут прямо в ноги:
- Помоги владыко мне,
Но прошу – наедина.
- 19) Там велел сказать – в чем дело,
Попадья довольно смело
Говорит, что уж лет пять
Поп не мог ее
- 21) – Что же муж твой что ли болен ?
Иль тобою недоволен ?
Может быть твоя
Не годится никуда ?
- 23) Тут скорехонько Ненила
Архирию . . . взд а,
Юбку кверху подняла
И сама под ним легла.
- 25) Хороша , не спорю
и помочь твоему горю
Я готов и очень рад, -
Говорит святой прелат.
- 27) Быть глупее идиота.
Как придет тебе охота,
Полечу тебя опять,
Чур, как нынче поддавать.
- 4) Попадья его Ненила,
Как его не шевелила,
Чтобы он ее п . . б -
Ни . . . не может поп.
- 6) А сама – то мать Ненила
Хороша и похотлива,
Ну и стала всем давать -
Словом, сделалася – б . . . ь.
- 8) Целовальник с пьяной рожей,
И приезжий, и прохожий,
И учитель, и батрак -
Все совали свой елдак.
- 10) Долго думала Ненила,
Наконец таки решила
В архирейский двор сходить
И владыке доложить.
- 12) Собралась как к богомолью,
Захватила хлеба с солью
И отправилась пешком
В архирейский летний дом.
- 14) Три с полтиной взял он с ней,
Обещав, что архирей
Примет сам ее прилично
И прщенье примет лично.
- 16) Встали все со страхом рядам,
Сам отправился с докладом;
Вот из царственных дверей
Показался архирей.
- 18) Лишь поведать свое горе, -
Говорит с тоской во взоре.
И повел ее аскет
В свой отдельный кабинет.
- 20) . . . его уж не годится,
А она должна томиться
Жаждой страсти столько лет.
Был суровый ей ответ:
- 22) – Нет, помилуйте, владыка, -
Отвечает тут затыка, -
Настоящий королек,
Не угодно ли разок ?
- 24) Толстой жопой подь езжала,
Как артистка поддавала . . .
Разошелся архирей
Раз четырнадцать на ней.
- 26) – Все доподлинно узнаю,
Покажу я негодюю.
Коли этаких не еть,
Значит – вкуса не иметь.
- 28) И довольна тем Ненила,
Что от святости вкусила,
Архирия за . . . а -
Веселей домой пошла.

- 29) А его преосвященство
Созывал все духовенство
Для решенья многих дел,
Между прочим повелел:
31) И об этом донесенье
дать ему без промедленья.
Так недели две прошло,
Спать ложилось село.
- 33) –Здравствуй, сельский поп Вавила,
Мы, де, вот зачем пришли;
На тебя пришел донос,
Неизвестно – кто принес.
35) Что на это ты нам скажешь ?
Завтра утром нам покажешь
Из-за ширмы свой елдак,
Чтоб решать могли мы так:
- 37) Подан карп, уха стерляжья . . .
Спинка в соусе лебяжья . . .
Поболтали, напились,
Да и спать все улеглись.
39) Поп Вавила тут слукавил
И за ширмою поставил
Агафона – батрака
Ростом в сажень мужика.
- 41) –Что-то, мать, с тобой случилось ?
Ты на это пожурилась ? –
Благочинный спросил
И Ненилу пригласил.
43) Что любая бы кобыла
Эту елду полюбила,
И не всякая
Это выдержит всегда.
- 45) Бородавка, мне ль не знать ?
Что ты врешь, е мать ? –
Так воскликнула Ненила
И всему конец тут было.
- 30) Чтоб дознание учинили
Об одном попе Вавиле.
Верно ль то, что будто он
Есть способности лишен ?
32) Огоньки зажгли по хатам . . .
Благочинный с депутатом
К дому попа подъезжали
И Вавилу вызывали.
- 34) Будто х . . . м не владеешь,
Будто ешь ты не умеешь,
И от этого твоя
Горе терпит попадья.
- 36) Можешь ли ты баб ?
Или . . . совсем ослаб ?
А теперь нам только нужен
Перед сном хороший ужин.
- 38) На другой день утром рано
Солнце вышло из тумана.
Благочинный, депутат
. . . попа посмотреть спешат.
40) И тогда перед попами
. . . с огромными мудьями
Словно гири выпер вон
Из-за ширмы Агафон.
- 42) Посмотреть на это чудо -
Тут и весу – то с полпуда,
И не только попадья,
Но скззать дерзаю я.
44) – Ах, мошенник, ах, подлец.
Обманул он вас, отец.
Это . . . ведь Агафона
И примета слева, вона . . .

Сомнений в похабности приведенных двух стихотворений, разумеется, нет. Но выставлены они ведь только с одной целью: для сравнения с вышеприведенным рассказом. В стихах исходно заложен сатирический жанр и нет никаких обобщений.

Рассказ же претендует на "объективное" отражение жизни. Даются обобщения вроде того, что "из каждого монастырского колодца несет мертвечиною и младенцами". Кстати, как это ? Запах мертвечины и младенцев (в сочетании) ?

Первоначально я предполагал, что игуменя, как говорится, собирательный образ. Однако в послесловии к тому № 8 сказано, что содержание рассказа взято "из врезавшихся на всю жизнь детских и отроческих впечатлений . . . Описываю я здесь монастырь около Усть-Медведицкой станицы (теперь город Серафимович). В этот монастырь я часто хаживал ребенком" [с. 438]. Ну здесь все достаточно несложно посчитать. А.С. Серафимович родился 6 января 1863 г. Он описывает свои впечатления в 13-ти-летнем возрасте. То есть, это было в 1876 г.

С 1863 г. и до конца своей жизни (1905 г.) игуменьей Усть-Медведицкого монастыря была Арсения, в миру Анна Михайловна Себрякова, сделавшая невесть сколько для всего края, получившая неимоверное для священнослужителя количество наград. Именно о ней и в такой манере позволил себе высказаться этот деятель (!!!).

Жизнеописание игуменьи представлено в кн. «Донцы XIX века» [с. 9 - 13] и ниже приводится полностью:

“АРСЕНИЯ (СЕБРЯКОВА), игуменья.

К числу замечательных донских женщин 2-й половины прошлого века принадлежит Арсения, игуменья Усть-Медведицкого Преображенского девичьего монастыря. В мире Анна Михайловна Себрякова, она родилась в известной всему Дону старинной дворянской семье Себряковых в 1833 году. Отец ее гвардии штабс-ротмистр Михаил Васильевич Себряков. Бывший войсковой депутат (в 1839 – 1842 годах), человек чрезвычайной начитанности и ученый, постарался дать своей любимой дочери, по тому времени, самое полное научное и светское образование. Наружность ее и огромные богатства ее отца, имевшего несколько десятком тысяч десятин земли в Усть-Медведицком округе, сулили Анне Михайловне самую блестящую и завидную мирскую жизнь. Все улыбалось ей впереди.

Но утехи земного счастья рано перестали привлекать к себе внимание богато одаренной натуры девушки. Религиозная настроенность отца еще в молодых летах передалась и Анне Михайловне. Эта настроенность была замечена воронежским епископом Антонием при посещении им семьи Себряковых, который и выразился тогда в том смысле, что дорога ее не будет похожа на обыкновенный путь людей ее положения. От отца она унаследовала убеждение в высоком призвании человека и веру в высшее о нем попечение Провидения; почтенный родитель указал ей великие идеалы лучших представителей человечества и источник их – Бога, венец всякого совершенства.

И вот, глубоковосприимчивая Анна Михайловна решила посвятить себя Богу и, когда узнала, что для этого нужно отказаться от всех мирских благ, «восторженная, на высокий душевный тон настроенная своим благочестивымудрым отцом, она отважилась на эту жертву, - как говорит архиепископ Никанор, - и настояла на своем призвании, единственно из самоотвержения, из любви к Христу, ревнуя послужить Богу и церкви» . . . С любовью к миру, к людям и жизни, но понимая, что все это не может дать ей полного душевного удовлетворения, она 30 декабря 1850 г. зачислилась послушницей в одинокий в том краю и бедный в то время Усть-Медведицкий женский монастырь. Но с собою она принесла монастырю счастье: помимо вскоре состоявшегося, давно жданного фактического обеспечения монастыря, в лице своего отца она доставила монастырю и щедрого жертвователя, не отказывавшего ему в помощи до самой своей смерти.

Молодая послушница с чувством душевного удовлетворения прошла все ступени трудного монашеского искуса. С поступления в монастырь она обучала послушниц живописи. Для духовного утверждения в своем подвиге и ознакомления с монашескою жизнью других монастырей, весной 1853 г. она посетила монастыри Воронежа, Задонска, Киева и друг., совершив это путешествие по обычаю православного люда пешком. Но нигде она не нашла такой простоты жизни и такой уединенности положения, как в своем Усть-Медведицком девичьем монастыре, и потому окончательно избрала его местом своего монашеского подвига и в 1854 г., 25 февраля, была покрыта в нем рясофором.

В 1859 г., января 11-го, Анна Михайловна была пострижена в инокини с именем Арсения. В виду сходства судьбы ее с судьбою Арсения Великого, который когда-то, будучи безвестнейшим и знатным человеком своего времени, покинул мир и удалился в безвестную пустыню. В 1862 г., мая 4-го, она была определена

казначеею. В наставницы и руководительницы своего иноческого подвига Арсения избрала себе схимонахиню Ардалиону, старицу высокой духовной жизни. Эта старица, развивая ее духовное просвещение, возымела неограниченное влияние на Арсению и, когда в ноябре 1863 г. умерла игуменья Вирсавия, Ардалиона, по просьбе сестер монастыря, убедила Арсению принять единодушно ими предложенную ей должность игуменьи, в каковую она и была посвящена в Новочеркасске, 3 января 1864 г., архиепископом Иоанном. Заметив уже ранее недостатки местной монастырской жизни и многое другое, нуждающееся в развитии, игуменья Арсения тотчас же принялась за устренение обители во всех отношениях.

Прежде всего она обратила внимание на безграмотность послушниц и монахинь монастыря, которая не давала им возможности совершенствоваться в изучении слова Божия и проникновении истинами веры; всякую неграмотную сестру без различия возраста прежде всего стали обучать чтению, и ныне в монастыре нет ни одной неграмотной; по распоряжению Арсениы были собраны разрозненные книги, принадлежавшие монастырю, и пополнены творениями святых отцов церкви, что и составило монастырскую библиотеку.

Затем игуменьей были приняты меры к развитию старчества: вновь поступающие монахини отдаются под руководство опытных стариц-инокинь, которые и помогают духовному усовершенствованию сестер.

Еще до Арсении в монастыре существовала школа для девочек окрестных жителей, но малограмотные монахини, примером своей жизни давая хорошее религиозно-нравственное воспитание, не могли дать им научных знаний. Видя настоятельную нужду в большем и лучшем просвещении девочек и их семейств, игуменья Арсения задалась целью устроить в монастыре правильно организованную 3-х классную безвозмездную школу, которая и была открыта 3 сентября 1867 г. в помещении (временном), построенном отцом игуменьи для нее; школа эта быстро приобрела себе отличную репутацию; из дальних хуторов и станиц округа помещали туда своих дочерей не только простые казаки, но и дворяне. Архиепископ Платон и попечитель харьковского учебного округа в 1869 г. посетили школу и остались ею очень довольны. За благоустройство монастыря и за ведение при нем женского училища. В том же 1867 г. Арсении было преподано архипастырское благословление, а за благоразумное управление монастырем, в 1869 г. выражена архипастырская признательность. В 1870-же году она удостоена была благословления Синода. Обширная и плодотворная деятельность игуменьи на ниве народного образования сделала монастырь как бы светочем просвещения в этом довольно диком углу Донской области и постоянно привлекала к себе внимание окрестного населения и начальствующих лиц.

Покончив заботы о правильной постановке школы, игуменья Арсения всецело отдалась осуществлению другой своей заветной мысли, - устроить новый храм в честь иконы Казанской Божьей Матери; две бывших в монастыре церкви были тесны и неудобны, - в дни стечения народа монахиням было негде молиться. Божье соизволение помогло осуществить мысли игуменьи. 15 октября 1871 г. получено было от архиепископа Платона разрешение на постройку храма по проекту известного академика архитектора Горностаева; денег на постройку, при начале ее было всего 17 тысяч руб., а по смете нужно было иметь около 52 тысяч руб. Но менее чем в 15 лет (1871 – 1885), к годовщине столетия женской обители был выстроен, при незначительных сначала средствах, великолепный храм (подражание Юстинианской базилике), лучший и до сего времени на севере области и занимающий видное место в церковном зодчестве целой России. Каких трудов и тревог стоило его сооружение! В этом высоком святом деле оправдалась уверенность храмоиздательницы, что уповающие на Бога да не постыдятся.

Неусыпные труды игуменьи по построению храма не остались не замеченными духовным начальством. За это время она удостоивалась следующих наград: в 1877 г. за ревностную и примерно-усердную службу – ВИСОЧАЙШЕ пожалованного наперстного креста; в 1879 г. архипастырской признательности за попечительность о благоустройстве монастыря; в 1880 г. знака Красного Креста; в 1884 г. за образцовые порядки в монастыре – архипастырского благоволения, и в 1885 г. золотого наперстного креста, украшенного бриллиантами, из кабинета ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА – за цветущее состояние обители и построение в ней нового каменного храма. Наконец, в 1898 г. и 1901 г. игуменья Арсения получила благословение Синода с грамотами.

Игуменья Арсения не мало заботилась и о строгом исполнении весьма нелегкого монастырского устава, о благолегии и полноте церковной службы, особенно торжественной в храмовые монастырские праздники, когда туда стекаются тысячи народа. Помогая нищим, воспитывая девочек-сирот, принимая жаждущих душевного спасения, обитель игуменьи Арсении заботится еще и о престарелых и немощных женщинах, содержит несколько десятков их в монастырской богадельне. Прекрасное во всех отношениях состояние обители дало повод архиеписко-

пу Митрофану почтить в 1884 г. игуменью Арсению (по типу древних владычных) с указание на ее подвиг иночества и ее выдающиеся заслуги в деле устройства обители, имеющей такое огромное благотворное влияние на окрестное население и привлекшей к себе любовь и уважение всего Донского края. Игуменья Арсения скончалась в своем монастыре имея от роду около 75 лет".

Умерла в Серафимо-Саровском монастыре в Нижегородской губернии в ночь на 22 июля 1905 г., погребена 8 августа в ею созданной пещере под церковью Арсения Великого Усть-Медведицкого монастыря. Портрет М.А.Никольского [А.А.Шумков «Себряковы» в серии "Свод поколенных росписей", вып. 8, СПб., ВИРД, 1999, с.35]

Рассказ «Тамбовский мужичок в Москве», впервые напечатан в г. «Рабочий край» (г. Иваново), 1918, 8 марта № 4.

Сознательный солдат поучает старика из своей деревни:

“- А ты подумай, сколько народу кормилось возле банкиров, возле капиталистов, помещиков. И все они дыбом поднялись на большевиков, то есть на рабочих, крестьян, солдат.

И начали они бастовать, начали брехать в своих газетах на большевиков и потом прямо взяли за оружие в двух местах: на Дону и на Украине в Киеве. Побежали туда помещики, бывшие офицеры, капиталисты, банкиры и все другие, кто сосал народ. На Дону объявился помещик, генерал Каледин. Собрал он полки из бывших офицеров, юнкеров и часть казаков обманул, и они пошли за ним. Вот этот генерал – помещик Каледин не пускает в Москву, в Петроград, в северные губернии и на фронт хлеб и уголь, – пуцай, мол, там вымрут и вымерзнут; с голоду-то народ взбунтуется, а Каледин с помещиками и захватит власть у рабочих и крестьян. Но только помните, тогда помещики, капиталисты, банкиры, бывшие офицеры начнут безумно расправляться с народом: города, деревни завалят трупами крестьян и рабочих, залиют улицы, дома, избы горячей кровью народной, будут расстреливать, топить, вешать, жечь. В Ростове-на-Дону они одержали маленькую победу, так сколько перебили и перекололи народу с зверским хохотом. И не видать вам земли и воли, если вы, крестьяне, и солдаты не поддержите правительство рабочих и крестьян и солдат. Спасайте же себя. Спасайте своих детей, спасайте землю, свободу, родину, спасайте, а то будете плакать, да поздно”.

Старик благодарит солдата за то, что тот открыл ему глаза:

“... Ах ты, идол долгогривый !.. Прямо скажу тебе, Никола, каждый год я ему как на духу клал гривенник, прямо скажу тебе, не тая: теперича приду на исповедь, положу копейку, как перед истинным, - не бреши, кобель волосатый. . .”

Рассказ «Остров порядка и свободы», впервые опубликован в г. «Известия», 1918, 19 марта. № 49, “находится в ряду корреспонденций, написанных в период поездки на юг, в Харьков, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, куда Серафимович был послан Московским советом в качестве корреспондента «Известий» в марте – апреле 1918 года”

“Необозримо белею зимние донские и прикубанские степи. Черными далекими пятнами разбросаны хутора. Станции, и чуть струится синеватый дымок над ними. Медленно тянется там своя хозяйственная жизнь.

А города, - те продвинулись к самому морю. Оно тоже белые и неподвижно, - старое, сеное Азовское море.

И в городах спокойно - спокойствием порядка. Дымятся фабричные трубы, посвистывают паровозы. Рестораны ярко освещены. В третьем классе вокзалом чисто и спокойно, и третьеклассники не кладут в первом, во втором классе ноги на стол. Нет спекуляции со спиртом, не торгуют им по безумным ценам, не отравляются денатуратом, - отперты казенные лавки, и чистая неотравленная бутылка водки стоит пять рублей.

Но – не только внешний порядок и спокойствие, -здесь и внутренняя свобода. Есть печать, собрания, общества. Это как раз то, что так страстно хотела бы видеть буржуазия не в этих только трех приазовских городах и забеленных снегами неоглядных степях, а по всей России: чтоб был производительный труд и плодотворно прилагался капитал, чтоб организующие классы за свой квалифицированный труд по справедливости пользовались и квалифицированной жизнью, развлечениями, удовольствиями, чтоб была «свобода печати. Союзов, обществ, стачек» в пределах безарестности.

"И все это было. Была и «свобода печати», были и буржуазные и «социалистические» газеты. Буржуазная печать, как ей и полагается, лгала без меры, без конца, без передышки. Социалистическая меньшевицкая и право-эсеровская вра-ла умеренно, как с кривизной зеркало, - и будто верно и будто не верно – и чувствовала себя недурно.

По буржуазной печати, советские войска все время, как зайцы, бежали перед алексеево-корниловскими добровольцами, до такой степени бежали, что очутились наконец в Ростове, Новочеркаске, Таганроге, и сотрудники газет, бросив перья на полуслово, прыснули во все стороны и скрылись.

Была и свобода собраний, стачек, союзов для рабочих, но в пределах, за которыми расстреливали.

По улицам стройно, в ногу, с музыкой проходили офицерские батальоны, батальоны добровольцев, юнкера, хорошо вымуштрованные, ударницы и ударники, и «Белый дьявол», целиком состоявший из гимназистов. Стройно пели «Боже, царя храни...», и колыхалось знамя с инициалами императрицы.

Словом, был «порядок и свобода».

Офицерские батальоны представляли отборное, дисциплинированное войско – отлично стреляли, имели стратегически-тактические знания; борьба с ними была чрезвычайно трудна.

Добровольцы – самый разношерстный народ: золотая молодежь, люди, которым девать себя некуда, авантюристы, грабители и убийцы, простоватые солдатики. Ударники и героические кавалеры были крепки. Ударницы – истерички. Наконец, «Белый отряд» был нестоек, но убивать людей умел.

Все было прекрасно в этом царстве «порядка». Строгой, в пределах «свободы». И советские войска были не страшны. Не страшны потому, что они в поре образования, подбора".

Далее объяснение, почему молодая необученная красная армия поначалу терпела поражения. Затем о трудностях, которые стали испытывать белые, по мере оказываемого в их городах сопротивления рабочих, а также, ввиду повышения боевой стойкости и военных качеств красной армии.

"Что же делали в это время генералы Краснов, Алексеев и Корнилов ? То же, что и всегда и везде делали генералы и слуги буржуазии, - всячески старались обмануть трудовой народ.

Извне на остров не допускалась ни одна газета, ни письма, ни телеграммы. Обыватель был в блаженном неведении. Ничего не знали о ходе революции, не имели представления об из данных декретах, страшно удивились новому стилю.

Кроме бесконечно белеющих степей да городов, прилепившихся к застывшему Азовскому морю, ничего не было.

Вызывали с фронта казачьи части и сообщали им, что большевики грабят и насилуют население. На Матвеевом кургане казаки раздраженно и спешно выгружали батарею, чтоб разнести «грабителей». Стали спрашивать:

- Даже вас грабят большевики?

- Тю вам, та мы сами их кормим, бо воны наши избавители. Кто такой вам брехав?

Казаки постояли разинув рты, погрузили в поезд батарею и уехали назад.

А советские города вместе с подымавшимися казаками все теснее сжимали счастливый остров. Красная гвардия стала закаляться в бою – приобрела сноровку. Заматавшиеся юнкера, офицеры и добровольцы не знали предела своей жестокости. Во дворе штаба юнкеров в «Европейской гостинице» в Таганроге обнаружены двенадцать человек убитых рабочих. Это был цвет пролетариата.

Убивали варварски. Во дворе вырыли яму, на краю поставили лестницу и штыками заставляли рабочих подниматься на несколько ступеней. Потом стреляли. Человек падал в яму ещё живой. Когда набралось двенадцать, – сверху бросили собаку и заровняли. Не удивительно, что таганрогские рабочие, как только услышали, что приближаются советские войска, с риском быть всем перебитыми, восстали!

Затем о том, как рабочие голыми руками расправились с юнкерами.

“... Когда советские войска вступили в Таганрог, юнкеров и след простыл.

Генералы заматались. Каледин был только вывеской для Дона. Дело было уже бесповоротно проиграно: загрохотали орудия, и в туманное утро 9 февраля советские войска вступили в Ростов. На улицах заляпались офицерские шинели. погоны, – очевидно, за ночь переодевались в штатское.

Весь трудовой народ высыпал на улицу и встречал красных солдат несмолкавшим «ура»...

Буржуа, встречавшие когда-то юнкеров и добровольцев цветами, конфетками, объятиями, попрятались; дамы надели платочки и стали выдавать своих вечерашних друзей и благодетелей, а солдаты вытаскивали корниловцев и расстреливали. Особенно раздражал расстрел калединцами красных войск из-за угла, из окон, когда город уже был целиком в руках советских солдат и очищен от добровольцев.

- Что же это такое? – говорили солдаты. – Из Питера их выбили и не тронули. Они побежали в Москву. Из Москвы выбили и не тронули. Они прибежали сюда. Отсюда выбили. Они побежали на Кубань. Докуда же это будет? А ведь каждая перебежка офицера стоит полсотни жизней рабочих и солдат. **Нет, с корнем надо теперь уничтожить!**”

Опять, абсолютно все “нравится”. Особенно на фоне тех событий, которые разворачивались в марте 1918 г. (время опубликования рассказа). После прихода в южные города красных начались павальные расстрелы. Командующего этими войсками Антонова-Овсенко после этого обвиняли и обвиняют (и на мой взгляд, совершенно справедливо) в организованном им геноциде.

Отдельно хочется выделить последний абзац – обоснование необходимости поголовного уничтожения офицеров.

Рассказ «**На родине**», впервые опубликован в г. «Известия», 1918, 10 апреля (28 марта), № 68 (316).

Писатель из Ростова-на-Дону приезжает в Новочеркасск. Перед ним 'на горе с мутно-голубоватой мглой подымается громада собора'.

"Этот собор строили сорок лет, и трижды, когда сводили купол, он обваливался до основания с грохотом, окутывая всю округу дымной пылью. Зато красиво и крепко по всему городу выростали многочисленные дома строителей собора. Едва ли где-либо так весело, так беззаботно, грациозно умели воровать, как на Дону..."

...

"Встречаю знакомого.

- Откуда ?.. Как ?.. Ведь к нам никого... мы никуда... отрезаны были 2 ½ месяца – ни писем, ни телеграмм, ни почты. Совершенно ничего не знали, что делается на свете. «Ленин убит... Дарданеллы прорваны англичанами. Немцы дошли до Урала». Правда что ли ?"

Примечание. Ну надо же ? Какую цензуру установил Каледин ! ?

"Начинаю расспрашивать о знакомых.

- Доктор Брыкин убит перед вступлением советских войск. Приехали два офицера ни извозчике, попросили одеться, увезли, убили, бросили в колодезь. Убили и извозчика, чтоб не выдал. Убивали рабочих. Приговорили к смерти целый ряд лиц. Из офицерства организовали тайное террористическое общество, которое и выносило смертные приговоры. Завели охранки с жандармами, со шпиками, честь-честью. Генерал Жерве завел систему «троек» для агитации. Ввели статистику, дневник, дела заподозренных, характеристики, чертили кривые неблагонажности, ну, департамент полиции ! Больше всего, что ребятишек – учащуюся молодежь – втягивали в это-сыск, взаимные подозрения, тлетворная атмосфера.

Ребятишек всячески и по-иному втягивали в борьбу. Начиная с третьего, четвертого класса . . . Дамы, барышни, гимназистки все свое обаяние пускали в ход. На улицах, на вечерах, в театре, на гуляньях подходили ко всем молодым людям, к мальчикам, стыдили, уговаривали, кокетничали. Родители тоже уговаривали детей идти в добровольцы . . . Записывались "целыми классами, целыми курсами". "Уверенности в победе тем больше было, что подлые служащие газеты «Вольный Дон» в Новочеркасске и «Приазовский край» в Ростове, вралли, не покладая рук . . . Насчет жестокости алексеевцы охулку на себя не клали, - за городом найден ряд тел красноармейцев. Они были взяты в плен, их гнали и рубили им уши, руки, пока не падали; тогда рубили головы".

Перед отступлением добровольцы "под страшной тайной вывозили что-то"

"нашел семнадцать трупов эрогалей, которых ночью, оказывается, добровольцы заставляли перевозить захваченное в банке золото. Когда они перевезли, их убили, чтобы они не выдали тайны. Думаю, что всего золота добровольцы не могли с собой увезти; часть зарыли и скрыли: в Новочеркасске, а возчики были убиты".

После бесчеловечного правления белых жизнь начинает налаживаться.

"Молодой Новочеркасский совет рабочих и казачьих депутатов изо всех сил работает . . . Выходят «Известия» совета. Принимаются меры к проведению всех декретов народных комиссаров".

Опять все "радует". Вот, оказывается, кто занимался зверствами.

Рассказ «Не ожидал».

Полное представление о рассказе дает то, что написано в Приложение "Впервые напечатано в газете «Известия», 1918, 1 мая (18 апреля), № 85 (333). Позднее Серафимович писал о рассказе: «Тип полицейстера составлен «из кусочков» отдельных полицейских держиморд, с которыми мне приходилось сталкиваться на Дону после ссылки, во время нахождения под надзором полиции. Я не шаржировал своих героев: такими фарсовыми они и выглядели в жизни. И они-то были опорой царизма»»

Рассказ «**Красный праздник**», впервые опубликован в г. «Известия». 1918, 5 мая (22 апреля).

Дается описание большой демонстрации в честь дня рождения К. Маркса.

Рассказ «**Черной ночью**», впервые опубликован в ж. «Творчество», 1918, май, № 1, с. 3 – 9. О мытарствах начинающего писателя в дореволюционной печати на собственном примере.

Это при том, что А.С. Серафимович стал издаваться, практически, сразу. И был достаточно благожелательно принят.

Рассказ «**Как мы читали Карла Маркса**», впервые напечатан в ж. «Творчество», 1918, май, № 1, с. 11 – 13.

«Недаром и станция-то называлась Усть-Медведица: медведей много водилось в давнее время, медвежий угол, непроходимая глушь, - ни железной дороги, ни парохода. Старая седая река, а над рекой горы, а за рекой леса, а на горе станция, жизнь в ней текла медленно, сонно и... страшно.

*Нас душили в гимназии латинским, греческим, законом божьим, давили всем, лишь бы задушить любую душу. Всякую книжку по общественным наукам отнимали, а нас сажали в карцер. И были наши учителя нашими **палачами**.*

*Когда мы кончили и ехали в университет, мы наконец вздохнули от **проклятой жизни**. Хотелось знаний, свободы, хотелось общественной работы, - живые ростки все-таки остались в душе, даже **палачи** не сумели их убить.*

Но в Питере оказалось еще хуже, - стояла удушливая тьма самодержавия и в общественной жизни и в университете».

В дальнейшем оказывается, что по сравнению с окружающим мракобесием единственной отдушиной и глотком свежего воздуха являются работы К. Маркса. Сначала продвигались с трудом. «**Заставив нас мучительно преодолевать трудности, Маркс дальше разворачивался неотразимо увлекательно, как роман**».

Все неплохо: и учителя – палачи, и проклятая жизнь, и неимоверный интерес к работам Маркса. Еще один наглядный пример – как можно все переставить с ног на голову. Тем более, что остались еще в памяти впечатления от изучения марксистско-ленинских источников и, особенно, в сравнении с восприятием других предметов.

И, кстати, о станции. Ее название – привязка в реке, впадающей в Дон, т. е. стоящая в устье реки Медведицы. Река течет многие десятки километров и устье не может быть "медвежьим углом". Даже минимального смысла в предложенной трактовке нет.

Рассказ «**Без билета**», впервые опубликован в ж. «Творчество», 1918, июнь, № 2, с. 12 – 14. О "сознательных" казаках.

“Это было в восемнадцатом году. Мне надо было ехать из Новочеркасска в Ростов”.

Посадка в поезд. Вагон тронулся.

“Вошел кондуктор с рачьими глазами, покачиваясь от хода, и строго сказал:

- Ваши билеты !

Казак замялся. – Да мы... Кто ж её знает... да мы думали...

- Чево думать ? Думать нечего, а надо билеты брать. Эдак все думать начнут, железная дорога сядет. В Аксае негременно возьмете.

- Возьмем, беспременно возьмем, - покорно сказали казаки.

Эта покорность смягчила кондуктора. Он присел и стал крутить, слюнявя, папироску.

- Главное теперя – это народное достояние. Прежде, бывало, сколько этого зайца возили, да я сам возил. Разве мыслимо за 25 рублей в месяц с семьей ?

- Немыслимо, - подтвердили казаки.

- А теперя 108; хоть и трудно, ну, можно перебиться. Так разве я повезу теперя зайца, когда все это – народное достояние ? Чево с вас сало текеть ? . . .”

...

“- Едем Корнилова ловить, с его шайками биться. . . Мы – 1-й сотни 41-го казачьего полка, може слышали ? . . . Да, - продолжал казак, помахивая рукой, - стало быть, наша сотня, - 65 человек как один: «Не пойдём до Каледина». Командир полка, ахвицеры так, сяк. «Не пойдём, и шабаш». –. «Под расстрел вас, таких-сяких !» - «Хочь под расстрел, не пойдём».

Сотня сбежала к красным. Кондуктор “запрыгал на сидении”.

“- Ну, герои... ну, молодцы!

Подробный рассказ о мытарствах сотни. По дороге заехали в свою станицу получить благословение у родителей. Те его не дали. Далее передвигались на Кубань и боя ми и большими трудностями. Как их, в конце концов, благожелательно и по-доброму встретил трудовой народ.

“Кондуктор поднялся, сурово нахмурился и, не глядя на казаков, сказал строго: - Аксай. Тут билеты брать. Ну... не берите, небось не сдохнет дорога... еще чего. Страдали га нас, да брать билеты... - и ушел”.

Рассказ «Чей сад ?», впервые опубликован в сборнике «Рассказы», М, 1918, с. 10 – 12. О “справедливом” отъеме сада у помещицы.

Рассказ «Проводил», впервые опубликован в сборнике «Рассказы», М, 1918, с. 13 – 15. О “сознательных” детях, помогавших родителям агитировать за большевиков при выборах в Учредительное собрание.

Рассказ «Памятник», впервые опубликован в сборнике «Рассказы», М, 1918, с. 16 – 21. Поп рассказывает прихожанам – какие благодеяния для села сделала князь с княгиней. Предлагает заказать по ним панихиду.

Один старый дед не хочет помянуть “жеребца”.

“- Жеребец, говорю, лежит тутотка, - сказал он, глядя старыми глазами на памятник, - бывальна, как девку отдают замуж, князь велит от венца прямо в свои покои привести. На, там ночь пурвую побудет, а потом к мужу ступай...

- Врешь ты ! – кричал поп, махая руками.

- На мертвого ложь возводить ! – заревел дякон, и далеко за речкой отдалось.

...
 - Мою жену от венца к себе уволок... Всю жизнь я её поёдом ел, - княжеская! Какая наша жизнь была! А винозата она, што ли, - в ногах валялась, за сапоги мужиков хватала, которые её волокли, обмирала, содой отливала. Христом богом молила, ну да мне легче, што ль, от этого. Так на всю жизнь и осталась...

Старик (на начало XX века). Получается, что правом "первой ночи" пользовались, эдак, в 1870 – 80-х годах. Ничего себе ?

Рассказ **«Ненависть»**, впервые опубликован в г. «Правда», 1918, 15 ноября, № 247.

60-ти-летний старик рассказывает почему он служит. На его глазах белые расстреляли семерых.

“... верите ли, я цыпленка резать не могу, никогда во всю жизнь не резал, а их, ну – кишки бы выпустил. Трех провокаторов – попов зарезал, в брюхо – рраз! Готов”.

...
 “... А мамаша тяжелая была старшим братом. Да и опоздай (на работу, С.К.) – и опоздала, может на четверть часа. Зараз бурмистр: «А-а. такая-сякая!..» **Выкопали в глине ямку для живота, положили животом в ямку и стали пороть**”.

...
 “Да я им теперь горлы перегрызаю!..”

Рассказы: **«Тающие церкви», «Фабрика», «Кверху ногами**», изда- ны в 1918 г. О торжестве новой жизни.

Рассказ **«Самоисцеляющая сила»**, впервые опубликован в г. «Правда, 1918, 24 ноября, № 255.

Если бы мне дали, скажем, 50 попыток угадать по названию – о чем написано в рассказе, все-равно бы не угадал. ... О комиссарах ! ? !

“Они несут колоссальную повседневную работу, на которой держится вся жизнь армии, ежеминутно тут же на месте, не канцелярски, не бумагой. А живым распоряжением решая самые разнообразные дела”.

У инженера не получается восстановить взорванный белыми мост.

“И уже комиссар – инженер; уже он зтянулся в механизм мостовых построек, он все время напряженно учится в деле”.

...
 “Но комиссар не только инженер, он – седельник, когда приходят кавалеристы и начинает толковать о седлах; он санитар и врач. Когда решаются вопросы об устройстве раненых, он – специалист всюду, где требует дело”.

Рассказ **«Бой»**, напечатан в г. «Правда», 1918, 11 декабря, № 269. О героической обороне красной армии, он превосходящих сил противника.

“Продолжая громить с фронта, неприятель бросил массу конницы в глубокий обход теснимого левого фланга.

Казачи лавой обрушились на глубокий тыл, врубались в обоз и беспощадно стали рубить безоружных обозников. Они заставляли предварительно раздеваться, чтобы не окровавить и не испортить одежду, забирали сапоги, шинели, куртки, штаны, гимнастерки, а потом шашками разваливали головы!

300 человек из особого социалистического отряда «ЦИКа» против полутора тысяч - «великолепного легиона испытанных польских солдат и чехов».

«Чтобы раздавить эту горсть, легионеры развернулись цепью и пошли в штыки. Со стороны белогвардейцев – это невиданная вещь – они сами здесь никогда не шли в штыки и никогда не принимали штыкового удара».

Отряд ЦИК Белые побежали. У красных кончились патроны. Но по приказу командиров бросились в штыки (на превосходящий их значительно отряд, кстати, имеющий патроны в изобилии ! ? !).

Рассказ «На позиции», опубликован в г. «Правда», 1918, 12 декабря, №270.

«Присматриваюсь: на кровати – комиссар бригады сидит верхом на политическом комиссаре.

У политического комиссара умное, серьезное молодое исхудалое рабочее лицо. Он в первых рядах, с винтовкой в руках дрался во всех боях. Судьба и карьера бригадного в его руках, и комиссар своим спокойным лицом как-бы говорит: «Ну, побалуйся, побалуйся, молод еще».

Бригадир еще совсем мальчуган . . . »

Военные будни. Большая ответственность и к выполнению своих обязанностей даже среди рядовых красноармейцев, от чего становился *«радостно на сердце»* у писателя. Есть ли проблемы ? Да, - есть. Нет художественной литературы, не приходят письма. Писателя красноармейцы встречают с восторгом. Ну и дальше все в том же духе.

Рассказ «Политком». Впервые – г. «Правда», 1918, 24 декабря.

Панегирик комиссару.

Чистота, целеустремленность, вера в идеалы, работа – 24 часа в сутки. А еще он – латыш и художник по образованию.

Замечательный контраст с тем, что комиссары: латыши и евреи (а также китайцы) вытворяли на самом деле.

Многократно используемый в советской литературе стереотип: суровая, но очень нужная работа комиссара в сочетании с душой художника (поэта, музыканта и т.д.).

«. . . От Петерса, Лациса, Эйдука, этих трех примитивных латышей, начальник Особого отдела ВЧК доктор М.С. Кедров отличался не по своему зверству, а по интеллигентности и утонченности. . . Вблизи Холмогор он сажает на баржу более 100 человек обвиненных в контрреволюции и приказывает открыть по ним пулеметный огонь . . . » [Р. Гуль «Дзержинский» М., Мол. Гвардия, 1992, с. 55 - 64].

Правда, о Кедрове обычно мы слышали в другом контексте: «- Послушай, Надюша, как играет (на фортепьяно) доктор Кедров».

Хорошо известна нижеприведенная картина: *«Аппассионата».*

Рассказ «**Львиный выводок**». Впервые в г. «Правда», 1918, 29 декабря, под названием «Волчий выводок».

Теперь панегирик коммунистам.

“Жареная свинина возвращает нам способность и слушать и говорить. И я с удивлением вслушиваюсь. С какой восторженностью говорят они о партии, о своем коллективе, о партийной работе. Как будто это не старые, годы положившие на свою работу партийные работники, которых ничем не удивишь, а молоденькие, только что вступившие в партию, которые горячо принимают к сердцу всякую мелочь. А у моего товарища глаза загорелись, глядя на них”. [А.С. Серафимович. Сочинения в 2-х томах. Л., «Художественная литература», 1985, т. 2, с. 84]

“И этот героический отряд «ЦИК», и эти председатель и секретарь коллектива коммунистов, которые совершают свою партийную работу с величайшей серьезностью и напряженностью и в бой идут прямо с собрания с протоколами под мышкой, и мой молодой товарищ, у которого глаза и лицо загораются при одном слове «коммунист», - все это только переворачиваемая страница великой книги «Революция» - страница, края которой озарены ослепительным светом: человеческое счастье”. [с. 86].

Помимо этого, - о метрических книгах:

"- Бумаги у нас нет. Ну, верите ли, протокола заседания записать не на чем"

...

"...Так мы что сделали: забрали церковные книги, выдрали кто там родился, кто замуж вышел, а на чистом свои протоколы пишем. Вот.

Они показывают. На переплете: «Церковная книга», а внутри – протоколы коммунистической партии.

Мы смеемся.

-У нас тут работа идет вовсю. Мы, коммунисты. Держим в руках весь оряд. Вот протокол: двоих исключили из партии. ..."

"- А это вот протокол незаконченный, - говорит секретарь. – на половине заседания – вдруг: «В ружьё !» Все повскакали, похватали винтовки – и в бой. Я схватил в одну руку винтовку. В другую церковную книгу, выскочил к обозникам. Взмолился им: «Товарищи, возьмите ! Ведь это партийные протоколы наши»" [с. 83 - 84].

Вот такое отношение к самым важным и ценным документам, в результате чего образовались огромные бреши среди метрических книг, хранящихся в архиве.

Очевидно, что, по мнению писателя, протоколы партсобраний – значительно более ценная вещь (! ? !).

Еще интересный абзац:

"- Нам отдан был приказ отбить наседавшего неприятеля. Хорошо ! Мы вышли. У нас триста штыков, на нас двинулись полторы тысячи отборных чешских и польских солдат. Мы опрокинули и гнали их двадцать верст. А когда вышли все патроны и ленты, молча пошли в штыки, выбили и заняли деревню Байряки". [с. 85].

Не слишком ли ? Это казаков в 1913 г. не пугал перевес в 10 раз в пользу красных и они хладнокровно шли в атаку.

Кстати, "когда вышли все патроны и ленты" – почему превосходящий по численности в несколько раз противник их просто не перестрелял ?

И еще, "гнали 20 верст". Пешком ? Верста = 1,0668 км

Рассказ **«В теплушке»**, впервые рассказ напечатан в г. «Правда». 1 января 1919 г. № 287.

Писатель с восточного фронта возвращается в Москву. Добросердечные проводы красноармейцев.

Подробно о саботажниках – начальниках станции, которые не дают дров, и в вагонах красноармейцы невыносимо мерзнут.

Молодой дезертир рассказывает о своих воровских подвигах. Сознательные красноармейцы его гневно осуждают.

Красноармейцы "по душам" разговаривают с саботажниками, очень аргументировано показывают, что доводы тех абсолютно несерьезны. В результате этого состав начинает передвигаться значительно быстрее.

"Борьба должна быть без пощады и милости. Но надо помнить, - нет змеи изворотливее железнодорожного саботажника. Как только его прищемят на месте преступления, он сейчас же уползет в тысячи технических оговорок, и никакими зубами его оттуда не вытащить.

Единственное средство – от времени до времени пускать по участку контролера, но так, чтобы никто его не знал, начиная от комендантов и начальников станций и кончая низшим железнодорожным персоналом.

Этот контролер должен на месте установить причину простоя поездов, степень добросовестности работы железнодорожников, и уж тут не только малейший саботаж – малейшая халатность должна караться без пощады, вплоть до расстрела.

Иначе железнодорожники искровячат русскую революцию”.

Рассказы: «Потерянный завтрак», «К.А. Тимирязев», «Под развесистой клюквой», - вышли в 1919 г.

Рассказ **«Дон»**, опубликован в 1919 г.

Писатель объясняет – почему победоносное вначале продвижение Красной армии затем застопорилось.

“Донское казачество измучилось, истомилось за годы кровопролитной царской войны, а потом гражданской. Ведь это же без передышки.

А тут при всех трудностях в трудовое казачество просачивалось представление о советском строе как о справедливом строе трудящихся, без генералов, без офицерства, которое так осточертело казачеству.

И вот лопнула внутренняя скрепа в армии противника, и полки за полками стали переходить на нашу сторону или просто расходиться по домам. Вот с этого момента и кладется начало нашим блестящим победам и нашему поражению: внешне мы победоносно шли все дальше и дальше, внутренне мы все ближе и ближе подвигались к поражению.

Что парализовало наши победы ? Прежде всего самоослепление, самоослепление и в военной области и в области гражданского строительства.

На огромном пространстве тоненькой ниточкой протянулся тогда Южный фронт. Сзади не было резервов, в полках не было пополнения, и, усталые, они часто сводились до минимума штыков. Политически армия обескровливалась -- в нее перестали вливать коммунистов. Санитарная обстановка – убийственная, иногда целую дивизию приходилось отводить в тыл, - ее пожирал тиф. И тело и душа армии слабели.

А красные ряды все шли и шли вперед, почти не встречая сопротивления, и победы заслоняли всем глаза.

А население ?

Его не видели. Мимо него шли к Новочеркасску. Победы заслонили и население, его чаяния, его нужды, его предрассудки, его ожидания нового, его огромную потребность узнать, что же ему несут за красными рядами, его особенный и экономический бытовой уклад.

И никто-никто не крикнул:

- Товарищи, бейте тревогу, нас одолевают победы !.. Давайте пополнений, а на нас идет гроза: мы побеждаем ! Шлите коммунистов, объявите партийную мобилизацию в 20, 30, 40 процентов, или нас задушат победы ! ..”

“Одно необходимо усвоить: при победах не кричать до самозабвения «ура», тогда и поражений не будет.

Население Донской области за то, что мимо него проходили, как мимо порожнего места, жестоко отомстило. Нужно знать казаков, чтобы расценивать в полную меру. Южане – подвижные, впечатлительные, способные заразиться дико вспыхивающей ненавистью и враждою, иногда упорные и настойчивые.

И вероломства у многих достаточно. С врагом заключит перемирие, целуется, обнимается, а сам втихомолочку сзади и рубанет шашкой, ибо по отноше-

нию к врагу все дозволено: так учили атаманы. И тут же рядом – преданность делу, которое считают справедливым, и в этом случае настойчивость и упорство.

Веками воспитаны в национализме, обособленности, особенно поддерживаемых при царизме: казак – это высшая порода, а спокон веков поселившийся на Дону великоросс или украинец – это низшая людская порода, у которой казак относится свысока.

Казак ведет экстенсивное хозяйство. Чтобы добыть количество продуктов, необходимое для жизни, казаку нужно много скота, земли, орудий. Казак – середняк, перенесенный в центральную Россию, конечно, попадет в слой кулаков. Казак – бедняк – это совсем не то, что безлошадный бедняк в России. У него и лошадь, и корова, и землю пашет, и в то же время это действительно бедняк, кровавым потом отстаивающий жизнь. Бывало, как ни надрывается, не сдюживает справиться сыновей на службу, у него продают последнюю коровенку и отнимают земельный пай, который сдают в аренду, чтобы покрыть справу сыновей.

Казачество, несомненно, экономически развивается, и развивается быстро. Но в сознании этого процесс не отпечатывается так отчетливо, как в России. Деревенский бедняк издалека видит мироеда, боится его и ненавидит. Слабеющий экономически казак не видит так отчетливо своего кулака.

Он враждебен своему офицерству, генералитету, давление которых он ощущает главным образом как давление представителей сословия, касты, военщины. Он высокомерно враждебен ко всем иногородним, которые в огромном большинстве сами эксплуатируются казачеством.

Победители прошли мимо всего этого с задернутыми победой глазами. Видели только один Новочеркасск, который надо было взять. Если прибавить необъяснимые населению возложения на него тяготы, если прибавить ужасающее отсутствие литературы, элементарного живого человеческого слова, то станут понятны густые потемки, зловецю окутавшие казачество, - потемки, в которых и советская власть и, главным образом, коммунистическая партия вставали в дико извращенном виде.

И казаки пришли к выводу: ошиблись, ошиблись и надо исправлять.

И потянулись на веревках опущенные по рекам пулеметы, стали подымать зарытые в землю орудия, вытаскивать из стогов ящики с патронами.

Кто припрятал оружие ?

Конечно, в первую очередь отступающие Красновские части. Затем богатеи казаки, офицерство, которое оставалось по местам, затаив ненависть к надвигающемуся строю, несшему смерть их беспечальную жизнь. Наконец, и рядовое трудовое казачество не без греха. Дух азиатчины сказался. Хотя совершенно искренне, доброжелательно, с хлебом-солью встречали советскую власть, а патроны и винтовки все-таки припрятали на всякий случай:

- Кто его знает, как оно дальше будет...

Представители партийным и советских организаций вскинулись: началась чистка властей по станциям и хуторам. Пришлось местами расстреливать примазавшихся к коммунистам и даже коммунистов, опозоривших себя злоупотреблениями и насилиями, с широким оповещением населения о принятых мерах, - но было поздно. Озенная река восстания зловецю запылала в тылу армии, ослабляя ее, внося расстройство. Был организован специальный экспедиционный корпус для подавления во что бы то ни стало.

...

“А между тем некоторые части, не одухотворенные коммунистами, оставляли позиции, открывая дорогу врагу. Здоровые же части дрались беззаветно, но в общем ходе не могли ни потушить восстания, ни предупредить соединения восставших с денкинцами”.

На фоне мужества и героизма коммунистов приводятся многочисленные примеры неорганизованности и неразберихи в Красной армии, послужившие основной причиной поражений.

“Вот при каких условиях специальный экспедиционный корпус подавлял восстание на Дону. В конце концов через восставшие в тылу корпуса прорвались донкильцы, и Красная Армия вынуждена была очистить область.

Какие же выводы?”

Выводы: Даже при победах необходимо проводить мобилизацию. *“Нужно целесообразно использовать людской материал”.* Беречь коммунистов. Понимать, что казачество – *“огромная боевая сила”.* *“По мере занятия области необходимо наводить ее коммунистами для постройки советской власти”*, но не посылать лишь бы кого; нужны люди подготовленные и знающие казачью специфику. *“При занятии области и при устройении советской власти необходима реальная сила в виде гарнизонов”.*

“Надо помнить, что в последнее восстание вместе с боевыми казаками у пулеметов с диким воем ненависти черной тучей шли женщины и дети из зажиточных семей казачества”.

Прямо-таки, программное заявление, обосновывающее необходимость уничтожения казачества. Это подробно рассмотрим в итогах по данному периоду.

И, кстати, ну хоть бы одно слово об истинных причинах поражения красных. Ну хотя бы вскользь о тех зверствах, которыми сопровождалось установление Советской власти, что, в свою очередь, и послужило первопричиной Обще-Донского восстания.

Рассказ «На панском фронте», впервые опубликован в г. «Правда», 1920, 22 мая, № 109.

“- А у нас, на Восточном я был, - заговорил небольшого роста красноармеец, с большими ушами и хитроватыми на смеющемся лице глазами, сухопарый и подвижный, должно быть из рабочих, - так что делалось? Казаки резали из спины наших пленных ремни, выжигали на груди звезду, закапывали живьем. Ну, мы в долгу не оставались. Так и шло. А потом додумались: взяли в плен целый полк – бородачи, зверье. Грязные, обовшивели, оборванные. По волчьи глядят из под насупленных бровей, ждут расправы. Ну, комиссар послал их перво-наперво в баню. Вымылись, дали им чистое белье, одежду, а когда вышли из бани, - встретили оркестром; как грянули, они обалдели: стоят, разинули глаза, ничего не понимают. А вечером устроили им митинг, рассказали, что они нам братья, - только глаза им завсолокло. Повели в театр, кинематограф, концерт устроили. Так сами, когда пришли от изумления, все встали, как один человек, в Красную Армию и, как звери, дрались со своими, с белыми”.

Полный восторг. Псчти каждая фраза – шедевр. И *“резали... выжигали... закапывали...”*. И *“взяли в плен целый полк”* (это каким же, интересно, образом?). И *“грязные, обовшивели, оборванные”*. И – как глядят. И то, что комиссар перемыл целый полк. И то, что даже подвернулся театр, куда сводили “заблудших”.

Рассказы: **«В огне», «Белопанская армия», «Ни то ни се», «Горное утро».** **«Несите им художественное творчество», «Гниющая язва»,** - вышли в 1920 г.

Рассказ «Граф Строганов и рабочий Демид», впервые опубликован в г. «Правда», 1921, 1 мая, № 93.

В основе: На заводе графа рабочий проработал 15 лет. За один день прогула все 15 лет вычтены из срока на пенсию. Проработал еще 25 лет и умер в тюрьме.

Три сына проработали вместе 18 лет и погибли от несчастного случая.

Старухе (вдове и матери) назначили пенсию – 1 руб. 72 коп.

Рассказы: «Новая стройка», «Тридцать лет назад», «Дети», «Работники земли Советской», «Голодные, холодные», «Долговязый», - вышли в 1921 - 1922 гг.

Рассказ «Чудо», издан в ж. «Безбожник», 1923, № 1. с. 11 – 12. Дается полностью.

“В январскую стужу, привалившись к задку саней, ехал казак Наумыч в станцию. Заиндеевшая лошадь бежит споро. Кругом пустая степь, занесенная снегом. Наискосок, через дорогу, тянет злая поземка. Верст семнадцать осталось. Вдруг Наумыч натянул вожжи. Лошадь встала. - Что за притча ?..

Шагах в десяти от дороги пар шел. Слез Наумыч, идет, проваливается по сугробам. Чудеса ! В ложбине чернее живая вода, снег кругом мокрый. А в воде лягушонок плавает – оттаял.

- Али наваждение ?.. – перекрестился Наумыч.

Знает – кругом верст на двадцать капли воды нет, степь глухая, как кирпич. И от мороза даже воздух оледенел. Побежал назад, ввалился в сани и погнал лошадь. А в станции – прямо к попу.

- Так и так, батюшка, нонче мне наваждение в степи было, благословите. Двадцать годов езжу по этому самому месту, капли-росинки никогда там не бывало, и называется Сухой Лог, кругом мороз, а тут прямо живая вода, а в ей лягушонок плавает.

Поп сунул ему в губы волосатую руку, выслушал да как заревет боровом:

- Мать, дай ему стакан водки ! Да вели Николаю запрягать вороных. Пошли за дьяконом, за дьячком, приготовьте облачение... А ты, мать, подлезь в подловку, там в углу навалены иконы, выбери какую постарей божью мать, почерней какую. Да сама полезь, а то Палашка не сумеет. Да не забудь... того... - крикнул он вдогонку, - энтого... бутылочку в сани поставить, - мороз больно здоров.

Попадья вся в паутине, слезла с подловки и подала почернелую доску.

- На вот. Только носу ней маленько сколупнут.

Через полчаса поп в новой енотовой шубе, с ним здоровенный, похожий на быка дьякон – в волчьей. И в пальтишке не попадавший зуб на зуб дьячок – быстро ехали на паре сытых вороных в степь.

Вот и ложок, и пар от него идет. Глядь, а с другой стороны на паре гнедых тоже трое жарят: поп с дьяконом и с дьячком из хутора, - пронюхали, каналы.

Подскакали разом; выскочили попы да к воде с иконами. И стали друг дружку пихать.

- Ты что же это в чужой приход, сивый мерин ! А ?

- Врешь, бабьятник, наш, хуторской тут юрт.

Вцепились друг другу в бороды. Дьяконы из саней на помощь спешают. А у дьячком свое – кадило в сторонке раздувают. Станичный дьякон скинул с правой руки волчину да, не крестясь, не молясь, ка-ак ахнет хуторского батюшку, - тот и ушел головой в снег. Взревел по-бычтému хуторской дьякон:

- А-а, так ты нашего !..

Скинул тулуп, размахнулся – господи благослови. И задрал ноги станичный поп, зад весь в снегу показал. Сошлись дьяконы, оба ражие, откормленные, с бычьими шеями, и голоса рыкающие, - быть бы большому бою, да безут кучера, кричат:

- Батюшки !.. Батюшки !.. Народ едет...

А народ действительно ехал: со всех сторон зачернели сани. И как это быстро весть о чуде облетела станицу и хутора !

Попы, крихтя, поднялись, и пошло: «господи помилуй», и «аллилуйя», и «ра-дуйся, невесто невестная»...

На другой день народу привалило еще больше. Везут безруких, хромых, слепых, иссохших, измученных, падучих, порченных, кликуш. И все с умилением, со слезами пьют святую воду и прикладываются к явленному, быстро стынущим на воздухе: морозно – прилипают губы, больно отдирать. А кругом вздохи, крики, плач, визг. Кликуши голосят:

- Матушки, царицы небесные ! да как же вы нас сподобили, недостойных ?! Хучь бы одна, а то сразу две – преподобная Одигитрия ды Казанская божая матьерь...

А около попов растут кучи денег, печеного хлеба, яиц, сала, овчины, мешки с пшеницей. Пара вороных и пара гнедых не успевают отвезить.

Так тянулось целых четыре дня. Измучились попы, до седьмого пота трудятся. По области, по станицам, по хуторам слава пошла о двух явленных и как они исцеляют болящих. И те, кто приезжал, своими глазами видели явленные иконы в живой воде, как для болящих царицы небесные воду все прибавляют, - стало уж маленькое озерце и не мерзнет. Удивляется народ, в страхе и умилении пьют воду, набирает в пузырьки, в бутылки и развозит по всей области.

На пятый день приехали на двух санях рабочие, хмурые. Черные от въевшегося металла и масла. Вылезли, достали инструменты, подошли.

- Ну, будет вам тут турусы разводить.

Вскинулись попы и молящиеся:

- Вам чего надо ? Тут явленные матушки, царицы небесные – Одигитрия да Казанская...

- Ма-атушки !.. По матушке бы вас всех... Ишь сколько воды нашло. В станице, почитай, водопровод стал, без воды все сидят. Труба лопнула, а вы воду лакаете, да еще с водосвятием. Ну, пуцайте, некогда нам тут с вами...

И принялись за работу. Развели костры, оттаяли землю вырыли колодцы; открыли водопроводную трубу, заменили лопнувшую часть новой, опять засыпали землей и уехали. После поднялась метель, все бело сравняло, и опять в степи стало тихо, безлюдно".

Здесь также многое "понравилось": и иконы сваленные в погреб, и мордобой. Однако, рассмотрим некоторые технические аспекты

В первую очередь по поводу прорванной трубы. Так какая была вода в трубе ? Горячая или холодная ? Если "маленькое озерце и не мерзнет" и если "пар от него идет", то, похоже, что горячая. От холодной особого пара нет и уж такого рода источник никак не бросается в глаза, а вода застывает достаточно быстро. Полная аналогия с бьющим ключом.

Вспоминается фильм «Дом, в котором я живу» с М. Ульяновым, Ж. Болотовой, Е. Матвеевым. В начале фильма заселяется новый дом в Москве (1930 – 1932 г.). Перед войной приезжает старший сын (Е. Матвеев) и идет мыться . . . в кухню. Как сейчас вижу – один кран, то есть горячей воды еще не было.

Сам я живу в доме № 33 по Кутузовскому проспекту в г. Москве, построенном в 1936 г. Решил поинтересоваться – с какого года в доме горячая вода. Моя мама сказала, что когда она приехала в дом в 1953 г. горячая вода уже была.

Спустился в диспетчерскую своего дома. Дежурная-пожилая женщина подтвердила, что также проживает в этом доме со смерти Сталина (1953 г.) и на тот момент горячая вода уже была. Затем подумала и добавила, что в 1963 г. вышла замуж и переехала в соседний дом (№ 31, это – в сторону центра). На тот период в домах № 31 и 29 было только холодное водоснабжение и газовые колонки (эти дома были построены раньше дома № 33). Централизованное горячее водоснабжение появилось там ближе к 70-м годам.

На почте встретил человека, проживающего в доме № 27 (еще ближе к центру). Он сообщил, что дом стал заселяться в 1945 г. и сразу была горячая вода. При этом добавил, что переехал он сюда со Спиридоновки (центр города – внутри Садового кольца), где в некоторых домах до сих пор в наличии водоснабжение только холодной водой и стоят газовые колонки.

Таким образом, строительство престижных сейчас сталинских домов в конце 20-х – начале 30-х гг. осуществлялось без подвода горячей воды. Даже в Москве не хватало котельных. Отсюда – рассказ 1923 г. о трубопроводе с горячей водой в какую-то станицу можно воспринимать только как бред. Полагаю, что и с холодной водой на Дону в то время было очень мало трубопроводов.

В достаточно известный и престижный поселок Томилино в 15 км от Москвы (там жили мои бабушка с дедушкой) воду провели не то в 70-х, не то в 80-х годах XX века и, естественно, только холодную. А до этого были колодцы.

Теперь о лягушке. Да, земноводным свойственно оживать в определенных условиях. Но если водопровод с холодной водой (от 4 до 8 градусов) да еще на морозе, то это не получится. Опять это говорит о том, что в рассказе подразумевалась горячая вода. Но даже и при этом ничего не выйдет. Процесс остывания настолько быстр, что не будет достаточного периода времени с приемлемой температурой, за который может произойти оживление.

Какие только невероятные ситуации ни придумает правоверный коммунист, чтобы в очередной раз облить помоями церковь ! ? !

Рассказы: «У текстилей», «Город рабочих», «Промысел божий», «Две божьи матери», «Животворящая сила», «Навыворот», «Председатель областного суда», «Анисимович», вышли в 1923 г.

Рассказ «Таинство святого причащения», впервые опубликован в ж. «Безбожник у станка». 1923, № 9 – 10, с. 20 – 21.

Писатель попадает в дом, где парень – совершенно глухой, а девушка, первоначально пригланувшаяся, оказывается с провалившимся носом.

«Я тщательно вымыл чашку и блюда, обдал кипятком, налил, достал из кармана кусок сахара и стал пить.

- Знаю, гребуют, - сказал бородатый, - но тут, между прочим, безопасно: как нос провалился – шабаш, больше никого не заразит. Закрепилась, стало быть, болезнь, не переходит на другого. Доктора сказывают.

- Давно это у вас ?

- Давно, батюшка, - сказала с привычкой печально старуха, - вот как она родилась, - кивнула она на дочь. – Ты не подумай, не от греховного баловства несчастье наше. Почитай дворов десять болезнь этой дурой заболело. Вишь ты, приехал о те поры солдат наш деревенский и привез эту самую дурную боль. Пот-то у

него весь в ранах – боялись его все, бегали от него – никто с ним не ел, не пил. А он затосковал, поститься начал: все, бывало, говорит да к исповеди ходит да к причастию. Ну, моей дочечке как раз аккурат месяц. Я и понесла её к причастию. Причастили. У ней ротик через сколько-то времени и заболел – болит и болит. Я и водкой протирала и обмывала, нет – болит и болит, больше и больше. Гляжу: и у меня какая-то сыпь пошла. А мне и в голову не вкинулось. А через год-то гляжу: носик-то у ней стал западать. Я повезла в больницу. А там меня зачали ругать: «Ах, такая-сякая, до чего ребенка запустила». Осмотрели и меня. «Да и у тебя, говорят, то же». – «Родные мои, говорю, я мужняя жена, никогда против его не согрешила». – «Дура, говорят, ты ребенка, говорят, где-то заразила, а ребенок тебя». Поплакала я тогда. Положили нас с дочечкой в больницу. Послала хвершала в нашу деревню, - откеда, мол, эта боль явилась. Расспросил хвершал, узнал про солдата, нашел больных еще в десяти избах, аккурат с солдатом в одно время причащались, говели вместе. Дохторица мне потом рассказывала: стало быть, солдат-то как причащался, больноё гною из роту и напустил в ложечку...

- В лжицу! – сказал бородатый, потягивая чай.

-Ну, да я не умею по-священному. Напустил в ложечку, а батюшка нам и раздал с святым причастием. Ну, вот у ней-то нос совсем, а я гундосю.

- Таинство святого причащения, - мрачно сказал бородатый.

- Митюша, садись чай пить, - громко, гнусава, сказала старуха.

- А ? – вытянув шею, напряженно ловил движение ее губ парень.

- Чай садись пить.

- Куды идтить ?

- Чай, говорю, пей! – закричала она сердито.

- Отчего это он у вас ?

Она подперла локоть рукой и стала глядеть на улицу, где, с трудом вытаскивая ноги из густой черной грязи, брели коровы.

- От этого же самого. Первенький он у меня. Как девочка приняла причастие, его не было, у севкра жул. А потом привезли, он и принял эту боль. А нам невдомек. Лечили, да кабы как следует, а то лишь залечили. Она и вступила ему в уши. Тикеть и тикеть из них. Так и оглох!

Она вздохнула и безнадежно посмотрела в окно.

- Муж-то ваш где ? На работе ?

- С ума сошел. Все от нас ! От нашей болести заразу принял. Теперича одна с ними осталась. Девку-то кто возьмет ? Да и за парня никакая не пойдет. Одно горе, одно горе...

Скупая слеза ползла по её степенному лицу. Я попрощался и вышел. Недалеко белела церковь".

Еще один "шедевр". Преподаватель Воскресной школы при Храме Св. Георгия (на Поклонной горе в Москве) М.А. Скобелев прокомментировал его следующим образом:

"Содержание рассказа переполнено человеческим горем в запредельной степени. И именно эта запредельность разоблачает автора, ясно понимаешь, что этого не может быть. И чувство жуткой безнадежности и безысходности стремительно сменяется другим – неприязню к автору, который смастерил лживый сюжет, чтобы вызвать у читателя чувство отвержения и брезгливости к таинству причащения (евхаристии).

Доказывать верующему человеку, что заразиться во время причащения нельзя, дело ненужное, а неверующему доказать невозможно.

Авторский замысел пострашнее идеи взорвать храм или убить священнослужителя, ибо в этих случаях зло очевидно, а здесь цель – погубить неокрепшую веру ловко замаскирована заботой о здоровье человека.

Прочтав этот “шедевр” социалистического реализма, понимаешь как разнообразно и искусно искореняли коммунисты христианскую веру в народе, убивая сильных и соблазняя немощных”.

Я обратился за справкой по данному вопросу к двум священникам: отцу Алексею из церкви Св. Михаила (возле Бородинской панорамы) и отцу Серафиму из Храма Св. Георгия (на Поклонной горе). Оба были несколько удивлены подобным вопросом, тем не менее, взяли рассказ для прочтения.

Отец Алексей попросил дать время и сказал, что сможет сказать что-то определенное только после поездки в Лавру. Но и после нее повторил сказанное: в Православной церкви такие случаи (передача болезней посредством святого причастия или, скажем, целования икон) не зафиксированы. Может быть, что-то и было во времена средневековья в Католической церкви (эпидемия холеры) да и то – маловероятно, - резюмировал он.

Отец Серафим также подтвердивший, что он не знает подобного рода случаев, предложил мне первоначально пообщаться с М.А. Скобелевым, а затем любезно ответил на вопросы по “технологии” проведения святого причастия.

Во-первых, последовательность причастия выглядит так: сначала младенцы, потом отроки, потом взрослые. Уже на основании одного только этого сюжет рассказа смысла не имеет.

Во-вторых, если кто и может заразиться, то, в первую очередь, это должен быть сам священник. После того, как лжицей (ложкой) причащающимся передана частица тела и крови Христовой, все, что осталось, (святые дары) священник и дьякон потребляют сами, естественно лжицей, “тщательно её замывая и облизывая” (так выразился о. Серафим). Случаев же заражения ни у о. Серафима, ни у его многочисленных родственников – священнослужителей не было.

В-третьих, перед причастием человек исповедуется. Если священник на исповеди узнает о болезни, то, в первую очередь, он предложит вылечиться. О причастии речи не будет. В предложенном же рассказе болезнь очевидна, скрыть ее нельзя, все на лице – “рот весь в ранах”. Тем более, до причастия дело никак дойти не может.

Доктор А.Г. Кабанов также рассмотрел данный рассказ:

“Всю свою ненависть к церкви Серафимович вылил в четырехстраничном рассказе «Тайнство святого причастия»¹, соединив воедино православные традиции и неприличные болезни. Здесь он проявил себя, как человек, достаточно хорошо разбирающийся в клинической картине сифилиса. Ничего удивительного в этом нет, так как с середины XIX века хорошо изучены его этиология, клиника, патологическая анатомия и психические нарушения при этой «деликатной» болезни. К тому же, например, в психиатрии прогрессивный паралич по праву считается эталоном психических расстройств сифилитического происхождения, так как досконально изучен. Но Серафимович подтянул эти знания для своих целей. Он опять ступил краски до полной черноты. Клеветы на православие в этом маленьком рассказе очень много. И то что в этом злой умысел – не вызывает сомнений”.

“Давно известно, что первичные проявления сифилиса появляются на месте внедрения инфекции. То есть, если у солдата весь рот «в ранах», значит, заболел он не в результате обычного полового контакта, а, говоря юридическим языком, *извращённого*. В сексологии такой контакт называется орально-генитальным, то есть контакт половых органов со ртом. Ну что ж, в принципе, возможно, сексуальные предпочтения такие. «В процессе» не заметил очага инфекции. Или облизал женщину с таким же

гойным ртом (что уже маловероятно). В этом случае чувство брезгливости его, скорее всего, остановило бы.

Дальше - больше. «Ну моей доченьке как раз аккурат месяц. Я и понесла её к причастию. Причастила. У ней ротик через сколько-то времени и заболи – болит и болит, больше и больше. ... А через год гляжу: носик-то у ней стал западать». Отметим этот факт, что девочка заболела в месяц. То есть, практически, можно вести речь о клинике врождённого сифилиса. Но Серафимович пишет: «К столу смущённо подошла миловидная девушка и, слегка отворачиваясь, стала наливать. Я взглянул и обмер: с милого лица вместо носа глядели две чернеющие дырочки». Здесь Серафимович явно шельмует. Дело в том, что ещё в 1858 году доктор Гетчинсон описал характерные признаки врождённого сифилиса. И с тех пор врачи знают их наизусть. И на них стоит остановиться подробнее.

В связи с тем, что при сифилисе происходит активное разрушение хрящевой ткани, у этих больных появляется седловидный нос (о чём и пишет Серафимович), а к 8 – 12 годам начинают страдать ноги - голень приобретает форму изогнутого клинка сабли. С возрастом у этих больных появляется помутнение роговицы глаза, и она становится серовато-красного или белого цвета. К тому же зубы у них искорёженные, зачастую имеют форму отвёртки, и растут, как им заблагорассудится. Вокруг рта появляются лучистые рубцы (симптом Робинсона – Фурнье).

Теперь представьте: какое «миловидное личико с чернеющими дырочками» должно было повернуться к рассказчику: личико с мутными глазами, искорёженным ртом в рубцах, да двумя дырками вместо носа. Что-то Серафимович дал маху. При его желании сгустить краски и не воспользоваться?

О том, что писатель – революционер разбирался в заболевании сифилисом, свидетельствует и его описание глухого сына героини рассказа, у которого произошло поражение слухового нерва (правда, подчеркну ещё раз, так и непонятно каким образом он заболел, ведь бытовой путь заражения очень редок). Но и здесь церковновеннистник сгустил краски: «... вступила ему в уши. Тикётъ и тикётъ из них. Так и оглох!». Дело в том, что при сифилитическом поражении слухового нерва выделений не бывает. Они встречаются крайне редко, и описываются как казуистика. Но образ создал! Причём убедительный.

По поводу мужа рассказчицы, заболевшего от неё прогрессивным параличом, мы говорили выше.

Но самая большая ложь в этом рассказе – это о православных традициях!

Дело в том, что церковнослужители обладали большими медицинскими знаниями. С давних времён очаги медицины на Руси находились в монастырях. Они играли роль не только церкви, но и больницы. Конечно, врачей среди монахов было меньше, чем в современной поликлинике, но они лечили¹¹. И окрестное население обращалось к ним не только за духовной помощью, но и за медицинской. Естественно, что священнослужители очень хорошо разбирались и в вопросах сифилиса.

Теперь обратимся к тексту Серафимовича: «... бывало, говеет да к исповеди ходит да к причастию. ... солдат-то как причащался, больного пню из роту и напустил в ложечку... а батюшка нам и раздавал с святым причастием. Ну, вот у ней-то нос совсем, а я гундосю». Лихо закрутил! «Гною напустил», а батюшка взял и раздал. Впечатляет! Кто после такого описания пойдёт на святое причастие? Да ни один нормальный человек не решится. Убедительно, даже очень.

Но дело в том, что с древних времён памятуя, что некоторые болезни передаются контактным путём (таких терминов тогда в обиходе не было), священнослужители проводили причастие таких больных отдельно, используя при это не общую ложку, а, говоря современным языком, индивидуальную. К тому же многие предметы обихода, а ложки особенно, были из серебра высокой пробы. Думаю, не стоит доказывать известный даже первокласснику факт, что серебро обладает огромной дезинфициру-

ющей способностью. Именно поэтому Александр Македонский изготавливал своим воинам фляги для хранения воды из серебра. То есть, уникальные свойства серебра были известны задолго до рождения Христа. Именно поэтому казаки носили серебряные кресты, так как с их помощью было очень легко обеззаразить воду, даже взяв её из грязного водоёма. Даже материальные материалисты и большевики (постоянно склонные к клевете) не отрицают факта дезинфицирующих свойств серебра, а зачастую, отрицая силу божественного воздействия на воду во время освящения, приписывают сохранность святой воды изолирующему воздействию одного. Не зная этого Серафимович, естественно, не мог.

Но, тем не менее, опять стусил краски! Ведь, учитывая всё выше сказанное, батюшка больного с обметанными ранами ртом причащать первым не стал бы. Тем более, во время исповеди, он хорошо мог рассмотреть, что это за раны. К тому же при исповеди солдат наверняка говорил батюшке, откуда у него эта болезнь. А, как мы уже выяснили, о сифилисе в те времена, а особенно врачи и священнослужители, знали многое. Это, во-первых! Во-вторых, при сифилисе нет таких обильных выделений (в каком бы месте человеческого тела ни находился очаг), чтобы они достигали уровня гноя. Поэтому говорить о гное – это выдумка писателя – большевика. Но зато создал отрицательный образ. В-третьих, даже если предположить, что батюшка нарушил церковные каноны, дезинфицирующие свойства серебра и кагора (содержащего пусть и небольшой, но достаточный % алкоголя), моментально бы убили бледную трепонему, по крайней мере, лишили бы её болезнетворного влияния. Тем более что во внешней среде, то есть вне человеческого организма, трепонема нежизнеспособна и погибает в первые же мгновения.

Знал ли об этом Серафимович? Да, скорее всего, знал. Но хотел создать страшный образ церкви. И создал! Ярже, сильно, эмоционально – через «деликатную болезнь» сифилис. Заканчивает рассказ так: «Скупая слеза ползла по её степенному лицу. Я попросался и вышел. Недалеко белела церковь». Всё! Поставил жирную точку. Ислухабил всё талантливо.

Также чернит Александр Серафимович православие в рассказе «Место свято». С моей точки зрения – это просто подло. Словами рассказчика «Место свято» можно сказать о таком творчестве Серафимовича: «У меня такое ощущение... харкнул кто-то густой мерзкой харкотинной».

Пьеса «Марьяна», опубликована в изд. «Новая Москва» в 1923 г. О крестьянке, которая под влиянием революционера начинает понимать правду революции.

Рассказ «Бабыя деревня». Впервые в сборнике Серафимовича «Бабыя деревня» и другие рассказы» (М., 1923). На этот раз панегирик колхозу.

Приезжает агитатор в деревню, где одни бабы:

« – Да так. Пришел еверал Колчак и давай сгнущаться над народом – ды тянут, ды разоряют, ды бабам нет житья. Сколько девок перепортили. Мужики терпели, терпели ды все убегли к балшавикам. А из них роту энти сделали. Ну, наши и стали бить Колчака, Выгнали из деревни и погнали. Страсть наклали его. А потом, слышим-послышим, все наши полегли под одним городом. Брали город у Колчака, все полегли до единого». [с. 87].

Вот, оказывается, кто грабил и насиловал.

Первая фраза рассказа – «Это было в восемнадцатом году». Ну, конец 18-го, кругом снег, агитатор едет в деревню. Деятельность Колчака началась в ноябре 1918 года. Исходя из текста и колчаковцы вдоволь побезобразничали, и крестьяне не толь-

ко создали отряд, но и вдоволь повоевали. Да и весть о том, что все полегли, успела дойти до деревни. И все это за один месяц (!?).

Приезжий стал агитировать баб идти в "коммунию". Его за это чуть не убили. Тогда стал расспрашивать о житье – бытье. Оказалось, что крестьянки все делают вместе: пашут, косят, молотят, присматривают за детьми.

– *Урра-а-а!* – *закричал радостно Сергей и подкинул шапку. – да это же у вас и есть коммуния. Самая настоящая коммуния!*,” [с. 91]. После этого его побили (никому не нравилось слово – коммуния) и прогнали из деревни.

Вероятно, писатель задумывал это, как юмористический рассказ. Что-то мне не смешно.

Рассказ «Гуси».

В Примечаниях к двухтомнику А.С. Серафимовича [Л., «Художественная литература», 1985, т. 2, с. 412] читаем: “Впервые – в журнале «Охотничье дело», 1924. № 1 – 3, под названием «На Севере».

В воспоминаниях писатель подчеркивает, что в основе рассказа лежит его личный опыт времен северной ссылки: «Автобиографическая страничка из моей жизни (1887 - 1888) в ссылке, в Мезени, бывшей Архангельской губернии.

Вопреки запрещению властей, я иногда уезжал на оленях в тундру или уходил в лес с ружьем...”

Достаточно интересный рассказ об охоте на гусей и рябчиков. И о том, как потом простудившегося писателя охотник вылечил в бане. Правда, ссыльным запрещалось ходить на охоту и рассказ оканчивается фразой: “А потом три месяца сидел в тюрьме, и клопы жрали меня” [с. 100], что, вероятно, подчеркивало “зверства” царизма. С учетом года издания рассказа, опять же, неплохой контраст с “ласковыми” мерами большевиков: концлагерями, расстрелами и т.п.

Не исключено, что А.С. был одним из создателей стереотипа большевика-охотника, вынужденного в ссылке таким образом коротать свой досуг.

Пьеса «Именины в 1919 году», опубликована в 1924 г. В одноактной комедии клеймятся «тогдашние хамелеоны из буржуазной интеллигенции».

Рассказ «История одной забастовки», впервые напечатан в ж. «Безбожник у станка» в 1924 г., № 7 – 8. с. 4 – 23.

Беспросветная жизнь фабричных рабочих. На этом фоне бесящийся с жиру хозяин фабрики.

“У хозяина фабрики тоже встречали престольный праздник.

В громадной столовой протянулся огромный стол. И чего только тут нет: и заморские вина, и фрукты и сладости, и закуски. И блюда, каких и не выдумаешь.

Хозяйка – белотелая, в дорогом платье из Парижа, с множеством сверкающих бриллиантами колец на руках и по груди голая.

И дочка голая. Сама вся сверкает бриллиантами: и булавки бриллиантовые, и застёжки бриллиантовые, и гребни в волосах бриллиантовые, и брошки бриллиантовые – так вся и сверкает на свету, так вся и играет переливающимся блеском.

У папаша – фабрикантское брюшко, и по брюху – собачья толстая золотая цепь. Гости: директор фабрики с дочкой, несколько инженеров, соседние фабриканты с женами и жандармский офицер. Не приступали к еде, ждали священника.

Пришел и поп в шелковой рясе, с большим золотым крестом на груди. После рабочих он принял ванну, побрызгался одеколоном и теперь с преданно-собачьим лицом именем Христа, простерши холеные руки, благословил яства и пития. . .” [собр. соч. в 10 томах. М., 1948, т. 10, с. 8].

Справедливая забастовка. Гнусный поп, желающий её остановить и затем спрятавшийся за солдатами. Разумеется, расстрел демонстрации. Жену убитого рабочего берут на работу лицемерные и юродствующие хозяева. Она расклеивает листовки (в свободное от невыносимой работы время), её арестовывают. “И пошла она густо окруженная штыками. Поблескивали шапки”. Её 16-ти-летний сын за то, что “тайно похитил булку из булочной купца Авдеева” “по указу его императорского величества присужден к тюремному заключению сроком на шесть месяцев” (на эте туму целая глава “Суд”). Её дочь была обесчещена подлым сыном фабриканта и после этого выгнана на улицу его лицемерной матерью (глава – “Вон”). Последняя глава “Под красным фонарем” об этой самой дочери говорит сама за себя.

Ну до чего же удивительно примитивное произведение !

Рассказ «Рыжий поп», опубликован около 1924 г.

О попе, у которого заговорила совесть и он собрал митинг крестьян:

“- Никого я не убивал, не грабил, а поступил во сто крат хуже, лютее самого черного убийцы и грабителя: слепил я вам глаза, обманывал вас, держал вас в темноте целых двадцать лет. Вместо того, чтобы учить вас как бороться с засухой, с червями, которые поедали ваш хлеб, я воедил вас по полям, кропил их водой. А эту воду доставал дьячок из колодца против Фомкиной избы, а вы сдуру думали, что от этой воды поля дадут урожай . . .”

- Как же так случилось, что я мог вас обманывать целых двадцать лет, и вы слушались этого обмана и не могли его открыть? А случилось это оттого, что вас с испокон веков царское правительство держало в темноте и обманывало. И архиереи обманывали. И епископы, и все. Чтоб втереть вам очки, устраивали таинства, значит, тайно, никто этого понять не может. Вот устроили такое таинство: посвящение в сан. Посвятили меня в поповский сан, то есть посвятили на обман, на держание вашего ума и сердца в темноте. Это называется таинство посвящения. А сколько этим таинством посвящено православных попов, и попов всяких других религий – ксендзов, раввинов, мулл и прочих – целые армии, и все для одного: чтобы держать трудящихся в покорности и чтоб легче их было сосать помещикам. Фабрикантам, капиталистам и самим попам. Но будет, - довольно! Нет моей мочи дальше жить в обмане. Эй, дядя Евстигней, на-ка ножницы, вали мою косу под самый под корень, чёрт с ней.

...
- Ну, вот что, - сказал бывший поп, встряхивая пёстро стриженной головой, - примите меня, граждане, к себе, нарежьте землицы, сколько полагается, сам буду пахать и сеять”.

Рассказ «**Бунт**», впервые напечатан в ж. «Безбожник у станка», 1924 г. №12, с. 9 – 23.

Бедная деревня. С одной стороны, и жирующий помещик – с другой.

“А барину деньга нужна, уж как нужна, и много нужно. Да помилуйте, как же ему без денег! живет он с семьей в Петербурге да по заграницам, а там каждый день сотни требует, а то и тысяч”.

...
“А как на бал к царю ехать, супруга и дочки из Парижа платья выписывают за многие тысячи. Вот крестьяне и должны стараться барина своего не уронить”.

...
“Глядят через речку крестьяне, думают: «Эк их, челяди приволокли!».

А в усадьбе – пиры горой. На террасе раскинут громадный стол. И чего-чего только нет: и еда разная. И вина заморские, и блюда серебряные, и посуда хрустальная. И весь стол уставлен цветами. Чисто в саду, а уж скатерть белая, как кипень.

Съедутся гости: помещики на тройках с бубенцами, предводитель дворянства, исправник, а помещицы жены и дочки – в белых воздушных платьях, белопелые и пышные, с цветами в волосах. Прикатит и поп, шелковую рясу на этот случай наденет, золотой крест. Вот благословит «питий и яства». И все шумно садятся за громадный стол, - гляди. Человек шестьдесят сядут”. [собр. соч. в 10 томах. М., 1948, т. 10, с. 23 - 24]. Примечание. Про попа такие же обороты в рассказе «История одной забастовки (см. выше).

Бессовестный барин повышает налоги. Бедные крестьяне, понимая, что такого бремени не выдержат, идут умолять барина. Подлый барин обещает доверчивым крестьянам послабления, от чего они “долго стояли” с “радостными лицами”, а сам, уезжая, шепнул управляющему: “Всю аренду взыщите в срок”. Вконец обобранные крестьяне не выдержали жуткого произвола. Стали резать коров, подожгли усадьбу.

Одна из глав названа «Казачи».

“Через три дня в деревне все стояло вверх ногами, и шла страшная кутерьма . . . ”. . . “А ночью занялось зарево за усадьбой: горели скирды . . . ” “Через два дня оказались испорченными десять коров”.

“Потом через ночь два раза загоралась усадьба. Тогда пригнали сотню казаков, и приехал следователь по особо важным делам. Пошли допросы, аресты. Крестьяне с тупо-покорными лицами стояли, глядя в землю, и твердили одно:

- Знать – не знаем, ведасть – не ведаем.

...

Тогда отдано было приказание перепороть всю деревню. Казаки шли от избы к избе, вытаскивали крестьян, клали на землю, один садился на ноги, другой на голову, и пороли до тех пор, пока спина и зад не покрывались кроваво-изорванными лоскутьями. Сначала крестьянин отчаянно кричит и дергается. Потом хрипит, потом замолчит и лежит неподвижно под казаками”.

...

“Пороли и баб. Те верещали, как резаные, извивались вьюном, но замолкали скорее крестьян, потому что были слабее, и лежали молча, а плети резали им тело. Но когда очунились от лившейся на них воды, еле слышно заговорили:

- Ведасть – не ве-е-да-ю, знать не зна-ю.

...

“Тогда прибегли к последнему средству”.

“Вышел поп с причтом. Положил на аналой крест и евангелие. А кругом стоят казаки на лошадях; свесились нагайки; за спинами винтовки; мотают головами нетерпеливые кони . . .”

Часть мужиков посадили (глава “Суди меня, суд неправедный”). “Да и всю деревню разорили дотла - до копеечки взыскали Бариннову аренду, да еще с неустойкой”.

О подлых полах в главе “Что же ты наделала, бабонька !”

“Хорошо там живут монахи, ишь, ходят черные – сытые, ядреные. Да и как им сытно не жить – зва, кругом все ихнее, монастырские поля; а по речке – ихние, монастырские заливные луга; а за лугами – ихний, монастырский лес. Угодий у монахов, поди, столько же, сколько и у барина”.

“Крестьяне-то бесперечь грешат и тянут грехи в монастырь, а монахи их отмаливают, да не даром. За отмоление крестьяне и землю вспашут, и луг скосят и делянки в лесу вырубят; бабы снопы повяжут, и сады уберут, и холстов монахам наткут, и за коровами, за птицей ходят – вот громадное монастырское имение и справлено. За это измученные, зарезавшиеся на работе, голодные оборванные крестьяне идут домой чистенькие от грехов, как младенцы новорожденные, а монахи садятся за стол и вкусно и сытно едят, по кельям и винцо попивают”

Во время исповеди, застравав испуганную крестьянку, мерзавец – поп все у нее и выведал: кто портил коров, кто поджег усадьбу.

“Через три дня арестовали хромого солдата, и Микиту Ржаного, и Федора Кривого, и всех пятнадцать человек”.

В целом, о царизме тоже сказано. Главу “К богу на помазание”, полагаю, имеет смысл привести полностью. Настолько она впечатляет.

“Пышно справлял царь свою коронацию, да как ему не справлять пышно, коли у него земли – на миллионы и много крестьян, надрываясь, пашут её.

Пышно справляли коронацию помещики-дворяне. Да и как им не справлять её пышно, - царь ведь среди них первый помещик-дворянин.

Вся Москва была залита огнями. Царь ехал в золотой карете. В нее запрягли двадцать белых молодых лошадей. Молодые лошади белыми бывают только в одном месте – у арабов в Аравии. Их и привезли оттуда за много тысяч верст и за много тысяч рублей – крестьянская копейка таровата.

За царем двигалось бесчисленное духовенство. Митрополиты, архиереи, попы, дьяконы – и все в золотых ризах, с золотыми крестами, осыпанными бриллиантами и драгоценными камнями, - крестьянская копейка таровата. А на головах у них – у одного золотое ведро, у другого – золотой круглый горшок вверх дном, у третьего бархатный вареник. И все это осыпано алмазами, разноцветными камнями, - крестьянская копейка таровата. Царь пускает духовенство вперед потому, что оно составляет главную опору власти царя и помещиков над крестьянами. И эта опора была сильнее полиции.

А за духовенством тянулись дорогие кареты, а в них сидели помещики в шитых золотом дворянских мундирах и помещицы в умопомрачительных дорогих платьях, выгисанных из-за границы, - крестьяне недаром трудились в поте лица над помещичьими землями. А дальше шли чинсеники, полиция. Войска – все, на чем держался царь и помещики и что держалось на одном крестьянине, который кормил их”

Последняя глава “По Владимирке”, сами понимаете, о том как бедных, ни в чем не повинных крестьян гонят “в далёкую мерзлую Сибирь, в мёртвую каторгу”.

Рассказ «Галка», впервые в ж. “Красная молодёжь”, 1924, кн.1 (май), с. 67–73 Многодетная семья, ужасающая нищета, “смерд”, “клопы” и т.п. Мать умирает. Отец не может прокормить детей и раздаёт их в чужие руки.

Галчонка берёт дядя, хорошо одевает, но
 “На четвертый день дядя упал. Умер. Тётя сказала:- Уходи, мне теперь и без тебя горе, свои дети”.

...
 “Корочки хлеба не давала (тётя, С.К.). . . Ах, как есть хочется! . . Мама! . . Лежала на коврике, блестела глазами, как у волчонка. И быстро-быстро перебирала какие-то мысли... Мама! . .”

...
 “Она воровала у тети корочки, забиралась в нужник и там осторожно хрустела. Иногда давали хлеба сердобольные соседи, - и потому не умерла, но была такая маленькая, взерошенная; не могла расти.

Так два года. И уж почти не могла ходить, всё больше лежала в полудреме под лестницей. И опять сжались соседи – отеели на пробочную фабрику”.

Невыносимый труд, бессовестная эксплуатация детей. “Маленькое сердечко, самой ей незаметно, заполнялось ненавистью. . .”

“А налитый пизом мастер, великопечно знающий своё дело мастер Иоганн, представил хозяину проект о сбавке заработной платы русской и «жидовской» рабочей «свыня»; ведь это не Германия – тут всё «свыня». Сбавили, - а Иоганну за усердие, за уместость прибавили: ни одна пробочная фабрика не шла так хорошо, как эта”

Маленькому Галчонку удается накинуть мешок на голову немцу, в результате он очутился в выгребной яме. Её смелый поступок оценён передовыми рабочими.

‘Как-то подошла молодая работница-еврейка, с большими чёрными глазами, пригладила ей вихры ласковой рукой и сказала:

- Поди за ворота, там папиросник на углу. Ты скажи: «Почём папиросы – «пятак аль пятак с копейкой?» Если он тебе скажет: «Рано тебе курить, горький дым» - ты отдай ему этот пакет, а он тебе даст другой. Только, чтоб никто другой не видел”.

...
 “Жизнь галчонка переменилась; началось новое, большое, захватывающее”.

Часть 2-я. Галчонку – 18 лет. Вся она в революционном движении. Жизнь прекрасна *“Верно, оттого, что он любит её... любит, любит, любит.. А говорят, что он приземистый... Он-то приземистый! А ещё оттого у него нестерпимо яркие точки в глаз, что он... чтоб ему насквозь видеть, - он шпиков за три квартала видит.”*

Её любимого – Исаю арестовывают. Винават предатель Тимофей.

“Рассвело. По шоссе всё так же ехали повозки на базар; шли рабочие в кепках. Упорно гудели заводские гудки. А по канаве мирно росли крапива и лопухи, и там Галка ждёт предателя.

...Когда Тимофей, в новой кепке, в новых сапогах бутылкой, проходил мимо канавы, бледно и странно-слабо, вовсе не так, как в погребке, ударил выстрел. Тимошка вскрикнул, разом свалился и, как огромный червяк, стал судорожно извиваться, дымя пылью.

Вскоре подошли двое рабочих в измазанных блузах, заглянули в лицо и сказали: - Собаке – собачья смерть...”

И заключительная фраза рассказа: *“С этого дня начинается история Галочки”*

Рассказ **«Маленькие жизни»**, впервые напечатан в «Правде, 1924, 20 июня.

“Лето 1924 года. С Садовой, от Красных ворот, я иду по знаменитой Домниковской улице.

*Домниковская улица до революции – это **трущоба, вертеп, сплошной публичный дом**. Тяжко, без конца, с утра до ночи громыхали подводы с грузом на лежачие возле вокзалы и с вокзалов, а по сторонам плечо в плечо – воюнучие, грязные ресторанчики, трактиры, пивные и бесчисленные «меблированные комнаты» - логвище чудовищного разерата. Драки, убийства, девушки на тротуарах, выжидающие покупателей; фонари на физиономиях; из под ворот медленно течет черная сукровица нечистот – мрачное наследие рухнувшего строя.*

А теперь то же громыхание грузовых подвоек, то же незамирающее движение; в обе стороны торопливо спешит трудовой народ, - но исчезли меблированные вертепы, кабаки.

Знаю, отчётливо знаю, что ещё и сейчас есть остатки царско-буржуазной гнили и чертополоха – всего этого сразу не уничтожишь. Но теперь это перестало кричать нагло крикливостью, убралось с улиц, во всяком случае затруднено; с уличным разератом идёт борьба и с этим будет закончено, надо надеяться, скоро.

На углу переулка кусочек нового, что принесла революция. ..”

Затем рассказ о светлой жизни детей в детском доме, перемежаемый вставками о том, что с ними было до этого:

“Вот две девочки, одноклассницы, лет по одиннадцати, не сестры. В осенний непогодливый вечер, в тряпье, не попадая зуб на зуб, посинелые, жались они у базарного рундука. Идет чистый породистый господин, должно быть, из дворян. Девочки протянули руки, трясутся: - Вы чего ?

- Подайте, господин... холодно... голодные мы...

Тот постоял задумавшись.

- Эх, бедняги! Ну, пойдёмте.

Долго шли. Потом пришли в большой дом. Поднялись. Светлая, теплая квартира. Велел в кухне сбросить тряпье; устроил ванну. Радостно мылись, плескались: обе сидели в тёплой ванне. Чистый господин принёс две простыни: завернул

одну, отнёс, потом другую. Накормил. Потом принёс бутылку вина, налил в рюмку на высокой ножке; выпил, **не пощадил... одну, затем другую.**

Девочки кричали от боли, потом тихо плакали, уткнувшись в белоснежные подушки. Утром велел им надеть свое тряпье, вызвал через чёрный ход на улицу, сказал: - Идите...

...Многие девочки пережили этот кошмар. Но восьми-девятилетние часто не осознают случившегося с ними, не то что скрывают, а не отдают себе отчёта, и это устанавливается только медицинским осмотром. Другие просто рассказывают, как на улицах говорили дядям: - Пойдем со мной за двадцать копеек".

Теперь, разумеется, совсем другое:

"И как же ребятишки благодарны ! Из детских домов к некоторым из воспитательниц сыплются тучи ребячьих писем, полных любви и нежности. . . "

Рассказ «Родные горшки», впервые напечатан в 1924 г. в ж. "Работница"

О прозрении забитой фабричной женщины, о её тяге к новой жизни, о том, как она написала заметку в газету.

"Села Лукерья и каракулями написала корреспонденцию. Когда напечатали, бережно сложила газету, понесла мужу.

Тот прочёл, ахнул: - Да неужели ты, матка ?

Она показала подпись внизу: т к а ч и х а Л у к е р ь я.

В корреспонденции было написано: «Наши работницы не понимают своей жизни. Ихние горшки, пеленки, корыта им дороже детей, дороже жизни. А пока работница не развяжется с горшками и пеленками, с корытами да не заменит их яслями, столовыми, общественными прачечными, до тех пор жизнь их будет тяжка и темна, как в хлеву»

Иван радостно хлопнул жену по плечу.

- Ну, молодца, Луша ! Ей-ей, не ждал. Вот чего, не пойду я нонче в пивную, а пойдём на эти деньги вместе в кино.

- Ну-к. что-ж, - сказала Лукерья с засветившимся лицом, - вот уложу детей, и пойдём.

В первый раз за столько годов пошли вместе".

Роман «Железный поток».

В Примечаниях к двухтомнику А.С. Серафимовича [Л., «Художественная литература», 1985, т. 2, с. 415] читаем:

"Впервые – в кн.: Недра. Литературно-художественный сб. (кн. 4, М., 1924), с подзаголовком: «Из цикла "Борьба"»". Отрывки печатались в 1922 – 1923 гг. "Первое отдельное издание романа вышло в 1924 году: Железный поток. Эпопея. (М., Мосполиграф, 1924)".

В произведении предлагается описание похода Таманской армии, которая была вынуждена спастись ввиду начавшегося восстания кубанских казаков в 1918 г.

Донские казаки в романе отсутствуют. Зато, в наличии кубанские. Фрагменты, в которых они фигурируют, приводятся ниже.

Из главы I:

“В станице только казачки, старухи, дети. Казаков ни одного, как провалились. Казачки поглядывают в хатах в оконца на Содом и Гоморру. Разлившиеся по широкому, закутанному облаками пыли улицам и переулкам:

- Щоб вам повылазило !”

Из главы II:

“ – Меня, товарищи, вы знаете. Вмистях кровь проливали. Сами выбрали в командиры. А теперь, колы так будэ, все ведь пропадем. Козачье с кадетами со всех сторон, навалилось. Однако часа упустать нельзя.”

“Тот опять постоял и вдруг хриплуче закричал навек простуженным голосом, который отдался у самых крайних хат среди повозок:

- Славянская станица поднялася, и Полтавская и Петровская, и Стиблиевская. И зараз поперед церкви на площади в каждой станице виселицу еромадят, есих вешают подряд, только б до рук попался. В Стиблиевскую пришли кадеты, шашками рубают, вешают стреляют, конями в Кубань загоняют. До иногородних нэма жалости, - стариков, старух – есих под одно. Воны кажутъ, еси большевики. Старик Опанас, бахчевник, хата его противу Явдохи Перецречицы...

- Знаемо ! – загудело коротким гулом.

- . . . просил, в ногах валялся, - повисили. Оружия у них тьма. Бабы, ребятишки день и ночь копают на огородах, в садах из земли винтовки, пулеметы, тягают из скрдов целии ящичи со снарядами, с патронами, - всего наволокли с турецкого фронту, нэма ни конца ни краю. Орудия мают. Чисто сказались. Як пожар. Вся Кубань пылае. Нашего брата в армии дуже мучуть, так и висят по девеьям. Которые отряды отдельно в разных местах пробиваются, хто на Екатеринодар, хто до моря, хто на Ростов, да еси ложатся пид шашками”.

Примечание. Вот так, оказывается, вешать начали белые, а не наоборот – восстание началось из-за массовых зверств. К тому же у восставших оружие в изобилии ? !

“А железные челюсти неумолимо перемальвали:

- Нам, товарищи, теперь нэма куды податься: спереди, сзаду – есэ смерть. Энти вон, - он кивнул на порозовевшие казачьи хаты, на бесчисленные сады, на громадные тополя, от которых длинно легли косые тени, - може, сегодняшнюю ночь кинутся нас ризать, а у нас ни одного часового, ни одного дозора, некому распорядиться, Надо отступать. Куда ? Прежде надо перестроить армию. Выберите начальников, но только раз, а потом они будут над жизнью и смертью вольны – дисциплина шоб железная, тогда спасение. Пробьемось к нашим главным силам, а там и из России руку подадут. Согласны ?”

Из главы IV:

“- Я, если казаки до нас приступят, заколюсь.

Она полезла за пазуху, вытащила оттуда тускло поблескивавшее.”

Из главы V:

“Может быть, через час, через полчаса казаки ворвутся и будут всех наповал рубить ! Да, он это знает, но он и видит, как послушно и гибко рота за ротой, батальон за батальоном выполняют приказание, . . .”

“Яростно наседают казаки”.

“Бьются солдаты, отстаивают каждую пядь, бьются за своих детей, отцов, матерей, берегут каждый патрон, редко стреляют, но каждый выстрел родит казачьих сирот, слезы и плач в казачьих семьях.

Остервенело наваливаются казаки, близко. Совсем близко мелькает их цепь, уже заняли окраину садов, мелькают из-за деревьев, из-за плетней, из-за кустов. Залегли шагов с десятков между цепями. Стихло, - берегут солдаты патроны: караулят друг друга. Крутят носами: чуют – несет из казачьей цепи густым сивушным перегаром. Завистливо тянут раздувшиеся ноздри:

- Нажрались, собаки... Эх, кабы достать !..

И вдруг не то возбужденно-радостный, не то по-звериному злобный голос из казачьей цепи:- Бачь ! Та це ж ты, Хвомка !! Ах, ты. Ммать твою крий, боже !..

И сейчас же из-за дерева позарился говаякими глазами молодой гололицый казачишка, весь вылез, хоть стреляй его. А из солдатской цепи также весь вылез такой же гололицый Хвомка:

- Це ты, Ванька ?! Ах, ты, ммать твою, байстрюк скаженный !..

Из одной станицы, с одной улицы, и хаты рядом под громадными вербами. А утром, как скотину гнать, матери сойдутся у плетня и калыкают. Давно ли мальчишками носились вместе верхами на хворостинках, ловили раков в сверкающей Кубани, без конца купались. Давно ли вместе спивали с дивчатами ридны украински писни, вместе шли на службу, вместе, окруженные реущимися в дыму осколками, смертельно бились с турками. А теперь ? А теперь казачишка закричал:

- Шо ж ты тут робишь, лахудра вончоха ?! Слизнялся с проклятущими башевеиками, бандит голопузый !?

- Хто ?! Я бандит ?! А ты шо ж, куркуль поганый... Батько твий мало драл с народа шкуру с живого и с мертвого... И ты такой же павук !..

- Хто ?! Я – павук ?! Ось тобі !! – откинул винтовку, размахнулся, рраз !!

Сразу у Хвомки нос стал с здоровую грушу. Размахнулся Хвомка, рраз !

- На, собака !

Окривел казак. Ухватили друг дружку за душу – и ну, молотить ! Заревели быками казаки, кинулись с говаякими глазами в кулаки, и весь сад задохся сивушным духом. Точно охваченные заразой, высочили солдаты и пошли работать кулаками, о винтовках помину нет, - как не было их. Ох, и дрались же !.. В морду, в переносье, в кадык, в челюсть, с выдохом, с хрустом, с гаком, - и нестерпимый, неслыханный дотоле матерный рев над ворочавшейся живой кучей.

Казачьи офицеры, командиры солдат, надрываются от хриплого мата, бегали с револьверами, тщетно стараясь разделить и заставить взяться за оружие, не смея стрелять – на громадном расстоянии ворочался невиданный человеческий клубок своих и чужих, и несло нестерпимым сивушным перегаром.

- А-а, сволочи !.. – кричали солдаты. – Нажрались, так вам море по колено... мать, мать, мать !..

- Хуба ж вам, свиньям, цю святую воду травить... мать, мать, мать !.. – кричали казаки.

И опять кидались. Исступленно зажимали в горячих объятиях – носы раздавливали, и опять без конца били кулаками, куда и как попало. Дикая, остервенелая ненависть не позволяла ничего иметь между собой и врагом, хотелось мять, душить, жать, чувствовать непосредственно под ударом своего кулака хлюпающую кровью морду врага, и все покрывала густая – не продыхнешь – матерная ругань и такой же густой, непереносимый водочный дух.

Час, другой... все – исступленный мордобой, все – исступленный матерный рев. Никто не заметил – стало темно. (Неплохо - "час, другой"; о мордобое, С.К.)

Двое долго в темноте старательно лупили друг друга, кряхтя, матюкая, да на минутку оторвались, всмотрелись друг в друга.

- Це ты, Опанас ?! Та що ж ты, мать твою в душу, лупишь меня, як сноп на току !

- Ты, Миколка ? А я думав – казак. Шо ж ты, утроба поганая, усю морду мени расковыряв, що я тобі сдався, чи казенный, чи що ?

Отирая кровавые лица, переругиваясь, медленно отходят в цепь, и в темноте ищут свои винтовки. А рядом два казака, долго крикая, возили друг друга кулаками, по очереди сидели друг на друге верхом, потом взгляделись:

-Та що ж ты на мени вздишь, туды и растуды тебе, як на старом мерине?!

- Це ты, ты, Гараська ?! Та що ж ты не кричав ? Тильки матюкается, як скаженный, а я думав – солдат.

И, вытирая кровь, пошли в казачий тыл. Смолкла, наконец, подлая матерная ругань, и стало слышно: шумит река, да бесконечно барабанит доска моста – нескончаемо катятся обозы, да чуть багрово шевелятся края черных туч от догорающего пожара. Вдоль садов залегла цепь солдат, а кругом в степи – казачья цепь. Молчали, перевязывая вспухшие, в фонарях, рожки. Все тарыхтит мост, шумит река. Перед самым утром станицу очистили. Последний эскадрон перешел, стуча по настилу, и мост запылал, а вслед уходящим со всей станицы посыпались залпы, затрещали пулеметы.

VI

По станичным улицам идут с песнями, мотая длиннополыми перетянутыми черкесками, казаки, пластунские батальоны; на лохматых черных папахах белеют ленточки. А лица украшены: у одного глаз сине-багрово запылил; у другого вместо носа кровавый бугор; вздулась щека; как подушки, губошлепые губы, - ни одного казака, чтоб у него не глядели с лица самые густые фонари.

Но идут весело, густо, и над вздымающейся взрывами из-под ног пылью – рубленным железом марш в такт дружно отдающемуся в земле шагу:

Як не всхо-ти-лы,

За-бун-то-ва-лы...

густо, сильно, отдаваясь в садах, в степи, над станицей:

тай у-те-ря-лы Кра-и-и-ну !

Казачки встречаются, высматривают каждая своего, - бросается радостно или вдруг заломит руки, заголотит, покрывая песни, а старая мать забьется, вырывая седые волосы, и понесут ее дюжие руки в хату.

... зв-бун-то-ва-лы ...

Бегут казачата... Сколько их ! И откуда только они повылезли, ведь не видать было все время бегут и кричат. - Батько !.. Батько !..

- Дядько Микола !.. Дядько Микола !.. - А у нас красные бычка зылы.

- А я одному с самострела глаз вышиб, - он пьяный в саду спал.

На месте прежнего по улицам, по переулкам раскинулся другой и, видно, свой лагерь. Уже задымилась по всем дворам летние кухонки. Суетятся казачки. Пригнали откуда-то из степи спрятанных коров; привезли птицу; идет и варево и жаревое. А на реке жаркая своя работа – в обгонку стучат топоры, заглушая даже шум реки, летит во все стороны, сверкая на солнце, белая щепка – реутся казаки, наводят мост вместо сгоревшего, чтоб поспеть нагнать врага.

А в станице – свое. Идет формирование новых казачьих частей. Офицеры с записными книжками. Прямо на улице за столами писари составляют списки. Идет переключка. Казаки поглядывают на похаживающих офицеров, - поблескивают на солнце погоны. А давно ли, каких-нибудь шесть – семь месяцев назад, было совсем другое: на площадях, на станичных улицах, по переулкам кровавым мясом валялись вот такие же офицеры с сорванными погонами. А по хуторам, в степях, по балкам ловили прятавшихся, привозили в станицу, беспощадно били, вешали, и они висели по несколько дней, чтоб воронье растаскивало.

И началось это около году назад, когда на турецкий фронт докатился пожар, полыхавший в России. Кто такое ?! Что такое ?!

Ничего не известно. Только объявились неведомые большевики, и – точно у всех с глаз бельма слизнуло – вдруг все увидели то, что века не видали, но века чувствовали: **офицеры, генералитет, заседателей, атаманов, великую чиновную рать и нестерпимую военную службу, дотла разорывшую.** Каждый казак должен был на свой счет справлять сыновей на службу: а – три, четыре сына – каждому купить лошадь, седло, обмундирование, оружие, – вот и разорился двор. Мужик же приходит на призыв голый, все дадут, оденут с головы до ног. (Здорово, все перевернуто с ног на голову, С.К.). И казацкая масса постепенно беднела, разорялась и расслоялась; слой богатого казачества всплывал, креп, обрастал, остальные понемногу тонули”.

“Кубанские казаки – хозяева этого чудесного края. И есть у них работники, народ-работник, и столько же его, сколько самих казаков; и так же поют украинские песни и говорят родным украинским языком. Братья родные два народа, – и те и другие пришли с милой Украины.

Не пришли казаки – признала их **царица Катька** полтора года лет назад; разрушила вольную Запорожскую Сечь и признала сюда; пожаловала им этот дикий тогда, страшный край. От ее пожалования плакали запорожцы кровавыми слезами, тоскуя по Украине. (Забавный экскурс в историю, С.К.). Повывлезали из болот, из камышей скрюченные пожелтевшие лихорадки, впились в казаков, не щадили ни старого, ни малого, много выпили народу. В острые кинжалы да в меткие пули приняла невольных пришельцев черкесы. – кровавыми слезами плакали запорожские казаки, поминали родную Сечь и день и ночь билась с желтыми лихорадками, с черкесами, с дикой землей, – нечем было поднять ее вековых, не тронутых человеком залежей.

А теперь... теперь: – Та нэма ж края найкращеого, як наш край.

А теперь все зарытас на этот край, как чаша, переполненный невиданными богатствами. Потянулись, гонимые нуждой, из Харьковской губернии, из Полтавской, из Екатеринославской, с Киевщины, потянулись голь и беднота со скарбом, с детьми, расселились по станциям и целкают, как голодные волки, зубами на чудесную землю.

На-кось! Съешь фигу, – землю захотели!

И стали батраками переселенцы у казаков, дали им имя «иногородние». Всячески теснили их казаки, не пускали их детей в казацкие народные школы, драли с них по две шкуры за каждую пядь земли под их хатами, за аренду земли, **взвалили на них все станичные расходы** и с глумликом презрением называли их: «бисовы души», «чига гостропуза», «хамсел» (то есть хамом сел на казацкую землю).

А иногородние, упорные, как железо, без своей земли поневоле бросающиеся на всякие ремесла, на промышленную деятельность, изворотливые, тянущиеся к знанию, к культуре, к школе, – платят казакам той же монетой: «куркуль», «калук» (кулак), «пугач»... Так горит взаимная ненависть и презрение, **а царское правительство, генералы, офицеры, помещики радостно раздувают эту звериную вражду. Прекрасный край, дымящийся, как горькой желчью, едкой злобой, ненавистью и презрением.**

Но не все казаки, не все иногородние так относятся друг к другу. Выбившиеся из нищеты, выбившиеся из нужды сметкой, упорством, железным трудом – иногородние в почете у богатых казаков. Держат они мельницы на откупу, много держат казацкой земли в аренде, держат батраков из своей же, иногородней бедноты, и лежат у них в банках деньги, ведут торговлю хлебом. Уважают их те казаки, у которых дома под железными крышами и амбары ломятся от хлеба, – **ворон ворону глаз не выклюет.**

Отчего это с гиком и посвистом скачут по улицам казаки в черкесках, заломив папахи, скачут взад и вперед, раскидывая лошадиными копытами глубокую мартовскую грязь, и блестят выстрелы в весеннее синее небо? Праздник, что ли? И колокола, надрываясь, мечут веселый синий звон по станицам, по хуторам, по селам. А люди в праздничной одежде, и казаки, и иногородние, и дивчата, и подростки, и седые старики, и старухи с завалившимся ртом – все, все на весенних праздничных улицах. Уж не пасха ли? Да нет же, **не поповский праздник! Человечий праздник, первый праздник за века.** За века, сколько земля стоит, первый праздник. «Долой войну!..»

Казаки обнимают друг друга, обнимают иногородних, иногородние – казаков. Уже нет казаков, нет иногородних – есть только «граждане». Нет «куркулей», нет «бисовых душ» – есть граждане. «Долой войну!..»

В феврале сигналы царя, в октябре что-то произошло в далекой России; никто толком не знал, что произошло, одно врзалось в сердце: «Долой войну!..»

Врезалось и было безумно понятно. И повалили полки за полками с турецкого фронта. Повалила казацкая конница, шли плотно батальоны пластунов – кубанцев, шли иногородние пехотные полки, погромыхивала конная артиллерия, – и все это непрерывающимся потоком к себе на Кубань, в родные станицы, со всем оружием, с припасами, с военным снаряжением, с обозами. А по дороге разбивали водочные заводы, склады, **опивались, тонули, горели живьем в выпущенном море спирта**, уцелевшие валили к себе в станицы и хутора.

А на Кубани уж советская власть. А на Кубань уж налетели рабочие из городов, матросы с потопленных кораблей, и от них все вдруг стало ясно, отчетливо: **помещики, буржуи, атаманы, царское разжигание ненависти между казаками и иногородними, между всеми народами Кавказа. И пошли лететь головы с офицеров, и полезли они в мешки и в воду.**

А пахать надо, а сеять надо; а солнце, чудесное южное солнце, разгоралось на урожай все больше и больше.

– Ну, як же ж нам пахать? Треба землю делить, а то время упустишь, – сказали иногородние казакам.

– Землю вам?! – сказали казаки и потемнели.

Стала меркнуть радость революции.

– Землю вам, злыдни?

И перестали бить своих офицеров, генералов, и **поползли они изо всех щелей и на тайных казачьих сборищах** стучали себя в грудь и говорили зажатительно: – У большевиков постановлено: отобрать у казаков всю землю и отдать иногородним, а казаков повернуть в батраки. Несогласных – высылать в Сибирь, а все имущество отбирать и передавать иногородним. (Подается, как наговор, а ведь, в результате, так и получилось. С.К.)

Потемнела Кубань, тайно низом полоз загорающийся пожар по степи, по оврагам, по камышам, по задворкам станиц и хуторов.

– Та нэма найкращего края, як наш край!

И опять стали казаки – «куркули», «каклуки», «пугачи».

– Та нэма ж найкращего края, як цей край!

И опять стали иногородние – «бисовы души», «хамселы», «чига гостропуза»

Зааврилась каша веселая в марте восемнадцатого года; стали расхлебывать ее, до слез горячую, в августе, когда в этом крае еще знойно солнце и видимо-невидимо ходят облака горячей пыли. Не потечь Кубани вспять в гору, не воротить старого; не козыряют казаки офицерам, а когда и в зубы им заглядывают, помнят, как ездили те на них, и они делали из офицера кровавое мясо. Но к речам офицерским теперь прислушиваются и приказания их выполняют.

Звенят топоры, летит белая щепка, приткнулся мост в другой берег. Быстро и гулко переходит его конница, пластуны; спешат нагнать уходящего красного врага казаки”.

Из главы VII:

“... Скрипели обозы с наваленным на них скарбом – бабы и мужики жадно и впопыхах кидали на телеги все, что попадалось под руки, когда пришлось бежать из своей хаты от восставших казаков.

Не в первый раз так подымались иногородние. Вспышки отдельных казачьих восстаний против советской власти за последнее время уже не раз выгоняли их из насиженных гнезд, но это продолжалось два, три дня; приходили красные войска, водворяли порядок, - и все возвращались назад”.

“А в дико шумящем потоке идут и идут демобилизованные из царской армии и мобилизованные советской властью, идут добровольно вступившие в красные войска, в большинстве мелкие ремесленники – бондаки, слесари, лудильщики, столяры, сапожники, парикмахеры и особенно много рыбаков. Все это – перебивавшиеся с хлеба на квас «иногородние», все это – трудовой люд, для которого приход советской власти внезапно приоткрыл краешек над жизнью, - вдруг почувлось, что она может быть и не такой собачьей, как была. Подавляющая масса все-таки крестьянская. Эти поднялись со своих хозяйств почти сплошь. Остались богатеи, - офицерство и хозяйственные казаки их не трогали.

Странно поражая глаз, колыхаясь стройными, перетянутыми в церкесках фигурами, едут на добрых конях кубанские казаки, - нет, не враги, а революционные братья, казачья беднота, в большинстве – фронтовики, в сердца которых среди дыма, огня, тысяч смертей революция заронила непотухающую искру.

Эскадрон за эскадронам в мохнатых шапках, на которые красные ленточки. И винтовки за плечами, и сияют черные с серебром кинжалы, шашки, - стройно, в порядке, среди текучего разброда.

Мотают головами добрые кони. Будут биться с отцами и братьями. Дома бросили все: хаты. Скотину, домашность – хозяйство разорено. Едут стройные, ловкие, ало краснеют алые банты, завязанные милой рукой на папаче, и поют молодыми. Сильными голосами украинские песни”.

Примечание. Как то странно. С одной стороны, казачья беднота, с другой – добрые кони, обмундирование, брошенное хозяйство.

“Любовно смотрит на них Кожух: «Добре, хлопцы! На вас вся надия». Любовно смотрит, но еще любовнее – на эту бредущую в облаках пыли. Как попало, от-репанную, босую иногороднюю орду, -ведь он кость от кости, плоть от плоти ее”.

“... Мать еще молодая, а сама с изрезанным морщинами лицом, как замученная кляча, - куча ребятишек на руках, за подол цепляется. Отец – вековечный казачий батрак, жилы вытянул: да сколько ни бейся, все равно – ни кола, ни двора”.

Ниже описание того, как командир Кожух трижды (!!!) посылался в школу прапорщиков (из главы VII).

“За его невиданную храбрость послали в школу прапорщиков. Как трудно было! Голова лопалась. Но он с бычьим упорством одолевал учебу, и... срезался. Офицеры хохотали над ним, офицеры-воспитатели, офицеры-преподаватели, юнкера: мужик хотел в офицеры! Экая сволочь... мужик... Тупая скотина! Ха-х-ха... в офицеры!” Примечание. Это при том, что в школах прапорщиков подавляющее большинство – выходцы из рабочих, крестьянских, казачьих семей.

“... Его во второй раз посылают в школу прапорщиков, - офицеров-то нехватка, в боях всегда офицеров нехватка, а он фактически исполняет обязанности офицера, ...”

“А офицеры покатываются, - офицеры, набившиеся в школу нужно и не нужно, - а больше не нужно: тыл ведь всегда укромное местечко и загроможден спасающимися от фронта, и для спасающихся **создаются тысячи ненужных тыловых должностей**. Офицеры покатывались: мужик, растопыра, грязная сволочь !.. Как издевались. Как резали на ответах, в конце концов вполне правильных, - овладели-таки. И отослали, и отослали в полк за... неспособность”.

“За хозяйственность среди смертной работы его в третий раз, в третий раз посылают в школу. А офицеры покатываются: опять ?! Мужик... сволочь... раскаряка !.. И... и отсылают в полк – за неспособностью.

Тогда из штаба раздраженно: выпустить прапорщиком – в офицерах громадная убыль.

Хе – хе ! В офицерах громадная убыль, - и в боях и **в бегах в тыл**.

Презрительно выпустить прапорщиком. Явился в роту, а на плечах поблескивает, добился”.

“Офицеры вслух не говорили: «мужик», «сволочь», «раскаряка», но на биваках, в столовой, в палатках, всюду, где сходились два – три человека в погонах, вокруг него – пустой круг. Они не говорили словами, но молча говорили глазами, лицом, каждым движением: сволочь, мужик, вонючая растопыра...”

Из рассказа одного из очевидцев зверств белых (глава XIII):

“- Та так, - говорит он, все так же задумчиво охватывая колени, не мигая глядит в этот шевелящийся огонь, рассказывает, -пригнали полторы тыщи матросов, собрали всех, кого захватили. Та и они дураки: мы на воде, наше дело морское, нас не тронуть. А их пригнали, поставили та и кажут: **ройте**. А кругом пулеметы, два орудия, казаки с винтовками. Ну, энти, небоги, роют, кидают лопатами. Молодые все, здоровые. На полугорье народу набилось. Бабы плачут. Ахвицеры ходят с левольверами. Которые нешвыдко (не скоро) лопатами кидают, стреляют ему в животи, чтоб довога мучився. Энти роютъ соби, а которые с пулями у животи – ползают у крови вси, стогнуть. Народ вздыхае. Ахвицеры: «Мовчать вы, сукины диты !...» (Неплохо о “бедных” матросах, С.К.).

Он рассказывает это, а все молча прислушиваются к тому, чего он не рассказывает, но что все откуда-то знают”.

“- Дуже дивчину мучили, ой, як, мудровалы ! Казаки, цила сотня... один за одним сгнушались над ней, так и умерла пид ими. Сестрой у наших у госпиталя була, стрижена, як хлопец, босиком все бигала, работница с заводу; конопата та ризва така. Не схотила тикать от раненых: никому присмотреть, никому воды подать. У тифу богато лижало. Всих порубили – **тысяч с двадцать**. Со второго этажа кидали на мостовую. Ахвицеры, казаки с шапками по всиму городу шукалы, всих до одного умертвили. Богато залило увись город”.

“Опять темь, и над тьмой звезды, и он спокойно рассказывает, и все опять чувствуют то, о чем молчит: двенадцатилетнему сыну прикладом разможжи голову; старуху-мать засеки плетьми; жену насилували, сколько хотели, потом вздернули петлей на колодезный журавель, а двое маленьких неведомо куда пропали, - молчат, но все это откуда-то знают”.

“Да вдруг засмеялся молодой, который опирался о штык, и белые зубы рожовато блеснули на безусомлице:

- У нашей станицы, як пришли с фронта казаки, зараз похваталы своих ахвицеров, тай геть у город к морю. А у городи вывели на пристань, привязалы каменюки до шеи тай стали спихивать с пристани у море. От булькнуть у воду тай все ниже, ниже, все дочиста видать – вода сы-ыня та чиста, як слеза, - ей бо. Я там был. До-ового идут ко дну, тай все руками, ногами дрыг-дрыг, дрыг-дрыг, як раки хвостом.

Он опять засмеялся, показал белые, чуть подернутые краснотой зубы. Перед костром сидел человек, охватив колени. Стояла красно мигающая темнота, а в темноте нарастала слушающая толпа.

- А як до дна дойдуть, аж в судорогах ущемляются друг с дружкой тай замрут клубком. Все дочиста видать, - вот чудо.

Прислушались: далеко-далеко, и мягко, и говоря о чет-то сердцу, плыли стройные струнные звуки.

- Матросня! – сказал кто-то.

- А у нашей станицы казаки ахвицеров у мешок заховалы. Сховають у мешок, уежуть, та айда у море.

-Як же то можно людэй у мешках топить...-печально проговорил заветренный, степной голос, помолчал, и не видно, кто, потом невесело сказал:- мешкив дэ теперь достанешь, нэма, без мешкив в хозяйстве хочь плачь, -з России не везут”.

Из главы XVII:

“ – Казаки выбиты из ущелья, погнали их на ту сторону, теперь тихо. Наши трое ранены, один убитый”.

“ – Казаков не видать ?

- Ни-и, нэма. Наши верстов на двадцать проихалы вперед, и не воняе казаками. По хуторам говорят, казаки верстов за тридцать за речкой окопы роют”.

“XXXII

У выхода шоссе из гор жадно ждут казаки. С тех пор как по всей Кубани разлился пожар восстания, большевистские силы повсюду отступают перед казачьими полками, перед офицерскими частями добровольческой армии, перед «кадетами», нигде не в состоянии задержаться, упереться, остановить остервененный напор генералов, - и отдают город за городом, станицу за станицей.

Еще при начале восстания часть большевистских сил выскользнула из железного кольца восставших и нестройной громадной разложившейся оравой с десятками тысяч беженцев, с тысячами повозок побежала по узкой полосе между морем и горами. Но не успели догнать, так быстро они бежали, а теперь казацкие полки залегли и дожидаются.

У казаков сведения, что потоком льющиеся через горы банды везут с собой несметно-награбленные богатства – золото, драгоценные камни, одежду, граммофоны, громадное количество оружия, военных припасов, но идут рваные, босые, без шапок – очевидно, в силу старой босяцкой привычки бездомной жизни. И казаки, от генерала до последнего рядового, нетерпеливо облизываются, - все, все богатства, все драгоценности, все неудержимо само плывет им в руки.

Генерал Деникин поручил генералу Покровскому сформировать в Екатеринодаре части, окружить ими спускающиеся с гор банды и не выпустить ни одного живым. Покровский сформировал корпус, прекрасно снабженный, перегородил дорогу на реке Белой, белой от пены, несущейся с гор. Часть отряда послал навстречу Веселю идущим, заломив папаху, казаки на сытых, добрых лошадях, поматывающих головами и просящих повода. Звенит чеканное оружие, блестит на солн-

це; стройно покачиваются перехваченные поясами черкески, и белеют ленточки на папах. Проезжают через станции с песнями, и казачки выносят своим служивым и пареное и жареное, а старики выкатывают бочки с вином.

- Вы же нам хоть одного балшевика приведите на показ, хоть посмотреть его, нового, с-за гор.

- Пригоним, готовы перекладны.

Лихо умели казаки пить и лихо рубиться. Вдали бело за клубились гигантские облака пыли. - Ага, вот они !

Вот они – рваные, черные, в болтающихся лохмотьях, в соломе и траве вместо шапок. Поправили папаху, выдернули блеснувшие с мгновенным звуком шашки, пригнулись к лукам, и полетели казачьи кони, ветер засвистел в ушах.

- Эх, и рубанем же ! - Урра-а-а !

В полторы – две минуты произошло чудовищно-неожиданное: налетели, сшиблись, и пошли бешено лететь с лошадей казаки с разрубленными папахами, с перерубленными шеями, либо сразу **на штыки поднимают и лошадей и всадника**. Повернули коней, полетели, так пригнулись, что и не видать, и ветер еще больше засвистел в ушах, а их стали снимать с лошадей певучими пулями. Наседают проклятые босяки, **гонят две, три, пять, десять верст**, - одно спасение: кони у них мореные.

Пролетели казаки станцию, а те ворвались, стали рвать свежих лошадей, рубить направо-налево, если не сразу выводили им из конюшен, и опять погнали, и много казачьих папах с белыми ленточками раскатилось по степи, и много черкесок, тонко перехваченных серебряными с черными поясами, зачернело по синевящим курганам, по желтому живую, по перелескам. Только тогда отодрались от погоны, когда домчались казаки до своих передовых сил, залегших в окопах.

А спустившиеся с гор босые голые банды бежали, что есть духу, за своими эскадронами (пять – десять верст (!), С.К.). И заговорили орудия, застрекотали пулеметы. Не захотел Кожух развертывать свои силы днем: знал – большой перевес у врага, не хотел обнаруживать свою численность, дожидаясь темноты (к тому же, красных было намного меньше (!!), С.К.). А когда густо стемнело, произошло то же, что и днем: не люди, а дьяволы навалились на казаков. Казаки их рубили, кололи, рядами клали из пулеметов, а казаков становилось все меньше и меньше, все слабее ухали, изрыгая длинные полосы огня, их орудия, реже стрекотали пулеметы, и уже не слышно винтовок, - ложатся казаки (смысл последнего предложения как-то в голове не укладывается, С.К.).

И не выдержали, побежали. Но и ночь не спасала: полосой ложились казаки под шашками и штыками. Тогда бросились враспынку, кто куда, отдав орудия, пулеметы, снаряды, рассыпались среди ночи по перелескам, по оврагам, не понимая, что за дьявольскую силу нанесло на них. А когда солнце длинно глянуло из-за степных увалов, по бескрайней степи много черносухих казаков; ни раненых, ни пленных – все недвижимо".

Примечание. В начале гражданской войны казаки спокойно и без колебаний шли в атаку, если враг превосходил их, скажем, только в 10 раз. Настолько разнилась боевая выучка, до такой степени обученные и квалифицированные формирования белых превосходили тех, кого им противопоставляла Советская власть.

Зная это, забавно читать опусы представителя соцреализма.

Из главы XXXIII:

"Лес штыков вырос в серой мгле рассвета пред изумленными казаками, закипела работа в реве, в кряканьи, в стоне, в ругательствах. Не было людей – было кишевшее, переплетшееся кровавое зверье. Казаки клали десятками, сами **ложились сотнями**. Дьявольская, непонятно откуда явившаяся сила опять стала

на них наваливаться. Да разве это те большевики, которых они гнали по всей Кубани? Нет, это что-то другое. Недаром они все голые, почерневшие, в лохмотьях.

Как только по всему пространству дико заревел правый берег, артиллерия и пулеметы через головы своих стали засыпать станицу, а кавалерийский полк иступленно понесся через мосты; за ним, надрываясь, бежала пехота. Захвачена батарея, пулеметы, и по всей станице разлились эскадроны. Видели, как из одной хаты вырвалось белое и с поразительной быстротой пропало на неоседланной лошади во мгле рассвета.

Хаты, тополя, белеющая церковь – все проступало яснее и яснее. За садами краснела заря. Из поповского дома выводили людей с пепельными лицами, в золотых погонах, – захватили часть штаба. Возле поповской конюшни им рубили головы, и кровь впитывалась в навоз. За гомоном, криками, выстрелами, ругательствами, стонами не слышно было, как шумит река.

Разыскали дом станичного атамана. От чердака до подвала все обыскали, – нет его. Убежал. Тогда стали кричать: – Колы нэ вылизышь, дитэй сгубим.

Атаман не вылез. Стали рубить детей. Атаманша на коленях волочилась с разметавшимися косами, неотдиряемо хватаясь за их ноги. Один укоризненно сказал: – Чого ж кричишь, як ризаная? От у мене, аккурат як твоя, дочка, трехлетка... В щибень закопалы там, у горах, – та я ж не кричаю.

Срубил девочку, потом развалил череп хохотавшей матери”.

Примечание. Мол, зверства красных были, мол, строго, но, без сомнения, справедливо. Как “убедительно” красногвардеец объясняет матери, за что он рубит ее детей. Кстати, станичный атаман – небольшая административная должность, причем, выборная.

“Около одной хаты с рассыпанными по земле стеклами собралась кучка железнодорожников.

– Генерал Покровский ночевал. Трошки не застукали. Как услышал вас, высадил окно совсем с рамой, в одной рубахе, без подштанников, вскочил на неоседланную лошадь и ускакал. Эскадронец ммуро: – Чего ж вин без порток? Чи у бани був?

– Спал. – Як же ж то: спал, а сам без порток? Чи так буваает?

– Господа завсегда так: дохтура велят. – От гады! И сплять, как нелюди.

Плюнул и пошел прочь. Казаки бежали. Семьсот лежало их, наваленных в окопах и длинной полосой в степи. Только мертвые. И опять у бежавших среди напряжения к спасению подымалось неподдаваемое изумление перед этой неведомой сатанинской силой.

Всего два дня тому назад эту самую станицу занимали главные большевистские силы; казаки их выбили с налету, гнали и теперь гонят посланные части. Откуда же эти? И не сатана ли им помогает? Показавшееся над дальним степным краем солнце длинно и косо слепило бегущих”.

“XXXIV

Казаки были разбиты, но Кожух не трогался с места, хотя надо было выступить во что бы то ни стало. Лазутчики, перебежчики из населения, в один голос говорили – казаки снова сосредоточивают силы, организуются. Непрерывно от Екатеринбургa подходят подкрепления; погромыхивая, подтягиваются батареи; грозно и тесно идут офицерские батальоны, все новые и новые пребывают казачьи сотни, – темнеет кругом Кожуха, темнеет все гуще огромно-скопляющаяся сила. Ох, надо уходить! Надо уходить; еще можно прорваться, еще недалеко ушли главные силы, а Кожух... стоит.

Не хватает духу двинуться, не дождавшись отставших колонн. Знает – небоеспособны онц; если предоставят их своим силам, казаки разнесут их вдребез-

ги – все будут истреблены. И тогда в славе, которая должна осенить Кожуха, как спасителя десятков тысяч людей, это истребление будет меркнущим пятном.

И он стал ждать, а казаки накапливали темно-густеющие силы. Железный охват совершался с neodолжимой силой, и в подтверждение, тяжко потрясая и степь и небо, загрелась вражеская артиллерия, и без перерыва стала рваться шрапнель, засыпая людей осколками, . . .”

“. . . Приободрились казаки; видят – реже отвечать стали и не идут дальше, - ослабели, думают; начали готовить кулак”.

“А позади, в глубине, тоже стали стихать выстрелы, крики; казаки, не подержанные, постепенно рассеялись, бросали лошадей, залезали под повозки, забирались в черные избы. Человек десять взяли живьем. Их рубили шашками через рот, из которого пахло водкой”.

Из главы XXXV:

“Скакавшие казаки, сжимая не знающие пощады, поблескивавшие шашки, во мгле сгустившейся ночи различили бесчисленно колеблющиеся ряды пехоты, колоссальным океаном, надвигающиеся на них, бесчисленно поднятые винтовки, черно колышущиеся знамена, нескончаемо перекаत्याющийся звериный рев: смерть!

Совершенно произвольно, без команды, как струны, натянулись поводья, лошади со всего скоку, крутя головами и сядясь на крупы, остановились. Казаки замолчали, привстав на стремена, зорко всматривались в черно-накатывавшиеся ряды. Они знали повадку этих дьяволов – без выстрела сходитьсь грудь с грудью, а потом начинается сатанинская штыковая работа. Так было с появления их с гор и кончая ночными атаками, когда сатаны молча появлялись в окопах, - много казаков полегло в родной степи.

А из-за повозок, из-за бесчисленных костров, где казаки думали встретить беспомощные толпы безоружных стариков, женщин и отсюда, с тыла, пожаром зажечь панику во всех частях врага, - все выливались новые и новые воинские массы, и странно переполнял готемневшую ночь грозный рев:

- Смерть !!

Когда увидели, что не было этому ни конца, ни края, казаки повернули, вытянули лошадей нагайками, и затрещали в лесу кусты и деревья. Передние ряды бегущих женщин, детей, раненых, стариков с смертным потом на лице остановились: перед ними немо чернел пустой лес”.

Из главы XXXVI:

“. . . На окопах вырос черный частокол фигур и вдоль покатился другой, уже живой звериный рев. Казаки было шатнулись из окопов – вовсе не хотелось иметь дело с нечистой силой, и опять поздно: окопы стали заваливаться мертвыми. Тогда мужественно обернулись лицом к лицу и стали резаться.

Да, дьявольская сила: 15 верст гнали, и 15 верст пробежали в полтора часа. (разве это возможно – такое расстояние (больше 25-ти км) за такое время ?, С.К.)

Генерал Покровский собрал остатки казачьих сотен, пластунских, офицерских батальонов и повел обессиленных и ничего не понимающих на Екатеринодар, совершенно очистив босякам дорогу”.

Из главы XXXVII:

“Казачки встречают, низко кланяясь, и в ласково затаенных глазах – ненависть. А провожая, с удовольствием смотрят вслед: никого не убили, не ограбили, а ведь ненавистные звери”.

*“Опять десятки тысяч глаз не отрываются от далекой черты, и днем и ночью облегающей жестко желтеющую после снятых хлебов стель. И попрежнему по станицам, по хуторам, пряча ненависть, говорят ласково казачки:
- Были, да ушли, - вчера были”.*

Рассказ «Глаза блестят». Впервые в г. «Правда», 1925, 11 марта. И снова панегирик, на этот раз – комсомольской свадьбе. Без выпивок, без угощений. Вроде, и в Советский период это продержалось недолго.

“Блестят глаза, бунтует румянец щек: комсомолия – единственное место, где голову девичью приклонить, и как-то по-новому все, и матерного не слышать, и самогона не жрут, - полгода комсомолка”. [с. 101].

“Блестят глаза у молодой, реутся румянцем щеки, ноздри раздулись, тесно в кофточке.

- Я, товарищи... спасибо вам...ну, за все спасибо! Я, товарищи, только в мае в комсомол поступила... Я, товарищи, вам скажу: меня, товарищи, воспитал комсомол. Он, товарищи, открыл мне глаза на новую жизнь. И... спасибо ему. И вам спасибо. И все товарищам спасибо...

Ох, и грохнуло же в духоте! Ревел клуб, стены раздавало; девчата и про парней забыли; руки до упаду трепались, ладони вспухли”. [с. 102 - 103].

“Видал-ал! да ведь там, бывало, сначала нажрут, как свиньи, а потом и выделяюют. А тут ни-ни! Ни понюх табаку, все в своем естестве. И босиком который откальвал, до трех часов уняться не мог”.

“ – И-н, бабоньки, ну и свадьба! Во свадьба: ни невестина. Ни женихова семейства полушки не истратили, ей-бо! Ни синь пороху на свадьбу не потратились. Все в доме осталось. Плохо ли?”

“- А, бывальчя, позовут родни человек пять – шесть, в избе и так повернуться негде. Да кормить надо, а тут и народу много. И все на своем иждивении. Всем свадьбам свадьба”. [с. 103].

Рассказ «Митька», впервые напечатан в ж. «Октябрь» в 1925 г.

Беспросветная жизнь 11-ти-летнего мальчика, нищета. Отец умер. Мальчик начал харкать кровью. Осень 1917 года. Во время боёв стал помогать рабочим.

“Тогда он, как угорь, через заборы, дворы, переулки пробирается к юнкерам и приносит сведения . . .”

Далее описываются его революционные подвиги.

“Когда всё кончилось, прибежал в подвал. Мамки не было – стащили на кладбище, сестрёнок куда-то разобрали.

Теперь – комсомолец и на рабфаке. Живой, весёлый, только лицо ввалилось и серое, - доктора говорят: Туберкулез. Ну, - этот вылечится...”

Рассказ «Адимей». В Примечаниях к двухтомнику А.С. Серафимовича [Л., «Художественная лите-ратура», 1985, т. 2, с. 413] читаем: “Впервые – в журнале «Экран». 1926. № 43, под названием «Когда пришел Октябрь».

В автокомментариях Серафимович сообщает: «История Адимея была подробно мне рассказана в Теберде. Там ее знает любой местный житель. Адимей был одним из обманутых, отсталых бедняков, сражавшихся в начале революции против советской власти. Потом Адимей стал председателем Совета, активным советским работником. В ту пору советская власть многих подобных Адимею вернула к мирному труду» (т. 10, с. 448”.

О том, как храбрый Адимей ненавидел “урусов”, собрал банду, перестрелял и перерезал невесть сколько красноармейцев, в очередной раз был схвачен и тут . . . с ним откровенно, “по-товарищески”, поговорил человек в кожанке, рассказал ему всю его батрачью жизнь.

“Шатаясь, вышел Адимей, и никто его не тронул. И шел он вдоль реки, и никто его не тронул, И пришел в горы, и никто его не тронул. И стал жить Адимей – и подвал, и расстрелы, и убийства красноармейцев – все это мелькающим прошлым побежало назад. как вода в реке. И никто его не тронул.

Сидит Адимей в черкеске в сельсовете, с трудом пишет – он член президиума. . . “ [с. 110].

Рассказ «Товарищка Дора», впервые в ж. «Делегатка», 1926 г., №3, с.5-7

Росла хорошая девочка, любила маму и папу, они ее. Один раз играла с мальчиком. “. . . Я ему давала пирожки, подарила маленький пысок, мы с ним играли, а потом он ударил и закричал: «жидовка». Мамочка, он – злой !

- Нет, деточка, он не злой, только он не понимает”

“. . . потихоньку стала расти; и чем больше подрастала, тем больше и на улицах, и в театрах, и в домах чутко прослушивалась; и слово «жид» обидно и больно вспыхивало - и среди крестьян, и среди рабочих, и среди образованных людей. И она узнала, что евреев громят, убивают, нечеловечески замучивают.

Дора уже девочкой с горечью думала: «Разве можно жить среди такой травы ? Лучше умереть».

И она опять приглядывалась и видела, что одни люди, которые пили трудовой пот других, наускивали их на евреев, чтобы отвести от себя их раздражение. А замученные травили евреев с горя, от нищеты, от безвыходности и непробудной темноты”.

“Грянула революция, Дора – коммунистка. Ее послали в армию в политотдел. . . Дора отмахивалась и шагала в колонне красноармейцев. И опять, опять слышала: - да ведь это – жидовка”.

“Налетели казаки. Стали уходить, огрызаясь, измученные красноармейцы. А в овражке под деревом, остались двое красноармейцев: перепоясало их пониже колен дробными четками пулемета.

- Братцы !.. Бра-атцы, не кидайте. . .

Нет, не одни: возле, на коленях – Дора. С зеленым, измученным лицом и с замызанной простреленной фуражкой на кудрявых волосах, стоит на коленях, перевязывает. Увидали казаки, полетели кучкой. Впереди офицер на караковом жеребце, шашка сверкает в крепко зажатой руке. Вот они.

Поднялась Дора, схватила обеими руками тяжелый наган, дернулся он от выстрела. Вздрыблилась лошадь, опрокинулась, придавила офицера, быстро стало синеть его лицо. Увидала отступавшая часть, екнуло у всех сердце, без команды кинулись назад. Отогнали казаков, подобрали раненых”.

“...Нет, никогда-никогда они теперь не назовут ее «жидовкой», не назовут, она знала это, - они, такие родные, такие близкие.

И эти невидимые слезы счастья тихонько вымыли из сердца ту занозу, которая уколола его, когда она была еще крохотной девочкой, - и впервые посмотрела на мир широко открытыми, счастливыми глазами”.

Ну, хотя бы десятую долю участия, продемонстрированного к евреям, автор испытывал к казакам ! Ведь нет даже и этого.

Очерк **«В горах и лесах»**, впервые был напечатан в "Красной газете", Л. 1926, 21 марта. № 65, с. 3

Приехали в Крым на отдых. Радостные будни отдыхающих. Небольшие проблемы.

"Высокая, молодая, с ласточкиными крылышками бровей партийка, а глаза милые, грустные. Женотдел послал на собрание девушек-работниц на табачных плантациях.

Собралось человек тридцать, все девчата из мелитопольского уезда и северного Крыма, - украинки. Каждый год сотнями, тысячами тянутся девушки на заработки на южный берег, - на табак, на виноградники, в сады.

Кулак - везде кулак, и крымский плантатор ничем не хуже и не лучше российского живоглота. Работают от зари до зари. Кормят скверно. Отдыха нет. Валяются где попало, как собаки."

Партийка их просветила.

"Узнали: есть кодекс законов о труде, есть инспекция труда, есть суд.

Кончилось святое, тихое житие плантаторское: то и дело выезжают инспектора труда. «Эх - горе !»

Далее опять все радостно:

"мы идем берегом мимо дворцов, вилл, дач и видим надписи: то дом отдыха горняка, то печатников, то железнодорожников, - всюду осел труд, всюду рабочие, усталые вначале и поправившиеся, посвежевшие лица под конец".

Затем об отдыхающих: детвора, пионеры, рабочие дети.

Рассказ **«Две смерти»**, был впервые напечатан под заглавием «Два пропуса» с иллюстрациями в ж. "Экран", 1926, 7 сентября. № 43. с. 3 - 7.

"Девушка сказала: - Я ничем не могу быть полезна революции. Я б хотела доставлять вам в штаб сведения о юнкерах. . ."

. . .

"Товарищ с маузером за поясом, в замасленной кожанке, с провалившимися от бессонных ночей и чахотки лицом, неотступно всматриваясь в неё, сказал:

- Обманете нас, расстреляем. Вы понимаете ? Откроют там, вас расстреляют. Обманете нас, расстреляем здесь !"

Втерлась в доверие и к юнкерам, добыла важные сведения. Благодаря её сведениям атака юнкеров не удалась, они понесли значительный урон.

"...В штабе её встретили внимательно: сведения были очень ценные. Все приветливо разговаривали с ней, расспрашивали . . ."

Снова у юнкеров.

". . . На рассвете в лазарет ворвался юнкер, без шапки. В рабочем костюме. Взъерошенный, с искаженным лицом. Он подскочил к девушке:

- Вот... эта... потаскуха... продала...

Она отшатнулась, бледная, как полотно, потом лицо залила смертельная краска, и она закричала:

- Вы... вы рабочих убиваете ! Они рвутся из страшной доли... У меня... я не умею оружием, вот я вас убивала. . .

Её вывели к белой стене, и она послушно легла с двумя пулями в сердце на то место, где лежал рабочий в ситцевой рубашке. И пока не увезли её, серые опухшие глаза непрерывно смотрели в октябрьское суровое и грозное небо".

Рассказ «Год».

В Примечаниях к двухтомнику А.С. Серафимовича [Л., «Художественная литература», 1985, т. 2, с. 413] читаем:

“Впервые – в журнале «Красная нива», 1926. № 48.

По воспоминаниям писателя, в основу рассказа положены действительные события из жизни комсомольцев первых лет революции: «Тогда анархисты тайком сбивали молодежь, и кое-кто попадался на удочку. Нужно было разоблачить анархистов» (т. 10, с. 448)”.

Самая заводная, общительная и политически грамотная комсомолка уличина в предательстве:

“- ...Вот протокол группы анархистов-индивидуалистов. Она – член группы анархистов, самый деятельный член. Он тут среди нас, среди партийцев. Среди комсомольцев... мы любим ее... отличная работница... Вы понимаете, тут среди товарищей, а потом побежит к анархистам... Что же это такое?.. Ведь это же развал... Член партии. Член комсомола и... продает всех...” [с. 116].

Год она в отчуждении, потом оказывается, что ее специально заслали к анархистам (революционное задание).

“- Пойдем в партком. Меня уже восстановили в партии и комсомоле.

И засмеялась по-прежнему, сияя на него еще не просохшими глазами” [с. 118].

“Предисловие к «Донским рассказам» М. Шолохова”. Дается полностью

“Как степной цветок, живым пятном встают рассказы т. Шолохова. Просто, ярко рассказываемое чувствуешь – перед глазами стоит. Образный язык, тот цветной язык, которым говорит казачество. Сжато, и эта сжатость полна жизни, напряжения правды.

Чувство меры в острых моментах, и оттого они пронизывают. Огромное знание того, о чем рассказывает. Тонкий схватывающий глаз. Умение выбрать из многих признаков наихарактернейшие.

Все данные за то, что т. Шолохов разворачивается в ценного писателя – только учиться, только работать, над каждой вещью, не торопиться”.

В Примечаниях к двухтомнику А.С. Серафимовича [Л., «Художественная литература», 1985, т. 2, с. 419] читаем:

“Впервые – в книге М. Шолохова «Донские рассказы» (М., 1926). М.А. Шолохов так характеризовал роль Серафимовича в своей литературной судьбе: «Лично я настоящему обязан Серафимовичу, ибо он первый поддержал меня в самом начале моей писательской деятельности. Он первым сказал мне слово ободрения, слово признания.

Это, конечно, кладет свой отпечаток на наши отношения.

Никогда не забуду 1925 год, когда Серафимович, ознакомившись с первым сборником моих рассказов, не только написал к нему теплое предисловие, но и захотел повидаться со мною. Наша первая встреча состоялась в 1-м Доме Советов. Серафимович заверил меня. Что я должен продолжать писать, учиться. Советовал работать серьезно над каждой вещью, не торопиться.

Этот наказ я старался всегда выполнять (Шолохов М.А. Писатель-большевик. – В кн.: Шолохов М.А. Собр. соч. в 9-ти и., т. 8, М., 1969, с. 106”.

Итоги по периоду 1918 – 1926 гг.

В этот, на мой взгляд, очень важный и переломный период рассмотрены почти все произведения писателя.

Характерно, что в 10-ти-томном собрании сочинений эти работы занимают чуть-чуть больше **двух томов**. VIII том почти полностью (он посвящен работам 1916 – 1924 гг., нужно только изъять несколько работ 1916 – 1917 гг.). И начало X тома (от посвящен работам 1924 – 1948 гг.). Девятый том стоит, как-бы, особняком. Это – «Железный поток» и комментарии к нему.

Какое бы возмущение не вызывали некоторые рассказы, написанные А.С. Серафимовичем в период с 1906 по 1917 г., все это, безусловно, - сущая ерунда на фоне литературной деятельности писателя в последующее десятилетие. Как говорится, то были – цветочки, а здесь уже – ягодки, да еще какие !

Начало рассматриваемого периода совпало с Октябрьским переворотом и, что очень важно, с полным разрывом взаимоотношений со значительной частью своих коллег, что имело отклик в очерке «В капле» (12 (25) декабря 1917 г.) и статье «Братья-писатели (12(25) января 1918 г.)».

Судя по всему, писатель воспринял это как полное и окончательное сожжение мостов. Первые же рассказы Советского периода потрясают своей бессовестностью. Создаются своего рода “перлы”, например, такие рассказы, как: «Как он умер» или «Место свято», который в данной работе рассмотрен столь подробно.

Еще одна бросающаяся в глаза деталь.

О старой жизни – только плохо. Нищета, эксплуатация трудящихся, бессовестный правящий класс, все виды гнусностей и безобразий. Единственное светлое пятно – нарождающееся революционное движение и все возрастающее самосознание рабочих.

О новой жизни – только хорошо. Подъем, прекрасные отношения, чуткие руководители (особенно, комиссары), тяга к знаниям, избавление от косности и т.д.

Встретить в многочисленных рассказах хорошего помещика или попа, а также плохого комиссара просто немислимо.

Полагаю, что рассматривать А.С. Серафимовича, как человека – безусловно принявшего Советскую власть, не совсем правильно. Это поверхностная и слишком упрощенная оценка. Мне кажется, что правомерно рассматривать его в ряду ведущих деятелей большевистской партии, как одного из основателей и законодателей Советской литературы.

Целый ряд образов и стереотипов, многократно тиражировавшихся в Советскую эпоху, либо создал, либо “творчески развил” этот писатель.

Полярное восприятие того, что было до революции и после. Многочисленные негативные штампы для помещиков, офицеров, попов, вахмистров, полицейских, служащих. Не меньше и положительных образов: сознательный рабочий, прозревший крестьянин, перевоспитавшийся бандит, идейный и безгрешный комиссар, героический и мужественный коммунист и т.п.

А еще: революционер в ссылке, любящий охоту (рассказ «Гуси»); большевик, в свободное от борьбы время слушающий музыку(разумеется, классическую) или увлекающийся живописью (рассказ «Политком»).

В изобразительном искусстве, если мне не изменяет память, есть такое направление – примитивизм. Если проводить аналогию, то можно сказать, что нечто по-

добное А.С. применил и в литературе. Целый ряд его рассказов ориентирован на, скажем так, не очень просвещенных людей. Они, как правило, печатались в центральных газетах («Правда», «Известия») и носили откровенно пропагандистский характер.

После долгих размышлений о том – с чем это можно сравнить, мне пришла в голову деятельность двух видных большевиков:

1) "Любимца партии" Н.И. Бухарина с его лозунгами типа: "Встретил буржуа – хватай камень и бей его по голове".

2) М.И. Лациса (Судрабса), воспитывавший подчиненных чекистов следующим образом: *«первый вопрос, который вы должны предложить обвиняемому, - к какому классу он принадлежит, какого образования, воспитания, происхождения или профессии. Эти вопросы должны определить судьбу обвиняемого . . .»*

По-моему, рассказы А.С. Серафимовича преследуют те же цели.

* * *

Теперь рассмотрим все эти в сравнении с тем, что мы видим в романе «Тихий Дон».

Как уже было рассмотрено раньше (в книгах «Миражи "Тихого Дона"» и «Шолохов, Крюков или . . . ?») «Тихий Дон» является произведением, представившим историю именно в том виде, какой бы её хотела видеть Советская власть.

1) Гениально (по мнению большевиков) дан ответ на основной вопрос: - Почему началось Обще-Донское восстание (а, по сути, и Гражданская война) ? - По недоразумению (!?!).

Никаких расстрелов в первые 4 месяца Советской власти не было(или почти не было). Уж, тем более, не было геноцида. Все, видите ли, произошло как-то случайно.

2) Впоследствии "классическим" стало предложенное в романе описание 1 Мировой войны.

3) Низведены до второстепенных и малозначимых фигур герои Дона А.М. Каледин и В.М. Чернецов. А Кузьма Крючков, так тот - просто уничтожен.

4) Поднят на щит достаточно никчемный революционер (и, кстати, палач) Ф.Г. Подтелков.

5) Созданы привлекательные образы коммунистов: Бунчук, Штокман, Погудко.

6) Казачество представлено в откровенно неприглядном виде.

И все это подано в довольно-таки увлекательной и легко читаемой форме -- в виде набора скабрзных анекдотов. "Наворот" на "навороте", как говорится, нет живого места. Если выкинуть все несуразности, то останутся описания природы и еще какое-то количество малозначимых и не связанных друг с другом фрагментов.

Попробуем определить – что же, в этом плане, роднит «Тихий Дон» с творчеством А.С. Серафимовича ?

С удивлением приходишь к выводу, что все основные положения знаменитого романа созвучны взглядам и восприятию писателя. Более того, в своих произведениях (изданных до появления романа) он уже отвечал на эти вопросы и ответы были идентичными.

1) Причины начала восстания. Об это есть в рассказе «Дон»:

“. . . А красные ряды все шли и шли вперед, почти не встречая сопротивления, и победы заслоняли всем глаза.

А население ?

Его не видели. Мимо него шли к Новочеркасску. Победы заслонили и население, его чаяния, его нужды, его предрассудки, его ожидания нового, его огромную потребность узнать, что же ему несут за красными рядами, его особенный и экономический бытовой уклад.

. . . Население Донской области за то, что мимо него проходили, как мимо порожного места, жестоко отомстило . . .”

Ведь то же самое – недоработочка, недоразумение. Ни о каких расстрелах, которые производили красные, тем более, массовых, у него прочесть невозможно. Если и встречаются рассказы на эту тему, то только о зверствах белых (например, «Две смерти») либо “правда” о царской армии («Как он умер»).

2) Царская армия. Весь “джентльменский” набор, идентичный тому, что и в «Тихом Доне». Сволочи офицеры и урядники, особенно гадкая гвардия. Никаких подвигов, дедовщина, издевательства, предтеча революции.

3) А.М. Каледина писатель мордует в целом ряде рассказов. Более того, есть обоснования необходимости поголовного уничтожения офицеров (в рассказе «Остров порядка и свободы»):

“Что же это такое? – говорили солдаты. – Из Питера их выбили и не тронули. Они побежали в Москву. Из Москвы выбили и не тронули. Они прибежали сюда. Отсюда выбили. Они побежали на Кубань. Докуда же это будет? А ведь каждая перебежка офицера стоит полсотни жизней рабочих и солдат. Нет, с корнем надо теперь уничтожить!”

4 – 5) О принципиальности, самоотверженности, честности и героизме коммунистов и, особенно, комиссаров, - сколько душе угодно.

6) Отношение к казачеству. Ну, если сказать, что А.С. Серафимович относился к нему очень плохо, то это – еще ничего не сказать.

То есть, по всем пунктам полное совпадение.

А как дела у А.С.с “наворотами”? Смешной вопрос, правда? - В изобилии!

Как отметил А.В. Венков, А.С. Серафимович щедро поделился своим – кровным. В отношении “наворотов” можно сказать то же самое. Причем очевидно, что в «Тихом Доне», как говорится, малая толика от того, что, в этом плане, имел А.С.

Например, широко обыгранное в «Тихом Доне» “сексуально-венерическое направление” является всего лишь частью того внушительного арсенала, которым обладал А.С. Есть также направления, в которых подобного рода приемчики не применялись (например, в отношении церкви). То, что не все “возможности” были задействованы, тоже объяснимо. Отдавать все неохота, к тому же писатель собирался создавать собственную эпопею «Борьба», в качестве части которой был представлен «Железный поток».

Мечь за сына ?

В биографических справках, предшествовавших сочинениям А.С. Серафимовича обычно приводится письмо В.И. Ленина. В одномомнике 1939 г. это выглядит так:

“В 1920 году писателю пришлось понести тяжелую утрату. На фронте погиб его старший сын Анатолий. В.И. Ленин, узнав об этом, писал Серафимовичу:

«А.С. Серафимовичу

21 мая 1920 г.

Дорогой товарищ !

Сестра только что передала мне о страшном несчастье, которое на Вас обрушилось. Позвольте мне крепко, крепко пожать Вам руку и пожелать бодрости и твердости духа. Я крайне сожалею, что мне не удалось осуществить свое желание почаще видаться и поближе познакомиться с Вами. Но ваши произведения и рассказы сестры внушили мне глубокую симпатию к Вам, и мне очень хочется сказать Вам, как нужна рабочим и всем нам Ваша работа и как необходима для Вас твердость теперь, чтобы перебороть тяжелое настроение и заставить себя вернуться к работе. Простите, что пишу наскоро. Еще раз: крепко, крепко жму руку.

Ваш Ленин» [с. 6].

Во время подготовки к изданию вып. № 50 «Шолохов, Крюков или . . . ?» (там большая глава посвящена творчеству А.С. Серафимовича) и сразу после выхода его в свет мы с И.М. Алабиным несколько раз в беседах возвращались к вопросу: Так почему же А.С. после революции до такой степени озверел и совершенно потерял совесть? Одно из предположений, к которому подтолкнуло письмо В.И. Ленина, было следующее: Может он мстил за сына? Ну, в этом случае хоть как-то можно понять метаморфозы, случившиеся с выходцем из офицерской среды.

Правда, такое объяснение не было очень убедительным, так как и до революции к творчеству писателя очень много нареканий, а наиболее odioзные труды в послереволюционный период, типа «Место свято», «Как он умер» появились еще при жизни сына.

Тем не менее, данный вопрос хотелось прояснить, и благодаря делу, найденному в РГАЛИ такая возможность появилась. Там сохранилось «Заявление Поповой Ксении Александровны (жены писателя) в Краснопресненский районный комитет РКП(б) о предоставлении ей пенсии как матери погибшего фронтовика» [ф. 457, оп. 2, д. 22; с 4 апреля по 27 ноября 1922 г.].

Там говорится о сыне, *“проявившего себя замечательнейшим политическим деятелем в должности политического комиссара передовыми дивизиями 8-й армии на Южном фронте и в других ответственных должностях. До 16-ти летнего возраста Анатолий рос, воспитывался и развивался, не считая гимназии, исключительно под моим влиянием и на мои средства, 17-ти лет вступил в партию, участвовал в перевороте и 18-ти лет уехал на фронт”*.

Весной 1918 г. окончил артиллерийское училище в Москве. На Северном фронте в боях с англичанами. В конце 1918 г. на Южном фронте, политический комиссар дивизии 8-й армии, начальник экспедиционного отряда, *“вел пропаганду по набору Красной Армии среди малорусского населения Донской области, участвовал в погоне за Мамонтовым, в упорных боях под Козловым заболел тифом и умер в Козлове в октябре 1919 года”*.

“О личности и работе в Красной Армии моего покойного сына Анатолия товарищ Землячка, бывшая политическим комиссаром всей 8-й Армии, поместила статью в «Правде» от 9-го июня 1920 года под заглавием «Светлой памяти юноши борца А.А. Попова”.

Очень интересно!!!

Ну, во-первых, никто Анатолия не убивал и вопрос в том виде, как он ставился ранее, уже не актуален. Так кем же он был?

Сразу после ознакомления с данным документом (в тот же день) я отправился в филиал РГБ (г. Химки), - так мне захотелось прочесть статью Землячки.

Первое, что удивило, - качество газет, выпущенных в 1920 г. Читать текст невооруженных глазом - невозможно. Хорошо, что у меня в портфеле лежала лупа. Но и при ее использовании о значении ряда слов приходилось догадываться. В статье наблюдается ряд ошибок (подчеркнуто) и, даже, повторение фразы (выделено квадратными скобками).

“СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ЮНОШИ БОРЦА А.А. ПОПОВА.

Впервые я увидела Анатолия 5-го сентября 1918 года в М.К. в один из тревожных дней - ожидалось выступление меньшевиков и правых эсеров. Из районов присылали рабочих для помощи, для охраны, для связи. Союзом молодежи был прислан Анатолий для поручений. Помню, меня поразила дисциплинированность его. Столько энергии чувствовалось во всей его фигуре. Столько порыва и желания бежать и исполнять, что я невольно чувствовала все время какую-то тревогу от того, что не могла его тотчас использовать. После этого дня я не упускала уже его из виду.

При первом призыве идти на командные курсы он бросает гимназию и поступает на 1-ые инструкторские курсы артиллеристов. С первой или второй мобилизации он отправляется на фронт. На Северном фронте я встретила его уже командиром боевого отряда, испытывавшем все прелести боевой обстановки. Боясь надорвать молодой, и слишком впечатлительный организм, я решила перевести его на политическую работу. Он был назначен заведующим Политотделом бригады. И на этой работе проявил такую активность, неутомимость(?), такой политический такт и умение подходить к массе и к отдельным товарищам, что вызвал всеобщее восхищение товарищей, командиров и комиссаров. С того времени Анатолий посылается во все опасные места.

Анатолий попал на Северный фронт в самый тяжелый момент. Работа в прифронтовой полосе и среди разрозненных, плохо дисциплинированных красноармейских частей была крайне тяжела. Темнота крестьянской массы, кругом восстания, хорошо вооруженных, очень многочисленных (восставали большие волости с 25.000-м населением). Красная армия, плохо обученная, напуганная организованной силой противника, невыносимо тяжелые условия боев: невылазные болота, постоянная грязь чуть не в рост человека, отсутствие снабжения, крайне затруднительная пере-

возка снаряжения, особенно в момент отступления, - все это, казалось, должно было убить энергию и в менее хрупком молодом работнике, чем Анатолий. Но Анатолий неустанно день и ночь бегал по деревням, устраивал митинги, выступал сам, посылал агитаторов. И крестьяне любили его: кое-где он покрикивал, терроризовал, арестовывал, но чаще всего с особенной лаской старшего или с веселостью ребенка обращал в нашу веру. При отступлении Анатолий был всегда последним. С винтовкой в руках, неустрасимый, он бросался в бой, показывал примером своим, уговаривал малодушных. На передовых линиях, как и в ближнем тылу, он был одинаково нужен. И поражала в нем тогда смесь твердости, даже жестокости в отношении к врагу, к шпиону, к предателю и нежность, удивительная мягкость в отношении [к врагу, к шпиону, к предателю и нежность, удивительная мягкость в отношении] своих товарищей, бессознательных крестьян, пленных ? рабочих.

Когда на Северном фронте положение укрепилось, создалась спокойная обстановка мелких боев мы решили с Анатолием перебраться на Южный фронт, где начались тяжелые бои. Трудно было с Северного фронта увести Анатолия, которого не соглашались отпустить товарищи и командный состав. Но для кипучей природы Анатолия оставаться на ставшем спокойным Северном фронте было равносильно смерти, и он так жалобно просился на более опасный фронт, что его согласились послать в Петроград приветствовать от фронта в годовщину Октябрьской революции, оттуда его удалось перевести на Южный фронт.

На Южном фронте он был назначен комиссаром самого боевого передового нашего отряда, шедшего все время по Донской области впереди нашей армии. Анатолий и туда внес свою кипучую энергию. Прекрасный администратор, политический организатор, он, пламенный юноша, великолепно дополнял начальника отряда, очень заслуженного в Красной армии старого генерала. Когда начался повстанческий фронт в тылу нашей армии в Донской области, Анатолий был брошен туда, как в самое опасное место в качестве комиссара экспедиционных войск. После этого я потеряла его из виду, так как сама была переброшена на другую работу.

С каждым днем вырастал в нем крупнейший работник. Но он сохранял при этом какую-то нетронутую детскость. Помню, на какую-то армейскую конференцию он явился с двумя ординарцами. Я пробрала его за это очень жестоко. Он хотя и возражал мне, но был очень подавлен моей проборкой. И вдруг на заседании прислал мне записку, в которой обещал больше никогда не ездить с двумя ординарцами. Помню его отношения к отцу (А.А. Серафимовичу). Он очень любил его. Тосковал по нем и как ребенок в тяжелые для себя минуты почти плакал, когда вспоминал, что отец так далеко. Но когда при нем мы начинали говорить, все то хорошее и теплое, что хотелось всегда говорить об Александре Серафимовиче, он весь краснел и убегал из комнаты.

Весть о смерти Анатолия поразила всех нас, знавших его близко, как-то особенно. Совершенно не верилось, чтобы эта кипучая, такая полная жизни натура могла вдруг перестать жить. Сколько ценного, еще не ...нного погубило с этим юношей-борцом, с этим талантливым, в полном расцвете сил, недюжинном работнике". [Землячка, «Правда», № 123, л. 3; 9 июня 1920 г.].

Документ матери и статья Землячки, на мой взгляд, исчерпывающе характеризуют «юношу – борца».

Первое – комиссар (!); невольно хочется добавить - "как много в этом слове для сердца русского слилось". Неплохо выглядит объяснение того, почему он был переведен на эту должность: "Боясь надорвать молодой и слишком впечатлительный организм, я решила перевести его на политическую работу". Впечатляет и оценка деятельности: "кое-где он покрикивал, терроризировал, арестовывал", "твердость, даже жестокость в отношении к врагу, к шпиону, к предателю", причем все это из уст "фурии красного террора".

Второе – “комиссар передовыми дивизиями” (!!). Это что же надо сделать, чтобы получить такую должность ?

Третье – затем “комиссар экспедиционных войск” (!!!). Для неграмотных по-ясню. Имеются в виду карательные войска. Что они делали – понятно ?

Четвертое – карательная деятельность в отношении восставших верховых станиц, тех самых, откуда “юноша-борец” родом.

Пятое – о нем скорбит сам В.И. Ленин.

Шестое – панегирик ему пишет сама Землячка (Розалия Самойловна Залкинд-Самойлова), та самая, которая спустя всего пять месяцев после опубликования этой статьи (в ноябре 1920 г.) напару с Белой Куном организует и приведет в исполнение планомерное уничтожение 50 тыс. человек в Крыму (это только по официальным Советским данным).

Перечисление этих шести пунктов потрясает и завораживает. Такое впечатление, что сынок даже переплюнул своего папашу. Кстати, не помри он от тифа, может быть Землячка вновь взяла бы “юношу-борца” с собой ? На этот раз в Крым.

* * *

Рассмотрим заодно и документы о младшем сыне. Сохранилась его автобиография, составленная в ноябре 1939 г.

“А В Т О Б И О Г Р А Ф И Я

ПОПОВ Игорь Александрович

Родился в Краснокутской станице Баклановского хутора Донской области 14-го Апреля 1903 г. /по старому стилю/.

Родители донские казаки. Отец ПОПОВ Александр Серафимович писатель, псевдоним А. СЕРАФИМОВИЧ происходит из семьи нестроевого офицера, донского казака, имевшего средний достаток служащего.

Брат отца. ПОПОВ Вениамин Серафимович член ВКП(б) живет в Москве. Сестра отца ПОПОВА Олимпиада Серафимовна живет в Свердловске, её два сына в гражданскую войну служили в белой армии Деникина, один из них перешел на сторону Кр. Армии и сражался в ее рядах, другой сын был взят в плен и сослан в 1920 г. в лагеря в Свердловске. В настоящее время они оба работают в Свердловске. Получили инженерно-техническое образование при советской власти. Связи с ними не поддерживаю.

Мать ПОПОВА Ксения Александровна из семьи казачьего полковника, работала служащей, умерла в 1931 году. Братья матери: Сергей офицер царской армии, командир Красной Армии, умер в годы гражданской войны. Владимир в армии не служил, живет в Ростове на Дону. Николай умер в годы гражданской войны на территории Колчака. Сестра матери Елена живет в Новочеркаске. Мой брат ПОПОВ Анатолий Александрович член ВКП(б) с 1917 г. погиб на фронте в гражданскую войну.

Жена – МАНЮШКО Александра Владимировна член ВКП(б) с 1920 г. режиссер театра им. Ленинского Комсомола в Москве. Парт. взысканий не имеет. Мать жены ПЕТРЛЕВСКАЯ Юлия Михайловна быв. сельская учительница проживает в Ленинграде на иждивении жены. Отец жены МАНЮШКО Владимир Платонович ученый лесовод, меньшевик. В 1905 г. один из руководителей восстания в Красноярске умер в 1921 г. в гор. Барнауле. Братья жены не родные /от другой матери/ живут в пределах СССР, жена связи с ними не поддерживает.

Имею двоих детей, в возрасте 6 лет и 2 года.

Арестованных и репрессированных родственников и знакомых не имею.

Детство жил в Новочеркаске. Учился в Москве. В 1918 г. окончил 4 класса гимназии. В Октябре 1917 г. вступил в члены ВЛКСМ Пресненского района г. Москвы. Организация тогда носила название “Союз рабочей молодежи III интернационала”. В ВЛКСМ выполнял ряд выбранных работ, был членом районного комитета и секретарем

рем Пресненского районного комитета ВЛКСМ, агитатором. До последнего года был активным членом ВЛКСМ. Выбыл в 1925 году, как переросток. Одновременно с вступлением в ВЛКСМ вступил в Кр. гвардию Пресненского района. В дни Октябрьских боев меня использовали как связиста. Один день был посыльным при секретаре М.К. тов. ЗЕМЛЯЧКИ. После Октябрьской революции участвовал в рядах Кр. Гвардии в подавлении бандитских и контрреволюционных элементов в Москве.

В мае 1918 г. вступил в члены ВКП(б) в Пресненском районе. В марте 1919 г. уехал на южный фронт по партийной мобилизации. На южном фронте работал при политотделе 8-й армии инструктором организатором. С конца 1919 г. по февраль 1920 г. работал инструктором организатором при МК ВЛКСМ. С февраля 1920 г. учился в Московском Коммунистическом Университете им. Свердлова на шестимесячном курсе основного отделения. С октября 1920 г. работал организатором рабкоров при Кр. Пресненском райкоме ВКП(б). С Сентября 1921 г. по июнь 1923 г. учился в Пречистенском рабфаке в Москве, где получил среднее образование. По окончании рабфака год не работал в связи с заболеванием туберкулезом".

Далее в автобиографии:

В 1924 – 1929 г. на механическом факультете МВТУ; затем переведен на автомобильный факультет института им. Ломоносова, который окончил в 1931 г.

Инженер – конструктор НАТИ. С июня 1934 г. Зав. Конструкторским Бюро завода "Искра". С октября 1936 г. по 23 ноября 1937 г. на машиностроительном заводе "Московский завод Трикотажных машин". Главным инженером 2-го Авторемонтного завода в Москве с 4 декабря 1937 г. Главным инженером Главного Управления по производству оборудования для обслуживания и ремонта автомашин НКАТ РСФСР с октября 1939 г. Подробно о том, в каких разработках (двигателей, автоматов и т.д.) участвовал.

"За время пребывания в партии к антипартийным группировкам и оппозициям не принадлежал и взгляды не разделял. Партийных взысканий не имею. В 1924 году имел выговор по политнеграмотности, который снят в 1935 году. С 1925 г. неоднократно вел политкружки и партшколы. В 1929 году вел партийный кружок со студентами МВТУ. По окончании института вел политкружки по месту работы".

"Адрес: Москва 72, ул. Серафимовича, д. № 2, подъезд 13, кв. 256; тел. В-1 – 68 – 21" [РГАЛИ, ф. 457, оп. 2, д. 45].

Очень интересна первая часть автобиографии, где перечисляются все близкие родственники. Дает представление о том, какой была типовая автобиография конца 30-х годов. Неплохо выглядит и описание участие в революции и Гражданской войне. Особенно то, что даже один день под руководством Землячки – большой плюс в глазах большевиков. Хотя, конечно, до старшего брата ему слишком далеко.

* * *

Письма А.С. Серафимовича к жене [РГАЛИ, ф. 457, оп. 2, д. 209] дают кое-какое представление о их взаимоотношениях.

Писем, начиная с 1905 г., очень много. Обычно они начинаются словами: *"Дорогой мой дружок. . ."* Письмо в начале 1919 г. *"Ксеночка. . . дружок. . ."*

С конца 1909 г. начинаются "разборки".

Из письма от 7 ноября 1911 г. (А.С. на тот момент проживал по адресу: С.-Петербург, Невский, 75, кв. 41):

"Пишу тебе, Ксена.

Я никем и ничем не связан и не был связан. Написал же тебе в прошлом году, чтоб порвать ту ужасающую нашу с тобой жизнь, которая была не жизнь, а ужасающая предсмертная агония. Несомненно в таком состоянии, в котором мы тогда

были, мы не должны были жить вместе, потому что создавался невыразимый ужас для детей и для нас. Мы буквально были два зверя". Далее об отсутствии духовной связи и переживаниях по этому поводу. "Ксения, ужасом над нашей жизнью стоит твоя слепая ревность. Никогда, никогда у меня с прислугой ничего не было, ты меня истерзала, измучила". Далее о готовности вернуться в семью.

Расписка: "Сим обязуюсь выдать жене моей Ксении Александровне за мою квартиру у нее и стол в течение 1912-го года тысячу рублей (1000 рублей).

1-е октября 1912 г. Казак Александр Серафимович Попов".

Примечание. Среди предыдущих писем есть еще одна расписка на такую же сумму.

Письмо от 19 сентября 1914 г. предлагается полностью:

"Вы, Ксения Александровна, продолжаете с неизъяснимым презрением смотреть на меня, как на тряпку, которую можно отшвырнуть ногой или подобрать, когда явится надобность.

Для меня дико прозвучало Ваше предложение жить нам вместе по-прежнему. Это после мордобоя, который Вы учинили ? После града неслыханных оскорблений, которыми Вы меня публично осыпали ?

Ведь что-нибудь одно: или я действительно такой мерзавец, подлец и развратник, как Вы публично утверждаете, тогда мало-мальски порядочная женщина, у которой хоть искра самоуважения, не станет жить со мной; или то, что Вы утверждаете, ложь и клевета, тогда я не могу жить с Вами, не могу жить с клеветницей, в лучшем случае с сумасшедшей.

Я так устал от этой безумной жизни, так измучен, что с ужасом думаю о возможности ее повторения. Дайте же мне хоть остаток жизни провести человеком, а не презренной тварью, которой назначение глотать самые подлые оскорбления. Жить с Вами я никогда не буду, это вопрос для меня решенный бесповоротно еще тогда, когда Вы градом оскорблений гнали меня из квартиры, выкрикивая имя Чумаченки, без всякого с моей стороны повода. И тогда я решил, что разойдусь с Вами навсегда. Последующее только укрепило меня в моем решении.

Ради детей я бывал у Вас в квартире; теперь мне иначе придется устраниваться.

А. Попов.

Я знаю, Ваша безграничная злоба даже детей принесет в жертву"

Последнее по времени письмо также приводится полностью:

"Ксения Александровна.

Я много раз убеждал Вас крепко, упорно держаться за Вашу работу, за Ваше место в РКИ. Вы легкомысленно бросили работу. В расчете, что я Вас обязан содержать ? Ошибаетесь, здорового, трудоспособного человека, который отлынивает от труда, нет, я не обязан содержать, и не буду, это так и зарубите.

Еще отвратительнее, что Вы пытаетесь заставить меня содержать Ваше безделье через посторонних людей, которые совершенно не знают ни Вас, ни меня, которым Вы бесцеремонно врите, и которые сдуру принимают все за чистую монету.

Я Вам помогал, сколько мог, потому что видел, что Вы работаете и временами все-таки нуждались. Поддерживать же Ваше безделье и отлынивание от работы я ни в коем случае не буду. 9 апреля 1922 г. А. Попов".

Трудно судить о взаимоотношениях по письмам с одной стороны. Впрочем, если бы были и письма К.А., то и они не дали бы полной картины.

На мой взгляд, интересно упоминание об изменах, что подтверждает некоторые положения, данные в статье А.Г. Кабанова.

Анекдоты от В.В. Петелина.

Все вышесказанное показывает, что манера изложения Александра Серафимовича (использование "наворотов") вполне подходит к тому, что мы видим в «Тихом Доне». Собственно, о том же говорит и текстологический анализ, проделанный А.В. Венковым. Попробуем теперь определить – каким же образом все это произошло. Тем более, что события, судя по всему, были очень интересными.

Итак, в основе, мы имеем невероятные события:

1) молодой человек, в период жизни, когда ему было с 21 по 23 года, имея до этого минимальный опыт (два небольших сборника рассказов) создает литературное произведение (1-й и 2-й тома «Тихого Дона»), являющиеся чуть ли лучшим произведением русскоязычных писателей за весь Советский период;

2) все последующее его творчество (а 3-й том, кстати, увидел свет спустя всего лишь полтора года после 2-го) на порядок ниже, не идет ни в какое сравнение с этим произведением, и характеризует автора как ничем не примечательного писателя "средней руки".

Таким образом налицо два, используя терминологию, принятую в данной работе, "наворота".

Каким же образом дают объяснения столь невероятным событиям наши шелохеды ?

Я решил обратиться к работам одного из видных представителей данного направления – доктора философских наук В.В. Петелина. В 2002 г. в серии "Бессмертные имена" вышла в свет его, без преувеличения, огромная книга «Жизнь Шолохова. Трагедия русского гения» [М.: Центрполиграф]. Объемом 896 с., не считая иллюстраций. Такой, как говорится, и убить можно. Исходя из предложенной там библиографии, можно сделать вывод, что автор занимается этой темой, практически, всю жизнь. Среди перечисленных работ видим:

Петелин В. Гуманизм Шолохова. М., 1964.

Петелин В. Михаил Шолохов. М.: Воениздат, 1974.

Петелин В. Михаил Шолохов. М.: Советский писатель, 1986.

Данный же труд – своего рода подведение итогов более чем 40-летней деятельности. В дальнейшем ссылки на нее – [П, с.].

Естественно, что более всего меня интересовало то, как автор объяснит два вышеописанных "наворота".

Книга, как не странно, оказалась достаточно интересной. Поразило то, что "ученый" ни только не развеял терзающие всех сомнения, но и от себя добавил еще целый букет "наворотов", не оставляющих, кстати, никаких сомнений по поводу истинного положения вещей.

Наворот № 3.

В книге рассказывается как Миша установил дату начала работы над романом.

"6 ноября (1926 г., С.К.) взял кипу бумаги и на первом листе твердо поставил дату, но дело дальше этого не пошло – накануне праздника один за другим стали появляться гости, тещь и теща, сестры жены... Какая уж тут работа... неудачно выбран день для начала работы над большим полотном, которое, кажется, продумано до мельчайших деталей и подробностей" "7 ноября тоже не писал ни строчки... Праздник революции входил в жизнь и донских казаков, гости только к вечеру уgomонились и разъехались по своим подворьям.

8 ноября Шолохов наконец-то мог спокойно сесть за свой стол, взять лист бумаги с пометкой слева вверху: «Вешенская 6-го ноября 1926», поставить новую дату: «8.XI» и сразу, с первых же строк, решил ввести читателей в быт донских казаков:

«Григорий пришел с игрищ после первых петухов. Тихонько отворил дверь в сенцы. Пахнуло запахом перепавших хмелин . . .» [П., с. 157 - 158].

Далее, сходу, целая глава без исправлений.

«Шолохов поставил три точки и перевернул лист на обратную сторону, Хотел встать, но передумал, писалось легко, в охотку, давно не брался за перо. Макнув в чернильницу, продолжал:

«По Дону наискось волнистый никем не изженный лунный шлях . . .» [П., с. 159]

И снова текст романа, все в том же духе.

И с этого дня стал писать главу за главой, практически, готовыми для печати. Ни тебе планов, ни тебе набросков.

Вот таким манером, сразу, *«напрямик, как ночью по тайге»* разве начинают писать романы? Разве такое бывает?

Почему-то мне припомнилась, в связи с этим, запись в дневнике барона Мюнхгаузена: *Вторник. 14-го Объявить войну Англии.*

Не следовало ли филологу сделать хотя бы небольшой обзор наиболее заметных литературных произведений такого объема? Я имею в виду описание процесса создания романа. Что в аналогичной ситуации было у других писателей, создавших выдающиеся произведения?

Наворот № 4.

Какие-то невероятные по скорости темпы написания первых двух книг. Кстати, для того, чтобы не путаться в дальнейшем, уточним терминологию. Первая книга (1-й том) состоит из трех частей: 1-й, 2-й и 3-й. Вторая книга включает в себя две части: 4-ю и 5-ю. Шестая же часть относится уже к 3-й книге.

В книге В.В. Петелино буквально по дням прописано – какие главы и в какие именно дни написаны.

«10 ноября – двадцать строк . . . 11 ноября начал третью главу . . . 12 ноября Шолохов закончил описание рыбалки . . . 13 ноября Шолохов написал 4-ю главу, в которой повествуется о нелегкой судьбе Аксиньи . . . 17 ноября Шолохов, заложив фундамент романа главами 1А и 2А, вернулся к завершению 5-й главы . . . 22 ноября начал 9-ю главу словами: «От станицы до хутора . . . Но на этой главе не стал останавливаться и разрабатывать ее, он двинулся дальше – начал писать вторую часть в конце ноября – в декабре 1926 года, начале 1927-го с такой же методичностью и скоростью . . .» [П., с. 160 - 169].

Дальше все в том же духе. Разве такое возможно? Разве нет необходимости и в этом случае сделать сравнительный анализ?

Наворот № 5.

В своей книге В.В. Петелин приводит пространные выдержки из черновика и при этом скрупулезно показывает – какие именно исправления и зачеркивания вносились в ходе написания той или иной главы.

Очевидно, что число изменений столь незначительно, что и упоминать то их не стоит. Такая демонстрация позволяет смело утверждать, что первые две книги, практически, писались «набело». Кстати, и здесь очень несложно сделать сравнительную

экспертизу. И даже не с работами какого-либо другого писателя, а с произведениями самого Шолохова, права на которые никем не оспариваются. Например, с «Поднятой целиной». Черновики данного произведения тоже, практически не включают в себя исправлений? Там также все писалось сразу, “набело”?

Наворот № 6.

Параллельно с созданием романа (он еще не окончен) идет и его публикация в журнале «Октябрь».

“... Уже в феврале 1927 года, когда две части романа были написаны, Шолохов начал переговоры с ответственными сотрудниками издательства («Новая Москва», С.К.) Посвянным и Морозовой об издании романа”

Далее приводится письмо от 3 апреля 1927 г. с обсуждением гонорара, где, в частности, говорится:

“... Кратко о романе: зовется «Тихий Дон», развевет 40 (приблизительно) печ. листов. Частей 9. Эпоха 1912 – 1922 гг. Эпиграф интересует...” [П., с. 171].

Итак, готовы только две части (две трети 1-й книги) а уже ведутся переговоры с издательством. На следующей странице книги В.В. Петелина показано, что договор на издание заключен в июне – июле (!).

Интересно, кто же будет заключать договора с молодым никому не известным автором до тех пор, пока он не представил всю работу. Сначала ты положишь роман на стол, потом его будут долго изучать, потом еще и исправлять, а после этого может и будет заключен договор.

Правда, этот договор не состоялся в виду реорганизации данного издательства

Но это еще что? Читаем дальше. За дело берется А.С. Серафимович, главный редактор журнала «Октябрь».

“С января по декабрь 1928 года «Октябрь» опубликовал две книги «Тихого Дона» подряд, без перерыва: первую книгу – в январе – апреле, вторую – в мае – декабре... Книжная публикация обеих книг романа в «Московском рабочем» последовала тут же за журнальной. Огромный успех романа определился сразу” [П., с. 177]

Из письма Е.Г. Левицкой от 4 июля 1928 г.:

“... «Октябрь» постукивает т-ммы о высылке конца 5-й ч...” [П., с. 178].

На этот раз журнал не то что заключает договор, а даже начинает печатать произведение, которое еще не окончено. (!!).

Более того, начинается опубликование 2-й книги, которая еще полностью не прислана (!!!).

Еще вопрос. А откуда такая уверенность, что молодой автор пришлет материалы? Ведь создание романа – процесс творческий. Какой-то период плодотворный, какой то – нет. К тому же, что-то подчас хочется передумать. Кстати, а почему эта практика не продлилась при издании 3-й книги. После выпуска первых двух книг (подчеркну, несколькими издательствами) был оглушающий успех и “бомбежка” телеграммами, должна многократно усилиться, а ее почему-то вообще не было.

И, наконец, последнее. А когда же журнал занимался редактированием присланного текста (особенно, 2-й книги)? Ведь на это тоже нужно время.

В каких случаях такое возможно? Ну, скажем, если речь идет о писателе уровня Л.Н. Толстого в последние годы его жизни. Тогда еще можно понять мотивы, которыми руководствуется редактор: Мол. – Дорогой Лев Николаевич, дайте что-угодно. Буду издавать сразу, без исправлений, на любых Ваших условиях.

Наворот № 7.

И всю эту . . . (кроме матерного слова больше ничего в голову не лезет) толкает филолог, да еще с докторской степенью.

* * *

Итак, семь “наворотов”, каждый из которых, сам по себе, невероятен. Нам же предлагается все это еще и в сочетании.

Попробуем разобраться, тем более, что ничего сложного, в общем-то, и нет.

Начнем с 7-го пункта. За последние годы на примере доблестных историков я в полной мере убедился, что ученые степени в данной области никакого (или почти никакого) смысла не имеют. См. на эту тему рубрику «В краю непуганых историков» (вып. № 21, 24, 26, 27. 31, 35, 44, 45, 47, 50, 56, 59).

Практически всю жизнь филолог обращается к этой теме. Конечно, мне могут возразить: - Но ведь он не бегаёт по улицам с ножом и людей не режет !

Согласен, что по сегодняшним меркам уже и это неплохо. Но, может, имеет смысл поднять планку требований хоть немного повыше ?

Какое отношение этот доктор может иметь к науке ? И какая у него может быть мораль ? Все-таки следует же давать оценку деятельности той или иной особы.

Я решил познакомиться с научными достижениями “ученого”. Все диссертации хранятся в филиале ЦРБ (“Ленинки”) в г. Химки. Это в 15 минутах езды от м. «Речной вокзал». Авторефераты же диссертаций в обязательном порядке хранятся в основном здании ЦРБ. Именно их я и попытался заказать.

Просмотрел общий каталог (до 1985 г.) – нету. Затем каталог авторефератов 1980 – 2002 гг. – опять нету. Затем электронный каталог с 1995 г. по наше время, и там искомого не оказалось.

Такое в моей практике впервые. Тем более, что нет авторефератов ни докторской ни кандидатской диссертаций. Вероятно, чтобы делать какие-то определенные выводы, все-таки нужно съездить в г. Химки. Для себя я не считаю это настолько уж необходимым. Может быть кому-то другому будет интересно ?

Для того же, чтобы понять- что представляет из себя докторская диссертация в области филологии, можно рассмотреть автореферат работы Ф.Г. Бирюкова «Народность и историзм Шолохова». Об этом см. в разделе – *В краю непуганых историков*.

Теперь рассмотрим ключевой – 6-й ‘наворот’. В первую очередь, в виду его очевидной простоты.

Журнал мог принять решение печатать роман только в том случае, если он был представлен целиком. Это, во-первых. Помимо этого должна была присутствовать личная заинтересованность в этом проекте у кого-либо в редакции. Поскольку родственников у Шолохова в ж. «Октябрь» не наблюдалось, то правомерно подумать о соавторе.

Совместим эти два пункта. Получаем: в создании романа самое деятельное участие принимает главный редактор журнала. Естественно, что все решения (о публикации) приняты после того как редакция видела весь роман (эти самые две книги) целиком.

После этого легко найти объяснение всем остальным “наворотам”.

Перед молодым Мишей ставится простая и ясная задача переписать уже готовый роман своими словами.

При этом совершенно логично выглядит установка даты, с которой молодой человек решает начать выполнение порученной ему работы ("наворот" № 3). Также понятна и легко объяснима столь высокая скорость выполнения задания ("наворот" № 4). Если в этой работе и присутствует творчество, то его составляющая не особенно велика и не может уж очень существенно влиять на весь процесс. Эпитет "торопливый переписчик", который М.А. Шолохову дал А.В. Венков, в общем-то, вполне уместен. Также вполне логичным становится столь небольшое число исправлений в рукописи ("наворот" № 5). Не менее логичны телеграммы с призывами высылать текст ("наворот" № 6).

И, разумеется, тотчас исчезают два первых (основных) "наворота".

* * *

Полагаю, что ничего нового я не сказал. По этому поводу, в общем-то каких-либо расхождений во мнениях не наблюдается. К подобного рода выводам приходят почти все. И особенно ценно то, что при существенно различных подходах неизменны одни и те же результаты: в 1-му и 2-му томам «Тихого Дона» М.А. Шолохов, практически, не имеет никакого отношения.

* * *

В заключении рассуждений об этой давно решенной задаче хочется обратить внимание еще вот на что.

Самый известный Советский писатель. Миллионные тиражи. Перевод на многие языки мира. Почему до сих пор не вышло его полное собрание сочинений. Уж если кто и заслуживает этого, так в первую очередь именно он.

В полное собрание включаются все письма писателя и все письма ему.

Одно из обычных собраний увидело свет в 1975 г. [М.: Правда]. Первые 4 тома, сами понимаете, - «Тихий Дон». Еще два - «Поднятая целина». В 7-м «Донские рассказы» и «Они сражались за родину».

8-й том - «Очерки, статьи, фельетоны, выступления». Ценно то, что все они помечены датой опубликования. Том достаточно большой, около 400 страниц. В целом он малоинтересен. Можно было бы назвать это - сборником статей партийного работника. Даже названия ряда работ дают полное представление - о чем писал писатель: «О советском писателе», «Писатель-большевик», «Горжусь своей Родиной» и т.п.

Но главное не это. Начинаются письма с 5-й страницы. Первые семь страниц - четыре статьи 1923 - 1925 г.

Затем идет разворот (12-я и 13-я страницы) настолько интересный, что в Приложении № 1 с. 183 - 184 приводится его ксерокс.

Итак, всего лишь на развороте книге рассмотрен (а, вернее, совсем не упоминается) самый интересный период - издание 1-го и 2-го томов «Тихого Дона». Сначала, как видим, письма об издании «Донских рассказов» (период - "до"), потом - о печати 6-й части (это - 3-й том, период - "после"). В дальнейшем есть еще два материала под названием «Из письма А. Серафимовичу» (от 1 апреля 1930 г., с. 15 - 16; от 23 апреля 1932 г., с. 37). Оба о трудностях издания 3-го тома.

Точно такая же ситуация наблюдается в 8-ми-томном собрании сочинений, вышедшем в 1985 - 1986 г. [М.: Художественная литература], составленном М. Махониной (Шолоховой). Ситуация примерно такая же. В Приложении № 2 с. 185 - 186 приводятся 13-я и 14 страницы 8-го тома.

По-моему, все это наглядно показывает - до какой степени тщательно были уничтожены все материалы, которые могли бы пролить свет на данную проблему. Это, во-первых.

А, во-вторых, власть всячески подмигивает, строит рожи и дает понять – ну нет никакой привязки Шолохова к этой работе.

С другой стороны, представляется, что власть не считала уж очень необходимым применять какие-то серьезные усилия для сохранения этой тайны.

Полагаю, что компетентным органам спустя годы не составляло никаких особых усилий создать пару десятков писем, в которых бы обсуждались проблемы издания первых двух томов. Помимо откровенной фальсификации можно было бы задействовать и самих участников событий. Скажем, предложить А.С. Серафимовичу и М.А. Шолохову где-то в 40-х годах написать друг другу по десятку писем, пометив их датами и конца 20-х годов. Полагаю, что М.А. сделал бы это с восторгом, а А.С. не смог бы отказать в такой просьбе товарищам по партии.

В довоенный период и сразу после войны Советская власть не предполагала, что могут возникнуть столь серьезные проблемы. Никто не предполагал, что будет Нобелевская премия и пристальное внимание мировой общественности.

Советское время закончилось. Что же изменилось? В 2001 – 2002 г. вышло собрание сочинений в 9-ти томах [М.: Терра].

Посмотрим, что же на эту тему есть в 9-м томе. На данный период приходится больше писем, чем это показано в собраниях 70-х и 80-х годов. Письмо А.С. Серафимовичу от 9 декабря 1926 г. (с. 93) помечено № 6, а письмо А.А. Фатееву от 3 октября 1929 г. (с. 103) – № 18. Правда, здесь нет письма А. Бусыгину. Они представлены в Приложении № 3 с. 187 – 193. Письмо № 16 Е.Г. Левицкой не приведено полностью – оно о коллективизации. На ту же тему письмо № 17. далее письмо А.А. Фатееву.

Итак, какие здесь дополнения.

Письмо № 9 А.М. Стасевичу от 3 апреля 1927 г. о замысле романа.

Три письма № 10, 12 и 14 – Е.Г. Левицкой. В первом по времени (№ 10 от 4 июля 1928 г.) о проблемах с 5-й частью. Это окончание 2-й книги. Т.о., о первых 4-х частях вообще упоминаний нет. В других двух письмах – общие слова.

Письмо № 13 – Ю.А. Годлевской от 24 сентября 1928 г. также не меняет картины. – об окончании издания 2-го тома.

И, наконец, письмо № 15 – М.П. Шолоховой уже о проблемах, связанных с обвинениями в плагиате.

Опять же, практически, ничего нет.

Замысел.

Итак, молодой Миша положил перед известным писателем "издательский портфель". Этот "портфель" представлял из себя "болванку" или "заготовку" (как она будет именоваться в дальнейшем), очень интересную, но ни коим образом не готовую к публикации. С ней, как говорится, предстояло еще работать и работать.

Наверное, это как-то совпало по времени с изданием «Донских рассказов» (конец 1925 г. – начало 1926 г.). Такие выводы делаются исходя из того вклада, который привнес в роман А. Серафимович. По-моему, он работал никак не менее года (об этом см. ниже).

Какое решение может принять известный писатель, когда ему предложена подобного рода "заготовка" ?

Ну, можно помочь молодому писателю, взять, как говорится, над ним шефство, давать советы и т.п. Но материал очень сложен и явно юноша не в состоянии самостоятельно создать по нему художественное произведение (сколько советов ему не давай). “Заготовка”, в общем-то, “белая”, а нужно ее видоизменить так, чтобы приемлемо для Советской власти описать начало Гражданской войны да еще и на фоне казачества, которое эту самую власть вообще не воспринимает.

Рассматривался ли вариант собственного авторства А.С. Серафимовичем ?

Полагаю, что если бы от М.А. Шолохова и поступило такое предложение, то у маститого писателя волосы бы встали дыбом (поскольку он был лысым, следует добавить – *по всему телу*). В качестве “заготовки” не обычный в таких случаях пусть и сырой, но написанный кем-то оригинальный материал, а набор статей и заимствований у множества авторов, лишь немного скрепленных общим сюжетом.

До сих пор среди антишолоховедов наблюдается своего рода соревнование – кто больше найдет заимствований в «Тихом Доне». Впору придать этому развлечению официальный статус, объявив его новым видом спорта.

Участие в подобной работе – это полная дискредитация автора и писателя со стажем более 35 лет никак не может себе этого позволить. Вероятно что-то подобное краснея, бледнея, матерясь и непрерывно рвя на себе кальсоны в ключья, объяснял старик Серафимович молодому и недалекому юноше. Ведь на том момент никому в голову не могло прийти – чем все это закончится.

Использование такой “заготовки” мало чем отличается от воровства. И уж насколько не вызывает сомнений то, на каких взглядах по поводу этого стоял А.С. с учетом его возраста, взглядов и собственного опыта сбора материалов.

Последнее особенно подчеркнем, тем более, что А.С. для собственных произведений собирал материалы достаточно долго. В 9-м томе его 10-ти-томного собрания сочинений [М.: Художественная литература, 1948] всего две работы: роман «Железный поток» и . . . статья “Как я писал «Железный поток»”. Вот так, процессу сбора материалов посвящено отдельное литературное произведение.

Т.о., вариант авторства А.С. Серафимовича, если вопрос так ставился, был с негодованием отвергнут. Уничтожать свой авторитет писателя (да еще таким способом) А.С. не мог себе позволить. А другие варианты разворота событий и, особенно, тот, который в результате получился, либо рассматривались как уж очень маловероятные, либо вообще не приходили в голову.

Именно эти причины и объясняют тот факт – почему А.С. Серафимович потребовал от М.А. Шолохова в обязательном порядке переписать весь текст своими словами.

Почему же вообще этот проект имел место ? Почему маститый писатель полностью перерабатывает “заготовку”, преобразует её из “белой” не то что в “красную”, а даже в “бордовую”, удовлетворяющую всем мыслимым и немыслимым требованиям Советской власти, и, . . . передаёт её молодому человеку с условием – переписать своими словами ? Впрочем, последнее объяснено.

Чем такое объяснить ?

Серафимовичу 65 лет. Заслуженный, старейший пролетарский писатель. Помимо бесчисленного числа рассказов, две повести: «Город в степи» и «Галина», а также недавно (в 1924 г.) вышедший роман «Железный поток», на данный момент – вершина творчества. В проекте эпопея «Борьба» («Железный поток» декларирован, как часть этой эпопеи), но это на сегодня только проект. По понятиям писателя этап подготовки к написанию эпопеи должен быть достаточно длительным и насыщенным. Надо не только собрать огромный материал, но и иметь опыт компоновки эпического полотна. Предлагаемая же “заготовка”, сама по себе, - именно эпическое полотно с ря-

дом таких задач, которых А.С. Серафимович до сих пор не решал. Самое сложное, что он брал на себя до этого, – описание сравнительно небольшого похода не такого уж и большого отряда (речь все о том же «Железном потоке»). Здесь же и донская жизнь, о которой у него не было сколько-нибудь больших произведений, и 1-я Мировая война, и революция, и смятения казачества, и начало Гражданской войны.

Другими словами, до сих пор такого опыта у него не было. И вот писатель, который очень обстоятельно подходит к созданию своих произведений, приходит к мысли:

1) А почему бы перед созданием главного произведения своей жизни не получить некоторый опыт работы над большими темами ?

2) Последующая после выхода в свет этого романа критика также будет очень полезна. Она в полной мере будет учтена при создании собственной эпопеи.

3) Заодно следует проверить реакцию власти на подобного рода произведения. Это дело небольшие статьи: о лучезарном комиссаре, о подполковнике – офицере (здесь все ясно, никаких претензий не будет); тоже касается и описания небольшого похода; а вот когда дойдет дело до многопланового полотна – какова будет реакция ?

Представить себе результаты выхода в свет того или иного романа, разумеется, достаточно трудно. Чаще всего надежды не оправдываются. В достаточно редких случаях приходит успех. Своего рода “рулетка”, где угадать очень трудно. Добавим к этому абсолютную непредсказуемость режима, правящего в то время.

Одной из особенностей Советского периода и, в первую очередь, довоенной его части, являлось то, что достаточно сложно было понять – что ты получишь за то или иное деяние. Подчас спектр возможных вариантов включал в себя и самые высокие награды, с одной стороны, и расстрел – с другой. Широкое распространение получило и такое “веселенькое” поощрение, как – “наградить посмертно”. Под этим сплошь и рядом понималась ситуация, когда человека сначала именно расстреливают, а потом, спохватившись, награждают.

Вспоминается любимый властью и популярный в народе (кстати, это достаточно редкое сочетание) фильм – «Ленин в Октябре». Его традиционно показывали по телевидению 7 ноября в 60-е – 70-е годы. Читаем о нем в «Детской энциклопедии» [М, 1961, т. 10, с. 640]:

“В фильмах «Ленин в Октябре» (1937) и «Ленин в 1918 году (1939), поставленных режиссером М.И. Ромом, образ великого вождя революции в исполнении актера Б.В. Щукина явился ярчайшим достижением актерского мастерства”.

Значение этого художественного произведения для власти трудно переоценить. В нем был создан настолько привлекательный образ вождя, который в конце концов вытеснил образ реального человека (! !). Когда в начале перестройки старых большевиком спрашивали: “Так что же из себя представлял Ленин ?” Ответ был следующий: “Посмотрите «Ленин в Октябре». Именно таким он и был”. Так, что оценка данная так давно да еще и в «Детской энциклопедии», отнюдь не традиционное в таких случаях преувеличение.

Так вот, в период выхода в свет этого Советского шедевра (а год сами понимаете какой был) его создатели абсолютно не представляли – что их ждет за это. Совершенно не исключался и вариант расправы. Ведь был создан авантюрный фильм (что, кстати, и делало его настолько привлекательным в зрительской среде), а за это могли жестоко наказывать.

Вернемся к А. С. Серафимовичу. Данный проект признается им прекрасным пробным шаром (своего рода – разведка боем), которая в значительной мере покажет – что в эпопее писать надо, а что – не надо.

Он пребывает в твердой уверенности, что все предусмотрел:

1) Предполагаемые претензии писателей его минуют.

2) Политический риск также на себя берет другой.

3) Сам он приобретает необходимый опыт, который будет использован в ходе создания эпопеи «Борьба».

4) Ну может быть, при этом, удастся еще и заработать. Вероятно, была какая-то договоренность по поводу раздела гонорара.

Его осуществление.

Попробуем определить долю участия в проекте А.С. Серафимовича. В чем его заслуга, а в чем заслуга попавшей в его руки «заготовки»? В тех случаях, когда ответ непонятен, приоритет будем отдавать «заготовке».

Определимся с терминологией. А.В. Венков заметил в письме, что в традициях писателей конца XIX – начала XX веков было «бичевание язв общества» и описание негативных сторон жизни.

У меня нет возражений против этого. Действительно, этим занимались и И.Д. Филиппов, и, скажем Ф.Д. Крюков, да и многие другие. Однако эти писатели не скатывались до «наворотов», т.е. до того, чего не могло быть ни под каким видом. Описания невероятных ситуаций ими не практиковались.

Так вот, на мой взгляд, несомненно то, что на «совести» именно А.С. Серафимовича все «навороты». Попробуем вернуться от варианта романа, после того как он побывал в заботливых руках Александра Серафимовича, к варианту, когда он еще в его руки не попадал. Будем это делать путем удаления явных «наворотов». И посмотрим – какую ценность будет иметь хотя бы то, что останется? Заметим, при этом, что А.С. Серафимович мог привнести в роман не только «навороты».

Другими словами, имеет ли заготовка без участия А.С. Серафимовича (а рассматривается «мягкий» вариант: только часть его участия - «навороты» и все) самостоятельную ценность?

Как уже отмечалось в начале данной книги, для того чтобы диаметрально изменить смысл главы (эпизода, какой либо части текста) достаточно внести 3 – 5 % изменений в текст. Будем пытаться избавиться от «наворотов» именно таким способом – путем внесения минимальных изменений. В этом случае «заготовка» будет иметь максимальную ценность.

Временные рамки романа – «заготовки», в общем то, понятны. Начало, возможно смещено на несколько лет (см. на эту тему кн. А.В. Венкова). Но, впрочем, это не принципиально. Окончание – весна 1918 года, Обще-Донское восстание.

Разобьем роман на три части: мирная жизнь, 1 Мировая война, и революция (первые 4 месяца Советской власти), - и попробуем представить, что могло быть в «заготовке» по этим трем направлениям.

Мирная жизнь.

Предположим, что описание мирной жизни до свадьбы Григория, в основе своей, - «заготовка». Выкинем только несколько явных «наворотов», без которых, впрочем, можно обойтись.

Разумеется, это 1-й ужастик, убийство бабушки Григория – турчанки (турчанок, татарок, черкешенок было очень много), а также изнасилование Аксиньи с последующим полуторачасовым уродованием отца (все "навороты" достаточно подробно и обстоятельно рассматриваются в вып. № 47 «Миражи "Тихого Дона"»).

Действительно, возможны взаимоотношения холостого парня с замужней женщиной, муж которой отправился на сборы. Последующее избивание изменившей жены – тоже логично. Правда, не такое зверское (ну, это мелочи). Затем женитьба с "разными правами": невеста (тихая дочь) сама решает – за кого ей выходить замуж, особенно и не слушая отца; жених (своенравный парень) – вообще не имеет право голоса; все за него решают родители. Вероятно, в "заготовке" это было показано существенно иначе. Ну да ладно, не так принципиально.

Наконец подходим к событию, которого ну никак быть не могло – уход из хутора Григория с Аксиньей. Эта часть романа настолько важна, что приведу полностью главу на эту тему из кн. «Миражи "Тихого Дона"».

* * *
* * *

Рассмотрим самую интересную тему, больше всего волнующую читателей – взаимоотношения Григория с Аксиньей или, несколько в другом ракурсе, треугольник Григорий – Аксинья – Наталья.

Рассмотрим сначала законы Российской Империи, связанные с изменами. Насколько серьезным явлением был брак? Какие варианты выхода из него существовали? По этому поводу в статье В.Н. Королева:

"Но, вообще, после церковного освящения брака развод превратился в чрезвычайно тяжелое дело и не мог осуществиться без духовного суда. . . для рядовой массы казачества со второй половины XVIII в. и, тем более, в XIX в. браки стали почти нерасторжимыми, отчего и появилась поговорка "сведет поп – разведет гроб". Отдельные исключения лишь подтверждали правило".

Вообще-то, развод был и в ПС офицеров записи о разводах встречаются, но таких случаев очень мало.

Действительно, это была очень серьезная вещь, в результате которой с одним из участников осуществлялась форменная расправа. Запись гласила, что после развода один из бывших супругов мог снова вступить в брак, а второй обрекался на "вечное безбрачие". Расправлялись с виновным, а вина одна – измена (всем очевидная и доказанная). То есть, с кем-то жить (после развода) этот человек мог, но официальных детей у него уже не могло быть ни под каким видом. В качестве примера можно привести Грекова Агафона (Агафонгела) Петровича (см. вып. № 42, с. 9).

Можно ли было как-нибудь избежать этих драконовских мер? С определенными оговорками, да, но только в том случае, если оба супруга желали развестись, т.е., как говорится, «по добром согласию». В качестве иллюстрации данной ситуации можно привести очень известных лиц.

Багалист Митрофан Борисович Греков. Его мать Мартыщенко сошлась с представителем известного дворянского рода Грековым Борисом Ивановичем. Но сам будущий художник должен был более 30 лет носить фамилию и отчество официального мужа своей матери и именоваться Мартыщенко Митрофаном Павловичем. Только после смерти Павла Мартыщенко Греков Б.И. смог усыновить своего родного сына и передать ему фамилию и отчество.

Вторым известным человеком, попавшим в данную ситуацию, был М.А. Шолохов. В работе М.Т. Мезенцева [«Судьба романов», Самара, ПРЕСС, 1994 г.] показано: Александр Михайлович Шолохов в 44-летнем возрасте сошелся с женой урядника Кузнецовой Анастасией Даниловной. Сын Михаил родился в 1904 г. «До 1913 го-

да, когда родители официально оформили брак в церкви, он носил фамилию Кузнецов" [с. 103].

Таким образом, оба примера аналогичны. Разойтись «по-тихому» можно, но дети бывшей супруги будут иметь фамилию и отчество официального мужа. Очевидно, что, при этом, без его согласия обойтись никак нельзя.

Теперь рассмотрим предлагаемую в романе ситуацию, имея в виду существовавшие до революции законы. Итак, Григорий и Аксинья сбегают в-открытую, причем, и не очень-то далеко - в один из хуторов, находящийся в юрту той же самой станицы (Вешенской).

То есть налицо двойная измена (Аксиньи Степану и Григория Наталье), официально доказать которую не составляет никакого труда. В связи с этим возникает множество вопросов, ответы на которые, по моему мнению, найти не представляется никакой возможности.

Вопрос № 1. Пантелею Прокофьевичу все это не нравится. Он пытается всеми силами отговорить сына от подобного рода поступка. Почему не используется такой убийственный аргумент – «сын, ведь у тебя никогда детей не будет»? Тем более, что для Григория хозяйство и все, связанное с семьей, имеет очень большую ценность.

Вопрос № 2. Почему Степан не оформляет развод? Во-первых, он при этом получает право на повторный брак. Во-вторых, Аксинья наказывается: выйти замуж не может и официально завести детей, кстати, тоже. При этом, если Степан захочет потом жить с Аксиньей, то к этому не будет никаких препятствий. Это было бы плохо только в одном случае, если бы они (Степан с Аксиньей) потом завели детей. Но у них ведь это не получалось. Так, что развод был выгоден Степану со всех сторон: одни преимущества и никаких недостатков.

Вопрос № 3. Почему процедуру развода не начинает отец Натальи, очень влиятельный и уважаемый человек? Во-первых, это нужно для дочери, он ее любит. Во-вторых, нужно расплатиться с Гришкой. В-третьих, надо ликвидировать свою же промашку (исходно не запретил брак, который не мог привести ни к чему хорошему).

После произошедших событий Наталья вернулась в отчий дом. Из ее разговора с матерью:

«- Ох, Наташка, примечаю я...

- И чего вы, маманя, примечаете? – с неожиданной злобой крикнула Наталья, комкая в пальцах зеленую юбку.

- Не сдобруешь ты, гляжу... замуж надо.» [т. 1, ч. 2, гл. XVIII].

Вопрос № 4. Частное мнение (будь то Степан или Мирон Григорьевич Коршунов), - это одно. Но ведь есть еще такое понятие, как «общество». А этому самому обществу совсем не нужно, чтобы такого рода поступки остались безнаказанными. Даже если бы Степан и старший Коршунов и не сообразили – что им надо делать, то им бы живо напомнили (а, точнее, регулярно бы напоминали) как в станичном Правлении, так и в церкви.

Вопрос № 5. Рождение Тани, после которого должно было состояться крещение. Во-первых, запись в метрической книге – это очень важный документ, вполне сравнимый с современным «Свидетельством о рождении». Без этой записи в гражданской жизни существовать очень сложно. Во-вторых, это очень важный церковный обряд. В те времена смертность была очень высока и если ребенок умирал некрещеным, то это считалось одним из самых страшных грехов. Поэтому метрические книги

XIX – начала XX вв. поражают людей, впервые их взявших в руки, прежде всего тем – когда именно (после собственно рождения) ребенок крестился. Обычно это делалось через два (!!) дня после рождения (скажем, родился 3-го, крестился 5-го). Особенно поражают записи, а таковые тоже встречаются, когда ребенок рождался и крестился в один и тот же день (!).

Итак, у Аксиньи родилась дочь. Ей надо идти в церковь и, интересно, что она там скажет об отце ребенка ?

По моему разумению возможны только два варианта. Первый – нужно срочно бежать к Степану и как-то с ним договариваться. В том плане, что они расстанутся полюбовно. В этом случае ребенок может быть крещен и именоваться он будет Татьяной Степановной Астаховой (по аналогии с баталистом и писателем). Второй – развод: сама ситуация (рождение ребенка) подталкивает к этому. Кстати, совершенно непонятно – кому после развода будет принадлежать дочь ? Шансы Степана, как невинной стороны, вроде выглядят предпочтительнее.

Пантелей Прокофьевич, приезжает проведать сына:

“Встав из-за стола и отправляясь к двери курить, будто невзначай раза два качнул люльку; проснужу под положок бороду, осведомился:

- Казак ? - Девка, . . .

Пантилей Прокофьевич деловито оглядел чернявую головку, торчавшую из вороха тряпья, и не без гордости удостоверил:

- *Наших кровей... Эк-гм... Ишь ты !..* [т. 1, ч. 2, гл. XXI].

Разве такое возможно ? Далее, отец сопровождает Григория в станицу:

“- Значит не думаешь с женой жить ?

. . .

- У меня вон дите; об чем гутарить ? Теперича уж не прилепишься. [там же]

Так какие права у Григория на ребенка ?

Вопрос № 6. Отправление Григория на службу. Показано, как конь с изъязмом может сделать эту службу крайне непривлекательной и нежелательной для уважающего себя казака. Автор повествует, что если бы не удалось быстро решить эту задачу (привести коня Петра), то Григория зачислили бы в какое-то пешее подразделение, что, в свою очередь, очень обидно и недостойно для казака.

Итак, значение лошади, в частности, и обмундирования, в целом, при зачислении на службу очень велико. А как насчет отношения к конкретному казаку местной власти, скажем, станичного Правления ? Оно разве не имело право определять кому – где служить ? После такого «номера», который всем стал известен, разве не могла местная власть запнать провинившегося, выражаясь современным языком, в какую-нибудь «команду ассенизаторов» ?

В очередной раз рассмотрен второстепенный фактор и совершенно игнорируется один из основных.

Вопрос № 7. Совсем уж «дикая» сцена встречи Петра и Григория в начале войны: *“- Наталья у нас. . .*

- Ты в письмах хучь поклоны ей посылай. Тобой баба и дышит.

- Что же она... разорванное хочет связать ?

- Да ить как сказать... Человек своей надеждой живет. Славная бабочка.

Строгая. Себя дюже блюдет. Чтоб баловство какое иль ишо чего – нету за ней этого.

- Замуж бы выходила.

- Чудное ты гутаришь !

- Ничего не чудное. Так оно должно быть.

- Дело ваше. Я в него не вступаюсь." [т. 1, ч. 3, гл. X].

Итак, что имеет ввиду Григорий, говоря «замуж бы выходила»? Или, вернее, что подразумевает автор, наделяющий своего героя подобными высказываниями? Ведь Наталья могла выйти замуж, только предварительно разведясь.

Вопрос № 8. Наталья приходит к Аксинье и просит (?) вернуть мужа! А почему не потребовать и не поставить ей условия? Кстати, да и самой можно не ходить, а послать кого-либо с «ультиматумом».

Вопрос № 9. А каким, собственно, образом Григорий с Аксиньей могли поселиться у Листницкого? Хутора Татарский и Ягодный в юрту одной и той же Вешенской станицы. Всем все хорошо известно. Генерал, один из самых уважаемых жителей станицы, а также, разумеется, блюститель традиций и нравственности. Разве он мог позволить им поселиться у себя? К тому же, наемных рабочих он мог найти в любом количестве.

Вопрос № 10. Сцена смерти Тани.

“- Николай Алексеевич! Девочка у меня хворает. Вы ослобоните меня пока... От нее отойти нельзя. - Что с ней? - Глотошная ее душит...”

- Скарлатина? Почему не сказала, дура? Эка, черт тебя задери, шалава! Беги. Скажи Никитичу. Чтоб запрягал в станицу, за фельдшером. Живо!

Аксинья выбежала рысью, вслед бомбардировал ее старик гулками басовыми раскатами: - Дура баба! Дура баба! Дура!

Утром Никитич привез фельдшера. Тот осмотрел обеспамятевшую, объятую жаром девочку, не отвечая на вопросы Аксиньи, пошел в дом к пану. Листницкий принял его в передней стоя, не подавая руки.

- Что с девочкой? – спросил, отвечая на приветствие небрежным кивком.

- Скарлатина, ваше превосходительство.

- Выздоровеет? Можно надеяться? - Едва ли. Умрет девочка...

- Дурак! – Пан побагровел. – Чему тебя учили? Лечи!

Хлопнув дверь перед носом испуганного фельдшера, зашагал по залу.

Постучавшись, вошла Аксинья.

- Фельдшер просит лошадей ему до станицы.

Старик с живостью повернулся на каблуках.

- Скажи ему, что он болван! Скажи ему, что он не уедет отсюда до тех пор, пока не вылечит мне девочку! ...” [т. 1, ч. 3, гл. XXII].

Хорошая сцена, одна из немногих (если не единственная), где офицер показан доброжелательным и заботливым человеком. Только вот реальна ли она? Детская смертность, как уже неоднократно отмечалось, была высокой. Генерал уделяет внимание ребенку, который по статусу даже ниже незаконнорожденного. Вероятно, в таком случае к «нормальным» детям он должен относиться еще лучше (по меньшей мере – не хуже). Осуществляет ли он такую заботу? Ну, если даже ему и наплевать на мнение своих крестяня, то ведь остается еще и фельдшер. Не логично, если он в дальнейшем ославит генерала, как выжившего из ума самодура?

* * *

Кажется о 60-х годах прошлого (XX) столетия принято говорить, вспоминая так называемую “сексуальную революцию”, охватившую Запад. Еще тогда нам говорили – “все это будет и у вас, только несколько позже”.

Действительно, те правила в семейных отношениях, которые наступили сейчас, еще лет 30 назад выглядели, по меньшей мере, очень необычно.

Например, “пробный брак”, то есть совместное жительство, в процессе которого и определяется – нужно ли создавать семью. Еще совсем недавно это считалось аморальным и старшее поколение было категорически против этого. Еще очень интересной вещью является “брачный контракт”. Впрочем, перечислять можно многое.

Изменения, происходящие в наши дни в отношении к браку и всему, что с ним связано, можно сравнить с изменениями, последовавшими вскоре после Октябрьского переворота. Если то, что происходит сейчас именуется «сексуальной революцией», то как тогда назвать то, что началось с 20-х годов прошлого века? Церковь отделяется от государства и больше никакой роли в семейных отношениях не играет. Процесс заключения и расторжения брака упрощен неимоверно. Количество браков ничем не лимитировано.

Автор романа проецирует семейные взаимоотношения, сложившиеся после революции (и, тем более, после Гражданской войны), т. е. полный «беспредел», на дореволюционное время, когда существовали давно сложившиеся и, кстати, очень жесткие правила, регламентирующие брак и семью.

Ну как серьезно все это можно воспринимать и, тем более характеризовать в качестве очень точного описания жизненных ситуаций?

* * *
* * *

Возвращаемся к рассмотрению роли А.С. Серафимовича в создании «Тихого Дона». Такого побега быть не могло. Как же выйти из этого положения, да еще и так, чтобы изменения были минимальными?

В голову лезет только один вариант. Да, Григорий уходит в соседний хутор, но уходит, естественно, с женой. Причина? Ну, это может быть, например, ссора с отцом или братом. Но самый “органичный” вариант – отправка на заработки. Ему предстояла служба, а денег на коня в семье не хватало. Кстати и в тексте романа вроде есть кое-что на эту тему:

“. . . Одно беспокоило его – предстоящая служба. Не было ни коня, ни справки, а на отца плоха была надежда. Получая за себя и за Аксинью жалованье, Григорий скупился, отказывая себе даже в табаке, надеялся на сколоченные деньги, не кланяясь отцу, купить коня. Обещался и пан помочь. . .” [т. 1, ч. 2, гл. XX].

Разумеется, смачная сцена с попыткой самоубийства Натальи – тью-тью. Да, и в целом, какие-либо взаимоотношения с Аксиньей ну уж очень маловероятны.

Далее вполне логично рождение дочери (разумеется, законной). Можно дать и объяснение тому, что Наталья осталась у генерала после ухода Григория на службу. Предположим, её там устраивала роль, скажем, горничной. А к свекру и свекрови возвращаться не хотелось.

Последующее из мирной жизни. Смерть дочери – реально. Измена Натальи, на мой взгляд, маловероятна. Ну, предположим. Возвращение Григория после ранения Мордобой. Ну это-то только в том случае, если Наталья изменила с нижним чином. Естественно, что ни о каких порках офицеров речи быть не может. За это, напомним, в мирное время – каторга, а в военное – расстрел.

Через какое-то время замещение с женой(если ссора была) и рождение двойни, которая также, как и Обще-Донское восстание, символизирует возрождение и движение к новой жизни.

1 Мировая война.

Небольшой период службы до войны можно оставить, правда, без дедовщины. Её не было. Это несложно исправить тем самым методом внесения 3 – 5% измене-

ний. Например, абзац, где урядник подходит к казаку и обещает “ввалить пряжек”, немного корректируется: урядник также подходит и, скажем, интересуется у казака – “отписал ли тот бате письмеца”, ведь тот волнуется.

Случай с Франей если и был, то в существенно “смяченной” форме. Изнасилование взводом, да ещё и без последствий, - явный ‘наворот’. В “заготовке” это, скорее всего, проделали 2 – 3 казака, после чего “благополучно” отправились на каторгу.

Итак, война началась. Всё, связанное с описанием “подвига” Кузьмы Крючкова в романе, вызывает крайнюю степень омерзения. Всем “наворотам наворот”, включающий в себя калейдоскоп лживых и безмозглых утверждений.

Первая и категорическая реакция – в “заготовке” этого не могло быть ни под каким видом. Всё выкинуть к чертовой матери !

Однако . . . В начале книги подробно обсуждалось, что из любого описания события можно сделать диаметрально противоположное путем внесения минимальных изменений.

Абсолютно логично, что описание войны начинается с описания подвига 1-го Георгиевского кавалера, красоты и гордости Донского казачества К. Крючкова, убившего 11 человек (напомним, что по версии «Тихого Дона» он вообще никого не убивал, так только – “потолкался”).

Этому событию в романе посвящена глава VIII части 3-й, объемом около десяти страниц. Правда, 9-ть из 10-ти – это передвижение разъезда. Это можно оставить без изменений. Само боестолкновение занимает чуть более страницы. Да и там все переписывать не нужно. Нужно только лишь заменить несколько предложений. Ну, например, в романе:

“В стороне человек восемь драгун окружили Крючкова. Его хотели взять живьем, но он, подняв на дыбы коня, вихляясь всем телом, отбивался шашкой до тех пор, пока ее не выбили. Выхватив у ближайшего немца пику, он развернул ее как на ученье.”

Чуть-чуть подправим:

“В стороне человек восемь драгун окружили Крючкова. За то, что он сделал (в одном из предыдущих абзацев надо показать, что он убил 3 – 4 человек) его хотели взять живьем, но он, подняв на дыбы коня, вихляясь всем телом, отбивался шашкой до тех пор, пока ее не выбили. К тому времени четверо драгун валялись на земле и еще один начал медленно сползать, хватаясь за гриву коня и бормоча что-то нечленораздельное. Крючков выхватил у ближайшего немца пику и развернул ее как на ученье. Первый же выпад оказался удачным”.

Подразумеваются 3–4 убитых немца в начале боя (об этом вставить пару предложений выше). В этом же абзаце налицо 6 трупов. Вот, собственно, и все. Даже одного только этого достаточно, чтобы все встало на свои места.

Полностью выбрасывается послесловие к данному бою, которое является очевидной вставкой:

“Из этого после сделали подвиг. Крючков, любимец командира сотни, по его реплики получил Георгия. Товарищи его остались в тени. Героя отослали в штаб дивизии, где он слонялся до конца войны, получив остальные три креста за то, что из Петрограда и Москвы на него приезжали смотреть влиятельные дамы и господа офицеры. Дамы ахали, дамы угощали донского казака дорогими папиросами и сладостями, а он вначале порол их тысячным матом, а после, под благотворным влиянием штабных подхалимов в офицерских позах, сделал из этого доходную профессию: рассказывал о «подвиге», сгущая краски до черноты, врал без зазрения совести, и дамы восторгались. С восхищением смотрели на рябоватое разбойническое лицо казака-героя. Всем было хорошо и приятно.”

Все-таки еще раз о бессовестности автора на примере данного короткого абзаца:

1) К. Крючков убил 11 немцев, получил 16 ран и 11 в лошадь (учет и контроль были очень хорошими). В романе – никого не убивал.

2) *Любимец командира сотни*. Это того самого, кого выше по тексту урядник Крючков позволял себе называть Вашим Благородием вместо положенного Вашего Высокоблагородия и при всех называл *черногузом* (в переводе на современный язык – что-то вроде *черножопого*). Можно быть при это любимцем ?

3) В штаб его не отсылали. Получив столько ран, он долго лечился.

4) Еще три креста не получал (тем более – ни за что). Получил еще только один за разведку. Понятное дело – долго лечился и очень нескоро вернулся в полк.

5) *Порол дам тысячным матом*. В заметках 1914 года о нем говорится, что когда его свалили, он краснел как девушка и очень стеснялся.

6) Офицеры занимались подхалимажем перед казаков ? Ну-ну.

7) Рябым он не был и “разбойничкой” рожки не имел.

* * *

Первый бой Григория можно оставить. Возможно, что-то еще. Но очевидно, что правка здесь несоизмеримо больше, нежели в тексте, описывающим мирную жизнь.

Практически нет описаний подвигов казаков, которых, полагаю, в изобилии было в “заготовке”. В начале второй книги “скороговоркой” (на полтора страницах) перечисляются подвиги Григория. Кое-где еще ряд упоминаний, как бы, вскользь. Это при том, что донские казаки получили около 36 тысяч крестов, а полный бант имели около 600 человек.

Ни одного хорошего слова об офицерах. Планомерно “мордуется” гвардия. Уже первое упоминание гвардейцев впечатляет: “. . . *Правил здоровенный и дурковатый, как большинство атаманцев, Христоня*” [т. 1, ч. 1, гл. V].

Среди ряда описаний на эту тему ни одного положительного. И даже в этом перечне наблюдаются “навороты”, не имеющие смысла. Вроде перехода Листницкого из гвардии в армейский полк. “Надоели парады, хочу воевать”. Это при том, что гвардия воюет с первых дней войны.

Неправдоподобное хамство Григория своим начальникам и, даже, Августейшей особе.

Создается впечатление, что материал, посвященный войне, ну уж очень сильно сокращен. Действительно, ведь есть только небольшой период начала войны до ранения Григория, а также период (и того меньше) в конце 1916 г., где в основе рассуждения Бунчука о грядущих потрясениях. Кстати, Бунчук – явно притянутая за уши фигура, которой в “заготовке” не было. А.В. Венков также полагает, что он привнесен в текст А.С. Серафимовичем.

В общем то, в этой части говорить о каком-либо существенном значении “заготовки” на мой взгляд, не приходится. С точки зрения сюжета, все изменено до неузнаваемости. Из “заготовки” берутся только отдельные куски и фрагменты, которые потом используются в самых причудливых сочетаниях.

Итак, основной смысл данной части романа: сволочи офицеры и урядники, дедовщина, грязь, вонь, паскудство, никаких подвигов; война – только лишь предтеча революции. Ничего подобного, за исключением тягот службы, в “заготовке” быть не могло.

Революция.

Н-да, если все предыдущее (мирная жизнь и война), как говорится, были цветочки, то здесь вполне очевидные ягодки. С фонарем надо искать то, что могло быть в “заготовке”. Ну, разве что, метание казачества от белых к красным и обратно.

“Заготовка” (что могло там быть): неимоверные зверства красных; отряд В.М. Чернецова (героя и души Гражданской войны); бескорыстная деятельность и жертвенная смерть А.М. Каледина; апофеоз – Обще-Донское восстание, как символ любви к родине, борьбы с произволом и стремление к справедливой и новой жизни.

Получили в результате: никаких зверств красных, все расстрелы “по-делу”, да и вообще, их немного; работа трибуналов из уст Бунчука сравнивается с уважительным почтением для того, чтобы в дальнейшем расцвел прекрасный сад (неплохо, кстати, выглядит чистая любовь Бунчука и Анны в свободное от расстрелов время, особенно, в контрасте с развратом, творящимся в казачьей среде); В.М. Чернецов и А.М. Каледин – второстепенные никчемные фигуры (“опущены”, кстати, очень умело и аккуратно); начало Обще-Донского восстания – чистая случайность (из-за не очень дисциплинированного полка красных: напились, изнасиловали пару казачек и т.п.); во всей красе поднята фигура Ф.Г. Подтелкова, на фоне которой В.М. Чернецов и А.М. Каледин – статисты (о его зверствах, разумеется, ни слова); апофеозом является казнь подтелковцев, как символ вопиющей жестокости и бессовестности казачества, которая, впрочем, не может остановить поступательного процесса к светлому будущему (Ф.Г. Подтелков – невинная и бескорыстная жертва во имя этого самого будущего).

Для этой части, само-собой, материалов из заготовки берется еще меньше. Стоит, вероятно, еще раз показать технологию преобразования текста, тем более, что в этой части есть такой прекрасный пример.

Предлагается, с одной стороны статья М. Богаевского в ж. «Донская Волна», а затем, что получилось в романе.

«29 января 1918 года». [Митрофан Богаевский].

Это число в истории Дона останется навсегда. В этот день в 2 ½ дня кончил свои дни первый выборной атаман Войска Донского Алексей Максимович Каледин.

6 месяцев и 10 дней был я при нем в должности товарища Войска Донского Атамана и на свежую память теперь же считаю своим долгом рассказать, как все произошло.

Кроме заседаний. Я обычно виделся с А.М. два раза в день: утром приходил за распоряжениями и для осведомления, а вечером в 6 – 7 часов докладывал о ходе заседаний, работе и т. д. В экстренных случаях он вызывал меня из квартиры, а я знал, что случится что-нибудь недоброе. Так было и в это роковое утро.

Пасмурный день с ветром и холодным дождем нагонял тоску, сумрачно было в кабинете А.М., подавлен и уныл был он сам. Поздоровавшись, передал телеграммы, из которых было ясно, что дела наши совсем невеселы: почти все окружные станции в руках большевиков, частей нет, добровольческая армия собирается уйти с Дона, формирования дружин идут очень вяло.

А.М., познакомивши меня с положением дел, потребовал немедленно созвать Объединенное правительство. До прихода членов правительства мы стали намечать вопросы для обсуждения. А.М. сказал мне, что его план сводится к следующему: в виду полной невозможности, за отсутствием людей защищать Дон, - сложить свои полномочия и принять меры к тому, чтобы власть перешла в руки какой-либо общественной организации, которая могла бы вступить в переговоры с большевиками, охранить в городе порядок и не допустить до кровавых расправ.

Когда собрались члены правительства, А.М., стоя за своим письменным столом, прочитал телеграммы, кратко ознакомил с положением на «фронтах» и по области, а затем почти буквально сказал: “Положение наше безнадежное. Население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно. Сил у нас нет, и сопротивление бесполезно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития, предла-

гаю сложить свои полномочия и передать власть в другие руки. Свои полномочия Войскового Атамана я с себя слагаю”.

Затем он предложил без длинных речей наметить, что делать. Я в немногих словах дополнил сказанное А.М. о тяжести нашего положения и также сложил с себя полномочия, так как ни у А.М., ни у меня уже не было веры в то, что соберется Войсковой Круг: жизнь войска пришла в полное расстройство.

Никто из членов Объединенного Правительства не возражал против такой постановки вопроса и такого решения: в тот момент мы все были убеждены, что, имея за собой около 150 штыков, которые держали в своих руках, главным образом, дети – гимназисты, – сопротивляться – значит проливать много крови, вызывать жестокую расправу. А.М. и все мы считали невозможным оставаться у власти, которую население не признавало и относилось к ней враждебно.

Но мы, все-таки, обязаны были кому-то эту власть передать. Остановились на такой комбинации: временно ее возьмут: городская дума, Новочеркасское станичное правление и военный комитет; они могут по своему усмотрению, привлечь и другие организации. Были вызваны представители этих организаций и им было сказано решение Объединенного Правительства. После некоторых переговоров было решено, что эти организации в 4 ч. дня в гор. думе устроят совместное заседание для выработки дальнейшего плана действий. Когда обмен мнений по поводу организации новой власти несколько затянулся и принял неясные формы, А.М. настойчиво просил говорить короче и, выходя в другую комнату, с горечью бросил фразу, что от болтовни и Россия погибла.

Около половины 2-го закончилось заседание Объединенного Правительства, при чем постановление о передаче власти, рекомендованное А.П. Епифановым (бывший член Донского Объединенного Правительства от казачьего населения) и 2–3 раза прочитанное, никем подписано не было; произошло это без всякого умысла, второпях. Во время заседания А.М. был вызван по делу. Пользуясь его отсутствием В.В. Брыкин (Бывший эмигрант от неказачьего населения в Правительстве, доктор. Погиб от руки неизвестных убийц вскоре после смерти А.М. Каледина) сказал небольшую речь, в которой характеризовал А.М., как большую государственную величину и настаивал на необходимости спасения А.М. от самосуда большевиков. Члены правительства отнеслись к этой мысли весьма сочувственно. В это же время группа офицеров независимо от правительства принимала меры к осуществлению этой-же мысли.

После заседания Объединенного Правительства А.М. просил остаться Войсковое Правительство, членам его он дал некоторые поручения, касающиеся денег, находившихся в его распоряжении. Это были деньги, предоставленные разными, по большей части неизвестными лицами в безотчетное распоряжение А.М. на его усмотрение. Абсолютно никаких казенных и войсковых денег, конечно, у него на руках не было. Мне лично он передал пакет с несколькими десятками рублей, которые были найдены у него в кабинете на полу и велел их присоединить к благотворительным суммам.

Около половины 3-го стали расходиться члены Войскового Правительства. Во дворце становилось тихо и жутко. Я несколько раз хотел подойти к А.М. и попрощаться с ним, как с бывшим Атаманом, но каждый раз что-нибудь мешало. Я спустился вниз в свою квартиру, но уже через несколько минут был вызван криком войскового есаула Г.П. Янова: “М.П., Алексей Максимович застрелился” . . .

Я бросился вверх, пробежал через большой кабинет и вбежал в маленькую комнату рядом с ним, где обычно жил брат А.М. Посредине комнаты стояла деревянная небольшая кровать, а на ней лежало еще теплое тело Атамана Каледина . . .

Когда наверху никого не осталось, А.М. видимо, стал искать Марию Петровну, подошел к столу, где она вела деловой разговор с посетителем, глянул в дверь и быстрыми шагами прошел через зал и кабинет в комнату. Снял тужурку и шейный георги-

евский крест, лег на кровать и выстрелил в сердце из большого револьвера системы Кольта. Пуля обожгла белую рубашу, пронзила А.М. насквозь, прошла через тюфяк и матрац, расплющилась о железную решетку кровати и была мною найдена на полу (передана в музей). Выстрела, благодаря коврам на полу, слышно не было, но в комнату очень скоро вошли Мария Петровна и денщик А.М.

Крик М.П. заставил чуть живого А.М. повернуть голову и слегка приоткрыть глаза. Но уже не было в них жизни. На кровати уже лежал труп Атамана. В белой рубашке, в подтяжках, в казачьих брюках с лампасами и высоких со шпорами сапогах лежал он, закинувши голову на подушке и со скрещенными на груди руками. И никто ему их не складывал, а сам он, очевидно, выстрелив, имел силы так сложить их, вытянуть ноги и выпрямиться во весь рост. Лицо было совершенно спокойно, смерть наступила быстро и не терзала его так, как 6 месяцев делали это с ним русские люди, а особенно донские братья – казаки . . .

На кровати рядом лежал большой револьвер: он помог Атаману не дожидаться зверской расправы большевиков над собой. Уже не верил Атаман своему великому войску Донскому, не верил, что донские казаки не выдадут его на расправу лютым палачам, не захотел допустить позора выдачи и поругания, ибо «с чистым именем он пришел, а с проклятиями должен был уйти».

Я пришел в гостиную, окна которой выходят на восток: из них видны займище, задонские станицы и степи. Плакал хмурый холодный день, а над Доном вал за валом медленно ползли свинцовые синечерные тучи, и не летние грозы с теплым дождем они несли: зловещие – жуткие тянулись они над Доном и сулили ему горе, смерть и разорение . . .

А эхо страшного выстрела уже гулко отдавалось по всему Дону и донским степям и рекам, и ликовал враг, и торжествовала буйная казачья молодежь, и лишь старые казачьи сердца чутко прислушивались к этому эху и недоброе почуяли они: донские казаки сами загубили своего лучшего рыцаря – казака, первого выборного Атамана. Протяжно гудит старый соборный колокол: еще недавно звал он на вольный круг, а теперь, говорят, звонит он по душе Атамана, Алексея Каледина, говорят и другое: что звонит колокол похоронный звон по донскому вольному казачеству.

«А по-над Доном в час ночной тихо реют тени прежних атаманов, Славный частью боевой».

В ночь с 29-го на 30-е прибавилась еще одна тень, и алая кровь сочится у нас из сердца. Это тень атамана – мученика Алексея Каледина . . .

* * *

В [т. 2, ч. 5, гл. XV] описана смерть А.М. Каледина. Отрывок, посвященный данной теме, достаточно интересно сравнить с вышеприведенной статьей М. Богаевского, которая послужила исходным текстом. Ниже приводится этот отрывок из романа полностью. Написано, как-бы, изложение на данную тему - какие-то части исходного текста переставлены местами. Мною подчеркнуты вставки (достаточно характерные), которые автор добавил от себя.

“29-го, в девять часов утра, в атаманском дворце было созвано экстренное совещание членов донского правительства. Каледин пришел из своей квартиры позже всех. Он тяжело присел к столу, подвинул к себе бумаги. Верхушки щек его пожелтели от бессонницы, под выцветшими угрюмыми глазами лежали синие тени; словно тлен тронул и изжелтил его потухшее лицо. Медленно прочитал он телеграмму Корнилова, сводки от командиров частей, противостоявших на севере от Новочеркаска натиску красногвардейцев. Тщательно утюжа кипу телеграмм широкой белой ладонью, не поднимая опухших, затененных синью век, глухо сказал:

- Добровольческая армия уходит. Для защиты области и Новочеркаска осталось сто сорок семь штыков...

Живчик подергал у него веко левого глаза, судорога наплыла от угла сжатых губ; повысив голос, он продолжал:

- Положение наше безнадежно. Население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно. Сил у нас нет, и сопротивление бесполезно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития. Предлагаю сложить свои полномочия и передать власть в другие руки. Свои полномочия войскового атамана я с себя слагаю

Митрофан Богаевский, глядевший в широкий пролет окна, поправил пенсне, - не поворачивая головы, сказал: - Я тоже слагаю с себя свои полномочия.

- Правительство в целом, разумеется, тоже слагает полномочия. Встает вопрос – кому же мы передадим власть? - Городской думе, - сухо ответил Каледин.

- Надо это оформить, - нерешительно заметил член правительства Карев.

Минуту тяжело и неловко молчали. Матовый свет январского пасмурного утра томился за спотевшими окнами. Город, завуалированный туманом и инеем, дремно молчал. Слух не прощупывал обычного пульса жизни. Орудийный гул (отголоски боев, шедших где-то под станицей Сулин) мертвил движение, висел над городом глухой невысказанной угрозой.

За окнами сухо и четко кричали перелетавшие вороны. Они кружились над белой колокольней, как над падалью. На Соборной площади лиловый и свежий лежал снег. По нему редкий проходил пешеход да изредка проезжали извозчицы сани, оставляя за собой темные нити проследка

Наломав стильную тишину, Богаевский предложил составить акт о передаче власти городской думе. - Надо бы совместно с ними собраться для передачи.

- В какое время удобнее всего? - Позднее, часа в четыре.

Члены правительства, словно обрадовавшись, что склепанная молчанием тишина распалась, начали обсуждать вопрос о передаче власти, о времени собрания. Каледин молчал, тихо и размеренно постукивал по столу выпуклыми ногтями. Под обвисшими бровями тускло, слюдяным блеском туманились глаза. Безмерная усталость, отвращение, надрыв делали его лицо отталкивающим и тяжелым.

Один из членов правительства, возражая кому-то, говорил нудно и долго. Каледин прервал его с тихим озлоблением: - Господа, короче говорите! Время не ждет. Ведь от болтовни Россия погибла. Объявляю перерыв на полчаса. Обсудите и... потом поскорее надо кончить это.

Он ушел в свою квартиру. Члены правительства, разбившись на кучки, тихо разговаривали. Кто-то сказал о том, что Каледин плохо выглядит. Богаевский стоял у окна, до слуха его дошла фраза, произнесенная полупрошептом:

- Для такого человека, как Алексей Магавимович, самоубийство – единственный приемлемый выход.

Богаевский вздрогнул, быстрыми шагами направился в квартиру Каледина. Вскоре он вернулся в сопровождении атамана.

Решено было собраться в четыре часа совместно с городской думой для передачи ей власти и акта. Каледин встал, за ним поднялись остальные. Прощаясь с одним из матерых членов правительства, Каледин следил глазами за Яновым, о чем-то шептавшимся с Каревым. - В чем дело? – спросил он.

Янов подошел немного смущенный. - Члены правительства –неказачья часть – просят о выдаче им денег на проезд.

Каледин сморщился, кинул жестко. – Денег у меня нет... Надоело!

Стали расходиться. Богаевский, слышавший этот разговор, отозвал Янова в сторону. – Поедьте ко мне. Скажите Светозарову, чтобы он подождал в вестибюле. Они вышли следом за быстро шагавшим ссутулившимся Калединым. У себя в комнате Богаевский вручил Янову пачку денег.

- Здесь четырнадцать тысяч. Передайте им.

Светозаров, ожидавший Янова в вестибюле, принял деньги, поблагодарил и, распрощавшись, направился к выходу. Янов, принимая из рук швейцара шинель, услышал шум на лестнице, оглянулся. По лестнице прыжками спускался адъютант Каледина – Молдавский. - Доктора! Скорее!!

Швырнув шинель, Янов кинулся к нему. Дежурный адъютант и ординарцы, топившиеся в вестибюле, окружили сбежавшего вниз Молдавского.

- В чем дело?! – крикнул, бледнея, Янов.

- Алексей Максимович застрелился! – Молдавский зарыдал, грудью упал на перила лестницы.

Выбежал Богаевский; губы его дрожали, как от страшного холода, - он заикался: - Что? Что?

По лестнице, толпой, опережая друг друга, бросились вверх. Гулко и дробно звучали шаги бежавших. Богаевский, хлебая раскрытым ртом воздух, хрипло дышал. Он первым с громом откинул дверь, через переднюю пробежал в кабинет. Дверь из кабинета в маленькую комнату была широко распахнута. Оттуда полз и курился прогорклый сизый дымок, запах сожженного пороха.

- Ох! ох! А-а-а-ха-ха!.. Але-о-оша!.. Родно-о-о-ой... - слышался неузнаваемо-страшный, раздавленный голос жены Каледина.

Богаевский, как при удушье, разрывая на себе ворот сорочки, вбежал туда. У окна, вцепившись в тусклую золоченую ручку, горбился Карев. На спине его под шуртукон судорожно сходились и расходились лопатки, он крупно, редко дрожал. Глухое, воющезвервиное рыдание взрослого чуть не выбило из-под ног Богаевского почву.

На походной офицерской койке, сложив на груди руки, вытянувшись, лежал на спине Каледин. Голова его была слегка повернута набок, к стене; белая наволочка подушки оттеняла синеватый влажный лоб и прижатую к ней щеку. Глаза сонно полузакрыты, углы сурового рта страдальчески искривлены. У ног его билась упавшая на колени жена. Низкий одичавший голос ее был режущо остр. На койке лежал кольт. Мимо него извилисто стекала по сорочке тонкая и веселая чернорудная струйка.

Возле койки на спине стула аккуратно повешен френч, на столике – часы-браслет. . .”

Интересно также то, что было исключено из начального текста М. Богаевского:

“Во время заседания А.М. был вызван по делу. Пользуясь его отсутствием В.В.Брыкин (Бывший эмиссар от неказачьего населения в Правительстве, доктор. Погиб от руки неизвестных убийц вскоре после смерти А.М. Каледина) сказал небольшую речь, в которой характеризовал А.М., как большую государственную величину и настаивал на необходимости спасения А.М. от самосуда большевиков. Члены правительства отнеслись к этой мысли весьма сочувственно. В это же время группа офицеров независимо от правительства принимала меры к осуществлению этой-же мысли”.

“ . . . Лицо было совершенно спокойно, смерть наступила быстро и не терзала его так, как 6 месяцев делали это с ним русские люди, а особенно донские братья – казаки . . .”

На кровати рядом лежал большой револьвер: он помог Атаману не дожидаться зверской расправы большевиков над собой. Уже не верил Атаман своему великому войску Донскому, не верил что донские казаки не выдадут его на расправу лютому палачам, не захотел допустить позора выдачи и поругания, ибо «с чистым именем он пришел, а с проклятиями должен был уйти»”.

Работы 1927 – 1929 гг.

Рассмотрим, что же издал в этот период А.С. Серафимович, выпускавший так много работ в предыдущие годы.

Очерк **«Корреспондент “Правды”»**, впервые напечатан в «Правде». 1927, 6 мая. № 100, с. 6. Здесь с изменениями и поправками, которые были, вероятно, при включении в сборник «Военные рассказы», изд. «Советский писатель», 1936, с. 379 – 382, еще двух однотомников 1934 и 1939 гг.

О там, как в 1918 г. простые рабочие, только узнав, корреспондентом какой газеты был писатель, тотчас во всем ему помогали. О том, что лучшим подарком фронтовику был свежий номер газеты «Правда».

Писатель написал то, что видел на фронте.

“В редакцию «Правды» прилетела громадная телеграмма, где на все корки поносился корреспондент «Правды», - телеграмма за подписью командующего армией и политотдельца.

Враг народа. Фашистский агент – Троцкий заявил тогда Марии Ильиничне (Ульяновой), что придется отдать корреспондента «Правды» под суд за дискредитацию армии.

Через два года тот же предатель Троцкий написал в «Правде» лживую статью о том, что армии нужна истина. Не фарисей ли?.. Читая эту статью, я уже тогда установил ложь и фальшивость изменника Троцкого.

Эта фальшивость подчеркивалась еще больше письмом, помещенным в «Правде» и подписанным командным и политическим составом целой бригады, о том, что корреспонденции верно рисуют события, достоинства и недостатки боевой жизни на фронте.

Шуба-шубой поднялась и подарочная комиссия, и тоже письмо в редакцию, - обидели и её. В конце концов всё утихломирло.

Так «Правда» пробила дорогу для верного освещения жизни армии и всей страны”.

Очерк **«Будущее – наше»**, впервые напечатан в однодневной газете «Против угрозы войны», 1927, 20 июня. Он настолько интересен, что приводится полностью:

‘Из-за воротников смокингов, облегающих тело, выбегают ослепительные воротники тончайшего белья. На холеном брезгливом лице глаз презрительно блестит ловко прихваченным моноклем. Ни морщины, ни складочки. Точно выутюженный. И остро выбегают носки изумительно скроенных ботинок, ибо отделяют от всего мира.

Хранители «величайшей цивилизации и культуры...»

И дворцы, и чудесные парки, и возможность переноситься по всей громадине земного шара со сказочной быстротой, и все поразительные творения искусств и наук – для них и с ними, и, ибо – хранители величайшего, что есть у человечества: «цивилизации и культуры».

И власть, чудовищная власть над всем остальным человечеством – во имя охранения «цивилизации и культуры».

А против, заливая фабрики, заводы, шахты, деревни, фермы, поля, леса – миллионы людей, с вьезшимися трудовыми мозолями, в пропотелой изодранной одежде, в корявой обуви или босью, ибо это – «враги цивилизации и культуры».

И невиданная, несказанная сеть оплела громаду этих миллионов. Беспощадные бичи надсмотрщиков, черные дыры тюрем. Бесконечно уходящие виселицы и стены, заляпанные кровью и мозгами расстрелянных. И тонкая тенета колдунов, махающих приторным дымом кадил.

И ещё тоньше тенета забываемого обмана предавших, в лучшем случае из трусости и социальной слепоты, в худшем – из-за огрызка сладкого пирога, падающего со стола джентльмена.

Так предстали друг перед другом «хранители» и «разрушители» «цивилизации и культуры».

Но свершили века круг свой.

И пришел к вам ужас – к вам, хранителям и охранителям «цивилизации и культуры», - ужас !

Нет, не потому, что ослабла материальная сила руки вашей, - ещё гуше уходит вдалеке виселица, еще бесчисленнее чернеют казематы тюрем ваших, ещё больше изжелта кровавеют заляпанные мозгами стены. Нет ! А потому, что слабеет сила лжи вашей.

Слабеет сила лжи вашей !

Но разве разучились вы лгать ? Разве погнулась ваша изворотливость ?

Нет, вы также лживы, вы так же подлы, вы такие же мошенники и даже больше, ибо распоясались перед всем честным миром, ибо уже нет предела цинизму вашему – голые. Но слабеет сила лжи вашей.

Слабеет с каждым ударом кирки в огненной стране, слабеет с каждым ликвидированным неграмотным, с каждой возведенной фабрикой, с Волховстроем, с Волго-Донским каналом (кто его строил ?, С.К.), с невиданным построением социалистической страны. Слабеет ложь ваша, ибо это ф а к т ы, - и правда льется в мозг ваших трудящихся.

Нет, не помогут ваши вопли ! Пролетариат трудовой страны в страстной работе созидания порой натывается на препятствия, на предательство. Не хрипите же злорадно-упоёнными голосами стержнятников, - рабочие ряды непобедимы, никому не сломить их ! Тает сила лжи вашей.

И ещё непотухающий ужас ваш: несмыкающимися глазами неотрывно следите вы за процессом революционного претворения, неодолимого, как закон природы. Люди научной мысли, люди художественного творчества вошли в ряды строящихся и несказанно оплодотворили труд и силу сопротивления вам. Нет, не войте, - это искренно, ибо вошли не сразу, были колебания, было у некоторых внутреннее сопротивление, но изжили и вошли. Искренно. И творческая работа их наполняет страну, наполняет, переплещивает в ваши страны.

Что же вам осталось ? Вы обнаготились до конца, вам нечего сбрасывать с себя – все !

Что же ? Одно: только напролом.

Смотрите ! Рабочий, трудовой крестьянин в страстном напряжении бьет молотом, режет серпом, мучительно отгоняя от себя мысль о кровавой борьбе, и... и, сумрачно поглядывая на вас, берет другой рукой винтовку: если борьба – не на жизнь, а на смерть.

Нет, у обреченного судьба отнимает последний кусочек логики простого расчета самосохранения”.

Рассказ «Девушка гор», рассказ впервые напечатан в ж. «Экран», 1927, 10 июля, № 28. с. 4 – 5.

О том, как 16-ти-летняя красавица из забытого Богом аула вступила в комсомол наперекор семье.

Рассказ «**Два брата**», рассказ впервые напечатан в «Красной Звезде», 1928, 23 февраля. № 46, с. 3.

О том, как ротный командир по-товарищески успокаивал простого красноармейца, получившего плохие вести из дому.

Рассказ неплохо смотрится в контрасте с описанием дедовщины в «Тихом Доне».

* * *

Выбраны все работы данного периода из 10-ти-томного собрания сочинений [М.: Художественная литература, 1948].

Да, несколько рассказов, только и всего. Ну, можно к этому добавить еще несколько работ из рубрики «Литературные заметки». Но это также не меняет общей картины.

Оценка вклада.

Ну и как же оценить вклад А.С. Серафимовича в данный проект ? Для этого рассмотрим такие понятия, как: ученики, помощники, литературные «негры».

Начнем снова с примеров в изобразительном искусстве. Возьмем знаменитого мариниста И.К. Айвазовского, написавшего огромное количество замечательных картин. Может быть всю работу по созданию произведений он проводил сам ? Подготовка холста, грунтовка, нанесение первых слоёв ? Понятно, что это дело рук учеников и помощников. Последние слои, которые и делают картину шедевром, это понятно – работа мэтра. И, несмотря на то, что художник уделял созданию картины куда меньше времени, чем то, что занимает предварительная работа, которая полностью лежит на помощниках, он ставит на холсте свою фамилию. Помощники и ученики получают какое-то материальное вознаграждение, а к авторству не имеют абсолютно никакого отношения.

Примерно такая же ситуация и в литературе. «Негры» были, есть и будут. Приведем уже всем надоевший пример Александра Дюма – отца, который благодаря наличию этих самых «негров» устроил чуть ли не конвейерное производство литературных произведений. Никто не считал – сколько он выпустил томов ? И разве его в чьенибудь обвиняют ?

Перейдем к современным авторам, например, детективов. Не удивляет разве производительность труда некоторых из них ? Да, первые произведения, как правило, полностью пишутся самостоятельно. Потом, когда у писателя уже есть «имя», на которое благожелательно реагируют издательства, к его работе начинают подключаться помощники. Кто-то намечает интересные сюжеты (а все остальное он делать не умеет). Кто-то качественно создает образы отдельных лиц. Писатель же создает цельное произведение, используя предлагаемые заготовки. Помощники же получают от него деньги за работу. Ничего, кстати, особенно плохого я в этом не вижу.

1) Ряд помощников не в состоянии создавать целое законченное произведение. Они выполняют только какую-то определенную работу. И, таким образом, кроме роли именно помощника, ни на что претендовать и не могут.

2) Другие пишут произведения целиком, но не могут добиться их опубликования. Пробриться начинающему автору, разумеется, сложно. Проще продать свою работу известному автору в качестве заготовки. Некоторые так и рассуждают «лучше синица в руках, чем журавль в небе». Кстати, по деньгам, это может быть и не хуже (а на самом деле – значительно лучше), чем самостоятельное издание. Оплата определяется только одним фактором – тиражом. Самостоятельное первое произведение,

конечно, будут издавать очень небольшим тиражом (не будем забывать – сколько, при этом, еще нужно побегать). Очередное произведение раскрытого автора имеет тираж, в разы превосходящий первоначальный, и никакой беготни от “негра”, при этом не требуется. При этом “мэтр” может заплатить помощнику больше, чем он бы получил при самостоятельных мытарствах по редакциям.

Правда, бывает и такое, когда писатель издает заготовку от своего имени, не внося особенных изменений. Известны случаи, когда при этом “негры” сильно возмущались и даже выступали в печати. Это также, на мой взгляд, не обоснованно. Имя автора (даже если текст и не изменялся) – очень важная составляющая произведения. А если не нравится, то не надо идти на такое соглашения. Ведь никого не заставляют. Как правило, помощники сами пытаются “наняться на работу”.

А что в этом плане наблюдалось в 20-х годах XX века ?

Возьмем собрание сочинений И.Ильфа и Е. Петрова (Илья Ильф – псевдоним Ильи Арнольдовича Файнзильберга; Евгений Петров – псевдоним Евгения Петровича Катаева). Ниже приводятся выдержки из статьи Е. Петрова «Из воспоминаний об Ильфе» [т. 5, с. 509 - 513]:

“Как случилось, что мы с Ильфом стали писать вдвоем ? . . . у нас был еще один мэтр, так сказать, профессиональный мэтр. Это был мой брат Валентин Катаев. Он в то время тоже работал в «Гудке» в качестве фельетониста и подписывался псевдонимом Старик Собакин. И в этом качестве он часто появлялся в комнате четвертой полосы.

Однажды он вошел туда со словами:

- Я хочу стать советским Дюма – отцом.

Это высокомерное заявление не вызвало в отделе особого энтузиазма. И не только с такими заявлениями входили люди в комнату четвертой полосы.

- Почему же это, Валюн, вы вдруг захотели стать Дюма – пером ? – спросил Ильф.

- Потому, Илюша, что уже давно пора открыть мастерскую советского романа, - ответил Старик Собакин, - я буду Дюма – отцом, а вы будете моими неграми. Я буду давать вам темы, вы будете писать романы, а я их потом буду править. Пройдусь раза два по вашим рукописям рукою мастера – и готово. Как Дюма – пер. Ну ? Кто желает ? Только помните, я собираюсь держать вас в черном теле. Мы еще немного пошутили на тему о том, как Старик Собакин будет Дюма – отцом, а мы его неграми. Потом заговорили серьезно.

- Есть отличная тема, - сказал Катаев, - стулья. Представьте себе, в одном из стульев запряжаны деньги. Их надо найти. Чем не авантурный роман ? Есть еще темки . . . А ? Соглашайтесь. Серьезно. Один роман пусть пишет Илья, а другой Женя.

...

- Ну что, будем писать ? – спросил я.

- Что ж, можно попробовать – ответил Ильф.

(Решили писать вместе).

...

Мы составили черновой план романа в один вечер и на другой день показали его Катаеву. Дюма – отец план одобрил, сказал, что уезжает на юг, и потребовал, чтобы к его возвращению, через месяц, была бы готова первая часть.

- А уж тогда я пройду рукою мастера, - пообещал он.

Мы заняли.

- Валюн, пройдитесь рукою мастера сейчас, - сказал Ильф, - вот по этому плану.

- Нечего, нечего, вы негры и должны трудиться.

И он уехал. А мы остались. Это было в августе или сентябре 1927 года.

...

Мы торжественно понесли рукопись Дюма – отцу, который к тому времени уже вернулся. Мы никак не могли себе представить – хорошо мы написали или плохо. Если бы Дюма – отец, он же Старик Собакин, он же Валентин Катаев, сказал нам, что мы принесли галиматья, мы нисколько не удивились бы. Мы готовились к самому худшему. Но он прочел рукопись, все семь листов прочел при нас и очень серьезно сказал: - Вы знаете, мне понравилось то, что вы написали. По-моему, вы совершенно сложились писатели.

- А как же рука мастера ? – спросил Ильф.

- Не прибедняйтесь, Илюша. Обойдетесь и без Дюма – пера. Продолжайте писать сами. Я думаю, книга будет иметь успех.

Мы продолжили писать . . . "

Итак, во-первых, это не просто абстрактное – "то время", а даже именно тот самый 1927-й год (действительно, впечатляющее совпадение).

Во-вторых, В. Катаев предлагает громко, всему отделу идти к нему в литературные "негры". Никаких шушуканей, намеков и подмигиваний. Все – прямо и в открытую. При этом, заметим, никаких возмущений по поводу такого рода предложения не наблюдается и в помине.

В-третьих, два человека воспринимают подобного рода предложение, как должное и принимают (!) его.

В-четвертых, хороша фраза "*пройдуь раз два . . . рукою мастера*". Т.е., писатель вовсе не скрывает: я буду работать совсем чуть-чуть, после чего произведение будет печататься под моим авторством.

Немного отвлечемся. Выше сделано предположение, что А.С. Серафимович, в процессе работы над «Тихим Доном» не предполагал – какого именно уровня произведения он создает, да и вообще, очень трудно делать какие-либо предположения на эту тему.

Приведенный отрывок Е. Петрова, помимо выделенных четырех положений, ещё подтверждает и эту мысль. Авторы «12 стульев» (мне, кстати, это произведение значительно больше нравится, чем «Золотой теленок») совершенно не представляли – что же именно они сотворили.

Возвращаемся на "плантации Алабамы". Я имею в виду –к "неграм". Характеризовать это можно только как совершенно нормальное явление. Что-то вроде одного из вариантов технологии создания литературного произведения.

Как же, на основании вышесказанного, оценивать вклад А.С. Серафимовича в создание первых двух томов «Тихого Дона» ?

Разве наблюдается здесь вариант – "прошелся пару раз" ? А ведь наличие только этого, как уверяют, достаточно для авторства !

1) Серьезнейшим образом переработан сюжет. С точки зрения сюжетной линии: раздел "революция" –весь его (А.С. Серафимовича); раздел "война" –почти весь; в раздел "мирная жизнь" внесены принципиальные поправки, неимоверно меняющие ход событий.

2) Внесено огромное количество "наворотов", которые и явились предпосылкой для такого повышенного интереса со стороны массового читателя.

А, кстати, что здесь удивительного ? Почему так популярно всякого рода читиво, насыщенное убийствами и изнасилованиями ? Вспоминаются 80-е годы с дефицитом на всё, включая, разумеется, и книги. Помнится, было два вида собрания сочинений А.И. Куприна: с «Ямой» и без «Ямы». Второй вариант считался не просто недостаточным, а, скорее, кастрированным и, вообще, неинтересным. Как же – нет романа по публичный дом.

3) Да и к тому же чувствуется рука мастера. Но это не “во-первых” (как показывает А.В. Венков), а, скорее, “в-последних”.

Таким образом, полагаю, что правомерно утверждать – данное произведение целиком и полностью принадлежит А.С. Серафимовичу и даже нет никаких предположений упоминать кого-либо ещё.

Ну, как говорится, для очистки совести, еще раз о том – имеет ли самостоятельную ценность “заготовка” ?

Во-первых, роман становится романом не когда он написан, а когда он опубликован. Никаких вариантов опубликования “заготовки” в том виде, каковой она представляется, в Советской России не было. Просто немислимо. Даже в итоговом варианте – стопроцентно красном умудрялись (и умудряются) находить какую-то белую основу. Что же, в таком случае, говорить о такой антисоветчине, каковой представляется “заготовка” ?

Во-вторых, отсутствие “наворотов” многократно снижает интерес к произведению. Интересуется ли массовый читатель, скажем, произведениями Ф.Д. Крюкова ? Прекрасный писатель, но . . . “наворотов” то нету, скудно.

В-третьих, в “заготовку” привнесен слог большого мастера. Выходит, что и это нужно убирать. Что же останется ?

В-четвертых, “заготовка”, скорее всего, была именно заготовкой, а не готовым к опубликованию произведением. То есть, требовала, по меньшей мере, значительных доработок, а, возможно, и очень больших переделок.

В-пятых, если бы это и было готовое произведение (что маловероятно) и даже его бы издали за границей, то это был бы ну уж очень небольшой тираж. Его могли и не заметить.

В общем, по любым меркам, рассматривать “заготовку”, как нечто, имеющее самостоятельную ценность, нет никаких оснований. Да, были какие-то люди, собиравшие материалы (преимущественно, вырезки из газетных статей); были попытки первичного наброска сюжета (но ведь от него столь далеко отошли).

Ну и что ? Как подобного рода действия могут трактоваться в качестве существенного вклада в произведение, да еще и с претензией на соавторство ?

Это типичная работа литературного “негра”, которая не предполагает никаких упоминаний о тех, кто эту работу проделал. Более того, откровенно халтурная (!!) работа, большая часть которой – компановка статей и выдержек из произведений различных авторов.

Таким образом, И.Д. Филиппов, если его А.В. Венков считает автором сюжета и, как бы, предшественником А.С. Серафимовича, является не просто “негром”, а еще и халтурщиком. Упоминание же Ф.Д. Крюкова, В.В. Пузанова, В.В. Попова и др., всех тех, из произведений которых надерганы куски, – необоснованно еще в большей мере.

Ну и еще раз о любителях версии авторства Ф.Д. Крюкова. Можно, конечно, до бесконечности развивать теории об обворовывании безответных белых офицеров. Но как молодой человек мог решиться потрошить маститого Советского писателя ? Да еще и с последующим опубликованием своего романа в его журнале ? И как все это связать с этими версиями ?

Результаты работы.

Результаты издания 1-го и 2-го томов «Тихого Дона» потрясают, прежде всего, беспрецедентной скоростью:

- 1) признания романа в качестве шедевра;
- 2) появления претензий к автору.

* * *

Итак, по первому вопросу, опираясь на книгу В.В. Петелина.

Отзыв А.В. Луначарского: "Бриллиант".

"... Огромный успех романа определился сразу. Не только Серафимович, Луначарский, но и Горький, живущий в Италии. В Сорренто, считает, что Шолохов, «судя по первому тому, талантлив. Очень, анафемски талантлива Русь». В издательстве «Московский рабочий» также многие сотрудники высоко оценили качество «Тихого Дона»..." [П, с. 177].

"К осени 1928 года определился успех романа, и сотрудники «Московского рабочего» решили издать роман массовым тиражом – издать в «Роман-газете». Выпустили одну книжку, в которую вошли первая и вторая части романа, а третью часть задерживали..."

В 1928 году вышли в «Роман-газете» четыре части романа, планировалось выпустить в свет и пятую часть, завершающую две книги романа. Но что-то помешало. Пятая часть романа в «Роман-газете» вышла в свет под названием «Кровь под копытом» в начале 1929 года" [П, с. 191].

"Успех, ошеломляющий успех... Заинтересовались романом и за границей. Немцы заключили договор на перевод и издание «Тихого Дона» на немецком языке. Кинорежиссеры Правов и Рождественская заключили договор на съемки фильма по роману и приступили к работе. Восторженные отзывы критиков и читателей так и сыпались со страниц газет, журналов, на читательских конференциях..." [П, с. 230].

И так далее, в том же духе.

* * *

Значительно интереснее описание шолоховедом претензий, появившихся у писателей к молодому и гениальному М.А. Шолохову.

"В писательских кругах воцарилась какая-то непередаваемая грусть, многие почувствовали, что в мир пришел настоящий русский гений, успех которого ни с чем не сравним, и действительно многие из них почувствовали, как начали гаснуть прежде незыблемые авторитеты. Многие из различных писательских кругов сразу как-то поблекли. Пильняк... Зощенко... Эренбург... Особенно погрузнели солидные писатели, создавшие себе прочную репутацию неустанным литературным трудом, писавшие и с успехом издающие свои сочинения в течение последних пятнадцати – двадцати лет. И прежде всего в их кругах возникла неистребимая в этом мире зависть к молодому писателю, которого называют новым гением, выдающимся талантом, сравнимым только со Львом Толстым, ничуть не меньше. Как так? Мы столько лет потратили на свои сочинения, столько лет неустанно работали, а он явился, можно сказать, неоткуда, из какой-то глухомани, из станицы Вешенской, и сразу завоевал такие симпатии, столь высокие оценки своего чуть-ли не первого труда. Такое трудно было безропотно пережить. А этот новый гений изредка появлялся на заседаниях редколлегии жур-

нала «Октябрь», в Доме Герцена с шумной компанией таких же молодых и бесцеремонных, как и Шолохов, все они шумно смеялись, громко разговаривали, беззастенчиво жестикуют, все они, в том числе и Шолохов, вели себя так, как будто ничего особенного и не произошло, хвалят, ну и пусть, дескать, хвалят, нам от этого ни холодно, ни жарко...

Да он ли написал роман-то ? Такой роман под силу опытному и очень образованному писателю. А у этого – неоконченная гимназия до двадцать три года от роду. То есть ни образования, ни опыта, ни житейского, ни литературного”. [П, с. 230 - 231].

Далее подробно, как свои сомнения в разговоре с Е.Г. Левицкой высказал писатель Ф.А. Березовский.

“... Да я редактировал некоторые из рассказов Михаила Шолохова. Выходившие в массовой библиотечке Госиздата, где я сотрудничаю. Пытался помочь ему, давал советы и по-дружески правил его. Но вы не можете себе представить, с каким гонимом он отвергал мои предложения, настаивал на своем, чисто провинциальном решении. Вот что меня удивило, ему хочешь помочь, все-таки уже больше двадцати лет я пишу, считаюсь «маститым», а он только начал мараить бумагу, и вот... Строптивый, самоуверенный, два года тому назад писал «средненькие» рассказы, а сейчас, через два года, он мог написать такой роман, действительно ошеломляющий своей свежестью и новизной событий и характеров... Трудно поверить... Я старый писатель, пишу много лет, написал несколько романов, десятки рассказов и повестей, но такой книги, как «Тихий Дон», все еще не написал. Разве можно поверить, что в двадцать три года, не имея никакого образования, человек мог написать такую глубокую, такую психологически правдивую книгу... Нет, тут что-то неладно ! Не может быть, чтобы такой занозистый паренек мог написать «Тихий Дон»” [П, с. 233].

Далее рассуждения Е.Г. Левицкой о завистниках.

“Феоктист Березовский ушел, а Евгения Григорьевна долго еще размышляла о сложности человеческих отношений. Бессмертный Пушкин с его гениальной пьесой «Моцарт и Сальери»... Вроде бы все изменилось, другие люди, другая страна, другие нравы и обычаи, а человеческая зависть разьедает многих при виде гения. Который так легко и просто входит в жизнь, в литературу, в бессмертие...” [П, с. 234].

“Шолохов, сдав рукопись шестой части романа в «Октябрь» в ноябре 1928 года, уехал в Вешенскую работать над продолжением. А в Москве зашелестел «слухок», что «Тихий Дон» писал какой-то белый офицер, а Шолохов нашел его рукопись и выдал за свою... Ещё и в ноябре, когда он был в Москве, ему передавали, что ходит по Москве такой слух, рассказывали даже о том, что якобы где-то в Москве появилась «старушка», мать белого офицера, которая рвется в «Правду» и в ЦК партии большевиков, чтобы доказать, что «Тихий Дон» написал её сын, и показать рукопись «Тихого Дона». Но Шолохов в то время отмахнулся, уж очень нелепа и глупа была эта версия. Он-то знал, что рукопись у него, написана его почерком...” [П, с. 234 - 235].

“А между тем слух зашелестел сначала тихо, незаметно, но капля за каплей набирался в еле-еле видный ручеек...” [П, с. 235].

Далее подробно о писателях, которые распространяли эти слухи: Ф. Березовский, Ф. Гладков, Г. Никифоров, А. Малышкин, Г. Санников. О том, что эти писатели, сами по себе, ничего не представляли, и о том, насколько завистливы они были.

“Сначала разговоры о Шолохове велись как бы между собой, тихо, незаметно, на кухнях, в застолях. И как бы между прочим установилось, что каждый рассказывает другому уже как бы и не слух, ложный, фальшивый, пусный, а факт. Как дело доказанное неопровержимыми фактами жизни, в разговорах уже упоминалась «ста-

рушка», мать белого офицера, у которого Шолохов якобы украл, снял с убитого, тут уж все зависело от фантазии каждого, упоминалась не как мифическое, выдуманное большим воображением и завистью, а как реальное лицо, по каким-то таинственным обстоятельствам никак не обнаруживающее себя и не передающее подлинную рукопись в редакцию «Октябрь» и в ЦК партии большевиков...» [П, с. 236].

Вероятно В.В. Петелин очень любит арию из «Сивильского цирюльника» - «Что такое клевета». Здесь представлен вольный перевод.

«Шолохов привез продолжение шестой части для следующих номеров «Октября», но в редакции отнесли к этому холодно, слухи сделали свое грязное дело... Да и к тому же и благодетель Шолохова Александр Серафимович решил уйти из журнала на творческую работу, слишком много времени отнимали редакционные дела, а так хотелось что-то новенькое написать. Кто придет на смену Серафимовичу, авторитетному писателю, в литературных и партийных кругах ? ...» [П, с. 239]

В «Рабочей газете» 24 марта 1929 г. опубликовано письмо Серафимовича, Авербаха, Киршона, Фадеева и Ставского в защиту Шолохова. Газета «Правда» по указанию Сталина перепечатала 29 марта 1929 г. это письмо:

«В связи с тем заслуженным успехом, который получил роман пролетарского писателя Шолохова «Тихий Дон», врагами пролетарской литературы распространяется злостная клевета о том, что роман Шолохова является якобы плагиатом с чужой рукописи, что материалы об этом имеются якобы в ЦК ВКП(б) или в прокуратуре (называются также редакции газет и журналов).

Мелкая клевета эта сама по себе не нуждается в опровержении. Всякий, даже неискушенный в литературе читатель, знающий изданные ранее произведения Шолохова, может без труда заметить общие для тех его ранних произведений и для «Тихого Дона» стилистические особенности, манеру письма, подход к изображению людей.

Пролетарские писатели, работавшие не один год с т. Шолоховым, знают весь его творческий путь, его работу в течение нескольких лет над «Тихим Доном». Материалы, которые он собирал и изучал, работая над романом, черновики его рукописей.

Никаких материалов, порочащих работу т. Шолохова, нет и не может быть в указанных выше учреждениях, их не может быть и ни в каких других учреждениях, потому что материалов таких не существует в природе.

Однако мы считаем необходимым выступить с настоящим письмом, поскольку сплетни, аналогичные этой, приобретают систематический характер, сопровождая выдвигание почти каждого талантливого пролетарского писателя.

Обывательская клевета, сплетня являются старым и испытанным средством борьбы наших классовых противников. Видно, пролетарская литература стала сильной, видно, пролетарская литература стала действенным оружием в руках рабочего класса, если враги принуждены бороться с ней при помощи злобной и мелкой клеветы. Чтобы неповадно было клеветникам и сплетникам, мы просим литературную и советскую общественность помочь нам в выявлении «конкретных носителей зла» для привлечения их к судебной ответственности». [П, с. 240 - 241]

На этом, как бы, справедливость восторжествовала и инцидент был исчерпан.

Начнем с версий о белых офицерах и их бедных мамочках, бегущих по Москве, «высоко подкидывая ляжки».

Это что же, интересно, могло навевать такую версию ? В романе ни одного белого пятна, а «заготовку» никто не видел.

Почти все, приведенное выше, сильно веселит. Что было на самом деле ? Полагаю, что это определить очень несложно.

Перво-наперво, быстро определили – откуда ноги растут. Сразу же выдвинули претензии тому, кто все это организовал. Естественно, - А.С. Серафимовичу. Претензия следующая – абсолютно хамское отношение (именно А.С. Серафимовича, а не М.А. Шолохова) к своим коллегам: написал увлекательное произведение (вызвавшее неимоверный спрос у читателей) и передал его не пойми кому; тем самым создал дутый авторитет. Ну, предположим, мы из себя ничего не представляем, не очень талантливы, но все-таки работаем и стараемся. Но ведь этот иунец при том же уровне таланта (не выше нашего) еще и не работает. Как же все это понимать? Спасибо Вам, Александр Серафимович, за Ваше потрясающее наплевательство и неуважение, продемонстрированное к нам!

Была бы воля литераторов, и тому и другому (А.С. Серафимовичу и М.А. Шолохову) устроили бы образцово-показательную расправу. От последнего, полагаю, не осталось бы даже и мокрого места. Однако с некоторых пор (не надо напоминать – с каких именно?) эти вопросы, как и все остальные, стала решать партия.

Какой взгляд могла иметь ВКП(б) на всю эту кутерьму?

Начнем со значения романа. Вспоминаю фразу из уже упоминавшегося произведения «12 стульев»: «Он сейчас же получил пинок в ляжку, что означало: «Браво, Киса, браво, что значит школа!»».

Полагаю, что после выхода в свет «Тихого Дона» у всех причастных к этому ляжки были зверски отбиты. Перечислим заслуги романа:

1) Гениальное описание причины начала Обще-Донского восстания (а, значит, и Гражданской войны) – по недоразумению.

2) В дальнейшем ставшее классическим среди Советских писателей описание 1 Мировой войны: грязь, вонь, беспросветная тоска, сволочи офицеры, никакого героизма; предтеча революции. Мало кто знает, что эта война именовалась – 2-й Отечественной. У нас до сих пор значительно чаще встречается эпитет – «неизвестная война».

3) Показ в качестве абсолютно ничемных фигур героев Дона – А.М. Каледина и В.М. Чернецова. Прямо таки надругательство над К. Крючковым.

4) Поднятие на пьедестал, если даже не канонизация, Ф.Г. Подтелкова. В вып. № 47 данной серии (кн. «Миражи «Тихого Дона»») приводится работа доктора исторических наук К.А. Хмелевского, где в качестве не то что документа, а, пожалуй, даже истины в последней инстанции о Подтелкове используется текст «Тихого Дона».

5) Издевательская манера описания казачества (одного из главных врагов Советской власти) в виде набора скабрёзных анекдотов.

Это же подтверждает и сам М.А.Шолохов в письме от 23 марта 1929 г. М.П. Шолоховой (см. с. 191):

“. . . Слухи эти не привились ввиду их явной нелепости, но и про это спрашивал Микоян; причем – любопытная подробность – когда его убедили в ложности этих слухов, он сказал: «Даже если бы Шолохов и был офицером, за «Тихий Дон» мы бы ему все простили!»»

Сама проблема авторства для партии могла иметь второстепенный либо третьестепенный характер, а могла и вообще не иметь никакого значения.

Главное, при этом, чтобы данная кутерьма не мешало распространению романа в массах. Уже только по одной этой причине расправляться с Шолоховым не стоит.

Еще одно, для Советской власти приятней выглядящий вариант, когда автором такого правильного (во-первых) и увлекательного (только, во-вторых) романа является молодой рабочий парень, а не офицерский сынок, да ещё на седьмом десятке.

Конечно, все это нехорошо и так (в дальнейшем) поступать не стоит, но нет никаких причин принимать кардинальные решения в виду явной политической нецелесообразности.

Вероятно, в качестве своего оправдания, А.С. Серафимович:

1) Яростно доказывал, что всю подготовительную работу делал М.А. Шолохов (и, вообще, всячески преувеличивал долю его труда)

2) Объяснял своё участие желанием создать выверенное Советское произведение, что в сложившейся обстановке было сделать очень трудно, а молодому человеку – просто невозможно (полагаю, что это звучало очень убедительно, поскольку отражало положение дел).

3) Всячески подчеркивал свое желание воспитывать молодое поколение и передавать ему свой жизненный и писательский опыт (исходя из того, как он писал, - это, действительно, было полезно Советской власти).

И ввиду того, что разоблачать этот путь и очень некрасивый поступок было нецелесообразно, партия приняла следующее решение:

1) А.С. Серафимовича конечно пожурили; объяснили, что это все-таки нехорошо и слегка наказали - лишили поста главного редактора ж. «Октябрь», а также взяли обещание, что он так больше делать не будет (обещание А.С. выполнил, что наглядно демонстрирует контраст между первыми и последними книгами романа).

Забавно выглядит фраза в книге В.В. Петелина *“Серафимович решил уйти из журнала на творческую работу, слишком много времени отнимали редакционные дела, а так хотелось что-то новенькое написать”*. Ну, во-первых, с таких должностей не уходят. Во-вторых, такие должности не особенно мешают творчеству. В-третьих, почему наблюдается такое совпадение? В-четвертых, после этого скандала А.С. Серафимович прожил еще 20 лет и почему-то так ничего существенного и не написал (как это-то объяснить?).

Примечание. Правда, в 3-м томе участие А.С. Серафимовича, все-таки, также оказалось очень значительным. Напомню, что “технология” создания романа была следующая. Сначала работал А.С., потом текст передавался на переписку М.А. Шолохову. И на момент опубликования 2-го тома, какая-то часть 3-го (вероятно, значительная) уже была передана “торопливому переписчику”.

2) М.А. Шолохова тоже пожурили, сказали, чтобы он вел себя в дальнейшем поскромнее и расценивал произошедшее, как некий аванс, который ему дала Советская власть и который ему ещё нужно отработать.

Именно это (отрабатывать аванс) в очень скором будущем Миша и стал делать, взявшись за “светлое”, я бы даже сказал “лучезарное” произведение – «Поднятая целина».

3) После этого группе товарищей было позволено опубликовать письмо в защиту М.А.Шолохова. В нем, кстати, достаточно явно и определенно показали всем недоброжелцам, что вопрос закрыт, а те, кто будет продолжать подобного рода разговоры, могут очень серьезно поплатиться.

Насколько же бессмысленны многократно муссируемые разговоры о некотором независимом положении этого романа; о том, что он несет в себе некоторые белые идеи; о фрондировании М.А. Шолохова. Будет ли Советская власть так яростно и без всякой причины защищать молодого человека, совершившего серьезный проступок? Сверхжесткого ответа в «Рабочей газете» показалось недостаточно. Статью перепечатают в главной газете – в «Правде» (!), да еще по указанию И.В. Сталина (!!). Насколько же важен для Советской власти данный роман и всё, что связано с ним (!!!).

Забавен оборот *“Мелкая клевета эта сама по себе не нуждается в опровержении”* в сочетании со столь жесткими и угрозами распространителям это “мелкой клеветы”

4) И последнее. Поскольку история наделала достаточно много шума, да и вышедшие в газетах статьи стоило как-то прокомментировать (хотя-бы неявно), и появилась эта версия о белом офицере и его маме. Да, это умно, поскольку ничего общего с действительностью не имеет.

Работы 1930 – 1948 гг.

Раздел "Рассказы, очерки, статьи, речи" за 1930 – 1948 гг.

Выбрано и тщательно рассмотрено всё, что на эту тему есть в 10-ти-томном собрании сочинений [М.: Художественная литература, 1948]: от очерка «Маевка» (1930 г.) до речи «С высоты восьмидесяти пяти лет» (1948 г.). Всего – 198 страниц, (в 10-м томе – 440 стр.). Т.о., данному периоду (последним 20-ти годам жизни) посвящено менее полутома 10-ти-томного собрания сочинений, другими словами, менее 5 %.

Очерк **«Маёвка»**, передавался по радио в 1930 г., 1 мая.

“Было это пятьдесят лет назад”.

Далее о невыносимой жизни шахтеров.

“Но самое страшное было не это. Самое страшное – была тьма, в которой царско-буржуазный строй держал рабочих. Вокруг буржуазии стеной стояли: поп с орудием убийства и угнетения – крестом, жандармы, полиция, прокуратура, судьи, издательства, газеты церковные капища. И пестрел частокोल виселиц, темнели тюрьмы, застенки, и в морозной синеве бесконечно молчаливо простиралась Сибирь, засеянная белеющими костями умученных пролетариев . . .”

Затем описание первой маёвки и последовавшего за ней все возрастающего революционного движения.

Очерк **«По Донским степям»**, впервые напечатан в «Правде» в двух номерах: 1931, 23 октября. № 293, и 24 октября. № 294. с. 2.

Первая глава **«Когда-то»** приводится ниже полностью:

“Давно это было, давно. Над разомлелой степью –дымно-раскаленное солнце. Ветер, упорный и иссушающий, жгуче несется навстречу вместе с несущейся облачной мутью. Хрустящая пыль набивается в нос, в рот, в глаза. Губы потрескались.

Я, нагнув голову, мучительно вцепившись в руль, в отчаянии наваливаюсь на педали, и степь, знойно растрескавшаяся от века, все та же молчаливая, необъятная необъятной стихийностью, медленно-медленно отходит назад, и несется облака пыли, и нет этому конца. Я еду из Усть-Медведицы в Новочеркасск.

Нет, должно быть, не доеду – сердце лопнет, и в глазах мотаются раскаленные искры. О бок дороги заносимый пылью человек. Бессильно откинута рука. Возле – палка, холщевая сумка. Холщевые штаны, рубаха, босые, полопавшиеся ноги. Я соскакиваю с велосипеда. Стою над ним: выпил, что ли ? Наклоняюсь потянуть носом – небось, как из винной бочки ? Ох, да как же несет жаром ! И губы почернели. - Земляк а, земляк !

Тяжело, тяжело поднялось желтое веко, и мутно глянула узкая полоска горячего глаза и опять медленно закрылась. Что с ним будешь делать ?! Если б хоть держаться мог. Тогда посадил бы в седло и повел бы велосипед в руках. А он – как мешок. Обжигая руки, оттащил его к телеграфному столбу, привязал к столбу сумку – хоть небольшая тень ляжет на воспаленную голову; если будут ехать, заметят, - может быть, возьмут на подводу.

И опять наваливаюсь грудью на руль, и опять надрывается сердце, - нет, сдохну !. И засинело вдали, сквозь облака пыли засинело. Вербы, речушка, по балке сады. Хутор Большеинский.

И я сижу в полутемной прохладе куреня, закрытые ставни не пускают в горницу пыль, зной, мух. Золотятся щели. Чисто. По стенам лубочные генералы и цари. Да на выцветших фотографиях – с выпученными глазами, каменню застывшие в тогдашней идиотской военщине казаки при шашках. В углу – иконостас.

Я прилег на скамью и каменню провалился в черный сон. А когда приподнялся – на столе пырскает облаками самовар. Бело кружат из-под наложенного на тарелке полотенца вареные яйца. Арбуз. Груши из своего сада. Мед из своих ульев. А уж пироги вишневые, пшеничной муки – душистые, пухлые !.. Дом – полная чаша.

Бородач, раздался в плечах, – сорока пяти ему и не дашь – в ситцевой рубахе. На суконных штанах краснеют лампасы. Пьет со мной чай, отирая полотенцем рот. Хозяйка – ей должно быть столько же – в сторонке на скамье смотрит, как мы пьем. Спокойная, осанистая, когда-то очень красивая. Слушает, наливает нам.

- Ехал я, человека встретил. Лежит. Так и помереть может.

Хозяйка сказала спокойно: - Либо ж то Микешка наш. Как из себя ?

- Да лет двадцати семи, восьми.

- Ну, он и есть. Утресь на ране пошел. Животом вишь жалился сколько. Бабку к нему приводили. Сказывала – надорвался – грызь.

- Да он кто ? Сын ваш ?

- Не-е !.. – замахала руками, - работник, батрачил у нас. Второй год наймается до нас. Хороший работник, худого не скажешь. До покрова, вишь, срок, да заболел. Ну, взял расчет, пошел в Усть-Медведицу в больницу, да не дошел. Хороший работник.

- Вот что, станишник, запрягите лошадь, отвезите его.

Хозяин подумал. - Далече ? - Да верст пять отсюда.

Он прихлебнул из блюдца, поставленного на три пальца.

- Лошадь-то есть, да послать не с кем: сыновья в степи.

- Ведь умрет при дороге...

- Ну-ну, - подхватила хозяйка, - такие не помирают... Они, эти российские – тягучие. Как собаки, жаловатые.

- Ничего, - примерительно сказал хозяин, - отлежится, дойдет. Не впервой.

Я пошел к хуторскому атаману.

- Вы из чьих будете ? Из юнкеров ?

Я рассказал о человеке на дороге. Он выдохнул:

- Хху-у, ды это – хамье, ды коней гонять ?! Ды не знаете, что за народ: в огород лезут, всю морковь повыдергают, в саду все яблони отрясут. С быками пошлешь, быки не поенные, не кормленные, а она, скотинка-то, пить – исть тоже хочет. Хам – известно, стало быть, хам.

Примечание. Станичный атаман, как правило, - обер-офицер (хорунжий, сотник, реже – выше). Хуторской, от силы, - урядник; нередко – и простой казак. Так, что отношение к работникам, как "хаму", - явный перебор.

Казак не взял денег за самовар и еду, - обиделся.

И опять я лежу грудью на руле, и глаза вылезли, и рубаха – хоть выжми, и встреченный ветер, сухой и горячий, в удушливо несущихся облаках изо всех сил тянет назад. Чудится, это нерушимо: и бескрайняя, могучая, таящая мертвенный сон степь, и курень с иконостасом, с бурлящим самоваром, и хозяин, которому износу нет, и... и далеко назад, уже не видно, лежит батрак, и сумочка подвешена".

Последующие главы («Старики», «Машина», «Чертова пляска». «Данилка», «Домоседки», «десятичная дробь») о радостной колхозной жизни в 1931 году.

Затем две главы («Единоличник» и «Кулак») о тех "небольших" недостатках и пережитках, которые еще сохранились от старой жизни, но в скором времени, разумеется, будут изжиты.

Последняя глава «Пейзаж» завершает радостную картину колхозного становления.

Очерк «Преображение», впервые напечатан в ж. «Знамя». 1933, кн.2 (февраль), с 5 – 7, под заглавием «Кусочек воспоминаний».

“Я попал на врангелевский фронт, в расположение 2-й конной армии”.

...

Молодой командир добавил:

“- Сегодня ночью нас здорово потрепали. Во-он на каких возвышенностях мы были, а теперь сюда откинули, - это вёрст десять.

- Перевес. Что ли большой у белых ? – спросил я.

- То-то что нет, - проговорил он, сердито поколотив трубкой о каблук. – Казаки ночью налетели, а конная бригада – черт знает что с ними сделалось – в панике кинулись врассыпную. Ну, на фронте и дыра. Казаки и поперли. Еле-еле заткнули. На десять вёрст нас откинули”.

...

“- Знаете что, сказал мне товарищ из политотдела, - поведемте в эту бригаду. Мы отвели её в тыл, чтоб дать оправиться. И просьба к вам. Там у нас театр передвижной играет, вызвали для них. А вы им почитайте что-нибудь. Надо ребятами заняться. Ведь уж – сказать по правде – двое суток без хлеба сидели – подвозу не было. Ослаб народ. да и политически ненадежны”.

...

“- Дней через десять – двенадцать думаем бригаду опять двинуть на фронт. Рассчитываем – подтянется к тому времени.

«Нет, - думал я, когда машина уносила нас в звездной мгле, - нет. Уж очень они на бандитов похожи”.

...

“ – Махно напал. Громадная банда. Два орудия. Множество тачанок с пулеметами. Знает, у штаба нет прикрытия, а бригаду он и в счёт не берет, у него тут шпионы везде. Метит захватить штаб, обезглавить, тогда пропала армия”.

...

“ – Отби-или !!”

...

“Я схватил товарища из политотдела:

- Но скажите, скажите, как это могло случиться ? Ведь некудышная была бригада !

Тот молча посмотрел на курившиеся костры, послушал гомон лагеря.

- Что же тут такого: в бригаду влили красноармейцев-партийцев. Они с ними спали, пили, ели, вели работу, дрались и умирали вместе. Красноармейцев-партийцев – это великие революционные дрожжи”.

В общем-то, комментариев и нет, кроме, разве что, одного. Врангелевский фронт, то есть Крым ещё не взят. А, помнится, штурмовал Перекоп именно Махно.

Так как же на этом этапе (до взятия Перекопа) могли махновцы напасть на красных ?

«Колхозные поля», главы этого незаконченного романа впервые печатались: в «Известиях». 1933, 27 марта, под заглавием «Отрывок из романа»; в ж. «Старый большевик», 1933, кн. 2 (5), март – апрель. С 205 – 215, под заглавием «отрывки из незаконченной повести».

“Багрово струясь, вознесся исполинский факел.

И его мигающие отсветы легли через неохватимые советские поля, через неохватимые советские леса, через неохватимые советские степи, через снеговые советские горы от края до края, от рубежа до рубежа.

И за рубежом, опоясав мир, потянулись и легли на народы эти небывалые багрово мерцающие отсветы.

И глаза всех поднялись и тянулись туда, откуда, мерцаая, бежали красные мигающие отсветы, тянулись одни с изумлением, другие со злорадным издевательским смехом, третьи с бесконечной любовью. А те с непотухающей ненавистью, - тянулись туда, к сердцу мира, к сердцу социалистического, пролетарского мира.

И оттуда огненно зазвучало на весь мир радио, и нестерпимо зажглось на фронто́не старого. С тяжелыми колоннами, здания:

XV СЪЕЗД ВКП(б)

И радио человеческим голосом оповестило мир:

«...В настоящий период задача объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы должна быть поставлена в качестве основной задачи партии в деревне. Категорически указывая на то, что этот переход может происходить только при согласии на это со стороны трудящихся крестьян, партия признает неотложным широко развернуть пропаганду необходимости и выгоды для крестьянства постепенного перехода к крупному общественному сельскому хозяйству и всемерное поощрение на практике имеющихся уже и заметно растущих элементов крупного коллективного хозяйства в деревне».

На фронто́не пламенело: 1928 – 1929”.

После приведенного выше вступления, начинается собственно повествование.

Группа мужиков пришла в райком. Там долго не могли понять – чего они хотят. Что-то не могут поделить. Вроде – урожай. Когда стали выяснять – оказалось, что они объединили свои земли, работают вместе, помогая друг другу. В райкоме – восхитились – да это же коммуна !

Неплохой довод в пользу колхозов – межа между участками – потеря урожая !

Косность и дремучесть крестьян, не понимающих своей выгоды. Первая попытка – неудачная, только трое записались в колхоз.

Глава о нехорошей Ларионихе.

Лариониха советует племяннице - вдове офицера выйти замуж за комиссара. Так надо. Примечание. Правда, данная линия дальше в романе не продолжена.

Постепенно в селах появляются машины. К ним привыкают.

Глава о том как Мунька (полное имя – Коммунар) в одиночку даёт отпор другим ребятишкам. Постепенно становится их вожакom.

Разумные дети уже понимают всю несерьезность и отсталость церкви. Одна из ребячьих игр – в кулака. Это отрицательный герой, его возят на себе, а он над всеми, как-бы, измывается.

Ещё одна попытка организации колхоза – удачная. Половина хозяйств (142 из 300) вступило.

Отдельные недостатки на фоне побед – воровство на фоне *“отличной за советь работы, точного, четкого конвейера”*

Первое знакомство с электричеством и коммунистический труд радостных ребятишек ночью на молотилке.

О чем говорят муж с женой после долгой разлуки, лежа, обнявшись:

– Еня. Я разбиралась. Знаешь, как трудно разбираться в фактах, в жизни. Ну вот, везде учат диамат. А как-то захватили его руками... понимаешь, вульгарное в этой трепатне... потными ладонями... Я хочу подойти к этому. Пойми, это – метод, метод разбираться во всем. Во всем, что окружает. Ну вот, наша с тобой жизнь...

– Это другое, – сонно сказал он, – тут неприменимо. – Как «неприменимо» ?

Она поднялась и перестала его гладить. Сорочка скатилась с матово светлевшего плеча. Хриповато-сонно и устало: – Это только в науке. Ну, там экономика, политика вообще в книге, по-книжному в которой полагается. Партии в здешней работе нужны не белоручки, а революционные практики.

Она с ужасом села, подобрав под себя ноги и поправив сорочку. Испуганно прикрывая, прижала к груди оголенные руки. – Что ты ?!

Он виновато улыбнулся. Сон смачнуло.

– Ты, Еня, не читаешь, не растешь. – Когда же это ?

– ...не растет кто, это – смерть... Это – как без еды.

– Да я из машины не вылезая. Что ты, родилась только ?

– Еня, партиец во всякой обстановке должен расти”.

Рассказ «**Революция не ждет**», впервые был напечатан в массовом двухнедельном журнале Политического управления РККА «Красноармеец – Краснофлотец», 1935, № 8 (апрель), с 1 – 2.

Эта агитка дается полностью:

“Ночные горы тяжело стоят стеной, а луну не видать за темными горами. Поверху зубчато вырезаются леса на осиянном небе.

На поляне, в надвинувшейся густоте торных теней – отряд красных. В их позах, в наклоне головы, в том, как опираются люди на винтовки – урюмая усталость. Безусый гололицый командир (глаз у него заклеен – прицел Бере левым) говорит, изредка взмахивая неотвратимо рукой.

Перед отрядом – гурьба рабочих с ближнего уральского завода, старинно затерянного среди гор и лесов. Даже в черноте ночных теней их лица и худая одежда черны невытраивмой копотью. Командир с заклеенным глазом говорит:

– Товарищи, мы отступаем. Враг со всех сторон, мы – в кольце. Отбиваемся день и ночь. Уж сотни верст прошли... Много бойцов полегло...

Помолчал и сказал: – Нужны пополнения...

Опять замолчал. Стояли черные горы. Где-то за горами сияла луна. И урюмо стояла усталость. Командир сказал:

– Мы отступаем, но мы не разбиты. Вырвемся, сожмемся в кулак, подойдут подкрепления... Сломим врага !

Черные фигуры рабочих зашевелились. Высокий, погнутый годами. Сказал:

– Ну-к, что ж, стало быть, которые добровольцы, пуцай собираются... Дня через два и выступать можно.

Одноглазый командир рубанул рукой: – Сейчас !.. Сию минуту с нами !

И опять колыхнулись рабочие.

– Как же так ! Не попрощались ?.. У нас же семейства – бабы, ребяташки... И знать не будут, куда делись... Главное – дети...

А из-за гор вылезала луна. Потянулись дымные полосы сквозь горные зубцы. Чернота растаяла. И леса, и полянка, и трава – все голубовато замерцало. Только у бойцов чернели провалившиеся глаза. Да на лицах вырезались железные морщины. Опиралась на штыки...

– Товарищи, враг не ждет ! И революция не ждет ! Упустишь – потом не наверстаешь... Вливайтесь сейчас !.. Сейчас и выступаем...

Они неподвижно стояли, затопленные дымчатым сиянием. Потом качнулись и зашагали с бойцами... Сзади сквозь лес теплились огоньки поселка".

Рассказ **«Черкес»**, впервые напечатан в «Ленинградской правде», 1935, 7 ноября, под заголовком «Кусочек воспоминаний».

О сближении народов, о том, что благодаря Советской власти люди разных народов становятся братьями.

Очерк **«Две встречи»**, впервые напечатан в ж. «Октябрь». 1936. № 12 (декабрь), с. 25 – 26. Панегирик Г.К. Орджоникидзе.

В первой части рассказа он в одиночку утихомирил толпу горцев и даже заставил их выдать врагов Советской власти.

"Волна человеческая добежала до середины и поставила, шатая, перед Орджоникидзе несколько человек; глаза их пылали неугасимой ненавистью. Особенно врезался мне старик: борода – седым клинышком, в черкеске с газырями, наискоск кинжал. Нет, я никогда не видал такой нечеловеческой ненависти".

Во второй части "общие положения":

"Он выковал по указаниям товарища Сталина громадину тяжелой промышленности. Да ведь это же грандиознейшая задача ! Ведь тут нужны специфические сложнейшие знания, а ведь у него их не было. И меня больше всего поражало, как такой человек, заваленный громадой дел, оторвавшись, сел учиться. Он приобрел озорные знания и прекрасно разбирается в самых сложных вопросах.

У него жесткая рука, спуска не даст, но его любят. И удивительно оригинальна его манера обращаться с людьми".

...

"Встречу с товарищем Орджоникидзе не забудешь, потому что это – прекрасная встреча, потому что это встреча с могучим социалистическим строителем страны".

Рассказ **«Тракторист поневоле»**, впервые напечатан в ж. «Октябрь», 1936, № 12 (декабрь). С. 25–26. Первое, радостное знакомство крестьян с трактором.

Рассказ **«Бригадир»**, под названием «В степи» был впервые опубликован в ж. «Огонек» в 1939 г., еще именовался – «Зубами от смерти».

"- Так что, товарищ Сарахвимыч, зубами от смерти отодрался.

Я глянул, зубы у него блеснули из-под усов. А лицо все такое же твердо застывшее, и никогда не смеющиеся глаза. Ему под пятьдесят.

- Как это ? Когда ?

Он поглядел в даль. Степь все так же голубовато дрожала и волновалась.

- В восемнадцатом... Это каким образом... Усть-Медведицкую станицу белые брали. Навалились с Усть-Хопра. Дон разлился, наши не могут подмоги подкинуть. Попы на колокольне Воскресенской церкви пулеметы вправили, белые строчат оттель. Из-под пирамиды ихняя батарея глушит. Наши на пароме да на баркасах на ту сторону вдарились. А так и видать, ложатся, ложатся головы, и винтовки на пароме, как подпашивает, - с колокольни-то далече берет. Под этим берегом не выдержали наши, стали сигать в воду. Много унесло. А какие добрались до земли, мокрые, без винтовок побегли. Берег открытый, как на ладони, тоже много полегло.

Нас человек восемьдесят за станицей к Брехунье прижались: хотели садами отступить. Да сам знаешь, сады в половодье до краев заливают. Некуда пода-

тятся. Прикладами отбивались. Мне у голову приклад пришелся. Память отшибло. Очунелся, гляжу, на мельнице лежу, и товарищи, - паровая мукомольная га горе, возле кладбищенской церкви. Белые хлопочут округ нас, раздевают до гола, вяжут проволокой парами рука к руке. А ночь. Ну, думаю, стало, решать нас будут. Из наших тоже видят, конец приходит. Которые молчат, кто матюкается, а есть и плачут.

Чуть посерело, стали выводить человек по двадцать. Слушаем. Застрочил пулемет, а потом замолчал. Екнуло... Эх! Ну, все одно. Тихо стало. Вошли белые, одни. Вывели другую партию. Опять затрещал пулемет. Так – три раза. Наконец того, подошли к нам с товарищем. Мы в последней партии. Товарищ ослаб, - в ногу раненый был; рана нечижолоя, да крови потерял много. Вывели. Ночь, хочь глаз коли. Только на бугре черная церковь назначается, -небо за бугром сереть стало, вот и видать. Товарищ на руке, почитай, повис, тяну его на себе. А **сзади белые казаки прикладами подбодряют**. Подошли, стали. Попробовал ногой, чую, обрыв, - это пониже кирпичного завода. Холодный барак. Тут пулемет заработал. Я как ревану товарища, мы и полетели. Вдарились, аж в голове загудело; кругом стон, крики, хрип. А на нас все глину сверху сыплют. Я это все голову кверху подымаю, все подымаю, чтоб не засыпало. Слышу, голос наверху, - должно, офицер: - Черт с ними, бросай. Завтра досыпем ды притопчем, чтоб не воняли, собаки”.

“... Ворвались в станицу, белые наутек, как мы весной. Ну, я минутку улучил, в свой курень забег, отворил дверь, ды... ды... Что же это, брат ты мой!..»

“- Отворил в сенцы дверь, а на пороге жена лежит, юбки задраты, ноги голые, одна рука отрубленная... А сыны в кухне лежат – одному – девятый годок, а старшему тринадцатый. Соседи собрались, рассказывают, - мучили их, все время с той поры, как я убегаю, а когда мы ворвались в станицу, их и прикончили. **С той поры пленных не брали**”.

Рассказ «**В народе**», передавался по радио в день Сталинской конституции в 1938 г. Митинг по поводу конституции.

“- Товарищи, товарищ Сталин дал нам колхозную жизнь замест нашей старой, голодной, разутой, раздетой жизни. Мы теперь в нашей колхозной жизни обуты, одеты, сыты. А теперь товарищ Сталин принес нам Конституцию, стало быть, закрепил законом нашу жизнь. Ура нашей коммунистической партии! Ура нашему родному товарищу Сталину!

Взорвало над толпой. Кричали с открыто чернеющими ртами, оборачиваясь и взглядывая друг на друга блестящими глазами. Тонко кричали женщины. Выдирались из общего гула тонко звенящие голоса пионеров, и лица их были разогревшиеся, детски-красные, как их галстуки. Далеко взбудоражилась степь, и птицы взлетали и долго не хотели успокоиться”.

Вывзвался выступить старый дедушка:

“- Поротый я. Земской начальник меня... этого... Порол... За што? Мне сказал наш лавошник: «Теперь, эрит, хорошо будем жить – государственная дума у нас...» А я этого... только и сказал: «Поди ты и с государственной думой в портки»... Только и сказал... а он... этого...

Дед пожевал мохнатым ртом, поморгал на всех красными веками, опять задребезжал:

- Земской начальник спустил... этого... Мне портки... - дед дрожащими руками развязал веревочку, показывая в натуре, как это было, - и отпорол... Ну, я никому не жалился, никому... всю жистю носил на сердце... А теперича... теперича... Этого... - у деда выдавились старческие слезинки, уползла в серо-косматую бороду, - теперича сам Сталин принес нам закон...

- Конституцию! – грянуло кругом”.

Примечание. Интересно, а что бы сделали, если нечто подобное сказали о Сталинской Конституции ?

Потом бабушка прочувственно рассказала о прошлой безысходной жизни.

Очерк **«У избирательной урны»**, состоит из двух частей; первая под заглавием «В эти дни...» в «Правде», 1938, 23 мая, № 140 (7465); второй под заглавием «Счастье», - в «литературной газете», 1946, 12 января. № 3 (2266).

... К какому же это празднику, приготовились ? К громадному; выборы в Верховный Совет РСФСР. Мне оказана большая честь и доверие: я избран членом избирательной комиссии Краснопресненского округа.

Вторая часть очерка приведена полностью:

“Народ-гигант неохватимо-колоссальной страны, весь народ с поднятыми в руках бюллетенями стоит перед фигурой Сталина и говорит голосом, слышимым по всей неохватимой стране, по всему миру: “Друг наш, учитель наш, вождь наш !..» и «отец наш !..» - громким голосом, вся громада народа.

И это – от сердца. Это от сердца, из самой глубины его, искренно до слез. И этого никогда не бывает в буржуазных странах, никогда !..

Но откуда это ? Почему это так ?

Представьте себе – слепой. И стали его лечить. И однажды он открыл глаза. И перед ним блеснул мир, чудесный, сияющий мир. И бывший слепой кинулся к исцелившему его, обнял его и крикнул: «Отец мой... родной мой !..» да разве кто заподозрит здесь неискренность, искусственность, самоуничужение ?.. Открывшиеся глаза, залитые счастливыми слезами, без слов говорили: «Счастье !.. Счастье !.. Отец наш !..»

Что же увидел слепой ? Что же открыл он в новом блеснувшем мире ? Он увидел, как земледелец откинул соху и заработал трактор, комбайн. И это было счастье. Он увидел. Что рабство капитала сброшено – нет рабов, нет рабовладельцев. И это было счастье ! Он увидел, что сам народ стал господином своей судьбы. И это – счастье, великое, все озаряющее счастье.

И он увидел Сталина и его соратников, выковывывающих это счастье. И это было великое счастье.

Грянула война ! И Сталин двинул против подлого, кровавого врага Красную Армию. Было тяжело. Красная Армия прижалась к Волге. Потом рванулась и сломала хребет подлому врагу. И это было счастье, неизгладимое, непогасающее счастье, ибо было разбито надвигающееся, как черные тучи, кровавое рабство. И вновь засияло счастье.

И все увидели мощную фигуру Сталина, его соратников, могучую, удивительную коммунистическую партию, творящую новый строй.

И засеяло счастье !

Товарищи писатели, напряжем все наши творческие силы, создадим произведения, которые помогут творчеству великого народа, великой нашей партии, нашему чудесному социалистическому правительству.

Да здравствует наш великий вождь, наш друг и учитель, Иосиф Виссарионович Сталин !”

Очерк **«По родимой стране»**, впервые напечатан под названием «Радость народа» в «Правде», 1941, 30 апреля. № 119 (8527).

О Вологодской области. “Огромная область под живительным руководством партии гигантски развивается”.

Люди тянутся к партии:

“Тепло стало на сердце. В депутатах нашли начальников своих и идут к ним с горем, и с радостью...”

...
 “У меня опять потеплело на сердце. Население, все население, следит, печалится или радуется успехам своего громадного детища’.

Писатель выступает перед работниками:

“Я рассказываю о том, как выбивались в писатели в царско-буржуазное время, - это было мучительно. Сколько даровитейших людей, чудеснейших писателей погибло. Царь Николай I убил Пушкина, Лермонтова, замучил Полежаева, Чаадаева. Воспитывались тогда честные писатели в ссылке, по тюрьмам, на каторге. Сколько погибло в нищете, в безвыходности!

А теперь, в советское время, как пристально следит наша партия за созданием кадров советских писателей. Сколько внимания, бережности, поощрения, ласки... И как мудро и осторожно выправляются ошибки теперешних писателей... Этого нет нигде в мире ни в одном буржуазном государстве, да и быть не может по самому существу”.

...
 “А теперь наша литература – лучшая литература в мире. Она насыщена великими идеями социализма, насыщена правдой. Буржуазная же литература лжива. Она не может писать, что рабочие и их дети вымирают от нищеты, от голода, что их убивают нечеловеческой эксплуатацией, ибо это правда убийственна для буржуазного строя, и он не позволяет давать её”.

...
 “Мы, писатели, еще мало знаем родную страну. Она быстро изменяется. То, что вчера было ново, сегодня уже стало привычным. Жизнь могуче раздается вширь и вглубь, несказанно усложняется. За ней нужно непрерывно поспевать, - иначе отстанешь, иначе будешь видеть только прошлое”.

Очерк «Клятва», впервые напечатан в «литературной газете», 1941, 13 июля. № 28 (942).

Курская область. Сознательные ребята взяли шефство над лошадьми.

“... Дети наши учат нас. По животноводству они выводят наш район в первые ряды. До шефства у нас был падеж молодняка, много молодняка было с желудочно-кишечными заболеваниями, - теперь ни того, ни другого нет, растет крепкий, здоровый молодняк. Поклянись же, что вы всеми силами поддержите детей, и наш район даст прекрасных боевых лошадей любимой защитнице, нашей Красной Армии.

И вся площадь дрогнула от взрыва голосов, и лес рук встал над головами:

- Клянемся!

- Граждане и гражданки!.. Колхозники и колхозницы! Поклянись перед Красной Армией, перед всем нашим трудовым народом, что в самый короткий срок снимете и уберете с полей ваш урожай!..

И от взрывов голосов зашелестели деревья. Поднялись руки: - Клянемся!

- Граждане и гражданки!.. Колхозники и колхозницы! Все ребята, все школьники, все пионеры! Поклянись перед нашей партией, перед товарищем Сталиным, что отдадите все силы все ваше напряжение, а если понадобится, и самую жизнь, труду и борьбе за счастье, свободу и радость нашей прекрасной родины...

И грянуло неслыханное:

- Клянемся!.. Клянемся!.. Кляне-ом-ся!!

Это было недели за три до 22 июня 1941 года – начала войны. И когда хлынули в наши дивизии призывные, я подумал: родная страна их готовила... давно”.

Очерк «Ребенок», впервые напечатан в «Правде», 1942, 17 сентября. Рассказ «Веселый день», впервые напечатан в «Красной Звезде», 1943, 14 января.

Рассказ «Юная армия», под заглавием «Ребята», впервые был напечатан в ж. «Красноармеец», 1943, № 11 (июнь), с 9 – 11. Рассказ «На хуторе», впервые был напечатан в «Красной звезде», 1943, 14 августа. Рассказ «Душегубка», под заглавием «На окраине», впервые напечатан в ж. «Красноармеец», 1944, № 8, с. 16.

Пять небольших рассказов о войне. В основном, о зверствах фашистов. И немного о героизме местных жителей.

Сборник очерков «**Это – не чудо**», которые впервые печатались, в сороковые годы.

1-й очерк «В семнадцатом году» о создании Красной Армии:

“В результате политики Ленина – Сталина наш народ, наша армия оказалась во всеоружии перед лицом грозных испытаний Великой Отечественной войны. Выросло все: и вооружение, и боевое мастерство, стратегия и тактика ведения войны, и люди – наши бойцы”.

2-й очерк «Боевая зрелость» об учениях в 1936 г.

“Тактические учения дали мне большую творческую зарядку.

Я воочию убедился, как далеко вперед шагнула наша родная Красная Армия. Я знаю царскую армию, видел её манёвры, хорошо знаком с революционной армией – армией гражданской войны. Ничего похожего нет! Наша современная Красная Армия насыщена самыми разнообразными техническими средствами борьбы, люди сталинской закалки большевистского мужества руководят ею.

Прекрасный разбор тактических учений войск дал народный комиссар обороны, маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов.

Пребывание на маневрах показало мне еще в 1936 году все величие, всю мощь и стройность рядов Красной Армии. Такая армия сумеет любое препятствие преодолеть. Такая армия непобедима!”

3-й очерк «Бойцы» о приезде в армию ген.-лейт. А.В Горбатова в 1943 г.

“Я поднялся и направился в наш блиндаж. Радостные мысли нахлынули на меня. Я бывал на фронтах во время первой мировой войны. Бывал, спросишь солдата: «Много ли вы учились?» Ответ самый безрадостный. А впрочем, и спрашивать было не нужно: по лицу, по разговору, по манерам ясно было, что он неграмотен. Ныне. В советское время, бойцы Советской Армии краснеют, что окончили три класса начальной школы.

Побывал я в танковых, в артиллерийских подразделениях, беседовал с летчиками... Куда б я ни пришел, где б ни побывал, - всюду новая, смелая, сильная, культурная, деятельная молодежь. Неудивительно, что когда во взводе, в отделении командир выбывал из строя, его место занимал рядовой боец, умело и толково ведя команду и с честью выполняя боевое задание.

Да разве было что-нибудь подобное в царской армии ?

А когда я попал к артиллеристам, разговорился с ними, - так ведь это – математика... Ниже восьмого, девятого класса среди них нет ни одного.

То же самое и среди танкистов. А летчики – это настоящие профессора.

Да какую военную специальность не возьми в нашей армии, наш теперешний воин проявляет огромную зрелость, огромную способность учитывать обстановку, огромную способность умело сосредотачивать свои силы, ибо наш воин – со светлым умом развитого человека. Он строго выполняет приказы командования, И выполняет их творчески. И он весь пронизан идеей победы”.

4-й очерк "Среди командиров".

"...Какой же славный народ офицеры Третьей армии – простой и задушевный! Отношения между бойцами и офицерами – глубоко товарищеские. И в то же время дисциплина – неукротимая".

"...В нашей Великой Отечественной войне все стороны русского народа развернулись с чрезвычайной яркостью. Глубочайшая связь командного состава с массой бойцов, неодолимое упорство и стойкость, живая сметка и находчивость в кровавой борьбе и неоглядная преданность своей матери-родине делают Советскую Армию смертельно грозной для врага".

5-й очерк "Советский командарм".

"Я помню генералов старой царской армии. У подавляющего большинства – рыкающий голос, великолепная фигура, величие. Всякий, кто с ними разговаривал, чувствовал этукую незаметную мелкую дрожь. Очень многие вышли из помещичьей среды и сами были помещиками. Нельзя сказать, чтобы они себя особенно утомляли изучением военных наук. К офицерам относились часто свысока".

Теперь о ген.-лейт. А.В. Горбатове.

"Это - образцовый советский генерал. Окончил высшие академические курсы. И непрерывно совершенствует свои военные знания. Прослужил в армии более тридцати лет". Далее о нем только в превосходных степенях. "... Да, это не рыкающий царский генерал. Бойцы его любят, идут за ним".

6-й очерк "На освобожденной земле".

Естественно, о зверствах немцев. И о большом подъеме при восстановительных работах.

7-й очерк "Это – не чудо".

О русском солдате также только в превосходных степенях.

"Нет, не чудо! Это вытекает из всего внутреннего строя русского солдата. Если русские солдаты умели замечательно драться за Россию, в которой их чудовищно эксплуатировали заводчики, помещики, плутократы, и этого солдата нужно было не только «убить, но и повалить», то как же возросла после революции эта неохватимая народная сила!"

8-й очерк "Им – нашу нежность!"

Забота о детях, потерявших на фронте родителей.

9-й очерк "Есть что защищать".

"Что же сделало наш народ и его армию такими сильными? Октябрьская революция, освободившая все силы народные! Труд и борьба во имя свободной радостной жизни! Новый закон этой жизни, закрепленный в Конституции! Великая партия большевиков, ведущая от победы к победе! Наш вождь, учитель, полководец и друг – Сталин!"

Сборник очерков «В родных местах», печатавшихся в 30-х и 40-х годах.

1-й очерк "Ставшее явью"

"Ежегодно я уезжаю летом на Дон в город Серафимович (бывшая станция Усть-медведицкая). Здесь я учился, провел свое детство, бывал во время революции. Казачий заскоружный район: железная дорога в семидесяти пяти километ-

рах от города. Туго казачество приходило к новой жизни. Здесь долго сохранялись старые традиции и нравы казачьего быта. Пришлось вынести большую борьбу с кулацким саботажем.

Провел все лето в городе Серафимовиче и в нынешнем 1936 году.

Перемены - колоссальные. Коренные изменения. Необычно возрос авторитет советов единственно верной формы государственного управления, при которой можно построить хорошую жизнь . . . Конституция, еще не ставшая законом, еще не утвержденная, уже глубоко впитывается в быт и жизнь каждой казачьей семьи . . .

Сталинская Конституция – это итоговая сводка всей страны, это равнодействующая всех внутренних сил, разбуженных революцией, конкретное выражение громадного роста нашего Союза”.

...

“Мой город был типичным захолустьем, вернее, это была захудалая станция. На улицах – грязь по уши. Освещалась станция керосиновыми копилками. Клуб существовал только дотя «господ», для трудящихся же широко были открыты кабаки. Правда, и клуб для господ был тем же кабаком, только был он почище”.

Примечание. Усть-Медведицкая была окружной станицей и только на основании этого к “захудалым” относиться не могла. Еще раз хочется отметить, что современный город Серафимович (да – да, в XXI веке) по некоторым показателям уступает дореволюционной станице. А уж если говорить об относительных (показателях), то на сегодня это ничем примечательный маленький заброшенный городишка. Это при том, что окружная станица в царское время не в чем не уступала средним (по численности населения) губернским городам

“Таково прошлое. Теперь, повторяю, все переменялось. И как ! Город освещен электричеством. Быстро идет замощение и озеленение улиц. Разбито несколько городских садов. Вместо кабаков – Дом культуры и большой совхозный театр, обслуживающий население всего района. Звуковое кино. Школы в прекрасном состоянии. У комсомольцев – свой стадион”.

...

“Горячо взволнованы казаки Сталинской Конституцией. Обсуждая каждое слово проекта, они связывают все улучшения и изменения, происшедшие в их жизни, с именем Сталина. Пламенная хвала великому создателю Конституции звучит всюду”.

2-й очерк “Благодатный край”. О том, какая это “чудесная страна”.

“Казаки, прекрасные наездники, как ветер, несутся по степи, и сверкающие клинки режут глаз ослепительным блеском. Крепкие загорелые казачки работают в поле наравне с казаками, а в вечерние синие сумерки сидят, усталые, за костром. На нем подвешен вскипающий котел. Тихий отдых дремлет над примолкшей степью, а луна с высоты озаряет. И вдруг встанет над степью хоровая песня. Зазвонят высокие стелные голоса женщин, и дружные голоса казаков густым строем поддержат их”.

...

“. . . и пойдет казак в присядку. . . Эх, и отдирают же каблуками ! Того и гляди земля треснет до самой до глубины; усталость, как ветром, сдунуло. И ребятишки, глядя на старших, соберутся, поют и пляшут.

Пришло время, спихнули царский гнет, жизнь стала просторнее.

Заговорили по степи тракторы. Комбайны . . . Прежде степные пашни давали два три года большие урожаи, а потом года два голодная земля ничего не давала. Теперь же благодаря агрономам обновленная земля непрерывно дает огромные урожаи, едва справляются комбайны с уборкой.

Растут на донской земле города, заводы, фабрики, чего прежде не было. А по станциям. По хуторам, как цветы, расцветают школы, клубы, театры, музеи. В больших городах – высшие учебные заведения. Донщина дает из своей среды писателей, профессоров, врачей, инженеров, – даровитый народ.

Благодатный край ! Золотой край !”

3-й очерк “Немецкие орды”

В этот благодатный край пришли немцы. Желают “землю раздать немецким баронам, а казаки-рабы будут ее им обрабатывать”.

Подробно о неимоверных зверствах.

“Какую же лютюю, какую страшную ненависть разбудили немцы в казаках ! Когда была объявлена мобилизация, казаки хлынули на призывные пункты, еще не получив повесток

Ох, и рубят же немцев казаки – нещадно ! И к новой технике сумели приспособиться. Покажутся в степной дали танки, казаки несутся карьером прочь – до первой ложбины или оврага, – с танком кавалеристу плохо иметь дело. В ложбине или овраге долой с лошадой, крикнут, лошади повалятся и лежат, как мертвые, – приучены. А казаки змеями ползут навстречу танкам, прячась в неровностях, за сугробами. Подкатят танки, в них ловко летят связки гранат, танки омертвевают. Тогда казаки бегут к лошадям, вскакивают и несутся за разбежавшимся десантом автоматчиков. Рубят беспощадно, немецкие звери разваливаются под блеснувшими шашками пополам. Беспощадно !

В станицах, в городах донских, очищенных от немцев, уже кипит восстановительная работа . . .”

Примечание. Достаточно оригинальный метод борьбы с танками, да еще представленный как закономерное явление. Ну хорошо, танки подбили, а будут ли бежать автоматчики от кавалеристов, вооруженных шашками ?

А как, в целом, казаки приняли немцев ? Все-таки об этом следовало бы тоже упомянуть, а также о том, сколько тысяч казаков ушло вместе с немцами. Ведь в некоторых областях правомерно это называть исходом.

3-й очерк “Битва за Дон” также о подвигах казаков.

4-й очерк “Лавина творчества”. О том, каким сказочными темпами осуществляется восстановление разрушенного немцами хозяйства.

И теперь и в городке и в районе в чистых, светлых школах гомонят ребятишки (уже нагоняют упущенное). Жители несли какие у юго были книги, – восстанавливали библиотеки, заработали кино, Дом культуры, пионерский клуб. Весной зазеленели новые посадки деревьев вместо вырубленных немцами.

Райком партии планомерно руководит и воодушевляет всех трудящихся на гигантскую работу по восстановлению. Ясно. Что зимой в восстановленных школах и культурных учреждениях работа невозможна, если их не отапливать. Трудящиеся города коллективно заготовили дрова.

В страсти народного творчества грозно подымается жизнь, и она будет еще грознее для всякого, кто попытается в будущем ее разрушить. А по балкам и оврагам голодные волки и собаки вырывают закопанные трупы фашистов и пожирают их. А по дорогам, когда сильные степные ветры срывают толстые слои пыли, пузыряются и лопаются под колесами машин истлевающие внутренности – все, что осталось от врага”.

Примечание. Вообще-то, немцы хоронили своих в гробах, да и каждого, как правило, в своей могиле. Это наши практиковали братские могилы без гробов. Да и потерь у нас было на порядок больше. Так кого пожирали волки ?

Очерк **«Творчество»**, впервые напечатан в «Известиях», 1943, 3 марта, №51

О быстром и радостном восстановлении подмосковного совхоза после ухода немцев. Как обычно, неимоверный трудовой порыв под мудрым руководством коммунистов.

“И как глянешь, везде по совхозу озабоченно мелькают платочки, и редко-редко встретишь черный картуз. И все результаты своего труда они отдают Красной Армии”.

Очерк **«В гостях у Ленина»**, впервые напечатан в ж. «Красноармеец», 1946, № 2, с. 10 – 11.

О единственной и незабываемой встрече с Ильичем: как пригласил, как прислал машину, как ласково встретил, как поил чаем, как расспрашивал о писательских проблемах и о встречах с рабочими, как чутко и внимательно слушал, какие ценные замечания делал и т. д.

Статья **«Народ – титан»**, впервые напечатана в «Известиях», 1947, 1 января, № 1 (9223). Очередной панегирик Советской власти.

“Смерть, пытки, тюрьмы, ссылки – ничто уже не могло остановить железного хода справедливой борьбы. Ленин и Сталин ввели народ к социалистической революции. К ним потянулись лучшие представители народов царской России. Грянула революция, стала она упорно, безжалостно разрушать старую жизнь. На смену приходило что-то другое, незнакомое, новое . . .”

“Я пришел в Октябрьскую революцию после полувека жизни, но счет своим годам веду с ее начала. И душою помолодел, и плечи расправились. Донцы, мои земляки, тоже неузнаваемы стали. Из станиц в институты уходили, наукой овладевали. По степи электрические огни зажигались, по стране города строились. Люди на глазах менялись, духовно росли и богатели. Гордость свою человеческую в труде обрели”.

“Партия воспитала нас”.

О том, как радостно сейчас живется на Дону.

“Не узнать теперь Дона. Не узнать степи, а главное – человека”.

“Великое еще совершит мой народ – титан и созидатель.

Пожелаем же долгие годы мудрому Сталину, вдохнувшему титаническую силу в душу народа !”

Речь **«С высоты восьмидесяти пяти лет»**, произнесенная на собрании московских писателей 14 января 1949 г.

“Так вот и сейчас – с высоты своих восьмидесяти пяти лет, оглядываясь на ушедшие десятилетия, невольно хочется вскрикнуть:

- Друзья ! А жизнь-то какая чудесная ! да как она вкусно пахнет !”

“Мне выпало большое счастье: я стою на пороге коммунизма . . .”

Литературные заметки, автобиография, письма.

Литературные заметки.

Раздел "Литературные заметки" почти полностью ложится на период (1930 – 1948 гг.).

Он включает в себя работы: "Кружковое занятие рабжоров", "Предисловие в «Мятежу» Фурманова", "Умер художник революции", "Ф. Гладков и его «Цемент»", "Вечера рабочей критики", "Читатель и писатель", "Откуда повелись советские писатели", "Как надо", "Михаил Шолохов и его «Тихий Дон»", "Отчет художника", "Из дневника писателя", "«Тисса горит»", "Писатель раньше и теперь", "На XVI съезде ВКП(б)", "«Стихи»", "Записки писателя", "Рассказ о первом рассказе", "Радиоперекличка писателей", "Написано так, что запоминается", "Писатель должен шагать вровень с эпохой", "Растить молодежь", "Воспоминания о Горьком", "Певец социалистической страны", "Художник слова", "У нас одна цель - коммунизм", "Писатель-патриот", "О Златовратском".

Заметка о романе «Тихий Дон», впервые опубликована в «Правде», 1928, 19 апреля.

“. . . Так началась великая судьба великого романа. Только в апреле 1928 года появилась первая заметка о романе, и опять все того же Александра Серафимовича: «Ехал я по степи. Давно это было, давно, - уж засипело убегающим прошлым. Неоглядно, знойно трепетала степь и безгранично тонула в сизом куреве. На кургане чернел орлик, чернел молодой орёлик. Был он небольшой, взглядывая, поворачивал голову и желтеющий клюв.

Пыльная дорога извилисто добежала к самому кургану и поползла огибая.

Тогда вдруг расширились крылья, - ахнул я... расширились громадные крылья. Орёлик мягко отделился и, едва шевеля, поплыл над степью.

Вспомнил я синееще-далекое, когда прочитал «Тихий Дон» Михаила Шолохова. Молодой орлик, желтоклювый, а крылья размахнул. И всего-то ему без году неделя. Всего два-три года чернел он чуть приметной точечкой на литературном просторе. Самый прозорливый не угадал бы, как уверенно вдруг развернется он.

Неправда, люди у него не нарисованные, не выписанные, - это не на бумаге. А вывалились живой сверкающей толпой, и у каждого свой нос, свои морщины. Свои глаза с лучиками в углах, свой говор. Каждый по-своему ходит, поворачивает голову. У каждого свой смех; каждый по-своему ненавидит, и любовь сверкает, искрится и несчастна у каждому по-своему.

Вот эта способность наделить каждого собственными чертами. Создать неповторимое лицо, неповторимый внутренний человеческий строй, - эта огромная способность сразу взмыла Шолохова, и его увидели. . .» (Правда. 1928. 19 апреля). [В. Петелин «Жизнь Шолохова. Трагедия русского гения.» в серии "Бессмертные имена", М., Центрполиграф, 2002, с. 176 - 177].

Рассказ «**Михаил Шолохов**» (ниже приводится полностью), из одно-томника 1939 г.

«Бескрайный степной простор изнеможенно тонет в знойном мареве. С увала на увал лениво тянется полынок, краснеют глиной овраги. По балкам вдоль степных речушек, где куры бродят, потянулись хутора. Лишь за Доном, что разлегся среди песков, под прибрежными горами, - леса, озера, поросшие камышом и осокой – рыбные места. Да станция сверху до самого устья осели по берегам его.

Затеснили Вешенскую станицу пески, к самому Дону притулилась она. Еще до войны и революции в 1905 году родился в хуторе Кружилином Вешенской станицы у вдовы казака сын Михаил (на самом деле официальный муж жив, см. с. 47). Муж ее, Шолохов (они жили невенчаные), был, как тогда называли, «иногородний», то есть выходец из центральной России, из рязанской губернии. Он нес на себе тяжесть, какие несли все «инородние».

С самого рождения маленький Миша дышал чудесным степным воздухом над бескрайними степным простором, и жаркое солнце палило его, суховеи несли громады пыльных облаков и спекали ему губы. И тихий Дон, по которому чернели каюки казаков-рыболовов, неизгладимо отражался в его сердце. И покосы и займище, и тяжелые степные работы пахоты, сева, уборки пшеницы – все это клало черту за чертой на облик мальчика, потом юноши, все это лепило из него молодого трудового казака, подвижного, веселого, готового на шутку, на незлую веселую ухмылку. Лепило его и внешне: широкоплечий, крепко сбитый казачок с крепким степным бронзовым лицом, прокаленным солнцем и ветрами.

Он играл на пыльных заросших улицах с ровесниками-казачатами. Юношей он гулял с молодыми казаками и девочками по широкой улице, и песня шла с ними, а над ними луна. И девичий смех, вскрики, говор, неумирающее молодое веселье.

Казаки – веселый, живой, добродушно-насмешливый народ. Как соберутся кучкой, так – гогот, свист, подмывающий хохот, друг друга умеют высмеять, позубоскалить. Песни поют чудесные, задушевные, степные, от которых и больно и ласково на сердце. И они разливаются от края до края, и никогда не забудешь их.

Михаил впитывал, как молоко матери, этот казачий язык, своеобразный, яркий, цветной, образный, неожиданный в своих оборотах, который так волшебным образом расцвел в его произведениях, где с такой неповторимой силой изображена вся казачья жизнь до самых затаенных уголков ее (да неужели - ? С.К.).

Когда пришел срок, мальчика отвез отец в гимназию. Мать, чудесная женщина, совершенно неграмотная, крепкого пронизательного живого ума, чтоб самостоятельно вести с сыном переписку, принялась учить грамоту и выучилась. Мать и сын радостно писали друг другу. Видимо, мать подарила ему наследство быть крупнейшим художником, подарила драгоценный дар творчества (каким образом - ? С.К.).

Пришла Октябрьская революция. Рвануло застоявшийся, слежавшийся, неподатливый уклад казачьей жизни. Вдруг глубоко пробежала расселина по казачеству: гольтымба пошла с революцией, богатеи - с контрреволюцией. Как и для всех, этот вопрос, куда идти, стал перед молодым Шолоховым. Было не до гимназии. Он бросил школу, и широкая волна революционная подхватила его и понесла в гущу событий (сейчас такая характеристика не проходит, как положительная; С.К.).

Молодой Шолохов – выходец из трудовой семьи, и в его груди вспыхнула жажда битвы за счастье трудящихся, замученных. Вот почему он еще юношей-комсомольцем бился с кулаками в продотрядах. Вот почему он участвовал в борьбе с бандами (хороший мальчик; С.К.). Вот почему в своих произведениях стал на сторону революционной бедноты. Партия и комсомол революционно выправили его мысль (это уж точно; С.К.), революционно зажгли его сердце жаждой принять участие в великой битве эксплуататоров и эксплуатируемых. И он принял это участие сначала с винтовкой, а потом с пером в руке.

Во время гражданской войны Шолохов мыкался по донской земле. Долго был продроботником. Гонялся за бандами, которые бушевали на Дону до 1922 года, нередко банды гонялись за его отрядом. Когда схлынула гражданская война и было покончено с разорявшими землю бандами, Шолохов начал в 1923 году писать. В этом же году он начал печататься в комсомольских газетах и журналах. Переуку книжку рассказов он выпустил в 1925 году. В 1925 году родился писатель Михаил Шолохов.

Вешенская станица у самого Дона. Казачьи курени белеют по широкой улице. На них много пыли, мало зелени. Только милая река, уютно огибая станицу, тихо зеленеет берегами. То голубая под синим высоким небом, то ослепительно золотистая солнечным мельканьем, то сердито нахмурится и, серая, зашумит полными волнами и ветром.

Недалеко от Дона новый дом с мезонином, - дом Шолохова. Наверху кабинет, там работает писатель. Летом в нем не усидишь – жара, зимой не усидишь – холод, - шутит Шолохов. Работает он только по ночам. Привычку эту создают посетители, которые валом валят к писателю. Тут казаки, колхозники, рабочие, командиры, студенты, туристы, иностранцы, старухи, дети, журналисты, писатели, музыканты, поэты, композиторы, - все едут на машинах, на лошадях, верхом, на лодках, на пароходе, летят на самолетах. И всех Шолохов ласково принимает, поговорит, разъяснит, поможет, направит (паломничество какое-то, С.В.)

Он страстно любит свою степь, с ее суховеями, то знойным, то ласковым солнцем, с ее оврагами, перелесками, с ее зверьями, птицами. Он страстно любит свой тихий Дон, который, ласково изогнувшись, так мягко, нежно обняв станицу зелеными берегами, создал уювительно уютный, задушевный, тихий, чуть задумчивый уголок. А в Дону ходит рыба, богатая востроносая стерлядь, и Шолохов весь отдается рыбной ловле.

Примечание. В 60-х годах бабушка с дедушкой меня возили дважды на Дон. Были в "своих" станицах: Вешенской и Усть-Медведицкой (г. Серафимовиче). Кстати, в Вешенской, мягко говоря, очень спокойно относились к Шолохову. Говорили, что, действительно, ловит рыбу, но при этом использует явно браконьерские способы – сети, причем такую разновидность, которая еще и калечит много рыбы. Может это был наговор? Но говорили именно так.

Дон дает ему массу впечатлений, типов, часто неожиданных проявлений народного творчества, самобытного, оригинального в борьбе с природой. У писателя - большие знакомства и тесные дружеские отношения с рыбаками-казаками. Он у них учится, он их наблюдает, он берет от них сгустки векового народного творчества.

Старый, седобородый, лет под девяносто, казак-рыбак, молчаливый, сосредоточенный. Ставит свои переметы на стерлядей, как и другие рыбаки, чьи баркасы сереют на синеве в Дону. Но вдруг исчезает, и никто не знает, куда он подался. Только всегда гонит к станице свой баркас, и в плетевой корзине густо бьется стерлядь. Стерлядь – капризная рыба: то не успевают ее с накатных крючков снимать, то вдруг пропадает, - ни одной! – и рыбаки сушат свои снасти на берегу, - без толку ставить. А дед откуда-то пригоняет баркас полон стерляди. Между казаками-рыболовами твердый слух: колдун! Как ни просили, как ни кланялись деду, чтобы открыл секрет, молчит, как каменный.

Стал просить открыть секрет Шолохов. Дед ни за что. Раз вытащил из кармана Шолохов бутылочку, выпили. В другой раз вытащил, пошатнулся дед, не выдержал (остальные разве не вытаскивали? С.К.).

- Слухай, внуче, только перед богом дай обещание – никому не расскажешь. Это мой дедушка папаше моему передал, а папаше мне. Пойдем.

Спустились к воде. По всему берегу виднелись вытасщенные баркасы: стерлядь начисто ушла куда-то, густой Дон синел. Подошли к саятке, плетеной из прутьев корзине, что тихонько качалась на приколе. Полез дед в нее рукой, вытащил маленькую, верхка в два, стерлядочку, - у него всегда их было наготове несколько, - достал из шаровар длинную-предлинную суровую нитку, протянул конец ее иголкой через хвостик стерлядки, захлестнул, а к другому концу привязал гусиное перо.

- Ну, садись.

Сели в баркас. Зорко проглядел дед весь берег, - никого. Оттолкнулся. Проплыли за поворот. Дед осторожно сунул в воду стерлядку и выбросил перо с ниткой. Стерлядка исчезла в глубине, а перо, нырнув и вынырнув, мигая, торопливо поплыло вверх по Дону. Дед изо всех сил налегал на весла, попевая за пером (молодой Шолохов, при этом, надо понимать, ехал пассажиром; С.К.).

Перо вдруг остановилось, постояло вертикально, потом легло и понеслось вниз. Дед за ним. И километр, и два, и три бегут, белея, перо, и баркас за ним. Много проплыли по течению (три километра гребет девяностолетний старик (!); С.К.). Вдруг опять стало. Остановился и баркас. Долго стояли. Тогда дед снял шапку, перекрестился. - Здесь...

Поставили перемет, постоянно снимать трепещущих стерлядей. Стерлядь - общественная рыба, - живет стадами (может, все-же, косяками? С.К.). И кочевая рыба (неплохой термин для рыбы - кочевая; С.К.): поживет на одном месте, снимется и уйдет за десяток, другой километров (те самые расстояния, которые легко покрывают на лодках девяностолетние старики; С.К.), а на прежнем месте пусто, и рыбаки сушат переметы. Вот стерлядка-то и нашла стаю.

Нужно было видеть восторг Шолохова, - восторг охотника, восторг наблюдателя, в руки которого попался из россыпи народного творчества червонный кусочек.

Примечание. Сюжет о рыбной ловле - несерьезный и, явно, надуманный не только в виду частных несуразностей. В целом, такого не могло быть. 1) Дед никогда не открыл бы секрета по той простой причине, что после этого к нему тотчас бы пропал интерес (как у Шолохова, так и у других). 2) Если бы Шолохов узнал что-либо подобное, то он бы также (как, кстати, нормальный человек) тщательно хранил секрет и если бы и передал его, то только своим детям (а не вынужден был заниматься браконьерством). 3) Какова же мораль у Шолохова и чего стоят его обещания, если переданный ему "большой секрет" он делает достоянием гласности?

Едет Шолохов верхом домой после прогулки в степи. Под станицей, между садами вьется узкая, сдавленная высокими плетнями дорога. Из-за поворота вылетает на большом ходу машина. Лошадь - на дыбы, еще секунда, и она валится вместе с седоком на грудь щепня у плетня. Машину затормозили, еыскочили седоки, оханут, извиняются, просят сесть в машину, доведут домой, а вскочившую лошадь доведут.

- Ладно... ничего... - говорит Шолохов и садится в седло; унижительно верховому ехать в машине, а лошадь вести в поводу.

Въезжает в станицу, глядь, а морда у лошади в крови. Э-э, стой! Разве можно в таком виде явиться в станицу?! Поворачивает к Дону, слезает на берегу, заводит лошадь в воду и начинает тщательно отмывать лошадиную морду от крови. Потом отмыл пузо и ноги от грязи, - заляпалась, когда упала через камни. Вымыл с величайшим трудом, усилиями и болью: нога как свинцовая, взобрался в седло и въехал в станицу на вымытой, чистой лошади. Дома уже не мог сам слезть - сняли. Внесли в комнату. Сапог нечего было и думать снять, - нога почернела, раздулась, как бревно. Пришлось сапог разрезать. Характернейшая черта казачья - сам изломался, но лошадь должна быть в порядке.

Примечание Сюжет с падением также не понятен. 1) Прежде всего, позорно казаку падать с лошади (зачем об этом упоминать?). 2) Если лошадь грязная, то ее надо вымыть. Причем, чем раньше – тем лучше (грязь засохнет – мыть труднее). 3) Если идешь в воду, то сапоги оставляешь на берегу (кто же в сапогах лезет в воду с тем чтобы потом их нельзя было снять и пришлось резать?).

Он часто приезжает в какой-нибудь колхоз, соберет и стариков и молодежь. Они поют, пляшут, бесчисленно рассказывают о войне, о революции, о колхозной жизни, о строительстве. Он превосходно знает сельскохозяйственное производство, потому что не со стороны наблюдал его, а умеет и сам участвовать в нем. Шолохов принимает близкое участие в общественной жизни станицы. Он – член ВКП(б) и член райкома партии. При его помощи организован центр молодежи в станице. Он – отличный семьянин. Трое ребятшек.

Несколько лет тому назад Шолохов поехал за границу и было помер от тоски. Он попал в Берлин. Чуждый язык, особый, строгий уклад громадины-города подавляли его. А перед ним все стояли золотые под солнцем степи, без конца и краю размахнувшиеся и теряющуюся по краям синеву. Синел перед глазами тихий Дон, уютный, весь в зелени его уголок под Вешенской станицей, колхозные собрания, веселые сборища, песни и пляски казачьей молодежи, – нет не мог вытерпеть Шолохов, поехал на вокзал, в вагон – и на милую родину, такую милую, родную, что ни забыть ее, ни надолго оставить невозможно (патриотично; С. К.).

В 1935 году он снова поехал за границу, теперь возмужавший, теперь уже, кроме «Тихого Дона», автор «Поднятой целины» – **вещи, которая открыла глаза зарубежному читателю на удивительный процесс единственной в мире передельки индивидуалиста-крестьянина в коллективиста.**

Произведения Шолохова, по своей правдивости, по своей внутренней красоте и художественной убедительности, по своей красочности, по своему умелому психологическому анализу нашли широкий доступ в сердца зарубежных читателей. Его вещи переведены на все европейские языки.

Его поездка в Данию вызвала огромный интерес в широких кругах Дании, Швеции, Норвегии. «Тихим Доном» и «Поднятой целиной» в переводах зачитывались. Он разбудил в скандинавских странах своими вещами огромный интерес к советской литературе, к советской культуре. Скандинавских читателей нагло всегда обманывала буржуазная печать, которая в лучшем случае замалчивала достижения советской литературы, советского искусства, советской культуры. В худшем случае – несла тупую околесицу, расписывая большевиков, как полудикарей, у которых не может быть талантливых произведений. И вдруг датчане и шведы, и норвежцы собственными глазами стали читать в переводах прекрасного советского художника, развернувшего огромные полотна, равных которым не найдешь в буржуазных странах в теперешнее время.

Но не только стали читать, они увидели воочию этого писателя, они услышали его, этого представителя неизвестной советской литературы, о которой так злобно и упорно, так долго глала буржуазная печать или с ненавистью упорно молчала. А он, вот он стоит, живой представитель литературы прекрасной советской страны. Ему задают массу вопросов обманутые читатели, и он спокойно и ясно отвечает, и обман постепенно рассеивается. Это – победа, победа вторгнуться в чужое, искусственно создаваемое буржуазной печатью непонимание и разломать его. В скандинавских странах Шолохов знакомился с постановкой сельского хозяйства. И когда вернулся домой, рассказал колхозникам о хорошей постановке там удобрения полей, о борьбе с сорняками и чесоткой скота.

- Но, - говорит Шолохов, - по механизации сельского хозяйства в СССР стоит на самом высоком уровне.

Во всех виденных им хозяйствах самый новый трактор был куплен в 1924 г. Из Дании Шолохов поехал в Англию. В полпредстве состоялась его встреча с рядом английских писателей, журналистов и общественных деятелей. Шолохову было задано много вопросов о писателях и читателях в Советском Союзе. На всех произвели сильное впечатление громадные массы книг, издаваемых в СССР. Особенно большое впечатление на английских журналистов произвели миллионные тиражи и распространение произведений Горького. Шолохов указал, что удивляться тут нечему, - ведь число читателей увеличилось в сто раз со времени свержения царизма. Это объясняется ликвидацией безграмотности, весь народ теперь читает книги. Шолохов указал, что нигде в мире писатель не пользуется таким уважением и любовью, как в Советском Союзе.

Через два дня в Лондоне же Общество культурной связи с СССР устроило большой прием в честь Шолохова. Зал был переполнен представителями английской интеллигенции, литераторами и художниками. Председательствовал известный профессор литературы Лондонского университета Аберкромби, который в своей речи тепло приветствовал Шолохова. Встреченный бурными аплодисментами собрания, выступил Шолохов, в яркой и живой речи рассказавший аудитории о новой советской литературе, о новом советском писателе и о новом советском читателе. Директор Британской академии художеств Ротенштейн, выступив от имени собравшихся, выразил большое удовлетворение в связи с приездом Шолохова в Англию. Он подчеркнул чрезвычайно важность подобных визитов, как средства культурного сближения между СССР и Великобританией.

Из Лондона Шолохов поехал во Францию. В Париже Общество по изучению советской культуры устроило встречу французских писателей с Шолоховым. Встреча носила чрезвычайно дружественный характер и вызвала большой интерес во французских литературных кругах. На приеме присутствовали выдающиеся представители французских литературных кругов.

Своими прекрасными произведениями и своей поездкой в зарубежные страны Шолохов сослужил большую службу народам СССР. **Он хорошо поработал над уничтожением той неправды и лжи, которой оплетает буржуазная печать своего зарубежного читателя.**

Две биографические справки: конца 20-х и 1939 г.

В начале 2-х-томника [Л., «Художественная литература», 1985, т. 1, с. 5 – 7] читаем:

«В сравнительно малоизвестной автобиографии, написанной в конце 20-х годов. Серафимович рассказывал о себе, своих родителях, годах детства и юности, о начале своего пути в революцию и литературу:

«Родился... в Донской области. В станице Нижне-Курмоярской. Отец – донской казак, всю жизнь прослужил в полках – в канцелярии. Мать – казачка». «Детство на Дону и в польской местечке Стойница, где стоял полк отца. Как-то на площади поролли розгами казака, убежавшего с тоски на Дон. Мать сказала: “Никогда, никогда не будь военным, они вытравят у тебя душу”, и это врезалось на всю жизнь.

Мать была чудесная женщина, ласковая, отзывчивая. Всякому, кто, был в беде, она отдавала последние крохи. И беднота, крестьяне, трудовые казаки и казачки постоянно толклись у нее. Она им помогала, лечил, возилась с детьми.

Была умная, но ум удивительно непрактического склада, никогда она не умела в жизни хорошо устроиться. Малограмотная, едва умела писать. Владела чудным, ярким, образным языком, тем народным языком. Каким говорит казачество. Одним никогда не стираемым словом умела охарактеризовать человека.

...Воротившись из Волыни на Дон, в глухую Усть-Медведицкую станицу, отдала меня в гимназию. Через год умер отец (мне сравнялось 12 лет). Мать билась в бедности, но сумела после гимназии, неимоверными усилиями и ценой лишений, вогнавших ее в чахотку, отправить меня в ленинградский университет (в 1883 г.). Выхлопотала стипендию, и я смог учиться».

... Но едва ли не самое сильное впечатление – знакомство с Александром Ульяновым, старшим братом Ленина.

« Это был, - вспоминает Серафимович, - красивый юноша, с черными глазами. Он сразу выделялся в толпе матовым и полным несокрушимой энергии лицом, крепкой, слегка вперед наклоненной, точно в порыве, фигурой.

Блестящий оратор, он давил противника несокрушимой аргументацией, сарказмом, стремительностью. С ним было трудно спорить. Начитанность была громадная. Он был великолепный организатор. Схватит человека, повертит его со всех сторон, гож – в организацию, нет – отбрасывает в сторону и за другого.

Он не был народником чистой воды, он отлично знал Маркса. Но он думал, что террором необходимо покончить самодержавие, чтобы добиться хоть маленюк возможности работать среди пролетариата...

В тюрьме я узнал, что Александр Ульянов с 4-мя своими товарищами казнен.

В тюрьму я попал за написанные воззвания к населению, в которых пытался разьяснить смысл окончившегося неудачей покушения на Александра III (в 1887 г.) группой террористов, во главе которых стоял Александр Ульянов».

... И последнее извлечение из автобиографии:

В июле 1887 года два жандарма отвезли меня в Мезень. В ссылке я встретил орехово-зуевского ткача Петра Анисимовича Моисеенко, организатора знаменитой Морозовской стачки. Он произвел громадное впечатление. Стал писать».

В начале однотомника «А. С. Серафимович. Сочинения» [М., Худ. литература, 1939, 504 с.] дается статья Г. Нерадова об авторе, приводимая ниже полностью. Она интересна уже исходя из того, когда была написана. Самое печальное, что современные биографические справки мало чем отличаются от нижеприведенной и, более того, включают в себя подчас целые фрагменты из подобного рода "критических и объективных статей".

«Александр Серафимович Серафимович родился 7 /19 января 1863 года в станице Нижне-Курморьяской, бывшей области Войска Донского, в семье чиновника, служившего в полку казначеем.

Когда ему исполнилось 12 лет, мать определила его в гимназию в станице Усть-Медведицкой (теперь город Серафимович).

Тринадцати лет Александр Серафимович потерял отца, и в семье началась «непроходимая, незамирающая бедность». Уже с третьего класса гимназии приходилось давать грошевые уроки и помогать семье.

Гимназические годы (1874 – 1883) внедрили глубокую ненависть к учителям, забивавшим юные головы схоластической мудростью и казарменной выучкой. Перед педагогами становились во фронт. Директор наводил страх и трепет. Классные надзиратели шпионили за каждым шагом ученика. Однако бурная эпоха конца 70-х и начала 80-х годов нашла отклик и в казачьей станице. Гимназисты, среди которых были и дети бедных казаков, тайком почитывали Писарева, Чернышевского, Герцена, Добролюбова. Приезжавшие на каникулы из Петербурга и Москвы, Харькова и Одессы студенты увлекательно рассказывали им о революционном брожении в крупных рабочих центрах. Гимназисты с замиранием сердца слушали рассказы о таких революционерах, как Желябов, Халтурин, Ипполит Мышкин, о выстреле Каракозова в Александра II.

По окончании гимназии будущий писатель, совершенно еще не думавший тогда о писательской работе, поступил в Петербургский университет, на физико-математический факультет, и сразу окунулся в бурную студенческую жизнь.

В университете происходили постоянные сходы в аудиториях и кружках, обсуждались революционные программы. В то пору народолюбчество уже близилось к закату, на арену выступали русские марксисты.

Серафимович быстро освободился от влияния народолюбческих теорий и примкнул к студенческому кружку, в котором изучали Маркса. Молодые студенты одолевали «Капитал» с большими трудностями: «Бывало, - рассказывает Серафимович, - за вечер разберем строк пять – десять. Зато, когда поняли, «словно широкие ворота, открылись». Здесь же, в университете, Серафимович встречался со старшим братом В.И. Ленина, революционером Александром Ильичем Ульяновым, который произвел на него сильное впечатление, оставшееся на всю жизнь. В связи с неудавшимся покушением на Александра III, организованным А.И. Ульяновым, Серафимович написал прокламацию, за что был арестован жандармами и выслан в 1887 году на три года в заолустную Мезень (бывш. Архангельской губернии).

Ссылка способствовала углублению марксистского мировоззрения будущего писателя. В Мезени он попал в коммуны ссыльных, членом которой был знаменитый организатор Морозовской стачки в Орехово-Зуево, ткач Петр Анисимович Мосеенко. Ссыльные совместно изо дня в день работали в организованной Мосеенком столярной мастерской, так как казенного пособия в семь рублей в месяц не хватало на самую нищенскую жизнь. Ссыльные были отрезаны от культурного мира, не имели возможности общаться даже с местным населением, однако работали и в то же время настойчиво и успешно учились. Тут-то, среди снежных сугробов дальнего Севера, Серафимович начал свою литературную деятельность. Ему тогда было 25 лет.

Срок ссылки, остаток которой был проведен в Пинеге, кончился в 1890 году. Серафимович выехал на родину под гласный надзор полиции. Затем переехал в Новочеркасск и там работал вплоть до 1902 года в газетах «Донская речь» и «Приазовский край».

С первых шагов литературной деятельности (1889 год) определился необычный для того времени интерес писателя к темам, отражающим жизнь трудящихся. Серафимович изучал жизнь рабочих, спускался в шахты, знакомился с условиями труда на крупных фабрично-заводских предприятиях, на железных дорогах. Здесь, на Дону, им были написаны первые рассказы о рабочих: «Стрелочник», «Сцепщик», «Под землей», «Маленький шахтер», а также рассказы из жизни рыбаков: «Месть», «Прогулка». Рассказы печатались в донских газетах, некоторые посылались в петербургские журналы, где встречали порой не весьма любезный прием. Однако роль рабочего класса в 90-ые годы заметно выросла, а это вынуждало даже буржуазные журналы прислушиваться к все возраставшей волне рабочих забастовок, стачек и демонстраций, которые самодержавие повсюду свирепо усмирало.

В 1902 году Серафимович переехал в Москву. К тому времени (в 1901 г.) в петербургском издательстве Б. Звонарева вышел первый сборник его рассказов. Владимир Короленко дал о нем очень хороший отзыв: «Прекрасный язык, образный, скастый и сильный, яркие, свежие описания».

Вскоре Серафимович вошел в писательский кружок «Среда», членами которого состояли Горький, Скиталец, Куприн, И. Бунин, Леонид Андреев, Найденов; рассказы Серафимовича появились в редактируемых Горьким сборниках «Знание». Постепенно, с большими трудностями, терпя нужду и даже голод, Серафимович выдвинулся в первые ряды русской литературы, имя его стало известно широким массам читателей. К тому времени Серафимовичем были уже написаны рассказы: «Степные люди», «Зяц», «На берегу», «Пески», упрочившие его литературное имя.

Несмотря на давление буржуазной среды, Серафимович не изменил характер своего творчества. Черная реакция тогда многих вогнала в отчаяние и безверие. Впоследствии писатель Фурманов имел полное основание так характеризовать Серафимовича: «...Не гнулся и не сдавал этот кремневый человек – ни в испытаниях, ни в искушениях житейских... не сошел с боевого пути, никогда не сфальшивил, - ни в жизни, ни в литературной работе...»

В дни декабрьского восстания в Москве в 1905 году Серафимович, еще не состоявший тогда в партии, оказался с передовыми рабочими на улицах Пресни, где он жил с семьей в Волковом переулке. Он тут же по свежим следам сумел отразить героике первой революции и самоотверженность ее бойцов. Очерк «На Пресне», который теперь входит в школьные хрестоматии, был написан под грохот пушечной канонады и с большой силой передает революционный подъем и самоотверженность пролетариата. Рассказы о первой революции – «У обрыва», «Мертвые на улицах», «Похоронный марш», «Бомбы», «Востроносый», «Зарева», - оказались на массового читателя большой пропагандистское воспитательное влияние. Многие из этих рассказов уже тогда расходились в дешевых изданиях большими и тиражами.

Серафимович принадлежит к числу крупных русских художников, которые не покинули рабочий класс в годы революции. Он стал плечом к плечу с «побежденными» и этим показал, что он – испытанный друг пролетариата не только в его победах, но и в его поражениях.

Кто еще из русских художников тех дней, за исключением Горького, так заклеймил инквизиторов – вешателей (рассказ «Как вешали») ? Каждая строка этого маленького рассказа вопиет. «Палачи ! Какой ужас ! Какой позор !» – должны были воскликнуть все, в ком сохранились хоть жалкие остатки человеческой совести. А в рабочем читателе такой рассказ будил жгучую ненависть, горячее желание освободиться от палачей.

В рассказах о 1905 годе нет разноречия с большевистской линией того времени. Серафимович безоговорочно отгородился от буржуазных либералов, которые, особенно после поражения первой революции стали кричать о «революционной анархии». Произведения Серафимовича настойчиво убеждали, что именно рабочие и крестьяне могут повалить и повалят самодержавие, что именно они являются главной исторической силой в грядущей революции. После революции 1905 года Серафимович уехал с семьей на юг, где прожил до 1910 года. Марксистское мировоззрение все более четко проступало в его произведениях. В романе «Город в степи» Серафимович показал уже рабочий коллектив, организованно отстаивающий свои классовые интересы.

Одновременно Серафимович дал ряд рассказов, рисующих крестьянство. В большой, мастерски написанной повести «Галина», в рассказах «Лихорадка», «Старуха», «Пески», «Ясным утром», «Чибис», «Сухое море» рельефно показана отсталость дореволюционной деревни, власть мелкособственнических инстинктов, бескультурие, расслоение крестьянства. Рисовал он также сумерки буржуазии и ее морально-психологическую упадочность.

В 1915 году, будучи корреспондентом «Русских ведомостей», он поехал в Галицию в качестве санитаря в отряде, организованном «Пироговским обществом врачей». Санитарной сестрой вместе с ним поехала сестра Ленина, Мария Ильинична Ульянова. Санитаров в бараках было мало, причем они работали только днем. Стоны, крики, просьбы раненых, хохот и визг сумасшедших не прекращались ни на миг. Серафимовичу по ночам приходилось бессменно дежурить. Больные непрерывно обращались за помощью. «Наш отряд, - рассказывает писатель, - тогда буквально сбился с ног. Женщина-врач нашего отряда и Мария Ильинична, а также все остальные работали без передышки». Не хватало врачей, фельдшеров. Серафимович часто оставался один на весь барак. Бегал, как угорелый, от одного раненого к другому. Когда

утром являлись наконец санитары, Серафимович в полном изнеможении, с помутневшей головой падал где-нибудь за стеной барака и засыпал.

Буржуазные редакторы «Русских ведомостей» тщательно отбирали материал своего корреспондента о войне. Однако в ряде написанных им с большим художественным мастерством рассказов и очерков он с большим умением, минуя двойные заграждения цензуры, военной и редакционной, обличал звериность войны и ее бессмысленность. Правда, произведения этого периода еще далеки от подлинного понимания классовой сущности и характера войны и задач пролетариата в отношении к империалистической войне. Но, в противовес лживым румянам услужливых оппортунистов и оголтелому шовинизму квасных патриотов, Серафимович в творчестве этого периода чужд какой бы то ни было идеализации целей войны. Умело обходя суровые преграды свирепствовавшей военной цензуры, Серафимович дал правдивые картины разложения царской армии, доведенной продажными и бездарными генералами до развала. Ему удалось также показать и отношение солдатской массы к этой навязанной им войне.

Когда над страной пронесся вихрь Великой Октябрьской Социалистической революции, Серафимович без раздумья и колебаний пошел к большевикам и принял участие в руководстве различными областями культурно-политической работы. В первые годы революции Серафимович вел в «Известиях» литературно-художественный отдел. Работа писателя в большевистской прессе вызвала в буржуазно-писательских кругах, мечтавших, что большевики вот-вот уйдут, «негодование». Вскоре в московском литературном обществе «Среда», которое уже стало распадаться, ушли Горький, Скиталец, Найденов, собрались писатели во главе с Иваном Буниним и Евгением Чириковым «судить» писателя за то, что оно «продался большевикам». «Предателя» и «изменника» при всеобщем ликовании и смехе исключили из «Среды». Через несколько дней в «Известиях» появилась статья Серафимовича «В капле», которая произвела большое впечатление. В этой статье Серафимович показал, что писатели «Среды» идут в одном ряду с купцами, помещиками, денежными тузами, банкирами, а следовательно, - с Калединым, Корниловым, Дутовым.

Серафимовича тогда активно поддержали рабочие и солдаты. Посыпались многочисленные письма с выражением солидарности поступку писателя. В этом смысле характерно письмо рядового солдата, которое было напечатано в «Известиях»:

«Руководствуясь своим гражданским и нравственным долгом, я, солдат 26-го Рыльского полка, житель серых ям, серый окопник, выхожу на защиту тов. писателя, оставшегося по одну сторону пропасти с народом—рабочими, крестьянами и солдатами — и не поколебавшегося в своих убеждениях в пользу несчастного народа. Я достаточно оценил поступок писателя Серафимовича и вполне сознательно отдаю ему честь старого солдата и заявляю, что каждый сознательный солдат сделает то же»...

Как видим, уже с семнадцатого года пролетарская масса умела ценить своего художника. Буржуазные писатели однако не уgomонились. В бессильной ярости они решили хоть как-нибудь напакостить писателю и вырзали из готового тиража сборника «Слово» («Московского книгоиздательства писателей») его повесть «Галина», в которой Серафимович отобразил деревню накануне революции.

В первые годы Октября Серафимович, как партийный большевик, отдал все свое внимание и литературные способности на выполнение ближайших практических задач, стоявших тогда перед партией и советской властью, отложив временно большие планы литературной своей работы. Писатель стал деятельно помогать революции, окруженной извне и изнутри врагами, раскрывать контрреволюционные осиные гнезда и одновременно привлекать на сторону революции колеблющиеся мелкобуржуазные слои города и деревни. Огромное внимание Серафимович уделял выращиванию и воспитанию кадров талантливой пролет. молодежи, шедшей в литературу.

Агитмассовый отдел Моссовета, редактируемый им журнал «Творчество» и ЛИТО Наркомпроса, которым она заведовал, стали подлинной кузницей новых дарований.

Все силы, все способности – на службу революции ! Когда революция в опасности, пролетарский художник должен быть на передовой линии огня, в самых опасных местах, в самые опасные моменты ! Таков был девиз этого писателя.

Серафимович – первый Советский писатель, который, будучи свидетелем зарождения нашей Красной Армии и участником первых ее боевых лет, отдал ей всю силу художника-большевика. Военные корреспонденции его, печатавшиеся в «Правде», будут еще долго с захватывающим интересом читаться красноармейцами, на них будут воспитывать новые поколения бойцов. В годы гражданской войны писатель изобразил героев Красной Армии. Они проходят галереей ярких и увлекательных образов в очерках и корреспонденциях Серафимовича. Каких богатырей, бесстрашных и подлинно самоотверженных, выковала революция и гражданская война.

Обстановка тех лет требовала максимальной быстроты и оперативности. Художник-корреспондент отдаёт фронту свой зоркий глаз: быстро замечает, где чего не хватает. Он внимательно всматривается в окружающее, изучает обстановку, людей, ловит на лету, советует то-то обратить внимание. Нерушимая спаянность с теми, кто сражается на гражданских фронтах. Постоянное неослабное сознание своей собственной ответственности за дело, которое решается на фронтах. Вместе победить или вместе погибнуть – третьего не дано. Никаких колебаний, никаких двойственных настроений, - безоговорочное, полное подчинение себя революции !

Военные очерки и корреспонденции Серафимовича – своеобразная летопись героических побед, писавшаяся под грохот орудий. Они показывают, как в месяцы и годы смертельной опасности революции, истекая кровью, боролась за свое торжество. Корреспондентская работа обогатила жизненный опыт писателя, подняла его как художника и борца. Это помогло ему создать классическое произведение советской литературы о гражданской войне «Железный поток».

Высокий пафос советского патриотизма и подлинное мужество революционного бойца характеризуют личный и творческий облик писателя.

В 1920 году писателю пришлось понести тяжелую утрату. На фронте погиб его старший сын Анатолий. В.И. Ленин, узнав об этом, писал Серафимовичу:

... Приводившееся выше письмо В.И. Ленина. . .

Личное горе не сломило писателя. Товарищеское участие и внимание гения человечества В.И. Ленина ободрило Серафимовича, наполнив новыми силами и стремлением к дальнейшей борьбе за полную победу Октябрьской революции. Писатель стал часто выступать на заводах в разных городах Союза и неизменно обращался к творческим способностям рабочего класса. Серафимович писал и говорил, что нет для пролетарского писателя более высокого учителя, чем борьба рабочего класса. В первые годы Октября большой помехой на пути революции был явный и скрытый саботаж и вредительство. Писатель выступил против саботажников и вредителей с крепкими и меткими статьями.

Первоклассный художник взялся за нужную партии и советской власти важную и ответственную работу художника-агитатора, художника-публициста, фельетониста, корреспондента. Он все время в «походе», все время на боевом наблюдательном посту. С одного фронта гражданской войны – на другой, а если и в «мирной» тыловой обстановке, то тоже – преимущественно там, где идет наиболее сокрушительная ломка, где наиболее напряженная классовая борьба: борьба с поповщиной, с саботирующей буржуазно-либеральной интеллигенцией, с вредителями, с кулаками, с клеветой на советскую власть, борьба за восстановление разрушенного народного хозяйства, за сталинский план индустриализации, за сталинские пятилетки, за колхозы, за улучшение советского аппарата, за новый революционный быт.

Тесная связь писателя с рабочими, начавшаяся еще до революции 1905 года, еще более упрочилась после Октябрьской революции. Серафимович организовывал целый цикл литературных вечеров и «вечера рабочей критики» на фабриках и заводах. Он выступал на многих таких вечерах, не только в Москве, но и в Ленинграде, Туле, Иваново-Вознесенске, Горьком, Сормове, Воронеже, Ростове-на-Дону и других городах Советского Союза. Выступал он с докладами о литературе и с «отчетами художника». Эти вечера имели огромный успех. Рабочие обычно переполняли залы, стояли в проходах, сидели на окнах; в некоторых местах пришлось отчеты повторить, так как зал явно не мог вместить всех желающих. Слушали «докладчика» с большим вниманием, задавали массу вопросов. Писатель давал рабочим отчет в своей художественной работе, говорил о своих литературных планах. Ставил он перед рабочими вопрос так: «Вы часть заслушиваете отчеты ваших хозяйственников – директоров, начальников цехов, - которые говорят вам о своей работе, советуются с вами насчет дальнейших планов; вы их критикуете, указываете на ошибки, промахи, советуете, как их исправить, как лучше организовать производство. Я тоже пришел к вам с отчетом художника и прошу вас меня тоже так же беспристрастно критиковать».

Писатель потом радостно рассказывал, что он воочию увидел поразительный рост рабочих. Особенно его радовала рабочая молодежь. Как могуче поднялось это «сталинское племя» !

Немало пришлось потрудиться Серафимовичу и в деле организации и обучения рабкоров. Одно время организацией рабкоров при редакции «Правды» занималась Мария Ильинична Ульянова. Она обратилась к Серафимовичу с просьбой поехать по заводам и фабрикам для отбора рабкоров. Серафимович взялся за выполнение полученного задания. Терпеливо прочитывая рабкорские «кривули», внося поправки, обрабатывая заметки, давая советы и кропотливо обучая людей, Серафимович воспитал и вырастил не один десяток представителей замечательной большевистской армии рабкоров, селькоров, юнкоров, военкоров.

Одновременно с литературной работой писатель неутомимо вел большую общественную работу, участвуя в рабочих литературных организациях. Он редактировал журнал «Октябрь», выступал на различных литературных конференциях и съездах. Состоя членом РАПП и одно время даже членом ее президиума, Серафимович активно боролся с пробравшимися к руководству РАПП троцкистскими предателями и наемниками. Авербаховская вредительская банда, где и как могла, пакостила Серафимовичу, стремясь подорвать к нему доверие массового читателя. Серафимович многократно открыто выступал против зарвавшихся руководителей РАПП. На этой почве ему даже пришлось отстраниться от всякой работы в президиуме. Выступления Серафимовича сыграли немалую роль в деле разоблачения огромного вреда, который РАПП наносила советской литературе.

Серафимович стал любимым художником пролетариата. Это наглядно показало празднование в 1933 году его семидесятилетия рабочими и литературно-общественными организациями по всей Советской стране. В день юбилея писатель получил следующее приветствие от ЦК ВКП(б):

«ЦК ВКП(б) горячо приветствует пролетарского писателя тов. Серафимовича А.С. в день его семидесятилетия. Коммунистическая партия высоко ценит т. Серафимовича, как пролетарского писателя-революционера, творца классического произведения «Железный поток». ЦК ВКП(б) желает т. Серафимовичу здоровья и сил на дело служения рабочему классу, на дело полного торжества социализму.

ЦК ВКП(б).

ЦК ВЛКСМ писал в своем приветствии:

«Дорогой тов. Серафимович !

В день вашего 70-летия Центральный Комитет ВЛКСМ горячо приветствует Вас, одного из передовых и старейших пролетарских писателей, большевика, известного широким массам трудящейся молодежи.

Ваши произведения помогут делу большевистского воспитания молодежи. Мы уверены, что вы и впредь будете бодро идти в первых рядах железного пролетарского потока, борясь с оружием художественного слова за бесклассовое социалистическое общество, за ленинскую линию нашей партии».

Редакция «Правды» приветствовала своего боевого сотрудника:

«Писателю-бойцу, автору произведений, которые читают миллионы, писателю, с первого же своего произведения служившему делу пролетарской революции, непосредственному участнику революционных боев, создателю пролетарского эпоса, постоянному сотруднику «Правды», - товарищу Александру Серафимовичу шлем большевистский привет. Редакция «Правды».

Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР постановил: *«наградить пролетарского писателя тов. Серафимовича А.С. орденом Ленина за его литературные заслуги перед рабочим классом и трудящимися массами Союза ССР».* Рабочие во всех концах необъятного Советского Союза горячо откликнулись на семидесятилетний юбилей писателя. «Мы, - писали Серафимовичу ленинградские рабочие завода им. Карла Маркса, - любим и ценим тов. Серафимовича за то, что он вплоть до сегодняшнего дня ни разу не свернул с пути пролетарского писателя. Ни один его рассказ за всю продолжительную творческую деятельность не прозвучал фальшиво». Из Иваново-Вознесенска рабочие Большой Дмитровской мануфактуры им. Балацкова писали: «Твои произведения, тов. Серафимович, понятны каждому рабочему-читателю. Книги твои расходятся в нашей фабричной библиотеке нарасхват; за сердце хватают повести о 1905 году». Рабочие московского завода «Шарикоподшипник» им. Л.М. Кагановича приветствовали юбиляра: «Твой «Железный поток» – самая художественная, самая правдивая и убедительная книга, какую мы читали. Нарисованные тобой образы мы будем помнить всегда, - одних с ненавистью и проклятием, других с любовью. Твои произведения останутся памятником и историческими документами эпохи». Рабочие завода им. Сталина заверяли писателя: «Тебя читают и любят многомиллионные массы трудящихся Советского Союза и всего мира».

Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР постановил переименовать станцию Усть-Медведицкую, в которой он рос, в город Серафимович.

В этом году исполняется 50 лет литературной деятельности писателя. Но и в настоящее время, перевалив на восьмой десяток, писатель продолжает неутомимо работать. Огромная творческая энергия преодолевает старость. Советский народ гордится своим художником и радостно приветствует его”.

* * *

Рассмотрим, прежде всего, происхождение. И начнем с автобиографии.

“Отец – донской казак, всю жизнь прослужил в полках – в канцелярии”.

Ну, по такой записи можно судить, что отец, скажем, был полковым писарем. На самом деле офицер – есаул. Участник Кавказской войны и за отличие награжден СГ-4. Затем участвовал в Восточной войне и вновь георгиевская награда.

“Мать – казачка”. Это - о дворянке, дочери есаула. “Малограмотная” мать. О ней же ?

“Как-то на площади пороли розгами казака, убежавшего с тоски на Дон. Мать сказала: “Никогда, никогда не будь военным, они вытравят у тебя душу”, и это врезалось на всю жизнь”.

С чего бы вдруг стали пороть казака по такой причине на площади при всех ? Публичное наказание обычно преследует две цели: 1) чтобы другим неповадно было и 2) чтобы показать, что существует справедливость. Если бы была причина, указанная автором, то наказали бы, просто, при других казаках (это -"внутреннее" дело полка). Кстати, такая причина маловероятна – казаки служили недолго (по сравнению с другими) и, отправлялись на льготу года через три. На площади же, при всех, порют, например, за кражу у местных жителей.

"Воротившись . . . в глухую Усть-Медведицкую станицу".

Усть-Медведицкая была окружной станицей своего (Усть-Медведицкого) округа и уж никак не подпадала под определение "глухая". Два года назад друзья, совершая байдарочный поход по Медведице, посетили г. Серафимович. Экскурсовод, в частности, рассказал, что число продовольственных лавок до революции в станции превышало число продовольственных магазинов в нынешнем городе.

"Мать билась в бедности, но сумела после гимназии, невероятными усилиями и ценой лишений, вознававших ее в чахотку, отправить меня в ленинградский университет (в 1883 г.). Выхлопотала стипендию, и я смог учиться"

Отец прослужил более 25 лет, выслужил достаточно серьезный чин, имел боевые награды. Естественно, что после его смерти вдова получала пенсию, причем, достаточно неплохую. Также естественно, что дети обучались за счет Войска.

А как подается (!): "билась в бедности", заработала чахотку, с трудом выхлопотала . . .

Теперь рассмотрим биографию, опубликованную в 1939 г. Правда она дается от лица другого человека, но поскольку издание было прижизненным, то очевидно, что была согласована с писателем.

Родился "в семье чиновника, служившего в полку казначеем".

Практически, тот же вариант. В начале 1-й Мировой войны в казачьих полках были чиновники. Например, *делопроизводитель по хозяйственной части*. Он носил гражданский чин по Табели о Рангах (Коллежский Регистратор, Губернский Секретарь, и т.д.). Да, это – чиновник. Также к чиновникам можно отнести полковых врача и фельдшера (те же гражданские чины). Офицер же всегда именовался офицером.

После смерти отца "началась «непроходимая, незамирающая бедность». Уже с третьего класса гимназии приходилось давать грошевые уроки и помогать семье". Ощущается нагнетание по сравнению с предыдущим вариантом.

Неплохое дополнение по поводу лет, проведенных в гимназии и внушивших "глубокую ненависть к учителям, забывавшим юные головы схоластической мудростью и казарменной выучкой . . .".

* * *

Один из выводов в 2-х-томнике 1985 г.:

"Исторический облик и опыт народа сложен и противоречив. Опускал ли Серафимович глаза перед суровой правдой жизни ? Может быть, он воспринимал действительность «выборочно» ? Приукрашивал её ? Мы знаем, что это далеко не так. То, что он на своем, к тому времени немалом жизненном пути, что узнал и продумал, видел и знал немногие. И не от чего он не отрекся. «...жизни бояться нечего и нечего бояться самых мерзких ее сторон... от писателя надо требовать, чтобы он

прежде всего был правдив, чтобы он не боялся жизни, а брал все, что в ней есть, но брал это не для того, чтобы пощекотать нервы или доставить нам минутное удовольствие, а для того, чтобы читатель самую жизнь почувствовал, все ее язвы и гнойники». Вот таким был художнический принцип Серафимовича!» [т. 1, с. 17].

Полагаю, что автобиография – один из самых интересных наворотов Серафимовича. Наглядно демонстрируются моральные принципы писателя, показывается его “правдивость” Подобного рода деятели выставляются в качестве некоего морального мерила, объекта для подражания и носителя высоких моральных принципов.

Среди пламенных революционером таких было сколько угодно. Сравнимым и очень примечательным примером представляется Я.М. Свердлов, председатель ВЦИК, после смерти которого в его сейфе были обнаружены драгоценности (кстати, украденные у трудового народа) и заграничные паспорта.

И, тем не менее, сколько ему было поставлено памятников, названо городов и населенных пунктов ?

Письма.

В РГАЛИ существует фонд А.С. Серафимовича (№ 457), включающий в себя четыре описи. Папочка с описями № 2, 3 и 4 не очень толстая. 1-я же опись стоит, как бы, особняком. Она издана типографским способом. Исследователи, работающие в архивах, могут оценить – насколько это необычно. В основном там (в оп. № 1) представлена многочисленная переписка писателя. Так, что в наличии обширные материалы для проведения исследований, о которых говорит доктор А.Г. Кабанов.

Однако меня интересовали письма А.С. к одному конкретному человеку. Так вот, ни одного письма к М.А. Шолохову в таком большом фонде нет (!!).

Приведем выдержки из некоторых писем. Все подчеркивания сделаны мною.

Из писем А Нерадова к А.С. Серафимовичу (1 сентября 1933 г. – 13 июня 1938 г.) [РГАЛИ, ф. 457, оп. 3, д. 76]:

“ . . . Спасибо вам за ваши милые письма. Ваша борьба с местными бюрократами и кредителами меня только радует: она говорит о большом запасе сил и энергии, она обещает дальнейшую плодотворную работу . . . ” (лето 1937 г.)

“ . . . Тут много всяких дел. Начать с Ковтюха (прототип главного героя «Железного потока»). С.К.). Вы все допытывались: не оказался ли он врагом народа. Как будто сердце ваше чуяло. Так оно в конце концов и оказалось . . . ” (1 октября 1937 г.)

“ . . . А «Железный поток» все-таки, после бесконечных разговоров, все таки идет без вашего “Как я писал «Железный поток»”, без статьи самого Ковтюха и без значительной части моих комментариев. А Ковтюх на этот раз засел всерьез и надолго. Точных сведений у меня нет, по-видимому - он был связан с врагами народа. Как гениально предусмотрительны вы были, дав имя своему герою – Кожух – и не уступая настояниям дать настоящую фамилию. Случайность ли это или дальновидность. Вспоминается, что вы никогда не были в восторге от сегодняшней фигуры вчерашнего героя гражданской войны . . . ” (13 октября 1937 г.)

“ . . . Впрочем относительно Ковтюха ничего определенного сказать нельзя. После того, как мне сказали, что он арестован, редактор Гослитиздата его видел в военном мундире. Мы будем счастливы узнать, что к этим военным бандитам, которые торговали советскими народами. Ковтюх касательства не имеет . . . ” (17 июня 1938 г.)

Из писем А.С. Серафимовича Г.Б. Нерадову (с 12 июля 1926 г. по 19 июля 1939 г.; 38 писем и 1 телеграмма). [РГАЛИ, ф. 457, оп. 4, д. 70]:

"В нашей Сталинградской обл. куча вредителей оказалась. Но когда вредителем оказался сам облпредисполкома Кузнецов, ахнули. Ведь это же чудовищно. Одно утешает – теперь раскорчуют их до дна. В нашем районе вредители совершенно развалили одну МТС..." (6 июля 1937 г.) [л. ?].

"... Не купаюсь до сих пор. Поймите, не купаюсь !!! А главное, опять засражался с новым секретарем, Друян: разваливает город. Сколько в ином товарище сидит подленького, ничтожного самолюбивца (? , С.К.), которое чудовищно разваливает дело.

Все это очень неприятно, но с другой стороны поворачивается ко мне огромной пользой: только в борьбе узнаешь людей..." (27 июля 1937 г.) [л. 49].

* * *

Не безынтересна и подборка писем к Лаврентию Павловичу (фамилию называть ?).

В РГАЛИ [ф. 457, оп. 3, д. 28] представлен 61 лист на эту тему.

"Уважаемый товарищ Берия.

Посылаю Вам материал о Серафимовическом районе и городе. Прошу разрешения повидаться с Вами. Если у Вас найдется время, - если нет, переговорить с одним из Ваших заместителей: невозможно передать все в письме, и в процессе беседы возникают вопросы, которые заранее не учесть, а осветить необходимо.

Положение в Серафимовическом Сталинградской области районе /я уехал оттуда в октябре 1938 года/ тяжелое: огромное вредительство, неурожай, неполадки, головопательство и более чем странное поведение некоторых руководящих товарищей. Неудивительно, что были обширные приготовления казаков к восстанию.

Что-то странное происходит в Ст-ой области, в г. Серафимовиче. В г. Серафимовиче есть Детдом. Это была чудовищная трущоба. Т. Федорова, назначенная зав. этим домом сделала из него чудесный Дом. Так её затравили, выгнали, отдали под суд. Назначили т. Гордееву. Она чрезвычайно быстро обратила чудесный Дом опять в трущобу. Я поднял дело. Очень было трудно. Как ни не хотелось, пришлось дело доводить до т. Сталина. Друян /секретарь Райкома/ был снят. Федорова восстановлена, и снова серафимовический Детдом стал лучшим в области: работники Детдома и т. Федорова получили премию. Эту травлю Федоровой яростно вели: Гаврилов, Друян, Кошелев, Герасимов /арестован/, Петров, Суляев, Ярцева. Я представил материал всего что происходило в Серафимовическом районе в областную контрольную комиссию. Познакомился с этим материалом и секретарь Сталинградского Обкома, т. Чуянов. Т. Чуянов, страшно возмущенный, послал в г. Серафимович не только председателя Контрольной Комиссии, т. Семенова, но и представителя прокуратуры. Они собрали гораздо больше материала, уличающие Гаврилова и др., чем я, и частью чисто уголовного характера. Гаврилова сняли, Ярцева тоже. Какая-то тяжелая сильная закулисная рука вдруг все вернула: Гаврилов и Ярцева были восстановлены. Т. Алексеев, один из работников НКВД, заявил: "Их не трогать..." Т. Семенов (зачеркнуто, сверху другая фамилия – Фр...ов), предс. Контрольной Комиссии, за то что энергично вел следствие, снят. Партийная масса обескуражена. Все это чрезвычайно подозрительно.

Ко мне очень хорошо относится население города и района Серафимовического – колхозники, ребяташки школ, учителя, рабочие, интеллигенция, но меня утробно ненавидит руководство, и повидимому крепко не любит областное руководство, по крайней мере часть его. За что ?

Я приехал в г. Серафимович в 1930 году и наткнулся на чудовищно наглое вредительство. Казачество было взорвано. Начался сел.-хоз. саботаж, диверсии, брожение. Я поехал в Москву, подал заявление в ЦК партии. Озеренский был снят, Птуха переведен на Дальний Восток. Вредительство в районе продолжалось. Как ни тяжело было загружать, обратился к т. Сталину: Ведь уже два раза казаки, доведенные до края, готовили восстание. В Сталинграде один за другим арестованы два Семенова, Смородин. Очевидно в НКВД накопился о них материал и ясно стало почему так распялись в Серафимовичском районе Друян. Гаврилов, Суляев, Герасимов, Кошелев, Петров, а в Сталинграде – Ярцева.

Секретарем Сталинградского Обкома назначен т. Чуюнов. У меня такое впечатление: и в области, и в Серафимовичском районе что-то осталось. Это видно по странной истории с Гавриловым, Ярцевой, по деятельности уполномоченного НКВД в Серафимовичском районе т. Шадрина, по травле Федоровой. Морозова, как строителя электростанции, по глухой враждебности руководства района ко всем лучшим работникам. Всю мою предыдущую борьбу и в области, и в районе отлично знают. Как же меня не ненавидеть всем, у кого рыло в пуху. Летом я объезжаю береговые колхозы на небольшой моторной лодке, - материал собираю для книги, которую пишу. Я не буду очень удивлен, если однажды - найдут менядохлым на берегу.

У меня убедительная просьба к ВАМ: посмотреть, что делается в Сталинградской области и в частности Серафимовическом районе. Посмотреть дело инж. Морозова. Он сидит полтора года с декабря 1937 года, если не умер – болезнь печени. Его обвиняют во вредительской постройке Серафимовической электростанции. Да ведь вместе строили! Я добывал деньги, материал, глаз не спускал с постройки. Морозова травили все арестованные теперь враги, б. секретари райкома: Жигулин, Черепанов, Герасимов и Друян. А т. Шадрин по всему городу рассказывает, что это он вместе с Бледным /ныне работает в гражданской авиации в Сталинграде/ упек Морозова. Я ручаюсь, что электростанция построена Морозовым хорошо и быстро при страшно трудных обстоятельствах. Что станция построена не вредительски, подтверждает комиссия специалистов, присланных из Сталинграда.

Я убедил тов. Морозова, чтоб поднять город, баллотироваться в предгорсовета. Его выбрали, он показал блестящую работу. Ведь можно опросить население по этому поводу. Так все: Друян, Суляев /зав. горко/, Петров, Гаврилов, Кошелев, Герасимов и их приспешники всячески саботировали и ломали его работу.

Нынче тов. Шадрин бегаёт по городу и демонстративно ищет мои письма к Морозову. Но мои письма взяты при аресте Морозова, а его ко мне я сейчас же представляю, как только ко мне обратятся. Суть, конечно, не в письмах, а в том, чтобы создавались слухи, что я – контрреволюционер, вредитель, состою в связи с врагом народа Морозовым, что я уже арестован, и пр. И эти слухи ходят по городу и району.

Если Вы найдете нужным расследовать, что делается в Сталинградской области и в Серафимовическом районе, необходимо послать из Москвы доверенное лицо, иначе все смажут.

25 мая 1939 г.

Дом Правительства, 13-й подъезд, кв. 256, тел. В-1-68-21". [1-й черновик на л. 13 – 18; 2-й черновик на л. 19 – 22; последний рукописный черновик на л. 1 – 5; машинописный вариант, представленный выше на л. 57 – 61].

Черновик письма в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б) о "чудовищно-преступном отношении Гаврилова и Яцевой к делу народного образования" [с. 6 - 7]

Техническое подробности обвинения Морозова во вредительстве [с. 8 - 10].

Еще одно письмо:

"Т-щу Берия

Уважаемый Лаврентий Павлович.

Я получил из концлагеря (зачеркнуто. С.К.) Севжелдорлага НКВД (Княж – Погост – Коми СССР) письмо инженера Юрия Алекс. Стефанова и заявления: на Ваше имя, на имя Прокурора Союза т. Вышинского и в Президиум Верховного Совета СССР. Заявления аналогичные. Пересылаю Вам заявление на Ваше имя и сопровождающее письмо Юр. Стефанова ко мне.

Раз эти заявления попали для передачи в мои руки, считаю необходимым во-первых передать их по назначению, во-вторых сообщить об этой семье то, что я знаю о ней.

С Стефановым я познакомился лет 10 – 12 тому назад в г. Новочеркасск, куда я ездил читать лекции. Доктор Стефанов пользовался большим уважением в городе".

Далее в его защиту, Стефанов – железнодорожный врач, родом из г. Серафимовича; его сын Юрий – инженер.

"Конечно, в нынешнее время самые подлые предатели умеют прикинуться честными, приходится быть очень осторожным, но я счел необходимым передать Вам мои впечатления. . ." [л. 23, 25 - 28].

Наброски писем к Вышинскому и в Президиум Верховного Совета СССР [л. 24].

Пять черновиков еще одного письма о нехорошем Шадрине, плохом Воронине, вредительстве и пр.

“Уважаемый товарищ Берия”: О Шадрине: *“. . . продолжает разгон хороших кадров. Так он помог отвратительной кучке местных врачей выгнать прекрасного хирурга Коротеева . . .”* *“Я обратился к нач. Сталинградского управления НКВД, т. Воронину, с просьбой, по-товарищески указать тов. Шадрину, что надо беречь кадры . . .”* [л. 29 – 33 об.].

1-й черновик справок о вредительской деятельности: Друяна, Суляева, Кошелева, Петрова. [л. 35 – 37 об.].

2-й черновик в защиту Морозова и, развернуто, о гнусной сущности: Яרцева, Суляева, Друяна, Петрова, Шадрина. [л. 40 - 49].

В качестве примеров справок:

“Петров 3-й секрет. Серафимович. района. Пьяница. Над ним тяготеет отступление с белыми. На партийном собрании кричал, . . . (?) – убью если про это вспомнишь! Бешено и бесстыдно травил Федорову. Никуда не годный работник”.

“Друян. Служил у Колчака. Злобно травил Федорову. Всячески поддерживал Гаврилова. Совершенно ненужно вынул изнутри здания Дома Культуры капитальную стену – здание раскололось. Получил весьма подозрительно орден Ленина при врагах народа Кузнецове (б. предисполкома в Сталинграде) и др. был снят с должности секретаря Серафимовичского района по моему письму к т. Сталину. Район оставил разваленным (см. Приложение: серьезный урон)”.

Справки о Смородинове, Морозове, Семенове, Петрове, Суляеве. [л. 50 - 55].

* * *

Интересное замечание в письме к Л.П. Берии о письмах Морозова – *“я сейчас же представляю, как только ко мне обратятся”.*

По-моему, это – еще одно подтверждение, что любые письма отдаются по первому же требованию. Нисколько не сомневаюсь, что письма М.А. Шолоховы были также переданы компетентным органам.

Последствия.

Очень интересны во многих отношениях последние 20 лет жизни писателя: 1930 – 1949 гг., период после выхода в свет романа.

Какие “приятности” получил А.С. Серафимович от участия в этой работе ?

Приятность № 1.

Уже говорилось о том, что в процессе создания произведения автор очень смутно себе представляет – как оно будет оценено. После же опубликования постепенно, отнюдь не сразу появляется оценка. Очень часто автор не успевает дожить до этого и триумф (если именно так оценивается роман) приходится на период после смерти.

В данном конкретном случае никаких затяжек не было. Все произошло сразу, я бы даже сказал, моментально.

Полагаю, что в течение одного, ну, максимум, двух лет суммарный тираж «Тихого Дона» многократно перекрыл все то, что А.С. Серафимович издал до этого (за 30 лет литературной деятельности). То, что задумывалось как разминка перед написанием эпопеи «Борьба», оказалось настолько здорово с точки зрения массового читателя и, особенно, правящей власти, что к данному успеху в обязательном порядке необходимо добавлять слово – ошеломляющий.

Может быть, какое то время Александр Серафимович еще “чесал себя иллюзиями”, что он в состоянии сделать и лучше, но очень скоро от этих грез он избавился, а, точнее, ему в этом сильно помогли.

Еще, возможно, какие-то надежды возлагались на то, что самостоятельно (в процессе написания продолжения «Тихого Дона») молодой Миша “обосрется” и тем самым в полной мере покажет свою никчемность. Именно подобное М.А. Шолохов не преминул сделать. Тем не менее, это ни сколько не поколебало его авторитета ни в глазах власти, ни перед массовым читателем. Более того, стало очевидным, что значение первых двух томов настолько велико, что даже при никчемных дополнениях урон произведению в целом не наносится (!). Полагаю, что это ещё и подсластило пилюлю.

Приятность № 2.

Осмысление властью того, что М.А. Шолохов – национальное достояние, произошло также очень быстро. Даже близко к Шолохову не стоял ни один писатель, который бы, с одной стороны, столь правильно (с позиции Советской власти) описал бы важнейшие исторические события, а, с другой, подал бы это в столь увлекательной форме, что вызвало неимоверный интерес не только внутри страны, но и даже за рубежом.

В предыдущей главе перечислены основные “высоты”, достигнутые в «Тихом Доне», вызывавшие столь бурное одобрение большевиков.

Письмо в защиту М.А. Шолохова, да еще и продублированное в «Правде», да еще и с подачи И.С. Сталина. Разве это не говорит о высочайшей оценке, которая дала власть деятельности М.А. Шолохова ?

Уже в следующем (1930-м) году встреча с И.В. Сталиным, на которой:

1) разрешается печатать 3-й том «Тихого Дона»;

2) дается поручение писать роман о коллективизации (а, действительно, кому ещё можно поручить такое ?).

Все это показывает, что, выражаясь современным языком, “крышевание” М.А. Шолохова началось практически сразу после выхода в свет первых двух томов.

А.В. Венков замечает, что в последующих изданиях сочинений А.С. Серафимовича исчезают текстовые фрагменты, от которых очень сильно “пахнет” «Тихим Доном».

Сделаем небольшое отступление. Поговорим о так называемых “тайнах”.

В 1929 г. все очень быстро разобрались в авторстве. Затем работали литераторы, подчищавшие произведения А.С. Серафимовича, не говоря уже о том, что уж кто-кто, а компетентные органы, несомненно, в курсе дела.

Так о каких тайнах может идти речь ?

Помимо этого А.В. Венков замечает, как существенно снижается творчество А.С. Серафимовича:

"... в 1927 – 6, в 1928 – 1 очерк, в 1929 – один рассказ и два очерка, в 1930 – один рассказ и один очерк, в 1931 – то же самое..."

Вполне логично. Разобравшись с предыдущими работами, нужно, естественно, разобраться и с последующими. Александру Серафимовичу "по-товарищески" объясняют, что его будущие произведения не должны напоминать «Тихий Дон». Что-то вроде: - Писать Вы, конечно, можете, только не напоминайте при этом самого себя.

Интересное разрешение (правда ?), под которым подразумевается, фактически, запрет на творчество. Как это в возрасте около 70 лет можно поменять манеру изложения ? Таким образом, помыслы о больших произведениях (ведь задумывалась эпопея «Борьба», частью которой был «Железный поток») больше Александра Серафимовича не "мучили". Творчество закончилось, оставалось писать только небольшие очерки и рассказы.

В 10-ти-томном собрании сочинений [М.: Художественная литература, 1948] последний том – работы 1924 – 1948 г. (а умер А.С., напомним, уже в следующем 1949 году). Таким образом, на последние 20 лет жизни (1830 – 1849 г.), которые, как правило, у писателя достаточно плодотворные, у А.С. Серафимовича приходится менее 1/10 его творчества, в целом.

Сделаны довольно-таки неуклюжие попытки объяснить это:

- 1) большой хозяйственной деятельностью (обустройство гор. Серафимовича);
 - 2) усталостью;
 - 3) разными причинами;
- что можно уловить из его переписки:

Из письма А Нерадова к А.С. Серафимовичу от 1 сентября 1933 г.:

"... Очень рад был вашему письму и успехам гор. Серафимовича. При вашем энергичном содействии – не сомневаюсь – гор. Серафимович в течение одной двух пятилеток станет хороших социалистическим городом – образцовым для всего района. . . Во всем, что вы пишете, есть только одна печальная сторона: это – то, что вы замотались и никак не можете выкроить себе время для ежедневной систематической работы хотя бы по два часа. . ." [РГАЛИ, ф. 457, оп. 3, д. 76].

Кстати, это письмо интересно и еще по одной причине. Какой процветающей была окружная станица Усть-Медведицкая до революции и что из себя представлял затем город Серафимович, да и представляет до сих пор ? Сравнить не то чтобы интересно, а очень грустно.

Из писем А.С. Серафимовича к Г.Б. Нерадову (с 12 июля 1926 г. по 19 июля 1939 г.; 38 писем и 1 телеграмма). [РГАЛИ, ф. 457, оп. 4, д. 70]:

"... Купался много в этом году – это для меня плохо, из-за этого собственно лето пропало. Еще не работал. . ." (19 октября 1933 г.) [л. 20 об.]. Н-да, пошел – искупался. После этого нет никаких сил работать. И так все лето. . . Интересно !

"... Работать еще не работаю, все прицеливаюсь. Чувствую себя неплохо..." (28 августа 1935 г.) [л. 33]. Ну, можно "целиться" год, ну – два, но не двадцать же лет.

Очевидно, - сплошные отговорки, да еще и по принципу – лишь бы что сказать.

Приятность № 3.

Осознание того, что вершина твоего творчества отдана другому, причем сделал ты это сам собственными руками. Последующее уяснение простой мысли, что благодаря этому, в общем и целом, закончилось твое творчество. Ну если бы только это ?

Спустя какое-то время А.С. Серафимович понял, что не только он не сможет перекрыть достижения, продемонстрированные в «Тихом Доне», но и для любого другого советского писателя – это немислимо. И дело вовсе не в личных качествах (отсутствии таланта). Дело в самой системе, которая в абсолютном большинстве случаев просто не позволяет писать в подобной «увлекательной» манере (используя принцип «наворота», да ещё в таком объёме, что превращает произведение в набор скабрёзных анекдотов).

С одной стороны, не так уж и много столь важных тем, как Гражданская война (что в случае успеха предопределяет большие тиражи). С другой стороны, о ком разрешено так паскудно писать ?

Вся история делится на два этапа: «до» и «после». Имеется в виду: до 1917 г., когда все плохо, за исключением нарождавшегося революционного движения; и после, когда все становится уж слишком хорошо, за исключением отдельных мелких недостатков. Как говорится: *«позади мрачно ухало средневековье, впереди загорался ренессанс»*.

Что можно было писать об этапе «до» ? Какие классы или сословия, какую национальность можно было приложить подобным образом (как казаков в «Тихом Доне») ?

Рабочий класс ? Нет. Он сознательный, там такие паскудства, да ещё в массовом порядке, наблюдаться не могли. Крестьянство ? Тоже нет – союзник рабочего класса. Интеллигенция ? Да, пиная. Но всего лишь «прослойка», там не разгуляешься. Можно ли в подобной манере писать о каком-нибудь нацменьшинстве ? Ни в коем случае – жутко обидятся. Такое возможно писать только о казачестве, да и то по двум причинам, сочетание которых никогда не встречается.

Первая. Это злейший враг Советской власти, которого чем больше «опустишь», тем больше тебя похвалят. К тому же только что прекратился планомерно проводимый в отношении его геноцид и никто не знал – это мероприятие совсем закончено, или взята небольшая передышка. А поэтому на Дону никому в голову не пришло возмущаться. Там другие проблемы, там готовятся к значительно худшему.

Вторая. А кто, вообще-то, что-либо знал о казачестве ? Дважды в данной серии (вып. № 38 и 47) приводилась заметка 1914-го года, где в Карпатах казаков воспринимали чем-то вроде кентавров. Интересны, в связи с этим выдержки из письма М.А. Шолохова 1934 года английским читателям:

«Меня несколько смущает то обстоятельство, что роман воспринимается в Англии как «экзотическое» произведение. Я был бы счастлив, если бы за описание чуждой для европейцев жизни донских казаков читатель – англичанин рассмотрел и другое: те колоссальные сдвиги в быту, жизни и человеческой психологии, которые произошли в результате войны и революции» [Собр. сочинений в 8-ми томах. М.: Правда, 1975. т. 8. с. 46].

Так вот, полагаю, что и в целом для России (для Российских губерний) казачество было точно такой же экзотикой, как и для англичан. О нем можно было писать что угодно. В виду абсолютного незнания ситуации просто поверят на слово.

Теперь рассмотрим этап «после». Здесь для писателя ограничений несравнимо больше, чем при описании этапа «до». Можно писать только о достижениях. А если и

упоминать недостатки, то необходимо постоянно подчеркивать, что это отдельные негативные явления, к тому же еще и временные. Даже уже и на казачестве "оттянуться" невозможно ввиду того, что оно, как бы, "перевоспиталось".

Советская цензура, в этом плане, с каждым годом становилась все круче. Так что, в конце концов, это уже само по себе стало напоминать анекдот. В связи с этим, помнится, И.М. Алабин напомнил причину, по которой в 80-х годах не хотели выпускать на экран боевик «Пираты XX века». В одном из эпизодов советский матрос бьет ногой в пах пирату (кстати, очень нехорошему). Разве может так поступать комсомолец?

Таким образом, сам характер цензуры, действовавшей в государстве, как бы, охранял «Тихий Дон» от появления чего-либо сравнимого и тем самым гарантировал то, что данное произведение - было, есть и будет единственным в своем роде.

Можно подвести итоги о том, где и когда можно применять принцип "наворота":

Если до революции писатель был, в общем-то, достаточно свободен (было какое-то давление власти, но, как говорится, все относительно) и, скажем, использование принципа "наворота" было личным делом каждого. Сдерживающими факторами были только: собственная мораль и общественное мнение. Показательно, как в конце 1917 года попытались воздействовать на А.С. Серафимовича коллеги по цеху. Достаточно редкое явление в данной среде и наглядно демонстрирующее – до какой степени, по мнению обществу, писатель перегнул палку.

В тоталитарном же государстве, обладающим неимовой цензурой и полностью исключаящим возможность самостоятельного издания произведения (без соответствующей проверки и корректировка) принцип "наворота" мог использоваться только для узких целей: описание негативных сторон жизни врагов и собственных "лучезарных" достижений. Понятно, что в больших произведениях, да ещё и в качестве основного инструмента, он был категорически запрещен.

Приятность № 4.

Читая письма, что М.А. Шолохова, что А.С. Серафимовича, понимаешь – какое внимание они уделяли получаемым гонорарам. Причем, несмотря на весомые суммы, аппетиты постоянно росли

Например, в письме к Г.Б. Нерадову примерно в 1935 – 1936 г. А.С. Серафимович рассказывает: ". . . *работаю над книгой: - как лавиною идет рост колхозов*". На лодке писатель объезжает ближайшие колхозы, в ней "*спит, работает, отдыхает*". Лодка разваливается, писатель просит о помощи. "*И вот к Вам: нельзя-ли в виде исключения мне заказ сдать на верфь Яхтклуба ВЦСПС по себестоимости. Сверх накладывается крупный процент, мне трудно. Если это возможно, я бы просил дать указание, хорошо попросить, чтоб надежно, - буду и в Азовское выходить, - и в короткий срок. С коммунистическим приветом . . .*". [РГАЛИ, ф. 457, оп. 4, д. 70, л. 36 – 36 об.]. Это при его то гонорах (!). Неплохо выглядит при этом и оборот - "с коммунистическим приветом".

Выше я предположил, что во время создания романа была договоренность А.С. Серафимовича с М.А. Шолоховым о разделе гонорара.

Очень маловероятно, что Александр Серафимович был настолько прозорлив, что обговорил все тиражи «Тихого Дона» на годы вперед (да и как это возможно?).

Скорее – это распространялось на первую публикацию в ж. «Октябрь» (где А.С. был главным редактором), ну и, от силы, может быть на первое издание в виде отдельных книг.

С каждым годом А.С. Серафимович все отчетливее осознавал – какой поток финансовых поступлений обеспечил М.А. Шолохову «Тихий Дон», и что в дальнейшем этот поток будет только возрастать.

Приятность № 5.

Шли годы, наступила 2-я половина 30-х годов. После того, как было планомерно уничтожено все, что «шевелилось»: дворянство, купечество, казачество, кулаки, во многом – середняки, священнослужители, русский офицерский корпус, - пламенные революционеры наконец-то приступили к внутренней разборке. Сколько верных ленинцев заламывало руки и очень прочувственно (с выражением) исполняло арию из любимой в народе оперетты «Летучая мышь» - “За что, за что, о Боже мой . . .”. Никто не был застрахован: ни члены Политбюро, ни маршалы. Никакие заслуги не могли служить гарантией.

Как же в этом плане выглядел наш Александр Серафимович ?

Ну, проблемы то у него были всегда. Одно “неприличное” происхождение чего стоило ? Сын казачьего офицера, мать, вообще, - дворянка. Да и с женой нехорошо – тоже из дворянской среды (см. на эту тему фамилию Петровы).

Однако, это все – ерунда, в сравнении со всем, что связывает А.С. Серафимовича с М.А.Шолоховым. Ведь тот - уже вполне сформировавшаяся и общепризнанная икона Советской литературы. В любой момент власть может решить, что наличие такого опасного свидетеля, который может в любой момент нанести огромный вред престижу государства, просто – неопозволительная роскошь.

Кстати, а что случилось с теми “негодяями”, которые еще в 1929 г. позволили оппорить гений М.А. Шолохова ? Я имею в виду: Ф. Березовского, Ф. Гладкова, Г. Никифорова, А. Малышкина, Г. Санникова. Не стоил ли шолоховедам провести такое небольшое исследование ?

Полагаю, что размышления на это тему, постоянно стимулировали А.С. в демонстрации постоянной лояльности власти (хотя и до этого, надо сказать, недостатка в желании этого не наблюдалось). Многое на эту тему становится ясно после знакомства с письмами писателя.

Но какие-бы заверения не давались Александру Серафимовичу, как бы не ласкала его власть, полагаю, что он в полной мере давал себе отчет, что организация ему несчастного случая с последующими пышными похоронами может последовать в любой момент.

В связи с этим, думаю, что уместно привести закадровый текст в конце американского фильма «Хорошие парни» (с Робертом де Ниро):

“Если ты член банты, никто не предупредит, что тебя хотят убрать. Все происходит иначе. Ссоры и угрозы бывают только в кино. А в жизни твои убийцы придут с улыбкой. Это будут люди, которые всю жизнь заботились о тебе и которые, как тебе казалось, всегда готовы в трудную минуту протянуть тебе руку помощи”.

* * *

Обычно, как нас уверяют, за свои художества и преступления люди расплачиваются на том свете. Хочется верить.

Но в данном конкретном случае расплата последовала еще при жизни. Чувство глубокого удовлетворения вызывает осознание того, что у этого деятеля последние 20 лет жизни были крайне неприятными.

Заключение

После выхода в свет печально известной Энциклопедии «КАЗАЧЕСТВО» [М., ИНФРА-М, 2003] (творчество Батырева и К) мы с И.М. Алабиным решили собирать материал для книги «Красные Донцы». При этом преследуются две цели.

Во-первых, как бы не было для нас отвратительно “красное направление”, описывать Донское казачество, как нечто чистое, непорочное и не имеющего ничего общего с большевизмом, - мы не хотим. Во-вторых, необходимо дать характеристику тем деятелям, кого в качестве примера для подражания выставляет эта энциклопедия.

Жутких фигур достаточно. Одни братья Трифионовы (В.А. и Е.А.) чего стоят ! Или, например, Свечников М.С. Впрочем, подробно о них (и других большевиках) будет сказано в соответствующем выпуске данной серии. Пальму же первенства, на мой взгляд, следует отдать А.С. Серафимовичу. Вряд ли удастся найти более мерзкую фигуру в Донской среде.

Неоднократно с И.М. Алабиным обсуждался вопрос – из какой Донской станицы вышло наибольшее число деятелей, потративших значительные усилия на уничтожение казачества и выставление его в самом неприглядном свете.

И, увы, приходится согласиться с доводами И.М., что это – ст. Усть-Медведицкая. Мне это особенно неприятно, поскольку моя прабабушка оттуда.

Но уроженцами этой станицы были также: А.И. Автономов, М.Ф. Блинов, А.Г. Голиков, И.С. Кувшинов, Ф.К. Миронов, М.М. Попов, И.А. Рожков, М.С. Свечников, И. А. Сдобнов. Не забудем и такую видную современную фигуру, как В.Д. Батырев.

Вероятно, символично – как переименована эта станица. Ныне это г. Серафимович (!!).

Данная работа начата с рассмотрения книги А.В. Венкова. Вероятно, и закончить надо упоминанием его же. Доктор исторических наук, донской казак, как никто другой знающий творчество А.С. Серафимовича. Так какой же моралью он обладает, если в своей книге с очень большим уважением отзывается о писателе ?

* * *

И еще раз о романе, в котором, по моему мнению, А.С. Серафимович принял столь деятельное участие.

В книге “Миражи «Тихого Дона»” уже предлагалась версия того, - за что была присуждена М.А. Шолохову Нобелевская премия.

Автор “закрыл” своими романами «Тихий Дон» и «Поднятая целина» два наиболее слабых места Советской власти – Гражданскую войну и коллективизацию. Описал их именно так, как бы это хотела видеть коммунистическая партия. Чаяния большевиков на этот раз полностью совпали с нежеланием “мировой общественности” разбираться с ужасами, происходившими в России. Значительно привлекательнее в качестве абсолютного зла, по мнению этой самой “общественности”, выглядит, скажем, Холокост. Вручение же премии переводит автора в разряд неприкасаемых, авторитет которого разрушать нельзя. А, попутно подразумевается, что не стоит особенно уточнять – что же на самом деле было в России в то время. Мол: - *Вот вам ваше национальное достояние, хольте его и берегите, все равно же больше премии не получите.*

Сейчас одним из правил хорошего тона на Западе является демонстрация любви к русской литературе. В связи с этим имеет смысл вспомнить: а кому из русских (русскоязычных) писателей давали Нобелевскую премию и за что ?

Оказывается, помимо М.А. Шолохова, это – И.А. Бунин, Б.Л. Пастернак, И.А. Бродский и А.И. Солженицын. Ну, литературные достижения первых троих неоспоримы. Очевидны также и заслуги А.И. Солженицына, но, скорее, в области политики.

Однако, И.А. Бунин – эмигрант, да еще написавший «Окаянные дни» (дневник 1918 – 1919 г.), то есть враг государства на момент получения премии (1933 г.).

Б.Л. Пастернак был в постоянном конфликте с режимом.

И.А. Бродский и А.И. Солженицын – диссиденты, покинувшие страну (первый, кстати, не совсем русский).

Что же получается? Четыре премии – четыре щелчка по носу Советской власти.

Разве не было больше достойных фигур? А как насчет А.А. Ахматовой, М.А. Булгакова, О.Э. Мандельштама? В эмиграции был еще, например, А.И. Куприн. Наверное он в такой мере (чтобы претендовать на премию) не пакостил своей родине.

Может это просто отношение к Советскому режиму?

Впервые Нобелевская премия была вручена в 1901 г. А.П. Чехов, пьесы которого ныне идут по всему миру, умер только в 1904 г. Может быть не успели? Предположим. А как же наша «глыба», наш «матерый человечище»? Ведь Л.Н. Толстой умер только в 1910 г. (!?).

По-моему, правомерно сделать вывод, что это – отношение к стране, в целом. И совсем не важно – какой именно режим в России на том или ином историческом отрезке времени. Полагаю, что в последние годы тот же А.И. Солженицын вряд ли получил бы премию. После возвращения в Россию «мировой общественности» он уже не интересен в такой мере.

Таким образом, премия дается русским писателям за литературные достижения – только, во вторых, а, во-первых, в случае, если они напакостили стране.

Следующая премия русскоязычному писателю может быть вручена, например, В. Аксенову. Где еще можно столкнуться с такой ненавистью к России и всему русскому, как в его «Московской саге»? Или какому-то деятелю из Украины, Грузии или Прибалтики, который развернуто опишет русскую «оккупацию» и последовавшие в результате нее «нечеловеческие страдания» коренного населения.

Через призму всего этого следует еще раз посмотреть – почему же награжден автор «Тихого Дона».

Не стоит разве, в первую очередь, дать оценку этому произведению, как не имеющему ничего общего с действительностью и представившему казачество в самом невыгодном свете? Что-то вроде бессовестного Советского пасквиля.

Не стоит ли, во-вторых, уточнить ответственных за это? Конечно, юридически это сделать сложно, да такие цели и не ставятся. Но неофициально четырехтомный роман можно, скажем, разделить на две части. Что-то вроде: романа М. Митчелл «Унесенные ветром» и продолжения к нему «Скарлетт» (А. Риплей); или произведения Р.Л. Стивенсона «Остров сокровищ» и повести «Приключения Бена Ганна» (автора не помню), продолжающего эту тему.

Это, в свою очередь, даст возможность убедительно продемонстрировать – за что именно дается Нобелевская премия. А также, в очередной раз, покажет отношение «мировой общественности» к России.

Приложение № 1

нашим». Рассказ определе его целиком редколлегии, комитетному усмотрению переделывать его, все же прикалывая мое авторское «я». Вот все, что я хотел тебе сказать. Дело в том, что если вы рассказ не примете и не вышлете мне гонорара в провинцию, то я буду лишен возможности приехать обратно в Москву, денег у меня— черт-ма!

Громадную услугу ты оказал бы мне, если б поместил рассказ, а деньги переслал почтой... Кроме того, не забывай урвать хоть в месяц раз для меня 10 мин. и написать письмо, сообщая о том, что нового в литературе и критике по адресу «Мол. гвар.»...

24 мая 1924

ПИСЬМО А. СЕРАФИМОВИЧУ

Уважаемый и дорогой т. Серафимович!

Посылаю Вам книгу моих рассказов «Лазоревая степь». Примите эту памятку от земляка и от одного из глубоко и искренне любящих Ваше творчество. В сборник вошли ранние рассказы (1923—1924 гг.). Рассказ «Чужая кровь» посвящаю Вам. Примите.

Прошу Вас, если можно, напишите мне Ваше мнение о последних моих рассказах — «Чужая кровь», «Семейный человек» и «Лазоревая степь».

Ваше мнение для меня особенно дорого и ценно.

М. Шолохов

9 декабря 1926

ИЗ ПИСЬМА А. СЕРАФИМОВИЧУ

...Месяца два назад я послал Вам свою книгу «Лазоревая степь». Если найдете время, очень прошу Вас, черкните мне о недостатках и изъянах. А то ведь мне тут

в станции не от кого услышать слово обличения, а Ваше слово мне особенно ценно...

22 февраля 1927

ИЗ ПИСЬМА В ФЕДЕРАЦИЮ ОБЪЕДИНЕНИЙ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Я от вас отрезан расстоянием в 1 200 километров. Почту получаю на 6-й день. Знаю из газет, что было такое совещание, по распределению мест, куда поедут мои собратья по перу. Единственное, что я не знаю,— это когда и куда поеду я.

Волен ли я в выборе и что мне выбирать? Согласитесь, что довольно трудно ориентироваться, живя в ст. Вешенской. Вы мне должны помочь, не так ли?

А мне хотелось бы вот что: если поеду я, то поеду в какой-нибудь колхоз своего Севкавказья; на Алтае, или еще где-либо я буду «гостем»,— иной народ, иной язык и пр. Хотелось бы попасть в колхоз, находящийся в пределах б. Донской области.

1928

ИЗ ПИСЬМА А. БУСЫГИНУ

...Хочу поставить тебя в известность, что в этом году печатать в «Октябре» «Тихий Дон» я не буду. Причина проста: я не смогу дать продолжение, так как 7-я часть у меня не закончена и частично перерабатывается 6-я...

3 октября 1929

ИЗ ПИСЬМА А. ФАДЕЕВУ (?)

...У меня этот год весьма урожайный: не успел весной избавиться от обвинения в плагиате, еще не отгребли рулады той сплетни, а на носу уже другая... Тебе

Приложение № 2

ИЗ ПИСЬМА М. КОЛОСОВУ

...Судя по твоим словам, в моем рассказе «Звери», помимо заглавия и конца, все хорошо, исправить его я не имел возможности... но думаю, что ты сможешь исправить сам (это не трудно). Озаглавь рассказ хотя бы «Окпродкомиссар Бодягин», урежь конец до следующих строк, где описывается место, где лежали Тисленко и Бодягин убитые. Ты не понял сущности рассказа. Я хотел им показать, что человек, во имя революции убивший отца и считавшийся «зверем» (конечно, в глазах слюнявой интеллигенции), умер через то, что спас ребенка (ребенок-то, мальчишка, ускакал). Вот что я хотел показать, но у меня, может быть, это не вышло. Все же я горячо протестую против выражения «ни вашим, ни нашим». Рассказ определенно стреляет в цель. Прочти его целиком редколлегии, а там уже можете по своему компетентному усмотрению переделывать его, все же прижалывая мое авторское «я». Вот все, что я хотел тебе сказать. Дело в том, что если вы рассказ не примете и не вышлите мне гонорара в провинцию, то я буду лишен возможности приехать обратно в Москву, денег у меня — черт-ма!

Громадную услугу ты оказал бы мне, если б поместил рассказ, а деньги переслал почтой... Кроме того, не забывай урвать хоть в месяц раз для меня 10 мин. и написать письмо, сообщая о том, что нового в литературе и критике по адресу «Мол. гвар.»...

24 мая 1924

ПИСЬМО А. СЕРАФИМОВИЧУ

Уважаемый и дорогой т. Серафимович!

Посылаю Вам книгу моих рассказов «Лазоревая степь». Примите эту памятку от земляка и от одного из глубоко и искренне любящих Ваше творчество. В сборник вошли ранние рассказы (1923—1924 гг.). Рассказ «Чужая кровь» посвящаю Вам. Примите.

Прошу Вас, если можно, напишите мне Ваше мнение о последних моих рассказах — «Чужая кровь», «Семейный человек» и «Лазоревая степь».

Ваше мнение для меня особенно дорого и полноценно.

М. Шолохов

9 декабря 1926

ИЗ ПИСЬМА А. СЕРАФИМОВИЧУ

...Месяца два назад я послал Вам свою книгу «Лазоревая степь». Если найдете время, очень прошу Вас, черкните мне о недостатках и изъянах. А то ведь мне тут в станице не от кого услышать слово обличения, а Ваше слово мне особенно ценно...

22 февраля 1927

ИЗ ПИСЬМА В ФЕДЕРАЦИЮ ОБЪЕДИНЕНИЙ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Я от вас отрезан расстоянием в 1 200 километров. Почту получаю на 6-й день. Знаю из газет, что было такое совещание, по распределению мест, куда поедут мои собратья по перу. Единственное, что я не знаю. — это когда и куда поеду я.

Волен ли я в выборе и что мне выбирать? Согласитесь, что довольно трудно ориентироваться, живя в ст. Вешенской. Вы мне должны помочь, не так ли?

А мне хотелось бы вот что: если поеду я, то поеду в какой-нибудь колхоз своего Севказкряя; на Алтае, или еще где-либо я буду «гостем». — иной народ, иной язык и пр. Хотелось бы попасть в колхоз, находящийся в пределах б. Донской области.

1928

ИЗ ПИСЬМА А. БУСЫГИНУ

...Хочу поставить тебя в известность, что в этом году печатать в «Октябре» «Тихий Дон» я не буду. Причина проста: я не смогу дать продолжение, так как 7-я часть у меня не закончена и частично перерабатывается 6-я...

3 октября 1929

ИЗ ПИСЬМА А. ФАДЕЕВУ

...У меня этот год весьма урожайный: не успел весной избавиться от обвинения в плагиате, еще не отгремели рулады той сплетни, а на носу уже другая... Тебе известна

6. А. С. Серафимовичу

1926, 9 дек. Вёшенская.

Уважаемый и дорогой т. Серафимович!

Посылаю Вам книгу моих рассказов «Лазоревая степь»¹. Примите эту памятку от земляка и от одного из глубоко и искренне любящих Ваше творчество. В сборник вошли ранние рассказы (1923—1924 гг.). Они прихрамывают. Не судите строго. Рассказ «Чужая кровь» посвящаю Вам. Примите.

Прошу Вас, если можно, напишите мне Ваше мнение о последних моих рассказах — «Чужая кровь», «Семейный человек», «Лазоревая степь»².

Ваше внимание для меня особенно дорого и полноценно.

М. Шолохов.

9 декабря 1926

7. В Госиздат

1927, 27 янв. Вёшенская.

Убедительно прошу сообщить, вышла ли из печати моя книжка по универсальной библиотеке «О Колчаке, крапиве и прочем»¹? Пишу второе письмо в надежде, что снизойдете до ответа. В том случае, если книжка вышла, перешлите полагающиеся авторские экземпляры и остальные 30% гонорара Северо-Кавказский край, г. Миллерово, ст. Вёшенская, М. А. Шолохову.

М. Шолохов.

8. А. С. Серафимовичу

1927, 22 февр. Вёшенская.

Дорогой т. Серафимович!

Месяца два назад я послал Вам свою книгу «Лазоревая степь»¹. Мне бы очень хотелось услышать от Вас хоть словечко по поводу этой книги.

Если найдете время, очень прошу Вас, черкните мне о недостатках и изъянах. А то ведь мне тут в станице не от кого услышать слово обличения, а Ваше слово мне особенно ценно².

Не откажите.

Адрес: Северо-Кавказский край, Донецкий округ, станица Вёшенская.

С приветом

М. Шолохов.

9. А. М. Стасевичу

1927, 3 апр. Вёшенская.

Ты ли это, т. Стасевич?¹

Получил письмо от 26/III и подписи не разобрал. В середине маячит <...севич...>, а по краям нечто подобное тому, как на керенских деньгах.

Во всяком случае по поводу письма гутарю с тобой. Деньги за «Лазоревую степь» получил. Теперь относительно романа: я надеюсь окончить его к осени (октябрь — ноябрь). В феврале на сей счет переписывались мы с т. Посвянским и тот сообщил мне, что против размера вещи и присылки ее по частям у вас там не возражают. Советовал договориться с т. Морозовой.

Мне тоже не безынтересно было бы знать размер оплаты за печатный лист, тираж и пр. договорные условия. Сообщи мне ваши условия, а тогда я не замедлю прислать первые три части на просмотр². Жду ответ.

Кратко о романе: зовется «Тихий Дон», размер 40 (приблизительно) печатных листов, частей 9. Эпоха 1912—1922 гг. Эпиграф не интересует?

Поговори с кем следует о том, не сможет ли ваше издательство субсидировать меня некоторой суммой денег под роман? Сообщи и на сей счет.

С товарищеским приветом

М. Шолохов.

10. Е. Г. Левицкой

1928, 4 июля. Вёшенская.

Очень я рад Вашему письму, т. Левицкая! Рад не только потому, что «Тихий Дон» получил в Главполитпросвете две звездочки¹, но потому, что письмо Ваше насыщено теплотой и приветливостью. Признаюсь, я не особенно верил Вашему обещанию написать мне. И знаете почему? Не балуют меня московские знакомые письмами. Как это говорится — «С глаз долой — из сердца вон»?

Так вот поэтому мне и не верилось. Очень многие обещают, но очень мало тех, кто обещания хоть относительно выполняет. Исходя из опыта прежних лет, когда ответ от друзей и знакомых буквально выжимался, я и теперь с изрядной долей законного скептицизма отношусь к этим самым обещаниям писать. Теперь, надеюсь, Вам понятна та радость, которую испытал я, получив от Вас письмо, да еще такое дружеское.

Что же Вам сказать о себе? Чтобы это было покороче, вот так можно описать: работаю, читаю, охочусь, рыбалю, немножко старею. С Петрова дня поеду на покос, а потом «зальюсь» на ту сторону Дона, в степь. Ощутимо сказывается отсутствие связи с литотделом. Особенно «радует» меня Грудская. Мы условились с ней, что она мне напишет о 5-й части «Тихого Дона»; до сего времени нет ни строчки. «Октябрь» постукивает телеграммы о высылке конца 5-й части, а я сижу и дожидаясь письма от Грудской². Мило? Передайте, пожалуйста, ей мое большое спасибо. Будьте добры — передайте!

Я был бы Вам очень признателен, если б Вы в следующем письме (теперь я уже верю и жду) черкнули хоть пару строк о де-

дах издательских. Вернулся ли Фролов³? Что все вы там и как? Мой дружеский привет Игорю⁴. Ходил он в поход или нет?

Жду от Вас второй весточки. Спасибо Вам!

С приветом *М. Шолохов.*

P. S. Прочтите в № 6 «Октября» продолжение «Тихого Дона» — черкните мне Ваше мнение. Там меня начинает душить история, и соответственно с этим меняется и характер.

Ну, всего доброго!

11. В Федерацию объединений советских писателей

1928, 9 июля. Вёшенская.

Дорогие товарищи!

Я от вас отрезан расстоянием в 1200 километров. Почту получаю на 6-й день. Знаю из газет, что было этакое совещание, по распределению мест, куда поедут мои собратья по перу. Единственное, что я не знаю, — это когда и куда поеду я. Волен ли я в выборе? И что мне выбирать? Согласитесь, что довольно трудно ориентироваться, живя в ст. Вёшенской. Вы мне должны помочь, не так ли?

А мне хотелось бы вот что: если поеду я, то поеду в какой-либо колхоз своего Севкавказья, на Алтае, или еще где-либо, я буду «гостем», — иной народ, иной язык и пр. Хотелось бы попасть в колхоз, находящийся в пределах б. Донской области. У меня под рукой нет таких колхозов, в которых живуха хоть малость бы отстоялась. Есть начинания, притом мелкие. Где я найду колхоз покрупнее? Этого, пожалуй, и в путеводителях для туристов не найдешь.

Прошу, срочно сообщите мне местонахождение нескольких крупных колхозов в пределах Дона, и с кем мне по этому вопросу необходимо связаться. Жду.

С товарищеским приветом *М. Шолохов.*

Адрес: станция Вёшенская,
Севкавказья, Шолохову М. А.

12. Е. Г. Левицкой

1928, 25 авг. Вёшенская.

Мне остается благодарить Вас за то хорошее дружеское внимание, которое Вы мне оказываете. Я исправно получаю Ваши письма и рецензии¹, читаю и радуюсь... Не подумайте, дорогая т. Левицкая, что радуюсь успеху романа, знаком с рецензиями таких (зажму в зубах крепкое слово), как беккер²; радуюсь тому, что «Тихий Дон» находит столь звучный отклик и у Вас, и у Игоря, и у остальных моих читателей, с коими связан я невидимыми нитями, идущими из — или через «Тихий Дон». Вот это — меня искренне радует! Я задержал ответ, был в отлучке (волка-то ведь ноги кормят), а тут-таки думал, что Вы уже на юге, у моря. Боюсь, не застанет Вас это письмо, провалиется до возвращения.

В сентябре приеду в Москву, очень хочется потолковать с Вами. До приезда отложу и разговор о том, про что исписал я Вам предыдущее письмо. Письмо это я изорвал, не отправил и вот почему! Всего не скажешь, а есть охота о многом поговорить с Вами. Черкните, когда Вы будете в Москве? С какого времени уедете? На это время, значит, останусь я сиротинушкой? Кто же будет мне присылать отзывы с заботливо подчеркнутыми строками? Ну, да добре! Хочется видеть Вас здоровой и бодрой. Ради этого, пожалуй, можно отказаться и от рецензий. Что же Вы не напишете мне о издательских делах? Как «новый хозяин»? Как работается? Что нового? Вы ведь — единственный связующий источник с Москвой. Буду ждать письма. Искренне желаю Вам хорошенько отдохнуть, поправиться, зарядиться работоспособностью, да поосновательней. Игорь едет вместе с Вами?

Мой ему привет.

Ну, будьте добры! До свидания.

М. Шолохов.

О хлебе: идут дожди, мешают уборке, пшеница прорастает в копнах. Настроение у казаков отчаянное. Добрый урожай взять — не возьмешь. Тревожно и — по совести — плохо у нас. За июнь — июль население по району сбывло около 800 пар раб о ч и х быков. Вы знаете, сколько это невспаханых десятин? На этот год резко сократится посев, а это уже лихом пахнет.

М. Ш.

13. Ю. А. Годлевской

1928, 24 сент. Вёшенская.

Вспоминаю тебя, дорогая Годлевская¹, и горько сожалею, что не остался в Москве. Надо бы полечиться в Институте, а то ведь мотает меня лихоманка до сей поры. Каково? Скоро ветер будет с ног валить. Чем черт не шутит, — издохну помаленечку, и осиротет «Тихий Дон»... Ты уж тогда чувствительный некролог напиши, что, так, мол, и так, надежды подавал, сулил быть «маститым». Приехал-то я домой почти здоровым, но дней пять спусти на охоте промок под дождем до нитки и... опять трубка ноль пять. Ну, да все это «образуется» (дань толстовскому юбилею), выхожусь.

Хочется мне поторопить вас со 2 книгой². Выпускайте поскорее. Когда это дело будет? Потом, почему 2 кн. роман-газеты отложена?³ Буду очень тебе признателен, напиши, когда будет корректура, когда думаете выпустить книжку, 2 кн. роман-газеты? И деньги вышли непременно. Жду письмо. Как твое здоровье? Когда и куда в отпуск?

Привет [1 нрзб.]

М. Шолохов.

Р. С. Написал и вспомнил, что рука у тебя тонкая, тонкая, в ладонь можно взять. Привет!

14. Е. Г. Левицкой

1928, 31 окт. Вёшенская.

Получаю рецензии с Вашими отметками, письма — и моя признательность растет. Право, я уже и так чувствую себя перед Вами должником.

Пишу письмо с досадным сознанием, что всего не перескажешь, а хочется о многом с Вами поговорить. Вот поэтому-то не хочется комкать в письме вопросы, касающиеся и «Тихого Дона», и Ваших сомнений.

В самом близком будущем надеюсь быть в Москве, видеть Вас, говорить.

Мой привет Игорю. А Вам пожелание: побольше сохранить запаса здоровья, накопленного на юге. Хочется видеть Вас бодрой.

М. Шолохов.

Привет!

в Москве буду 6—7-го сего месяца. Еще раз привет и поклон с тихого Дона!

15. М. П. Шолоховой

1929, 23 марта. Москва.

Здравствуйте, мои дорогие!

Послал вам деньги вчера, а сегодня собрался написать.

Моя милая Марусенок, ты тысячу раз права — из Москвы скоро не уедешь... Я вначале рассчитывал так: выехать сегодня, но, оказывается, объективные обстоятельства перепланировали мое решение. Рассказываю по порядку: ты не можешь себе представить, как далеко распространилась эта клевета против меня! Об этом только и разговоров в литературных и читательских кругах. Знает не только Москва, но и вся провинция. Меня спрашивали об этом в Миллерово и по железной дороге. Позавчера у Авербаха¹ спрашивал об этом т. Сталин. Позавчера же иностранные корреспонденты испрашивали у РОСТА² соглашение, чтобы телеграфировать в иностранные газеты о «шолоховском плагиате». Разрешение, конечно, дано не было.

А до этого ходили такие слухи, будто я подьесаул Донской армии, работал в контрразведке и вообще заядлый белогвардеец. Слухи эти не привились ввиду их явной нелепости, но и про это спрашивал Микоян³; причем — любопытная подробность — когда его убедили в ложности этих слухов, он сказал: «Даже если бы Шолохов и был офицером, за «Тихий Дон» мы бы ему все простили!»

Меня организованно и здорово травят⁴. Я взвинчен до отказа, а в результате — полная моральная дезорганизация, отсутствие работоспособности, сна, аппетита. Но душой я бодр! Драться буду до конца! Писатели из «Кузницы» Березовский, Никифоров, Гладков, Малышкин, Санников и пр. людишки с сволочной ду-

шонкой, сеют эти слухи и даже имеют наглость выступать публично с заявлениями подобного рода⁵. Об этом только и разговору везде и всюду. Я крепко и с грустью разочаровываюсь в людях... Гады, завистники и мерзавцы, и даже партбилеты не облагородили их мещански-реакционного нутра.

Все это уже рассеивается. В печать пойдет в воскресенье опровержение РАППа (Серафимович, Фадеев и др. изучали мои черновики и записи), а клеветников привлекают к партийной ответственности, и дело о них фракция РАППа передает в КК⁶. Ты всего не представляешь! Ох, как закрутили, сукины сыны! Вот по Москве слух, что авторитетная комиссия установила мой плагиат (по взаимствованию, грубее говоря — воровство) и передала материал прокурору Верховного суда Крыленко. Из «Октября» звонят ему. Крыленко руками разводит — «В первый раз слышу!» А слухи уж вяляют: «Материалы в ЦК партии!» Звонят туда — и там ничего не знают. Сплетня выбивается в следующее русло: «Материалы, обличающие Шолохова, в ЦИКе, и уже наложен арест на 50% гонорара». По выяснении — ерунда... И так последовательно ссылаются на «Правду», на редакции разных газет, а когда там справятся, на поверку выходит сплетня. В издательстве непрерывные звонки, в магазинах книги бесчисленные вопросы, на фабриках, на вечерах то же самое... Неплохо атаковали?

Я остаюсь до окончательного выяснения этого дела. С 25 по 31 выступаю с докладами о «Доне»⁸ на пяти крупнейших предприятиях, в клубе им. Кухмистерова⁹, в Доме комсомола и т. д. Надеюсь, ты понимаешь всю чрезмерную опасность создавшегося для моего имени положения и не будешь на меня в претензии за задержку. Да если б я сейчас и поехал, то наверняка сидел бы по неделе у каждой речки. Ибо в Ольховом Рогу мост разобран, снегов в каждой балке пропасть, и сейчас, судя по газетам, уже наступило бурное снеготаяние там у нас.

Я по-прежнему обедаю через день и сплю меньше, чем дома. Но это все ерунда, важно рассеять клевету, подлую клевету! Не так ли?

Маруська! Вчера мне ГИЗ предложил издать «Тихий Дон» у них в массовой библиотеке. Знаешь, сколько предлагают заплатить? 24 000 рублей. По выяснении напишу. Вообще буду писать по возможности чаще. С ГИЗом я, наверно, подпишу договор, они торопят, а я медлю из некоторых соображений этического порядка... <...>

Светлане¹⁰ купил всё, хочу послать посылкой, но боюсь, как бы не подмокла в этакую ростепель, ведь почта будет плавать. Купил ей три платья, одно красное шелковое, другое шерстяное синее с лакированным красным ремешком, третье простое; шапочку и туфли 2 пары — лаковые и белые.

Хозяйствуйте хорошенько, береги, милая, собак и сама наблюдай, чтобы горячим не накормили и чтобы не дрались. Коня

Ваня¹¹ пусть проезживает через день. Привезли ли сено? Ты напиши сейчас же обо всем подробно, я думаю, письмо дойдет. Не купили ли еще овса? Как с камышом? Купил ли Ваня ольх? Ледник набили или нет? Была ли мать? Все пиши. Как у Светы дела? Про нее еще не узнавал... Непременно позови Лосовского¹² и пусть он мне черкнет о состоянии ее здоровья.

Васька¹³ болен гриппом. Шлет привет. Я — как ружье кремневое. Сегодня еду в Коминтерн, надо там локализовать слухи. Ну, как будто всё. Несмотря на то, что очень спешу — опоздал и так. Сейчас 10 часов, и надо мчаться во все концы. Что нового вообще в Вёшках? Я страшно горюю, мне опять не пришлось видеть весну. Проклятые поездки! Мне так хотелось попасть вовремя... Ну, будь здорова, дорогая, не скучай, дни эти пролетят, как сон. Пиши. Обо мне не забывай. Тут мне еще больше нужна бы была твоя поддержка и ласка. Я утешаюсь тем, что за 1000 верст дорогой мне — самый дорогой! — человек горюет и радуется со мной и живет со мной в мыслях, как и я с этим самым человеком. Целую, целую!..

16. Е. Г. Левницкой

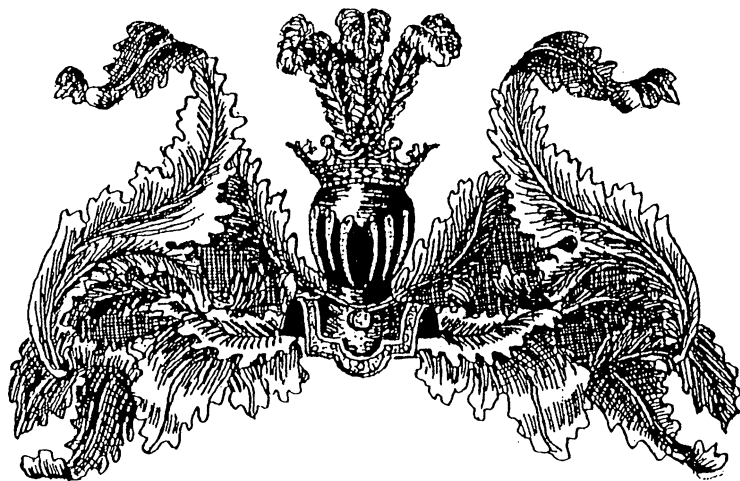
1929, 18 июня. Вёшенская

Вы меня простите, дорогой «шеф», за мое молчание. Я как-то оторвался и от Москвы, и от работы, и от знакомых и друзей. Вам первое мое письмо из Вёшенской. И все это потому, что вот уже полтора месяца, как творятся у нас нехорошие вещи. Я втянут в водоворот хлебозаготовок (литературу побоку!), и вот верчусь, помогаю тем, кого несправедливо обижают, езжу по районам и округам, наблюдаю и шибко «скорблю душой».

Когда читаешь в газетах короткие и розовые сообщения о том, что беднота и середнячество нажимают на кулака и тот хлеб везет — невольно приходит на ум не очень лестное сопоставление! Некогда, в годы гражданской войны, белые газеты столь же радостно вешали о «победах» на всех фронтах, о тесном союзе с «освобожденным казачеством»...

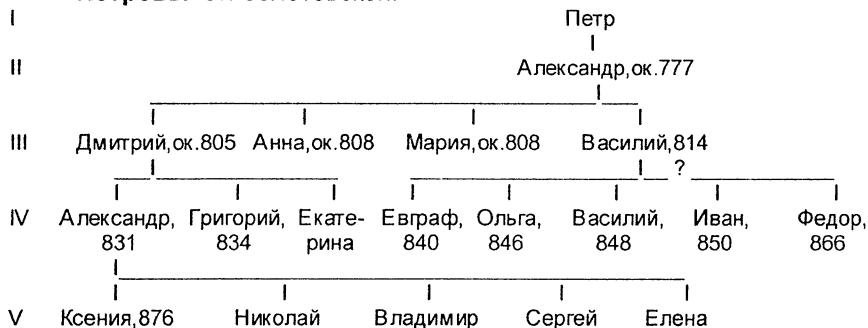
А Вы бы поглядели, что творится у нас и в соседнем Нижне-Волжском крае. Жмут на кулака, а середняк уже раз да в л е н. Беднота голодает, имущество, вплоть до самоваров и полостей, продают в Хоперском округе у самого истого середняка, зачастую даже мало мощного. Народ звереет, настроение подавленное, на будущий год посевной клин катастрофически уменьшится. И как следствие умело проведенного нажима на кулака является факт (чудовищный факт!) появления на территории соседнего округа оформившихся политических банд.

Вчера меня разбудили в 2 часа ночи вёшенские милиционеры. Прибежали за седлом. Выезжала конная разведка верст за 25, так как банда ожидалась в районе одного из наших сельсоветов.

Петровы

Петровы ст. Золотовской:

II колено

Александр Петрович, из казацких детей, р. ок. 1777 г., награжден В-4.

В службе казаком с 8 февраля 1795 г. Писарем Войскового Гражданского Правительства с 8 февраля 1795 г. по 5 декабря 1796 г. Полковым писарем с 28 августа 1796 г. На почтовых станциях по Нагорному тракту с 1 апреля 1802 г. по 23 мая 1798 г. В полку Быخالова (после Янова) с 16 мая 1799 г. по 16 июля 1802 г. Кавказская линия Писарем Аксайского Сысского Начальства с 20 ноября 1802 г. по 1 января 1811 г. Произведен в хорунжие 9 декабря 1808 г. (31 года от роду). Заседателем 1 Донского Сысского Начальства с 1 января 1811 г. по 1 января 1817 г. Сотником с 16 марта 1812 г. В полку Денисова с 8 мая 1818 г. Произведен в есаулы 12 октября 1821 г. Заседателем (затем судьей) 1 Донского Сысского Начальства с 16 сентября 1824 г. по 1 июня 1832 г. и с 1 июня 1839 г. Уволен от службы войсковым старшиной – 29 сентября 1826 г. Женат, дети. [РГВИА, ф. 330, оп. 58, д. 672, ПС за 1843 г.]

В ПС за 1813 г. показано: казак Золотовской ст.; венчался в 1795 г. с обер-офицерской дочерью Ефимией Филипповной, дети: Дмитрий 8 лет, Мария и Анна 5 лет. [РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 30-35]. Еще сын Василий р. в 1814 г., на 1838 г. – урядник. [РГВИА, ф. 405, оп. 6, д. 1640, док. 1838 г.].

Казак Золотовской ст.; вышел в отставку с чином войскового старшины – 29 сентября 1826 г.; судьей Судного Начальства 1 Донского округа с 19 мая 1839 г., с 1 июня 1842 г. и с 1 июня 1845 г. [ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 344а, л. 8 об.].

III колено

Дмитрий Александрович, сын войскового старшины, р. ок. 1805 г.

В службе казаком с 8 июня 1818 г. В полку Денисова 4-го с 8 июня 1818 г. по 1 ноября 1822 г. кордонная служба по границе с Австрией. Урядником с 13 марта 1822 г. Писарем Атаманской канцелярии в 1823 – 1836 гг. Произведен в хорунжие 29 апреля 1828 г. (24 лет от роду). Сотником с 21 сентября 1833 г. Аджютантом в Дежурстве походного атамана с 1836 г. Произведен в есаулы 22 октября 1837 г. Заседателем Донецкого окружного Сысского Начальства в 1838 – 1839 гг. В полку № 54 Золотарева с 31 марта 1842 г.: Кавказская линия. ПС составлен в связи с представлением к чину войскового старшины. Женат, дети: Александр 10 лет, Григорий 8 лет. Имущество приобретенное у родителей в Золотовской ст. – 10 душ и дом. [РГВИА, ф. 330, оп. 58, д. 669, ПС 1843 г.].

Казак Золотовской ст. [ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 506, л. 28]. В полку № 52, представлен к чину войскового старшины. [РГВИА, ф. 405, оп. 6, д. 8139, док. 1849 г.].

Василий Александрович, из дворян, р. ок. 1808 г., казак Золотовской ст.; награжден СМ-849.

В службе казаком с 1 января 1828 г. Канцелярским служащим 1 Донского Сысского Начальства с 14 апреля 1828 г. по 1 января 1833 г. Урядником с 1 января 1832 г. В полку № 28 Платонова с 25 мая 1833 г.: Грузия. Переведен в полк № 13 Каргина, в котором состоял с 1 января 1834 г. по 7 декабря 1837 г. Произведен в хорунжие 16 апреля 1841 г. В полку Богатырева (затем № 45 Юдина) с 10 мая 1841 г. по 21 декабря 1845 г.: Польша, кордонная служба по границе с Пруссией. Сотником с 13 января 1844 г. В полку № 47 Желтоножкина с 16 мая 1847 г. по 3 марта 1850 г.: Польша, участник Венгерской кампании, в действительных сражениях. Произведен в есаулы 11 апреля 1849 г. В полку № 31 Ягодина с 20 мая 1851 г. по 4 сентября 1852 г.: Лабинская линия. ПС составлен в связи с предпологаемой отставкой по выслуге без наград.

2-я жена – полячка Серафима Осиповна, дети: от 1-го брака Евграф р. 12 декабря 1840 г.; от 2-го брака: Ольга р. 10 мая 1846 г., Василий р. 12 апреля 1848 г. Имущество родовое: дом в станице, сад, две мельницы и 6 душ. [РГВИА, ф. 405, оп. 6, д. 11705, ПС за 1852 г.].

IV колено

Александр Дмитриевич, из дворян, р. 12 ноября 1831 г., награжден: БМ-853, БМ-863, ТБМ-877.

В службе казаком с 15 апреля 1848 г. В полку № 52 с 15 апреля 1848 г. по 25 октября 1851 г. Урядником с 3 апреля 1849 г. В полку № 50 с 26 февраля 1854 г. по 20 декабря 1858 г. Произведен в хорунжие 25 апреля 1857 г. В полку № 37 с 27 мая 1861 г. по 15 апреля 1865 г. Сотником с 18 июня 1862 г. В полку № 4 с 27 мая 1869 г. по 23 октября 1872 г. Произведен в есаулы 1 января 1871 г. В полку № 35 с 3 сентября 1876 г. по 8 мая 1879 г. За отличие по службе войсковым старшиной с 5 января 1879 г. В полку № 8 с 7 мая 1883 г.

Жена – дочь хорунжего Косоротова Анна Андреевна, дети: Ксения р.18 января 1876 г. Имущество: 200 десятин земли в Миусском округе и по наследству 15 десятин земли там же. [РГВИА, ф. 330, оп. 57, д. 255, ПС за 1883 г.].

Казак Золотовской ст., сын есаула. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 462, док. 1877 г.]

Анна Андреевна, жена полковника, владелица деревянного дома в Новочеркасске по адресу: Комитетская ул. (от Железнодорожной ул. до Кирпичной ул.), д. № 62 (дворовое место № 5). [Б.В. Краснов «Новочеркасск» (Справочная книжка), Новочеркасск, 1896, с. 155].

Полковник, 74 года; умер 1 ноября 1904 г. от мозгового кровоизлияния; погребен 5 ноября (выписка из метрических книг Новочеркасского Кафедрального Воскресенского Собора). Из завещания А.Д., проживающего в Новочеркасске на Комитетской ул., д. № 64, составленного 24 сентября 1904 г.:

1) дочери – жене казака Ксении Александровне Поповой – 200 десятин земли (д.з.) в Таганрогском округе;

2) второй дочери – малолетней Елене Александровне Петровой – тоже 200 д. з. там же; (правда, с условием, что обе дочери при этом откажутся от доли наследства по матери – Анны Андреевны, в пользу братьев);

3) сыновьям: воспитаннику Московского инженерного училища Николаю и малолетним Сергею и Владимиру в общее владение – дачу – 15 д. з. в Таганрогском округе в балке Глубокой (“Александровка”) и наследство по матери: дом в Новочеркасске и земля в Таганрогском округе. [РГАЛИ, ф. 457, оп. 2, д. 17].

Григорий Дмитриевич, из дворян, р.10 ноября 1834 г, награжден: СМ-Севаст БМ-853, БМ-863, БМ-877.

В службе казаком с 10 мая 1852 г. В Учебном полку с 10 мая 1852 г. по 12 января 1853 г. Урядником с 30 августа 1852 г. В полку № 39 с 9 мая 1853 г. по 5 марта 1856 г.: участник Восточной войны 1853 – 1856 гг., в действительных сражениях против англо-французов. Произведен в хорунжие 24 августа 1855 г. В полку № 3 с 5 августа 1857 г. по 31 декабря 1859 г. В полку № 10 с 16 марта 1861 г. Сотником с 18 июня 1862 г. В полку № 9 с 14 сентября по 21 октября 1862 г. и с 3 марта 1863 г. по 26 февраля 1866 г.: участник Польской кампании 1863 – 1864 гг., в действительных сражениях. В отставке с 16 февраля 1868 г. Вновь в службе в полку № 34 с 16 ноября 1877 г. по 2 апреля 1879 г.: участник Русско-Турецкой войны 1877 – 1878 гг. Произведен в есаулы 15 сентября 1879 г. В полку № 8 с 23 октября 1879 г. по 13 января 1882 г.

Жена – дочь Крижорского купца Кароля Пирилли – Анна (католичка), детей нет. [РГВИА, ф. 330, оп. 57, д. 483, ПС за 1884 г.].

Есаул, состоящий по ВД; отставка без наград – 27 ноября 1886 г. [Выс. приказы].

Евграф Васильевич, из дворян, р. 13 мая 1843 г., казак Екатерининской ст.; окончил казачье уездное училище; награжден: Персидской 3М Льва и Солнца, СМ-А3

В службе казаком с 1 января 1859 г. В полку № 25 с 24 мая 1859 г. по 14 января 1863 г. Урядником с 1 января 1860 г. В Российской Императорской миссии в Тегеране с 20 декабря 1860 г. Произведен в хорунжие 26 декабря 1867 г. В полку № 63 с 31 марта 1869 г. по 9 октября 1871 г. Сотником с 27 июня 1872 г. В полку № 30 (ныне № 8) с 10 мая 1875 г. по 1 июля 1878 г. Участник Русско-Турецкой войны 1877–1878 гг. Произведен в есаулы 9 августа 1877 г. В Областном Правлении с 17 сентября 1884 г. Смотрителем 1 Донской окружной тюрьмы с 31 мая 1885 г. Начальником с 1 марта 1888 г. по 14 июля 1891 г. Станичным атаманом с 1 января 1892 г. по 21 ноября 1897 г.

Жена –дочь подполковника Бажкова Глафира Степановна, детей нет. Имущество потомственное – 200 десятин земли. [РГВИА, ф. 330, оп. 58, д. 379, ПС за 1899 г.]

Иван Васильевич, из дворян, р. ок. 1850 г., казак Золотовской ст.

В службе казаком с 1 января 1869 г. В полку №63 Дукмасова с 5 апреля 1869 г. по 22 ноября 1872 г. Урядником с 1 января 1873 г.

Холост. [РГВИА, ф. 330, оп. 55, д. 2093, ПС за 1873 г.].

Признан неспособным по болезни – 20 сентября 1876 г. [оп. 56, д. 296].

Федор Васильевич, из дворян, р. 12 февраля 1866 г., казак Семикаракорской ст.; окончил 1 военное Павловское училище по 1 разряду.

Юнкером с 29 августа 1883 г. Произведен в хорунжие 7 августа 1885 г. В полку № 5 с 7 октября 1885 г. В полку № 17 с 30 марта 1889 г. Сотником с 24 сентября 1889 г. В Военно-Юридической академии (г. Киев) с 25 июня 1892 г. Произведен в подъесаулы 15 апреля 1893 г. Холост. [РГВИА, ф. 330, оп. 58, д. 51, ПС за 1894 г.].

Окончил 1 военное Павловское училище и Александровскую военно-юридическую академию по 1 разряду.

Есаулом с 20 мая 1895 г. с переименованием в капитаны. Кандидатом на военно-судную должность с 6 июня 1896 г. Столоначальником Главного военно-судного управления с 25 марта 1900 г. Подполковником с 6 декабря 1900 г. Помощником военного прокурора Казанского военного окружного суда с 16 июня 1904 г. по 20 октября 1905 г. За отличие по службе полковником с 6 декабря 1904 г. Военным следователем Петербургского военного округа с 20 октября 1905 г. по 17 марта 1913 г. Награжден: С-2 в 1907 г. и А-2 в 1910 г. Военным судьей Виленского военного окружного суда с 17 марта 1913 г. За отличие по службе генерал-майором с 1913 г. В 5 ДКП. [Список генералов по старш за 1813, 1914, 1916 г.].

С 1918 г. в Донской армии. Председателем военного суда Донской армии с 1919 г. по 24 марта 1920 г. На сентябрь 1919 г. – генерал-лейтенант. Председателем военного суда: отдельного Донского корпуса с 25 марта по 1 мая 1920 г. и Донского корпуса с 1 мая по 15 октября 1920 г. Попал в плен к большевика во время захвата последними в районе Ново-Алексеевки (Таврическая губерния) поезда с тыловыми учреждениями Донского корпуса. Убит большевиками в Ново-Алексеевке. [сообщил И.М. Алабин].

У колено

Ксения Александровна. Имеются два документа об образовании:

“А Т Т Е С Т А Т

Предъявительница сего, ученица VII класса МАРИИНСКОЙ Донской женской гимназии Петрова Ксения Александровна, как видно из документов, дочь Войскового Старшины, православного вероисповедания, имеющая от роду 16 лет, поступила по экзамену в подготовительный класс МАРИИНСКОЙ Донской женской гимназии в 1884 году и, находясь в ней до окончания полного курса учения, в продолжение всего этого времени вела себя отлично и была переводима, по испытаниям, в высшие классы, а именно: из подготовительного в I в 1885 году, из I во II в 1886 году, из II в III в 1887 году, из III в IV в 1888 году, из IV в V в 1889 году, из V в VI в 1890 году, из VI в VII в 1891 году.

В настоящем году, при бывшем окончательном испытании ученицам VII класса, она оказала в обязательных предметах гимназического курса нижеследующие познания:

1) В законе Божьем хорошие (4).

2) В русском языке с церковно-славянским и словесности хорошие (4) и сочинение на русском языке написала удовлетворительно (3).

- 3) В математике хорошие (4).
 4) В географии всеобщей и русской удовлетворительные (3).
 5) В естественной истории хорошие (4).
 6) В истории всеобщей и русской хорошие (4).
 7) В физике и математической и физической географии отличные (5).

Из всех сих предметов получила в общем среднем выводе отметку.

Затем чистописанию и рукоделию обучалась с удовлетворительн. (3) успехами

Сверх того из необязательных предметов гимназического курса она обучалась педагогике с хорошими (4), французскому языку с удовлетворительными (3) и немецкому языку с удовлетворительными (3) успехами.

Почему на основании установленных правил, она Ксения Петрова, удостоена звания ученицы, окончившей полный курс учения в женской гимназии, с распространением на нее прав и преимуществ, предоставленных ст. 45 Положения о женских гимназиях и прогимназиях Министерства Народного Просвещения, ВЫСОЧАЙШЕ утверждено 24 мая / 5 июня 1870 года, и ст. 12 мнения Государственного Совета по вопросу о специальных испытаниях по Министерству Народного Просвещения, утвержденно 22 апреля 1868 года.

В удостоверение чего и дан ей, Петровой Ксении, сей аттестат, по определению педагогического совета МАРИИНСКОЙ Донской женской гимназии, состоявшемуся 30 мая 1892 года. г. Новочеркасск, 31 мая 1892 года.

Председатель педагогического Совета

(подпись)

Начальница гимназии

(подпись)

Члены Совета

(подписи)

Секретарь Педагогического Совета

(подпись)"

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Предъявительница сего, дочь Войскового Старшины Петрова Ксения Александровна, удостоенная в 1892 году аттестата об окончании полного курса учения в МАРИИНСКОЙ Донской женской гимназии, поступила в 1892 году в число учениц VIII дополнительного класса при МАРИИНСКОЙ Донской женской гимназии и, находясь в оном в течении 1892/3 учебного года, оказала в продолжение года и на испытаниях, следующие познания: в законе Божьем хорошие (4), в педагогике и дидактике, а также по начальному преподаванию русского языка и арифметике хорошие (4) и в избранном ею для специального изучения предмете, а именно в математике отличные (5), при чем она вообще исполнила все теоретические и практические занятия в VIII классе, удовлетворительно.

Почему, на основании ст. 44 ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного 24 мая / 5 июня 1870 года Положения о женских гимназиях и прогимназиях Министерства Народного Просвещения, она, Петрова Ксения, имеет право на получение от г. Попечителя Округа, без нового испытания, свидетельство на звание домашней учительницы математики и на право начального преподавания русского языка и арифметики.

В удостоверение чего и дано ей, по определению Педагогического Совета, сие свидетельство за надлежащим подписанием и с приложением казенной печати. Новочеркасск. Июня 5-го дня 1893 года

Председатель педагогического Совета

МАРИИНСКОЙ Донской женской гимназии

(подпись)

За начальницу гимназии

(подпись)

Члены Совета

(подписи)

Секретарь Педагогического Совета

(подпись)"

Имеется документ 1905 г., в котором К.А., в соответствии с волей отца, отказывается от доли в наследстве по матери.

В этом же документе опекушкой малолетник Сергея и Владимира показана Екатерина Дмитриевна Петрова, проживающая в Новочеркасске на Дворцовой ул. [РГАЛИ, ф. 457, оп. 2, д. 15].

19 июля 1911 г. ею было составлено завещание, в котором она оставляет все двум своим сыновьям Анатолию и Игорю в равных долях.

Интересно то, что в документе трижды (!) она именуется *“женой дворянина”*. [РГАЛИ, ф. 457, оп. 2, д. 18].

Сохранилась Трудовая книжка К.А., № 592:

Попова Ксения Александровна, род. в Новочеркасске в 1876 г. Пост. место жительства – г. Москва. Осн. профессия – учительница. Какие ремесла/профессии знает – музыку. Грамотна ли – да. Образование высшее. Замужняя.

Книжка выдана 23 апреля 1920 г. в г. Москве 9-м о/м г. Москвы на основании паспорта, выданного Новочеркасской гор. полицией 26 августа 1905 г. за № 180.

В книжке всего одна запись: Учреждение – Рабоче-Крестьянская Инспекция Финансами, Отдел управления делами. Адрес – Поварская, д. ?. Должность – помощник бухгалтера с 21 (месяц - ?) 1918 г. по 25 (месяц - ?) 1920 г. [РГАЛИ, ф. 457, оп. 2, д. 21].

Примечание. В автобиографии сына Ксении Александровны – Попова Игоря Александровича, написанной в ноябре 1939 г., даются некоторые сведения о родне:

*“Мать ПОПОВА Ксения Александровна из семьи казачьего полковника, работала служащей, умерла в 1931 году. Братья матери: **Сергей** офицер царской армии, командир Красной Армии, умер в годы гражданской войны. **Владимир** в армии не служил, живет в Ростове на Дону. **Николай** умер в годы гражданской войны на территории Колчака. Сестра матери **Елена** живет в Новочеркасске”.*

Сергей Александрович. Сохранилось его письмо к сестре Ксении ок. 1906 г.:

“Здравствуй дорогая Ксеночка.

Вчера получил от тебя телеграмму, где ты зовешь меня приехать к тебе в Ялту. С большим бы удовольствием приехал бы я, да теперь очень поздно, уже 28 число. Побуду два дня и обратно. Так что я решил, что теперь не стоит ездить. Вот если можно будет на Пасху или на вторую половину каникул, то с большим удовольствием. Первую половину каникул я и еще один мой товарищ предполагаем идти путешествовать пешком по Дону. Не знаю, удастся ли нам эта затея. Телеграмма пришла, когда меня не было дома. Когда я пришел, то тетя мне сказала: «Может быть хочешь поехать к Ксени, она тебя зовет, вот телеграмма». Но я отказался, так как мало времени. Вот никак я не начну с тобой переписки. Уже послал тебе четыре письма и нет ответа еще ни на одно из них. То я пишу по старому, то перепутаю адрес. Последнее, т.е. 4-ое я послал тебе 20 дек., но опять неправильно написал, вместо «Дача Дробяриной» написал «Дача Дробяри-никовой», не знаю дойдет или нет и получила ли ты его. Теперь я опишу, как я проведу праздники. В общем не скучаю, но и не слишком весело. С 22 дек. и до 27, я куда не выходил, нигде не был на вечере, хотя был приглашен. Вчера напр. я не пошел в театр, хотя ложу собирал я, я ее и покупал, но перед самым театром отказался и передал другому. На меня, что то напала и мне все хочется заниматься и заниматься, занимаюсь одной математикой. Да еще посторонним предметом, изучаю психологию, главным образом «Симпатические чувствования». Я собираюсь идти на сторону, хотя куда, еще не решил, но только на сторону. Слишком при мне опротивела вся эта военщина. Леля и Володя в Москве у Коли, и хорошо они сделали что уехали, страшная были бы для них здесь скука. 30-го я еду в Ростов

со студентами и на студенческий вечер, а сегодня я иду в офицерское собрание. Не знаю, будет ли весело, так как у меня девиц стало очень мало(?), С.К.) знакомых, больше студентов. Я завязал переписку с Ростовскими гимназистками и, хотя мы еще друг друга не видели, но с одной стороны сделались друзьями. Разговаривали по телефону Ростова и Новочеркаска. Она дочь директора Мореходного Училища. 30-го познакомился. Ты знаешь, я уже второй год учусь очень хорошо и все время нахожусь в первом десятке. У Володи стало 9 в среднем после того, как я стал с ним заниматься.

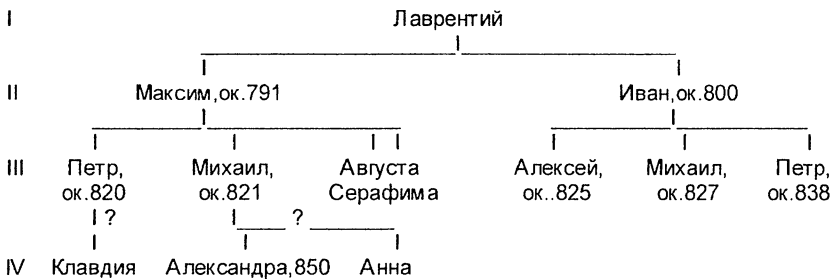
Ну, всего хорошего. Сергей.

Кланяйся Алек. Сер. Пришли, если есть его рассказы: «На Пресне» и подобные. Поцелуй Толку и Киску. Напиши, как твоё здоровье – мое ничего. Главное же напиши адрес, а то слишком плохо писать письма, жаль только марок. У нас новенькое в корпусе то, что мы издаем свой журнал. №№ я пришлю тебе, как-нибудь. Ну еще раз всего, всего хорошего. Сергей” [РГАЛИ, ф. 457, оп. 2, д. 24].

Сергей, хорунжий; сотником с 5 октября 1914 г. со старш. с 6 августа 1914 г. Сотник полка № 53; подъяесаулом с 24 июля 1916 г. со старш. с 3 декабря 1915 г.; за отличие награжден: А-4 –2 сентября 1916 г., С-3 МБ –4 сентября 1916 г. [Выс.приказы]

Сергей Александрович, полковник; после эвакуации Крыма в Донском техническом полку. [РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 88, л. 192 об.].

Петровы ст. Кочетовской:

II колено

Максим Лаврентьевич, из казачьих детей, р. ок. 1791 г.

В службе казаком с 25 января 1808 г. Служба “по внутренности” ВД в 1808 – 1810 гг. Урядником с 1 мая 1810 г. В полку Родионова 2-го с 20 марта 1811 г. Кordonная служба по границе с Пруссией с 28 мая 1811 г. Участник Французской кампании 1812 – 1814 гг., в действительных сражениях: Витебск, Велиж, Полоцк. Произведен в хорунжие 19 октября 1812 г. Борисов, Березина, Данциг, Берлин, Виттенберг, Галле, Лейпциг, Бауцин, Гейнау, Дрезден, Магдебург. С 3 марта 1821 г. в Ростовском уезде против разбойников. В полку Астахова 5-го с сентября 1821 г. В полку Денисова 6-го с 11 мая 1822 г.: Финляндия.

Женат, дети. Имущество – 90 душ. [ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 305, ПС за 1822 г.].

В службе с 1808 г.; произведен в хорунжие 13 апреля 1813 г.; на 1813 г. в полку генерал-майора Родионова 2-го [РГВИА. ф. 489, оп. 1, д. 3603, л. 29 об., док. 1813 г.]. Казак Кочетовской ст.; служивый хорунжий; умер 9 июня 1825 г. [ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 316. л. 64].

Иван Лаврентьевич, 45 лет, казак Кочетовской ст.; в службе с 1819 г.; офицером с 1828 г.; произведен в есаулы 22 октября 1837 г. [ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 506, л. 27, док. 1845 г.].

III колено

Петр Максимович, из дворян, р. ок. 1820 г., награжден: А-3, С-3, БМ-853.

В службе казаком с 5 февраля 1835 г. В полку № 16 Хоперского с 5 февраля 1838 г. по 2 октября 1839 г. Урядником с 26 марта 1839 г. В Учебном полку с 1 мая 1840 г. по 1 мая 1842 г. Произведен в хорунжие 28 июня 1842 г. (21 года от роду). В полку № 33 Редичкина с 6 июня 1844 г. по 26 января 1850 г. Сотником с 31 октября 1846 г. Произведен в есаулы 29 апреля 1851 г. В полку № 3 Юдина 1-го с 10 мая 1851 г. по 29 октября 1856 г. В Учебном полку с 1 мая 1859 г. по 11 мая 1860 г.

Жена – дочь войскового старшины Харитоновна Авдотья Сергеевна, детей нет. Имущество родовое в 1 Донском округе нераздельно с наследниками – 17 душ при пос. Галльском-Мухинском. [РГВИА, ф. 330, оп. 55, д. 1118, ПС за 1862 г.].

Р. в 1820 г.; отец – отставной хорунжий. [ф. 405, оп. 6, д. 1575, док. 1838 г.].

Михаил Максимович, из дворян, р. ок. 1821 г.

В службе казаком с 1 января 1840 г. В Учебном полку с 1 мая 1841 г. по 1 мая 1842 г. Урядником с 20 апреля 1842 г. В полку № 13 Смирнова с 27 мая 1843 г. по 3 сентября 1846 г.: Кавказская линия, в действительных сражениях. Произведен в хорунжие 11 апреля 1849 г. (28 лет от роду). В полку № 10 Оридовского с 29 октября 1849 г.: Грузия, по границе с Персией. Сотником с 19 марта 1854 г.

Жена – дочь урядника Золотарева Феона Степановна, дети: Александра р. 10 апреля 1850 г. [РГВИА, ф. 330, оп. 55, д. 360, ПС за 1855 г.].

Сотник. [Дворянский Адрес-Календарь. СПб., 1897, с. 155].

Августа Максимовна, дочь хорунжего.

Муж – отставной сотник Стоянов Павел Михайлович (сын войскового старшины, р. ок. 1809 г., казак ст. Раздорской с Дона), дети: Василий 4 года, Фома 2 года, Александра 8 лет. [РГВИА, ф. 405, оп. 6, д. 5461, ПС Стоянова П.М. 1843 г.].

Серафима Максимовна, дочь хорунжего.

Муж – отставной есаул Золотарев Капитон Васильевич (из казачьих детей, р. ок. 1799 г., казак Новочеркасской ст.), дети: Василий р. 30 сентября 1837 г., Дмитрий р. 26 октября 1841 г., Григорий р. 24 января 1848 г., Надежда р. 17 сентября 1844 г., Марфа р. 27 августа 1854 г. [РГВИА, ф. 405, оп. 6, д. 13113, ПС Золотарева К.В. 1854 г.]

Алексей Иванович, из дворян, р. ок. 1825 г., награжден ЗОВО.

В службе казаком с 1 января 1845 г. В полках № 8 и 33 с 1 июня 1845 г. по 1 ноября 1846 г. по 1 января 1850 г.: Грузия, в Отдельном Кавказском корпусе. Урядником с 6 апреля 1848 г. В полку № 22 Валуева с 25 апреля 1854 г.: Бессарабия, участник войны с турками, в действительных сражениях: Силистрия. Произведен в хорунжие 18 июля 1854 г. (29 лет от роду).

Холост. [РГВИА, ф. 330, оп. 55, д. 217, ПС за 1854 г.].

Казак Кочетовской ст., сын есаула. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 462, док. 1877 г.].

Михаил Иванович, сын есаула, р. в ноябре 1827 г.; поменял фамилию – стал Поповым. [РГВИА, ф. 330, оп. 55, д. 1577, ПС за 1869 г.].

Петр Иванович, из дворян, р. 29 июня 1838 г., награжден БМ-853.

В службе казаком с 1 января 1856 г. В полку № 22 Валуева с 29 февраля по 22 мая 1856 г. В Учебном полку с 31 мая по 24 октября 1856 г. Урядником с 8 сентября 1856 г. В полку № 3 Болдырева с 3 августа 1857 г. по 9 декабря 1858 г. В полку № 28 Молчанова с 17 мая 1859 г.: участник Польской кампании 1863 – 1864 гг., в действительных сражениях. Произведен в хорунжие 8 октября 1863 г. Переведен в полк № 30 Полякова – 8 сентября 1864 г.

Холост. [РГВИА, ф. 330, оп. 55, д. 1269, ПС за 1864 г.].

Казац Кочетовской ст. [д. 865, ПС за 1859 г.]. Род. 26 июня 1835 г. [д. 1202, ПС за 1863 г.].

IV колено

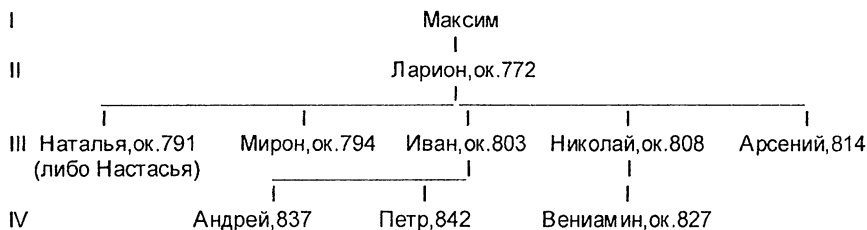
Клавдия Петровна, дочь войскового старшины.

Муж – войсковой старшина Чумаков Иван Тимофеевич (из дворян, р. 21 сентября 1853 г., казак Кочетовской ст.), дети: Георгий р. 28 мая 1889 г., Мария р. 8 июня 1891 г. [РГВИА, ф. 330, оп. 58, д. 374, ПС Чумакова И.Т. за 1899 г.].

Анна Михайловна, дочь сотника.

Муж – сотник Няряников Степан Федорович (сын войскового старшины, из дворян, р. 2 августа 1873 г., казак Кочетовской ст.), дочь Галина р. 15 марта 1899 г. [РГВИА, ф. 330, оп. 58, д. 474, ПС Няряникова С.Ф. за 1903 г.].

Петровы ст. Етеревской:

II колено

Ларион Максимович, сын обер-офицера, р. ок. 1772 г., казак Букановской ст.

В службе казаком с 1 января 1789 г. Полковым писарем с 6 марта 1789 г. В полку полковника Русина с 1 мая 1789 г. по 1790 г.: на почте по Казанскому тракту. В полку полковника Янова с 19 сентября 1793 г.: Польша, участник кампании 1794 г., в многочисленных действительных сражениях. Сотником с 29 сентября 1794 г. В полку полковника Себрякова с 22 марта 1795 г.: Польша. В полку полковника Краснова 1-го (с производством в есаулы) с 1 января 1798 г.: по Днестру.

Жена – дочь казака Фима Ивановна, дети: Мирон 4 года, Наталья (либо Настасья) 7 лет. [РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 3485, ПС 1798 г.].

Казац Етеревской ст.; подполковник; умер 2 марта 1827 г. [ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 316, л. 21 об.].

III колено

Николай Ларионович, из дворян, р. ок. 1808 г., казак Етеревской ст.

В службе казаком с 1 января 1826 г. Станичным писарем с 1 января 1826 г. по 1 января 1829 г. Смотрителем эпидемической болезни холеры в станице с 1 октября

1829 г. по 15 февраля 1830 г. Писарем при Дворянском депутате Усть-Медведицкого округа с 16 апреля 1831 г. по 1 января 1834 г. Урядником с 1 апреля 1832 г. В полку Янова 4-го с 30 мая 1835 г. по 1837 г.: Бесарабия, кордонная служба по границе с Турцией. В Войсковом Дежурстве с 8 апреля 1837 г. по 10 февраля 1839 г. За отличие по службе произведен в хорунжие 23 сентября 1838 г. Сотником с 28 июня 1842 г. ПС составлен в связи с предполагаемой отставкой по болезни без наград. Жена – дочь сотника Медведева Анна Спиридоновна, сын Вениамин 17 лет. Имущество родовое: деревянный дом в станице и 20 душ. [РГВИА, ф. 405, оп. 6, д. 5461, ПС 1843 г.].

Р. в 1807 г.; отец – отставной подполковник, венчался в 1789 г. с казачьей дочерью Ефимией Ивановной. [д. 1041, док. 1837 г.].

Арсений, р. 1814 г.; на 1837 г. – урядник.. Отец – отставной подполковник; венчался в 1789 г. с дочерью казака Ефимией. Брат Иван р. 1803 г., на 1837 г. урядник. [РГВИА, ф. 405, оп. 6, д. 1204].

IV колено

Андрей Иванович, из дворян, р. 19 августа 1837 г., награжден: БМ-853, БМ-863. В службе казаком с 1 января 1856 г. В Учебном полку с 1 мая 1858 г. по 11 мая 1860 г. Урядником с 12 апреля 1859 г. В полку № 41 Леонова с 17 мая 1863 г. по 17 февраля 1867 г. Произведен в хорунжие 13 декабря 1865 г. со старш. с 10 июля 1865 г. В полку № 7 с 27 мая 1869 г. по 1 ноября 1872 г. Сотником с 4 января 1871 г. Атаманом Етеревской ст. с 26 января 1874 г. по 9 декабря 1876 г.

Жена – дочь войскового старшины Гардеева Елена Артемовна, детей нет. Имущество: 200 десятин земли потомственных и 32 десятины земли родовые. [РГВИА, ф. 330, оп. 57, д. 915, ПС за 1889 г.].

Есаул, состоящий по ВД; исключен из списков умершим 5 сентября 1893 г. [Выс. приказы].

Петр Иванович, из дворян, р. 31 декабря 1842 г, казак Етеревской ст.; награжден: СГ-4, БМ-863.

В службе казаком с 1 января 1861 г. В полку № 42 с 25 марта 1861 г. Урядником с 6 декабря 1862 г. Участник Польской кампании 1863–1864 гг., в действительных сражениях; за отличие в делах с 25 по 27 мая награжден СГ-4 – 22 ноября 1863 г. В полку № 41 с 1 ноября 1864 г. по 17 февраля 1867 г. Произведен в хорунжие 29 апреля 1869 г. В полку № 18 с 1 мая 1871 г. по 5 сентября 1873 г. Сотником с 27 июня 1872 г.

Жена – дочь купца Варвара Дмитриевна, детей нет. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 183, ПС за 1874 г.].

Вениамин Николаевич, из дворян, р. ок. 1827 г., награжден БМ-853.

В службе унтер-офицером Л.-Гв. Казачьего полка с 25 июня 1850 г. Переименован в юнкера – 20 декабря 1850 г. Произведен в корнеты 26 июня 1851 г. (24 лет от роду). Поручиком с 27 марта 1855 г. В действительных сражениях не принимал участия. Был в походах: 1852, 1854 и 1855 гг.

Холост. [РГВИА. ф. 330, оп. 55, д. 692, ПС за 1857 г.].

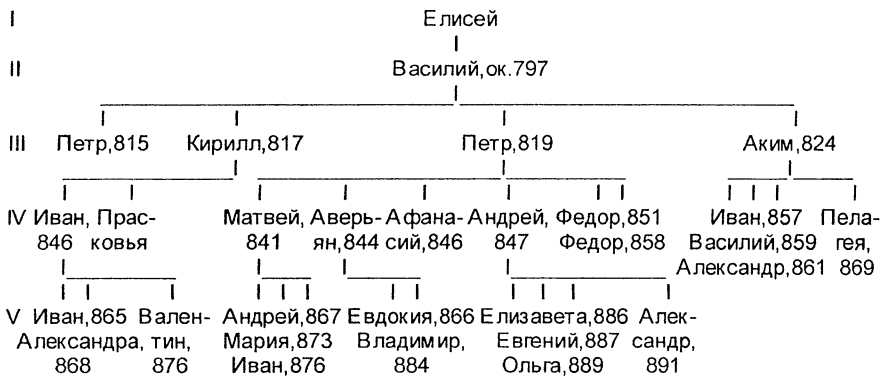
Петровы ст. Зотовская:

II колено

Василий Елисеевич, из казачьих детей, р. ок. 1797 г.; награжден: А-3, Знаком отличие ордена Св. Анны за XX лет беспорочной службы.

В службе казаком с 1 января 1816 г. В Л.-Гв. Казачьем полку с 5 февраля 1818 г. по 10 апреля 1840 г. В 1825 г. в Таганроге при теле Императора Александра I. В 1826 – 1840 г. в С.-Петербурге. Унтер-офицером с 10 ноября 1829 г. Произведен в хорунжие 10 апреля 1840 г. (43 лет от роду). В полку № 5 Волгина с 29 мая 1842 г. по 18 декабря 1846 г.: Грузия. Сотником с 28 июня 1842 г. Произведен в есаулы 7 января 1848 г. В полку № 47 Грекова с 25 марта 1848 г. по 23 января 1853 г.: Польша. Войсковым старшиной с 8 ноября 1851 г. В полку № 73 Кирсанова (после Кульгачева) с 5 июня 1855 г. по 1 января 1860 г.: по берегам Азовского моря; с 1856 г. в Грузии. За отличие по службе награжден А-3 – 26 июля 1858 г.

Жена – дочь казака Покручина Мария Мартыновна, дети: Петр р. 18 января 1815 г., Кирилл р. 17 января 1817 г., Петр р. 20 августа 1819 г., Аким р. 16 сентября 1824 г. Имущество приобретенное – 2 дома в ст. Зотовской. [РГВИА, ф. 330, оп. 55, д. 918, ПС за 1860 г.].

III колено

Петр Васильевич, из дворян, р. ок. 1814 г.

В службе казаком с 1 января 1834 г. В Л.-Гв. Казачьем полку с 6 июня 1835 г. по 3 ноября 1852 г. Унтер-офицером с 1 сентября 1844 г. В 1848 г. в Польше. Произведен в хорунжие 22 октября 1854 г. (40 лет от роду). В полку № 73 Кирсанова с 5 июня 1855 г.: по берегам Азовского моря; с 1856 г. в Закавказье.

Женат, детей нет. [РГВИА, ф. 330, оп. 55, д. 541, ПС за 1856 г.].

Кирилл Васильевич, из дворян, р. 13 января 1817 г., награжден: БМ-853, БМ-863.

В службе казаком с 1 января 1839 г. В Учебном полку с 20 мая 1839 г. по 20 мая 1840 г. В полку № 43 Макарова с 31 мая 1841 г. по 20 декабря 1844 г. Урядником с 19 мая 1845 г. В полку № 36 Дулимова с 29 мая 1846 г. по 25 августа 1850 г. В полку № 73 Кульгачева с 28 февраля 1857 г. по 1 января 1860 г. Произведен в хорунжие 30 июня 1859 г. В полку № 21 Калачинского с 7 апреля 1863 г. Сотником с 8 октября 1863 г. Переведен в полк № 11 Рубашкина, в котором состоял с 13 января 1864 г. по 11 ноября 1866 г. Жена – дочь казака Хрисанфа Егоровна, сын Иван р. 23 января 1846 г. Имущество за родителями – дом в ст. Зотовской. [РГВИА, ф. 330, оп. 55, д. 1606, ПС за 1869 г.]

В ПС за 1864 г. показано: р. 18 января 1817 г., жена – дочь казака Привалова Анна Егоровна. [оп. 55, д. 1254].

Петр Васильевич, из дворян, р. 20 августа 1819 г., награжден БМ-853.

В службе казаком с 1 января 1838 г. В Учебном полку с 1 мая 1851 г. по 10 мая 1852 г. В полку № 42 Ульянова с 16 марта 1853 г. по 15 мая 1856 г. Урядником с 18 марта 1854 г. В полку № 15 Филина (после Машлыкина) с 15 августа 1858 г. по 6 января 1863 г. Произведен в хорунжие 18 июня 1862 г.

Жена – дочь казака Куницаина Меланья Васильевна, дети: Матвей р. 8 августа 1841 г., Аверьян р. 18 октября 1844 г., Афанасий р. 19 января 1846 г., Андрей р. 2 июля 1847 г., Федор р. 15 февраля 1851 г., Федор р. 8 февраля 1858 г. Имущество – дом в ст. Зотовской. [РГВИА, ф. 330, оп. 55, д. 1241, ПС за 1864 г.].

Аким Васильевич, из дворян, р. 9 сентября 1824 г., казак Зотовской ст.; награжден: С-3 МБ, БМ-853, БМ-863.

В службе казаком с 1 января 1843 г. В полку № 5 с 29 мая 1843 г. по 18 декабря 1846 г. Урядником с 9 мая 1846 г. В полку № 8 с 25 июня по 9 сентября 1848 г. В полку № 11 Харитонов с 31 октября 1849 г. по 12 июня 1856 г. Произведен в хорунжие 30 июня 1859 г. В полку № 33 Астахова с 25 февраля 1861 г. по 14 июня 1865 г. Сотником с 8 октября 1863 г. Участник Польской кампании 1863 – 1864 гг., в действительных сражениях; за отличие в делах награжден С-3 МБ – 19 сентября 1863 г. В полку № 2 Бакланова с 29 мая по 11 августа 1869 г.

Жена – дочь войскового старшины Васса(?) Яковлевна, дети: Иван р. 8 сентября 1857 г., Василий р. 22 января 1859 г., Александр р. 16 апреля 1861 г., Пелагея р. 24 сентября 1869 г. Имущество: дом в станице и за родителями дом. [РГВИА, ф. 330, оп. 55, д. 1586, ПС за 1869 г.].

Казак Зотовской ст., сын сотника. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 462, док. 1877 г.].

IV колено

Иван Кириллович, из дворян, р. 23 января 1846 г., казак Зотовской ст.; окончил ВилПЮУ по 1 разряду.

В службе казаком с 1 января 1865 г. В полку № 1 с 23 мая 1869 г. Юнкером с 27 ноября 1869 г. Произведен в хорунжие 26 мая 1871 г. и сотники 27 августа 1873 г. Заведующим мастерской 5-го военного отдела ВД с 20 марта 1875 г. Есаулом с 30 ноября 1881 г. Станичным атаманом с 29 апреля 1894 г. Жена – дочь казака Берсенева Неолида Зотьевна. [РГВИА, ф. 330, оп. 58, д. 50, ПС за 1894 г.].

Еще имеется 5 ПС за разные годы, в двух самых ранних дата рождения – 30 января 1845 г. [оп. 56, д. 183, ПС 1875 г.; оп. 55, д. 1936, ПС 1873 г.].

Есаул, состоящий по ВД; отставка по болезни с чином (войскового старшины) и мундиром – 12 января 1896 г. [Выс. приказы].

Прасковья Кирилловна, дочь есаула.

Муж – Титулярный Советник Мишарев Афанасий Федорович (из казачьих детей, р. ок. 1833 г., казак Зотовской ст.), детей нет. [РГВИА, ф. 330, оп. 58, д. 467, ПС Мишарева А.Ф. 1903 г.]. В ПС 1905 г. Мишарев А.Ф. показан вдовцом.

Матвей Петрович, из дворян, р. 5 октября 1840 г., казак Зотовской ст.; окончил ВилПЮУ(?); награжден: С-3 МБ, БМ-863, СБМ-877.

В службе казаком с 1 января 1860 г. В полку № 15 с 5 марта 1863 г. по 23 июня 1864 г. Урядником с 6 декабря 1863 г. В полку № 11 Рубашкина с 23 июня 1864 г. по 10 ноября 1866 г. В полку № 7 Кумшацкого с 27 мая 1869 г. по 1 ноября 1872 г. Произведен в хорунжие 4 января 1871 г. и сотники 27 июня 1872 г. В полку № 16 с 27 сентября 1875 г. по 30 октября 1878 г. Участник Русско-Турецкой войны 1877–1878 гг., в действительных сражениях; за отличие в делах награжден С-3 МБ – 9 марта 1879 г.

Вдов, дети: Андрей р. 19 августа 1867 г., Иван р. 9 февраля 1876 г., Мария р. 4 августа 1873 г. Имущество: за родителями 200 десятин земли. [РГВИА, ф. 330, оп. 57, д. 915, ПС за 1889 г.].

В ПС 1885 г. показана жена – дочь урядника Сухотина Евдокия Дмитриевна. [оп. 57, д. 484]. Сотник, состоящий по ВД; отставка по болезни с чином (подъесаула) и мундиром – 28 июня 1891 г. [Выс. приказы].

Аверьян Петрович, из дворян, р. 18 октября 1844 г, казак Зотовской ст.; окончил ВПЮУ по 2 разряду; награжден: С-3 МБ, СБМ-877.

В службе казаком с 1 января 1863 г. В полку № 54 Золотарева с 30 мая 1866 г. по 30 июня 1869 г. Урядником с 1 августа 1868 г. Юнкером с 21 сентября 1868 г. В полку № 5 с 14 июня 1871 г. по 14 ноября 1872 г. Произведен в хорунжие 14 апреля 1872 г. и сотники 27 августа 1873 г. В полку № 16 с 27 сентября 1875 г. по 14 октября 1879 г. Участник Русско-Турецкой войны 1877 – 1878 гг., в действительных сражениях; за отличие в январе 1878 г. награжден: С-3 МБ – 9 марта 1879 г. В Урюпинской местной команде с 23 октября 1880 г. по 11 ноября 1881 г. Есаулом с 20 октября 1882 г. В полку № 13 с 12 марта 1887 г.

Жена – дочь урядника Макушкина Гликерия Петровна, сын Владимир р. 4 июля 1884 г. [РГВИА, ф. 330, оп. 57, д. 756, ПС за 1889 г.].

В ПС за 1868 г. показано: жена – дочь урядника Манушкина Лукерья Петровна, дети: Авдотья р. 11 февраля 1866 г. [оп. 55, д. 1585]. В наличии еще 6 ПС за разные годы, в двух из них дата рождения – 22 ноября 1844 г. [оп. 56, д. 183, ПС 1875 г.; оп. 55, д. 2026, ПС за 1872 г.]. Есаул, в комплекте ДКП; отставка по домашним обстоятельствам с чином 9войскового старшины) и мундиром – 5 октября 1892 г. [Выс. приказы].

Андрей Петрович, из дворян, р. 15 августа 1847 г., казак Зотовской ст.; окончил ВПЮУ по 2 разряду и ОКШ "успешно"; награжден: С-3 МБ, СБМ-877.

В службе казаком с 1 января 1866 г. В полку № 54 Золотарева с 30 мая 1866 г. В Учебном полку с 1 сентября 1867 г. Юнкером с 30 сентября 1868 г. Урядником с 26 февраля 1869 г. Состоял в полку № 54 по 30 июня 1869 г. В полку № 5 Зазерского с ? по 4 ноября 1872 г. Произведен в хорунжие 14 апреля 1872 г. и сотники 27 августа 1873 г. В полку № 16 с 27 сентября 1875 г. Участник Русско-Турецкой войны 1877 – 1878 гг., в действительных сражениях: за отличие в делах награжден С-3 МБ – 9 марта 1879 г. Произведен в есаулы 20 октября 1882 г. В полку № 14 с 17 апреля 1884 г. по 20 августа 1887 г. В ОКШ с 23 января 1885 г. по 15 августа 1886 г. Военным приставом Хоперского округа с 31 августа 1888 г. по 14 декабря 1891 г. В полку № 13 с 31 октября 1892 г.

Жена – дочь крестьянина Дехнек Людмила Георгиевна, дети: Елизавета р. 5 сентября 1886 г., Ольга р. 14 июня 1889 г., Евгений р. 3 марта 1887 г., Александр р. 7 сентября 1891 г. [РГВИА, ф. 330, оп. 57, д. 1210, ПС за 1894 г.].

Есаул полка № 13; отставка с чином (войскового старшины) и мундиром – 13 апреля 1902 г. [Выс. приказы].

Федор Петрович, из дворян, казак Зотовской ст.

В службе казаком с 1 января 1871 г. В полку № 29 Нагибина с 21 мая 1873 г.: Одесский военный округ. Урядником с 30 ноября 1873 г.

Холост. [РГВИА, ф. 330, оп. 55, д. 2089, ПС за 1873 г.].

V колено

Валентин Иванович, из дворян, р. 7 апреля 1876 г., казак Зотовской ст.; окончил Урюпинское реальное училище и НКЮУ по 1 разряду.

Юнкером с причислением в полку № 14 с 28 августа 1896 г. Подхорунжим в составе полка № 1 с 1 августа 1898 г. Произведен в хорунжие 7 апреля 1899 г. со старш. с 1 сентября 1898 г. При ВД с 8 мая 1899 г.

Холост. [РГВИА, ф. 330, оп. 58, д. 378, ПС за 1899 г.].

Хорунжий; сотником с 15 апреля 1903 г. со старш. с 1 сентября 1902 г. Сотник полка № 14; подьесаулом с 15 апреля 1907 г. со старш. с 1 сентября 1906 г. Подьесаул; награжден С-3 – 6 мая 1911 г. Подьесаул полка № 1; есаулом с 24 апреля 1914 г. со старш. с 1 сентября 1910 г. Есаул полка № 44; за отличие в делах награжден: А-3 МБ – 13 апреля 1915 г., В-4 МБ – 23 апреля 1915 г. Есаул полка № 44; войсковым старшиной с 20 июня 1916 г. со старш. с 1 декабря 1915 г.; за отличие в делах награжден: С-2 М – 13 ноября 1916 г., А-4 – 19 января 1917 г. Войсковой старшина полка № 44; полковником с 24 октября 1917 г. со старш. с 19 апреля 1917 г. [Выс. приказы].

Полковник, помощник командира 44 ДКП. В Донской армии с июля 1918 г.; в резерве чинов при штабе 7-й Донской конной дивизии. Взят в плен в апреле 1920 г. в Новороссийске. К 1923 г. в РККА. Жена – Софья Владимировна, дети: Ирина р. ок. 1916 г., Николай р. ок. 1919 г. [сообщил С.В. Волков].

Иван Матвеевич, р. 24 января 1876 г.; в службе с 1 октября 1895 г.; хорунжим с 13 августа 1897 г.; сотником с 15 апреля 1902 г. со старш. с 13 августа 1901 г.; подьесаулом с 15 апреля 1906 г. со старш. с 13 августа 1905 г.; 13 ДКП. [РГВИА, ф. 330, оп. 58, д. 941, Список по старш. за 1906 г.].

Окончил ДИАЗКК в 1895 г. и НКУ. [А.Ф. Вечеслов «25 лет ДИАЗКК», Новочеркасск, 1908, с. 181]. Подьесаул полка № 13; награжден С-3 – 6 мая 1908 г. Подьесаул; награжден А-3 – 6 мая 1912 г., произведен в есаулы 6 марта 1913 г. со старш. с 13 августа 1909 г. Есаул полка № 35; за отличие в делах награжден: В-4 МБ – 6 февраля 1915 г., А-4 – 7 июня 1915 г., С-2 М – 21 июля 1915 г., МБ к А-3 – 16 декабря 1915 г. Произведен в войсковые старшины – 4 апреля 1916 г. со старш. с 9 декабря 1915 г.; за отличие в делах награжден: А-2 М – 17 января 1917 г. Войсковой старшина полка № 35; полковником с 27 августа 1917 г. со старш. с 9 апреля 1917 г. [Выс. приказы].

Полковник; офицер для секретных командировок за пределы области отделения контрразведки Штаба ВВД [РГВА, ф. 39457, оп. 1, д. 395, л. 153, 1919 г.].

Во ВСЮР и русской Армии до эвакуации Крыма. На 19 февраля – 28 марта 1921 г. в беженских лагерях в Румынии. [Волков: ГАРФ, ф. 5982, д. 190, 192. Списки эмигрантов].

Владимир Аверкиевич, из дворян, р. 4 июля 1884 г., казак Зотовской ст.; окончил ДИАЗКК и НКУ по 1 разряду.

Юнкером с 31 августа 1902 г. Произведен в хорунжие с 9 августа 1904 г. со старш. с 10 августа 1903 г. с зачислением в полк № 3. Сотником с 15 апреля 1908 г. со старш. с 10 августа 1907 г. Состоял в полку № 5 по 16 января 1909 г. Отправлен в запас в 1909 г. Холост. [РГВИА, ф. 330, оп. 58, д. 569, ПС за 1909 г.].

Нижеприведенные приказы относятся либо к нему (Владимиру Аверкиевичу) либо к Владимиру Ивановичу, (см. ниже в разделе *Другие Петровы: Конец XIX – начало XX веков*):

Сотник полка № 4; отставка по домашним обстоятельствам с чином (подьесаула) – 2 января 1912 г. Подьесаул полка № 4; награжден С-3 – 2 февраля 1913 г.; за отличие в делах награжден: С-2 М – 27 мая 1915 г., А-4 – 11 июля 1915 г., А-3 МБ – 12 декабря 1915 г. Подьесаул полка № 4; есаулом с 17 апреля 1916 г. со старш. с 27 августа 1916 г.; отправлен в распоряжение войскового начальства – 20 апреля 1917 г. [Выс. приказы].

Другие Петровы:

XVI - XVII века

Ефрем Петрович, Донской походный атаман. Старшина. Участник штурма и взятия Азова в 1696 г. войсками Петра I. Твердо держался Московской ориентации. Сподвижник Петра I. Ревнитель веры православной. Казнен бунтовщиками К. Булавина 6 мая 1708 г. [М.Ю. Абрамов: Из Поминального списка Св. Донского Старочеркасского мужского монастыря, составленного по сохранившимся захоронениям на Ратном кладбище].

“Донской старшина времен Булавина и один из наиболее упорных сторонников царя Петра. Иногда его считают сыном московского купца, который стал приписным Казаком, явившись на Дон в 1670 г. Казаки действительно бывали московскими купцами, как были царскими слугами-землепроходцами и промышленниками, но в данном случае такое предположение маловероятно. В актах Петров называется знатым старшиной и старожитным Казаком. На одном из серебряных подсвечников в Старочеркасском соборе сохранилась надпись: «в 1702 г. атаман Ефрем Петров с Казаками соорил и пожертвовал сей подсвечник в Соборную Воскресенскую церковь, в шведский поход». Обычно в атаманы выбирали только природных Казаков. Невозможно также предполагать, чтобы человек, оставив Москву и спасаясь от ее порядков на Дону, остался таким ее приверженцем, каким был Петров. Во время осложнений в отношениях Дона с царем Петром, он помогал князю Ю.В. Долгорукову в розыске «новоприходцев» и отличался такой же жесткостью, как и русский князь. Он был также обречен на смерть, но вовремя успел скрыться от повстанцев и отправился в Москву с донесением о донских событиях. Вернувшись на Дон, возглавлял с атаманом Максимовым партию царских приверженцев. Поэтому, заняв Черкасск, Булавин потребовал его наказания. По постановлению Войскового Круга, он был казнен в 1708 г. вместе с другими сторонниками русского царя”. [Г.В. Губарев «Казачий словарь-справочник», т. 2, США, 1968, с. 269 - 270].

Иван, “*послан царем Иваном Грозным в 1567 г., вместе с другим Казаком Бурнашем Ялычевым и «со товарищи» разведать земли за Уральскими горами. Пройдя всю Сибирь, они побывали в Корее, Китае, Монголии и Тибете. Вернувшись в Москву. Сообщили много новых географических данных, которые записаны в их «Сказе о хождении в далекую Сибирь» [Г.В. Губарев «Казачий словарь-справочник», т. 2, США, 1968, с. 270].*

Осип Петрович, участник Азовского «осадного сидения» в 1641 г.; участник сражений с турками в 1643 – 1645 гг.; умер после 1662 г. [М.Ю. Абрамов: Из Поминального списка Св. Донского Старочеркасского мужского монастыря, составленного по сохранившимся захоронениям на Ратном кладбище].

Возглавлял полки Донских казаков во время «Азовского сидения» (1640 – 1642 и 1662 – 1663 гг.) [Ю. Галушко “Казачьи войска России”, М., Русский мир, 1993, л. 75].

“Донской атаман эпохи Азовского Сидения (1640 – 42), по прозвищу – Калуженин (см.). Стоял во главе обороны Азова от Турок, как доблестный предводитель, непревзойденного по мужеству, гарнизона; умело распределял силы защитников крепости, сочетал оборону с наступлением, появлялся повсюду в самых опасных местах «у подкопов и у промыслов». По его предложению остатки гарнизона решились на последнюю схватку с врагом, чтобы выйти из города и напасть на турецкий лагерь, победить или погибнуть всем с честью. Он и повел Казаков на стены, но Турки той же ночью заблаговременно сняли осаду и ушли к своим кораблям. В 1646 г. Петров замещал Донского атамана; а снова Донским атаманом был

в годы 1655, 1659, 1661 и 1662" [Г.В. Губарев «Казачий словарь-справочник», т. 2, США, 1968, с. 270].

Рассказ о нем "Осип Петров" представлен в кн. М. Астапенко «Донские казацкие атаманы» [Ростов-на-Дону. "Приазовский край", 1996, с. 84 - 88].

XVIII век

Алексей, казак Правоторовской ст.; в службе с 1767 по 1781 г.: в 1-й армии, Астрахань. 2 сына. [РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 230а, док. 1781 г.].

Андрей, казак Нагавской ст.; в службе с 1739 по 1775 г.: Бендеры, до Бойволы, до Опска, Пруссия. Кизляр. 2 сына: Михаил и Семен в службе. [оп. 1/194, д. 93, ч. 2, док. 1775 г.].

Андрей, казак Луганской ст.; в службе с 1767 по 1781 г.: в 1-й армии, за Кубаном. Холост. [РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 230а, док. 1781 г.].

Василий, из малороссов, р.ок. 1734 г., казак Средней ст., в службе с 1777 по 1781 г.: в разных посылках. Холост. [РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 230а, док. 1781 г.].

Василий, казак Есауловской ст.; в службе с 1764 по 1781 г.: На Кизляре дважды, в 1-й армии, за Кубаном. 3 сына: 15, 9 и 7 лет. [оп. 1, д. 230а, док. 1781 г.].

Григорий, из малороссов, р. ок. 1725 г., казак Скородумовской ст.; в службе с 1759 по 1775 г.: Оренбург, до Днепра, Кизляр, за Кубаном. 4 сына: Григорий 17 лет, Алексей 13 лет, Василий 11 лет, Иван 10 лет. [оп. 1/194, д. 93, ч. 2, док. 1775 г.].

Егор, казак Есауловской ст.; в службе с 1767 по 1781 г.: до Днепра, за Волгой. Царицынская линия. 1 сын 4 года. [РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 230а, док. 1781 г.].

Емельян, казак Кочетовской ст.; в службе с 1755 по 1786 г.: в Черкасском г-доме карауле, на Миусе, в 1-й армии. Кизляр. Крым. Холост. [д. 385а, док. 1786 г.].

Иван, р. ок. 1721 г., казак Маноцкой ст.; в службе с 1741 по 1775 г.: кордонная служба, на Миусе, Кизляр, Сибирь. До Днепра, Кизляр, против Государственного злодея Пугачева. 1 сын Евтей 7 лет. [РГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 93, ч. 2, док. 1775 г.].

Иван, р. ок. 1758 г., казак Семикаракорской ст.; в службе с 1775 по 1777 г.: не служил. Холост. [РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 125, ч. 3, док. 1777 г.].

Иван, казак Кепинской ст.; в службе с 1755 по 1781 г.: Царицынская линия, по Миусу, Саратов, при Азовской крепости, Днепровская линия. Сибирь. 2 сына: 1 в службе и 2 года. [РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 230а, док. 1781 г.].

Иван, казак Нижне-Михалевской ст.; в службе с 1759 по 1781 г.: на Миусе, по маночи, Кизляр. Днепровская линия, в Крыму дважды. 2 сына малолетних. [то же].

Казьма, казак Арчадинской ст.; в службе с 1743 по 1781 г.: Царицынская линия, в Пруссии дважды, Польша, Сибирь, Кизляр. 2 сына: 1 в службе и 2 года. [то же].

Кирей, казак Верхне-Курморской ст.; в службе с 1746 по 1775 г.: Вязьма, Царицынская линия, до Киева. Днепровская линия. 2 сына: Алексей 8 лет, Михаил 4 года. [РГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 93, ч. 2, док. 1775 г.].

Кирей, казак Правоторовской ст.; в службе с 1747 по 1775 г.: в Вифляндии. Пруссия, Царицынская линия. 3 сына: Алексей в службе, Тимофей 17 лет, Иван 15 лет. [РГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 93, ч. 2, док. 1775 г.]

Константин, казак Нижне-Каргальской ст.; в службе с 1755 по 1786 г.: Пруссия, на Миюсе, Пруссия. В Черкасском годовом карауле дважды. Кизляр, на Буге, Крым. Холост. [РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 385а, док. 1786 г.]

Максим, казак Старо-Григорьевской ст.; в службе с 1773 по 1781 г.: на Кагальнике, Днепровская линия, Крым. 2 сына: 9 и 7 лет. [д. 230а, док. 1781 г.]

Панфил, казак Верхне-Чирской ст.; в службе с 1762 по 1777 г.: за Волгой, в Самаре. 3 сына: Андрей в службе, Федор 13 лет, Исай 7 лет. [д. 125, ч. 3, док. 1777 г.]

Свирид, казак Кагальницкой ст.; в службе с 1764 по 1775 г.: в Киеве. Сибирская линия. 1 сын – малолетний. [РГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 93, ч. 2, док. 1775 г.]

Семен, р. ок. 1723 г., казак Иловлинской ст.. в службе с 1746 по 1775 г.: Польша, Царицынская линия – дважды, за Волгой, Турецкая война – во 2-й армии. 3 сына: Савелий и Евсей в службе, Евтей 18 лет. [оп. 1/194, д. 93, ч. 2, док. 1775 г.]

Степан, казак Кочетовской ст.; в службе с 1755 по 1781 г.: Польша, в 1-й армии. Холост. [РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 230а, док. 1781 г.]

Степан, р. ок. 1744 г., казак Есауловской ст.; в службе с 1767 по 1786 г.: в 1-й армии, Великороссия, в Черкасском годовом карауле. 2 сына: Трофим в службе и Семен 10 лет. [РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 385а, док. 1786 г.]

Филат, казак Терновской ст.; в службе с 1742 по 1777 г.: на Миюсе, Петербург, Пруссия, в 1-й армии. 2 сына: Роман и Яков в службе. [д. 125, ч. 3, док. 1777 г.]

Конец XVIII – начало XIX веков

Василий Игнатьевич, из поповских детей, р. ок. 1797 г. Службу начал казаком – 19 мая 1815 г. В полку подполковника Карпова 3-го с 1815 г.: Польша. Произведен в урядники 11 декабря 1815 г. Холост. [РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 7235, ПС за 1815 г.]

Иван, казак Верхне-Курмоярской ст.; произведен в хорунжие 1 января 1811 г.; умер в 1814 г. на Кавказской линии. [ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 316, л. 109 об.]

Иван Петрович, из казачьих детей, р. ок. 1790 г., казак Верхне-Курмоярской ст. В службе казаком с 1 января 1811 г. В полку полковника Чернозубова 4-го с 20 сентября 1812 г. Участник Французской кампании 1812 – 1814 гг. в действительных сражениях: Вязьма, Красное. Урядником с 14 июня 1813 г. В полку войскового старшины Грекова с 14 июля 1813 г. Глагау, Лейпциг, Реймс, Арсис, Бриен, Лаон, Фершампенуаз, Париж. Произведен в хорунжие 10 августа 1814 г.

Жена – дочь штаб-офицера Мария Осиповна, дети. [РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 3040, ПС за 1815 г.]

Казак Верхне-Курмоярской ст.; хорунжий полка Ребрикова 1-го; умер 20 октября 1823 г. [ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 316, л. 63 об.]

Агриппина Ефимовна, дочь казака.

Муж – урядник Шумков Яков Григорьевич (из казачьих детей, р. ок. 1840 г., казак Федосеевской ст.). детей нет. [РГВИА, ф. 330, оп. 55, д. 1909, ПС Шумкова Я.Г. за 1871 г.].

Александр Николаевич, из казачьих детей; в службе казаком с 1860 г.; урядником с 9 мая 1865 г.; служил помощником атамана Константиновской ст.; 2-й военный отдел. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 466, док. 1877 г.].

Александр Петрович, из казачьих детей, р.ок.1813 г.; награжден: СМ-Варшава, П-5. СМ-849.

В службе казаком в полку № 5 Грекова (после Быхалова) с 10 июля (либо июня) 1831 г.по 1834 г.в Польше, участник кампании 1831 г., в действительных сражениях: Варшава. В батарее №2 с 7 ноября 1833 г. Урядником с 17 сентября 1834 г. Переведен старшим писарем в Управление начальника Артиллерии ВД, в коей должности состоял с 31 апреля 1839 г. по 27 апреля 1846 г. В полку № 45 Сычева с 1 апреля 1848 г. по 24 сентября 1852 г.: участник Венгерской кампании 1849 г.. в действительных сражениях; за отличие при с. Гештели произведен в хорунжие 11 ноября 1849 г. со старш.с 16 июля 1849 г.(36 лет от роду). В полку №46 Сычева с 22 февраля 1854 г. Польша. Холост. [РГВИА, ф. 330, оп. 55, д. 510, ПС за 1856 г.].

Казак Богоявленской ст. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 464, док.1877 г.]. Хорунжий, исключен из списков умершим приказом Военного Министра по Иррегулярным войскам от 3 июля 1857 г. [Выс. приказы].

Александра Наумовна, из половских детей.

Муж – сотник Язев Филипп Ефимович (из дворян, р.ок. 1816 г.), дети: Василий р. 4 марта 1843 г., Мария р. 7 августа 1844 г. [РГВИА, ф. 330, оп. 55, д. 531, ПС Язева Ф.Е. за 1856 г.].

Алексей Петрович, из казачьих детей; в службе казаком с 1860 г.; урядником с 30 августа 1871 г.; 5-й военный отдел; отправлен в запас. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 653, док. 1 января 1879 г.].

Анастасия Ивановна, из половских детей.

Муж – есаул Бурдюгов Иван Григорьевич (сын обер-офицера, р. ок. 1807 г.), дети: Степан р. 28 октября 1832 г.. Федор р. 16 мая 1837 г., Александра р. 21 апреля 1846 г. Имущество (ее) благоприобретенное в Миусском округе при пос. Канковом Груско-Еланчском состоит 8 душ. [РГВИА, ф. 330, оп. 55, д. 423. ПС Бурдюгова И.Г. за 1855 г.].

Антон, Титулярный Советник, секретарь Управления окружного атамана Хоперского округа; отставка по болезни с мундиром с 26 апреля 1893 г. приказом от 19 декабря 1893 г. [Выс. приказы].

Антон Матвеевич, из казачьих детей, р. ок. 1842 г., казак Бурацкой ст.; награжден: БМ-863 и нашивкой за 6 лет беспорочной службы.

В службе казаком с 1 января 1862 г. В полку № 45 с 21 мая 1863 г. по 26 января 1868 г.: участник Польской кампании 1863 – 1864 гг., в действительных сражениях. Урядником с 26 января 1868 г. В полку № 24 с 11 мая 1872 г.

Жена – дочь казака Елена Поликарповна, дети: Варвара р. 1 декабря 1863 г., Михаил р. 14 ноября 1868 г. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 28, ПС за 1874 г.].

Антон Семенович, из казачьих детей; в службе казаком с 1869 г.; урядником с 20 апреля 1869 г. со старш. с 8 августа 1868 г.; служил учителем Старо-Григорьевского приходского училища; 4-й военный отдел. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 465, док. 1877 г.].

Артем Михайлович, из казачьих детей, р.ок. 1845 г., казак Нагавской ст.; награжден СБМ-877. В службе казаком с 1 января 1865 г. В батарее № 11 с 5 мая 1866 г. В батарее № 17 с 1 мая 1876 г. Участник Русско-Турецкой войны 1877 – 1878 гг., в действительных сражениях; за отличие в делах 10 и 14 января 1878 г. произведен в урядники 19 июня 1878 г. женат, дети. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 753, ПС за 1879 г.].

В ПС за 1878 г. показано другое отчество – **Дмитриевич**. [д. 800].

Афанасий Петрович, из казачьих детей Лукьяновской ст.; в службе казаком с 1837 г.; урядником с 9 мая 1849 г.; служил в полку № 53 Каменнова и в полку № 42. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 462, док. 1877 г.].

Василий, в службе с 1 января 1827 г.; сотником с 22 октября 1837 г.; при ВД; не удостоен к производству в есаулы; под судом. [РГВИА, ф. 330, оп. 58, д. 652, док. 1842 г.].

Василий Алексеевич, из вольноопределяющихся 1 разряда, казак Манычской ст.; в службе казаком с 1863 г.; урядником с 30 августа 1867 г.; переведен в неспособные по болезни – 22 декабря 1875 г. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 298, док. 1876 г.].

Из поповских детей. [д. 468, док. 1877 г.].

Василий Иванович, из казачьих детей; в службе казаком с 1866 г.; урядником с 26 февраля 1874 г.; служил коновалом Нижне-Курмоярской ст.; 2-й военный отдел. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 466, док. 1877 г.].

Владимир(?) Степанович, из казачьих детей, р. 1828 г., казак Федосеевской ст. (отец был сначала причетником, затем священником). Окончил Зотовское духовное училище, Воронежскую духовную семинарию и Киевскую духовную академию.

19 марта 1853 г. принял монашество, наречен отцом Владимиром. По окончании академии иеромонах и преподаватель филологических наук в Орловской духовной семинарии. С 1857 г. инспектором Иркутской семинарии. С 1858 г. инспектором Томской семинарии. С 1861 г. архимандрит, инспектор С.-Петербургской академии, читал лекции по догматическому богословию. Один из основателей С.-Петербургского миссионерского общества для содействия Алтайской и Забайкальской миссиям. С 20 ноября 1865 г. начальником Алтайской духовной миссии. 18 лет службы в миссии (миссионером). Открыл 10 начальных школ, миссионерское училище с обучением иконописи, типографию, построил 28 церквей, основал 19 новых селений, детский приют, больницу, аптеку. При нем обращено в христианство 6679 человек. С 16 июня 1880 г. харотонисован в Томск в епископа Бийского, vicария Томской епархии. С 6 августа 1883 г. епископ Томский В 1886 – 1889 гг. в Ставрополе. В 1889 – 1891 гг. в Нижнем Новгороде. С 1892 г. в Казани. Архиепископ. Умер 2 сентября 1897 г. [кн. «Донцы XIX в.», 1907].

Вукол, казак Котовской ст.; походной службы – 10 лет 7 месяцев; в полку Денисова на границе с Астраханской губернией – 4 года 5 месяцев; в полку № 30 на Кавказской линии – 6 лет 2 месяца. [РГВИА, ф. 405, оп. 6, д. 1014, л. 26, док. 1837 г.].

Георгий Карпович, из казачьих детей; в службе казаком с 1874 г.; урядником с 1 января 1880 г.; служил в полку № 17; 5-й военный отдел. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 782, док. 1881 г.].

Григорий, казак Слащевской ст.; походной службы – 12 лет: в полку Грекова 26-го на границе с Австрией – 4 года 6 месяцев; в полку Исаева в Вифляндии – 6 лет 3 месяца; в полку Буюрова в Бесарабии – 1 год 3 месяца. [ф.405, оп.6, д.1014, л. 34, док. 1837 г.].

Евдоким Дементьевич, из казачьих детей, р. ок. 1853 г., казак Дурновской ст.

В службе казаком с 1 января 1872 г. В батарее № 7 с 4 октября 1875 г. Младшим урядником с 20 августа 1878 г. При ВД с 10 октября 1879 г.

Женат. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 734. ПС за 1879 г.].

Евдокия Петровна, дочь казака из дворян. Муж – сотник Попов Иван Иванович (из дворян, р.в 1820 г.), дети: Андрей р. 11 июля 1840 г., Елена р. 21 мая 1843 г. [РГВИА, ф. 330, оп. 55, д. 1141. ПС Попова И.И. за 1862 г.].

Екатерина Васильевна, дочь сотника. Муж – подьесаул Кисляков Федор Алексеевич (из дворян. р. 4 июня 1835 г.), дети: Михаил р.4 ноября 1860 г., Мария р.27 июня 1874 г., Надежда р.1 марта 1877 г., Зинаида р. 29 марта 1880 г., Владимир р. 27 августа 1883 г., Николай р.8 июля 1886 г. Имущество (ее) –200 десятин земли в Донецком округе. [РГВИА, ф. 330, оп. 57, д. 922, ПС Кислякова Ф.А. за 1889 г.].

Елизар Ефимович, из казачьих детей, р. ок. 1845 г., казак Слащевской ст.

В службе казаком с 1 января 1864 г. В полку № 4 с 17 мая 1869 г. по 23 октября 1872 г.: Польша. Урядником с 26 февраля 1873 г.

Женат, дети. [РГВИА, ф. 330, оп. 55, д. 2094, ПС за 1873 г.].

Отправлен в запас. [оп. 56, д. 653, док. 1878 г.].

Иван, из казачьих детей, р.ок.1833 г, награжден: БМ-853 и нашивкой за 10 лет беспорочной службы. В службе казаком с 1851 г. В полку №3 с 1 августа 1853 г. по 15 декабря 1856 г. Грузия. В Атаманском полку с 13 сентября 1858 г. Произведен в урядники 30 августа 1864 г. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 461, док. 1864 г.].

Иван Александрович, сын урядника, р. 14 сентября 1822 г.; окончил Класс Донских урядников; награжден: А-3, С-3, БМ-853.

В службе казаком с 1 января 1839 г. Урядником с 1 марта 1839 г. В батарее № 1 (либо № 3) с 12 апреля 1839 г. В Класе . . . с 13 июня 1839 г. Произведен в хорунжие 21 июля 1841 г. Переведен в батарею № 2 с 26 ноября 1843 г. Сотником с 1 августа 1845 г. Переведен в батарею № 1, в которой состоял с 13 февраля 1850 г. по 15 января 1852 г. Произведен в есаулы 29 апреля 1851 г. В полку № 45 с 12 февраля 1854 г. по 17 сентября 1858 г. За отличие по службе награжден С-3 – 3 ноября 1857 г. В полку № 2 с 17 сентября 1858 г. по 16 января 1860 г. Экзекутором Войскового Правления с 13 июня 1861 г. За отличие по службе войсковым старшиной с 6 декабря 1863 г. Смотрителем корпуса присутственных мест с 17 января 1866 г. по 14 января 1872 г. За отличие по службе награжден А-3 – 26 февраля 1869 г.

Жена–дочь сотника Максимова Мария Ивановна, дети: Мария р.19 мая 1858 г. Имущество за женой 15 десятин земли в Миусском округе и дом в Новочеркасске. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 181, ПС за 1874 г.].

Иван Алексеевич, из вольноопределяющихся 1 разряда, казак Манычской ст.; в службе казаком с 1862 г.; урядником с 19 апреля 1864 г.; служил писарем при Ольгинской дамбе. [д. 468, док. 1877 г.].

Иван Егорович, из казачьих детей Федосеевской ст.; в службе казаком с 1860 г.; урядником с 1 января 1867 г. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 467, док. 1877 г.].

Иван Егорович, из казачьих детей, р. ок. 1852 г., казак Филипповской ст.; награжден СБМ-877. В службе казаком с 1 января 1873 г. В батарее № 1 с 1 мая 1876 г. Участник Русско-Турецкой войны 1877 – 1878 гг., в действительных сражениях. Урядником с 1 июля 1879 г. Женат, дети. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 720, ПС за 1879 г.].

Иван Захарович, из казачьих детей, р. ок. 1846 г., казак Усть-Жоперской ст. В службе казаком с 1 января 1866 г. В полку № 11 с 3 июня 1870 г. по 13 ноября 1873 г. Урядником с 26 января 1874 г. Жена – дочь казака Анна Абрамовна, детей нет. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 188, ПС за 1874 г.].

Иван Иванович, из казачьих детей, р. ок. 1851 г., казак Преображенской ст., награжден СБМ-877. В службе казаком с 1 января 1869 г. На 2-х-годовой льготе по пожарному разорению с 19 мая 1873 г. по 19 мая 1875 г. В полку № 16 с 27 сентября 1875 г. по 14 октября 1879 г. Урядником с 8 мая 1877 г. Участник Русско-Турецкой войны 1877 – 1878 гг., в боях. Старшим вахмистром с 29 июля 1879 г.

Жена – дочь крестьянина Мария Семеновна; воспитанница Татьяна 9 лет. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 631, ПС за 1879 г.].

Иван Петрович, сын хорунжего; в службе казаком с 1872 г.; урядником с 17 ноября 1878 г.; служил в полку № 2; 1-й военный отдел. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 653, док. 1 января 1879 г.].

Иван Савельевич, из казачьих детей, р. ок. 1849 г., казак Митякинской ст.

В службе казаком с 1 января 1868 г. В полку № 25 (ныне № 14) с 24 апреля 1875 г. Урядником с 1 января 1875 г. Жена – дочь крестьянина Костюченкова Наталья Ефремовна, дети: Мария р. 25 марта 1870 г., Мария р. 2 февраля 1872 г. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 196, ПС за 1875 г.].

Иван Федорович, казак ст. Кривянской; сотником с 22 октября 1837 г.; в отставке с 14 апреля 1841 г. [ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 426, л. 42 об.].

Илларион Илларионович, из казачьих детей, р. ок. 1847 г., казак Тишанской ст., награжден СБМ-877. В службе казаком с 1 января 1867 г. В полку № 23 (ныне № 1) с 13 сентября 1874 г. по 20 октября 1878 г. Урядником с 18 июня 1878 г.

Женат, дети. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 623, ПС за 1879 г.].

Казак Тепикинской ст. [д. 646, ПС за 1878 г.].

Илья, хорунжий полка №38; убит горцами; исключен из списков умершим приказом Военного Министра № 18 по Иррегулярным войскам от 8 июля 1850 г. [Выс.приказы].

Илья Романович, из казачьих детей Праваторовской ст.; в службе казаком с 1838 г.; урядником с 26 марта 1844 г.; служил в полку № 4 Буюрова; в конвоинтернуальной службе с 16 сентября 1853 г. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 464, док. 1877 г.].

Казьма Яковлевич, из поповских детей, р. ок. 1847 г.

В службе казаком с 1 января 1867 г. В полку № 16 с 10 мая 1871 г. по 20 сентября 1874 г. Урядником с 20 сентября 1874 г.

Холост. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 188, ПС за 1874 г.].

Мария Арсентьевна, дочь урядника.

Муж – есаул Краснов Алексей Васильевич (из дворян, р. 14 марта 1829 г., детей нет. [РГВИА, ф. 330, оп. 55, д. 1290, ПС Краснова А.В. за 1864 г.].

Мария Ивановна, дочь урядника. Муж – есаул Сутулов Андрей Иванович (из дворян, р.ок. 1817 г., у него это 2-й брак), дети: Орест р.28 декабря 1842 г., Павел р. 1 сентября 1848 г., Дорофей р.16 сентября 18?? г. Имущество ее–14 душ и дом в Усть-Медведицком округе. [РГВИА, ф. 330, оп. 55, д. 1121, ПС Сутулова А.И. за 1862 г.].

Маркиан Дмитриевич, из казачьих детей, р.ок. 1842 г., казак Тепикинской ст., награжден БМ-863. В службе казаком с 1 января 1862 г. В полку № 45 с 21 мая 1863 г. по 2 ноября 1867 г. В полку № 2 с 31 мая 1874 г. Урядником с 25 декабря 1875 г.

Жена – дочь казака Матрена Аникеевна, дети: Настасья р. 12 декабря 1863 г. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 152, ПС за 1875 г.].

Отправлен в запас.[д.653, док.1 января 1879 г.]. Отчество –Андреевич [д. 298]

Марфа Васильевна, дочь казака.

Муж – сотник Павлов Василий Григорьевич (из дворян, р. ок. 1808 г.), детей нет. [РГВИА, ф. 330, оп. 55, д. 613, ПС Павлова В.Г. за 1857 г.].

Матвей Иванович, из казачьих детей, р. ок. 1851 г., казак Перекопской ст.

Станичным писарем с 8 марта 1870 г. по 6 августа 1873 г. В службе казаком с 1 января 1871 г. В полку № 24 с 1 января 1876 г. Переведен в полк № 19 – 20 апреля 1876 г. Урядником с 1 ноября 1876 г. Жена – дочь урядника Ульяна Семеновна, сын Николай р. 7 октября 1871 г. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 242, ПС за 1876 г.].

Матвей Семенович, из казачьих детей, р. ок. 1847 г., казак Потемкинской ст.

В службе казаком с 1 января 1864 г. В Учебном полку Леонова с 11 мая 1868 г. по 23 мая 1870 г. Инструктором в Кабылянской ст.с 21 июля 1872 г. Урядником с 1 января 1873 г. Женат, дети. [РГВИА, ф. 330, оп. 55, д. 2093, ПС за 1873 г.].

Отправлен в запас. [оп. 56, д. 653, док. 1 января 1879 г.].

Меркул Кириллович, из казачьих детей, р. ок. 1845 г., казак Слащевской ст.

В службе казаком с 1 января 1864 г. В полку № 4 с 17 мая 1869 г. по 23 октября 1872 г.: Польша. Урядником с 26 февраля 1873 г.

Женат, дети. [РГВИА, ф. 330, оп. 55, д. 2094, ПС за 1873 г.].

Отправлен в запас. [оп. 56, д. 653, док. 1878 г.].

Михаил Иванович, из казачьих детей; в службе казаком с 1873 г.; урядником с 3 ноября 1878 г.; служил в Л.-Гв. Казачьем полку; 1-й военный отдел.[РГВИА, ф.330, оп. 56, д. 653, док. 1 января 1879 г.].

Михаил Федорович, из казачьих детей, р. 5 января 1808 г.; обучался в Новочеркасском окружном училище; награжден: С-3, ЗОВО, П-5, БМ-853.

Писарем Войсковой канцелярии с 27 ноября 1821 г. по 7 апреля 1826 г. В службе казаком с 1 января 1826 г. В Средне-Егорлыкской карантинной команде с 12 августа 1826 г. по 26 ноября 1830 г. Урядником с 14 апреля 1829 г. В полку № 4 с 16 декабря 1830 г. по 17 июля 1834 г.: участник Польской кампании 1831 г., в действительных сражениях. Награжден ЗОВО – 15 сентября 1831 г. Писарем Дежурства 1 военного отдела с 1 января 1836 г. по 7 января 1847 г. Произведен в хорунжие 25 июня 1846 г. Помощником старшего адъютанта 1 военного отдела с 7 января 1847 г. Произведен в сотники – 29 апреля 1851 г. и есаулы – 6 декабря 1855 г. Старшим адъютантом 1 военного отдела с 13 декабря 1858 г. по 12 сентября 1864 г. За отличие по службе награжден С-3 – 6 декабря 1859 г. Войсковым старшиной с 6 декабря 1862 г. Станичным атаманом с 1 января 1868 г. Жена – дочь полковника Юдина Екатерина Федоровна, дети: Матвей р. 15 ноября 1849 г., Алексей р. 12 февраля 1854 г., Андрей

р. 19 августа 1855 г., Мария р. 17 января 1859 г., Прасковья р.26 июня 1860 г. [РГВИА, ф. 330, оп. 55, д. 1573, ПС за 1868 г.].

В ПС за 1861 г. показаны еще дети: Федор 20 лет, Елена 11 лет. [д. 1019].

Елена Михайловна, дочь подполковника.

Муж – Губернский Секретарь Лошкобанов Дмитрий Ильич (из казачьих детей, р.ок. 1847 г.), дочь Юлия р. 20 мая 1869 г. [РГВИА, ф. 330, оп. 57, д. 398, ПС Лошкобанова Д.И. за 1883 г.].

Матвей Михайлович, вольноопределяющийся 1-го разряда, р. в 1849 г., казак ст. Кривянской. В службе казаком с 1 января 1868 г. В полку №16 Номикосова с 10 мая 1871 г. Переведен в ВПЮУ – 30 ноября 1871 г. Урядником с 6 февраля 1872 г. со старш. с 10 мая 1871 г. Холост. [РГВИА, ф. 330, оп. 55, д. 1952, ПС за 1872 г.].

Наталья Ивановна, дочь урядника. Муж–сотник Тихонов Данила Яковлевич (р.19 мая 1821 г.), дети: Михаил р.9(?) июля 1842 г., Матвей р. 13 ноября 1844 г., Яков р. 11 сентября 1847 г.. Алексей р.17 марта 1852 г., Даниил р.13 декабря 1852 г., Николай р. 3 декабря 1858 г.. Александра р.10 ноября 1845 г., Пелагея р.8 октября 1854 г., Серафима р.12 мая 1869 г. Имущество приобретенное (ее) – дом в Новочеркаске. [РГВИА, ф. 330, оп. 55, д. 1576, ПС Тихонова Д.Я. за 1869 г.].

Николай, в службе с 1 марта 1822 г.; войсковым старшиной с 28 июня 1842 г.; Ассессором в Войсковом Уголовном Суде; представлен к чину подполковника.[РГВИА, ф. 405, оп. 6, д. 8139, док. 1849 г.].

Николай Иванович, из поповских детей, казак ст. Константиновской; в службе казаком с 1837 г.; урядником с 6 декабря 1842 г.; служил писарем 1 Донского окружного Судного Начальства. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 464, док. 1877 г.].

Павел Васильевич, из казачьих детей, р. ок. 1850 г., казак Усть-Медведицкой ст. В службе казаком с 1 января 1871 г. В полку № 4 с 16 мая 1875 г. Урядником с 15 мая 1877 г. Женат, дети. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 437, ПС за 1877 г.].

Павел Петрович, из казачьих детей Нагавской ст.; в службе казаком с 1836 г, урядником с 6 декабря 1849 г.; служил в полку № 2 Костина. [д. 462, док. 1877 г.].

Панфил Петрович, из казачьих детей; в службе казаком с 1824 г.; урядником с 5 декабря 1846 г.; служил в полку № 38 Ягодина. [то же].

Пелагея Дмитриевна, дочь капитана. Муж – сотник Диков Василий Григорьевич (из дворян, р. 2 июня 1826 г.), дети: сын р.26 мая 1859 г., сын р.7 января 1861 г. [РГВИА, ф. 330, оп. 55, д.1578, ПС Дикова В.Г. 1870 г.].

Петр, сотник полка № 21; убит в сражении с турками; исключен из списков 31 октября 1877 г. [Выс. приказы]. Примечание. По меньшей мере, это может быть один из трех офицеров, представленных в дворянских родах.

Петр Андреевич(он же Гугув), из казачьих детей Усть-Белокалитвенской ст.; в службе с 1865 г.; урядником с 1 января 1873 г. [оп. 56, д. 468, док. 1877 г.].

Протас Петрович, из казачьих детей, р.ок.1808 г., казак ст.Раздорской с Медведицы. В службе казаком с 1 января 1838 г. В полку № 16 Немченкова с 3 июня 1843 г. по 6 июля 1846 г. В полку № 24 Краснушкина с 12 мая 1851 г. по 16 марта 1854 г. В 1-й резервной батарее с 16 марта 1854 г. Урядником 4-го класса с 30 марта 1852 г.

Женат, дети: Федосья 13 лет, Павла 6 лет. [оп. 55, д. 163, ПС за 1854 г.].

Сарпион Петрович, из казачьих детей; в службе казаком с 1865 г.; урядником с 1 января 1875 г.; 3-й военный отдел; отправлен в запас. [д. 782, док. 1 января 1881 г.].

Семен Дмитриевич, из казачьих детей Федосеевской ст.; в службе казаком с 1864 г.; урядником с 1 января 1871 г.; служил трубачом. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 467, док. 1877 г.]. Отправлен в запас. [д. 653, док. 1878 г.].

Стефан Лукич, из казачьих детей; в службе казаком с 1871 г.; урядником с 26 февраля 1874 г.; служил писарем Нагавской ст.; 2-й военный отдел. [д. 466, док. 1877 г.]

Терентий Иванович, из казачьих детей Арчадинской ст.; в службе казаком с 1829 г.; урядником с 17 июня 1844 г.; награжден: СМ-Варшава. П-5; служил в полку №45 Хоперского; умер – 21 июля 1849 г. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 464, док. 1877 г.].

Тимофей Алексеевич, из казачьих детей, р. ок. 1814 г.

В службе казаком с 1 января 1833 г. В полку № 33 Платова с 21 мая 1837 г. по 13 марта 1841 г.: Грузия. В полку № 21 с 5 мая 1845 г. по 30 марта 1850 г.: Грузия. В полку №2 с 18 сентября 1853 г. Грузия, в действительных сражениях с турками. Урядником с 30 октября 1853 г. Женат, дети. [оп. 55, д. 177, ПС за 1854 г.].

Ульяна, на старом кладбище в Новочеркасске обнаружен обломок надгробной каменной плиты с надписью: *«Здесь покоится прах рабы Божия Уленей Петровой Скончалась в 1892 года 28 августа Мир Праху Твоему . . . Любящих Ея . . . Ивана Ианны...вих»*. [сообщили: М.Ю. Абрамов и С.А. Марченко в 2001 г.].

Ульяна Захаровна, дочь полкового писаря.

Муж – отставной есаул Дудкин Карп Васильевич (из дворян. р.ок. 1806 г., казак Кочетовской ст.), детей нет. [РГВИА, ф. 405, оп. 6, д. 9562, ПС Дудкина К.В. 1850 г.].

Федор Ефимович, из казачьих детей; в службе казаком с 1863 г.; урядником с 26 февраля 1870 г.; служил в полку № 29 Нагибина; 4-й военный отдел. [ф. 330, оп. 56, д. 465, док. 1877 г.].

Федор Степанович, из казачьих детей, р. ок. 1845 г., казак Кумылженской ст.

В службе казаком с 1 января 1865 г. В полку № 7 Кумшацкого с 27 мая 1869 г. по 1 ноября 1872 г. Урядником с 26 февраля 1873 г. Жена – дочь казака Степанида, детей нет. [РГВИА, ф. 330, оп. 55, д. 2095, ПС за 1873 г.].

Отправлен в запас. [оп. 56, д. 782, док. 1 января 1881 г.].

Яков Вуколович, из казачьих детей; в службе с 1860 г.; урядником с 21 мая 1870 г.; 2-й военный отдел. [РГВИА, ф. 330, оп. 56, д. 466, док. 1877 г.].

Яков Карпович, из казачьих детей, р. ок. 1814 г.

В службе казаком с 1 января 1833 г. В полку № 33 с 21 мая 1837 г. по 13 марта 1841 г.: Грузия. В полку № 21 Терпилова с 5 мая 1845 г. по 30 марта 1850 г.: Грузия. В полку №4 с 20 сентября 1853 г.: участник действительных сражений с турками. Урядником с 30 октября 1853 г. Женат, дети. [оп. 55, д. 181, ПС за 1854 г.].

Яков Петрович, из казачьих детей, р. ок. 1849 г., казак Федосеевской ст.

В службе казаком с 1 января 1869 г. В полку № 7 с 11 августа 1875 г. по 13 августа 1878 г. Урядником с 23 апреля 1878 г. Женат, дети. [оп. 56, д. 646, ПС за 1878 г.]

Конец XIX – начало XX веков

А.А., казак ст. Луганской, окончил реальное училище в Петрограде. В эмиграции в Чехословакии. Окончил Горную академию в Пшиброме. Горный инженер. Умер 10 октября 1872 г. в Кременике (Чехословакия). [Волков: ж. Родимый край]

Аким Матвеевич, казак Николаевской ст., год переписи –1914; вахмистр 9 ДК (Усть-Белокалитвенского) пешего П; ранен 17 октября 1918 г. [РГВА, ф. 39845, оп. 1, д. 53]. Вахмистр. [д. 16].

Александр, казаком в Распопинской пешей сотне с 19 мая 1918 г. [РГВА, ф. 40148, оп. 1, д. 25, л. 43 - 46].

Александр, вольноопределяющийся, в Донской армии, ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе Гундоровского полка в Болгарии. [Волков: Список частей Русской армии на осень 1925 г.].

Александр, сотник, в Донской армии на 1920 г. [Волков: РГВА, ф. 39456, оп.1, д. 115].

Александр, Борис, Пантелеймон, - казаками в отряде подъесаула Алексева на весну 1918 г. [РГВА, ф. 40148, оп. 1, д. 25, л. 95 – 96].

Александра Ивановна (игуменя Иннокентия), р. в 1830 г.

5 декабря 1852 г. поступает в Старочеркасский Ефремовский женский монастырь. В течение 8 лет несет клиросное послушание. В 1860 г. послушница, определена в Усть-Медведицкий Преображенский монастырь. В 1861 г. облачена в рясофор. 3 октября 1867 г. посвящена в иноческий сан с именем Иннокентия. Преподавала чтение и рукоделие в бесплатном монастырском училище. С 28 октября 1872 г. поныне настоятельница Старочеркасского Ефремовского монастыря. Неоднократно награждалась Священным Синодом. [кн. «Донцы XIX в.», Новочеркасск, 1907].

Примечание. Полагаю, что относится к одному из дворянских родов: Кочетовской либо Етеревской станицы.

Алексей, из юнкеров Иркутского ВУ произведен в прапорщики 1 августа 1917 г. с зачислением в комплект ДКП. [Выс. приказы].

Алексей, урядник, атаман х. Нижне-Казанского ст. Казанской; **Андрей Михайлович**, урядник, атаман ст. Кривянской; **Дмитрий**, казак, атаман х. Генеральского ст. Федосеевской; **Иван**, казак, атаман х. Суховского ст. Усть-Бузулукской; **Илья**, урядник, атаман ст. Зотовской; **Матвей Ильич**, вахмистр, атаман ст. Правоторовской; **Степан**, казак, атаман х. Беловско-Соинского ст. Распопинской. [сообщил А.В. Петров со ссылкой на: «Памятная книжка ОВД на 1910 г.», Новочеркасск. 1910].

Алексей Евсегнеевич, казаком в 9 ДК (Усть-Белокалитвенском) пешем П на сентябрь 1918 г. [РГВА, ф. 39845, оп. 1, д. 16].

Андрей, из юнкеров НКЮУ произведен в прапорщики 1 октября 1916 г. со старш. с 1 июня 1916 г. с зачислением в комплект ДКП. Прапорщик в комплекте ДКП; хорунжим с 27 июня 1917 г. со старш. с 1 февраля 1916 г. [Выс. приказы].

Анриан Петрович, р. 1877 г. Действительный Статский Советник, инспектор Смольного института. В Донской армии; начальник отделения по управлению средни-

ми учебными заведениями; с 16 октября 1919 г. помощником управляющего отделом просвещения ВВД. Эвакуирован в начале 1920 г. из Новороссийска на о. Лемнос на корабле "Брауенфелз". Летом 1920 г. там же. Жена, двое детей. [Волков: ГАРФ, ф. 5982, д. 19. Списки эмигрантов; ж. Вестник Первопоходника].

Анна Павловна, Григорий, Дорофей, Зинаида Андреевна, Людмила Алексеевна, Мария Васильевна, Петр Максимович. Петр Михайлович, - мещане, владеющие домами в Новочеркасске. [Б.В. Краснов «Новочеркасск» (Справочная книжка), Новочеркасск, 1896, с. 39, 75, 82, 111, 133, 136, 221].

Антон Семенович, *"(дон.). – рожд. 1849 г.; станичный атаман с низшим образованием, член Русской Государственной Думы второго созыва"* [Г.В. Губарев «Казачий словарь-справочник», т. 2, США, 1968, с. 269].

Арефий Корнеевич, *"(дон.). –рожд. 1861 г.; станичный атаман с низшим образованием, член Русской Государственной Думы второго созыва"* [Г.В. Губарев «Казачий словарь-справочник», т. 2, США, 1968, с. 269].

Арсений, казак ВВД. Во ВСЮР; 16 декабря 1919 г. направлен из Тульчи в Одессу на корабле "Полония". [Волков: ГАРФ, ф. 5982, д. 190. Списки эмигрантов].

Борис Федорович, р. 24 июля 1901 г., казак ст. Зотовской; образование: Атаманское средне-техническое училище и Софийское ВУ; хорунжим с 27 марта 1920 г. (приказом по Кубанскому войску № 11); на весну 1920 г. в Кубанском имени ген. Алексеева ВУ. [РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 123, л. 76].

Василий, ст. Зотовская, казак. Убит. [ДОВ, № 202, л. 3; 5 сентября 1915 г.].

Василий, год переписи – 1916; во 2-й Скуришенской конной сотне на весну 1918 г. [РГВА, ф. 40148, оп. 1, д. 25, л. 34 – 36].

Василий, штабс-капитан. В Донской армии. ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе Гундоровского полка в Болгарии. [Волков: Список частей Русской армии на осень 1925 г.].

Василий, младшим писарем, **Иван, Михаил, Яков**, казаками в конной сотне Кепинского освободит. отряда на весну 1918 г. [РГВА, ф. 40148, оп. 1, д. 25, л. 119 – 122].

Василий Амилеевич(?), ст. Богаевская. Заседание Коллегии Отдела борьбы с контрреволюцией Царицынского ГубЧК от 9 ноября 1918 г.: *"за активное участие в контрреволюционных вооруженных выступлениях в рядах Красновских банд в Области Войска Донского и Царицынской губернии зачислить в рабочую дружину для принудительных работ впредь до ликвидации контрреволюционного мятежа генерала Краснова"* вместе еще с 128-ю казаками. [Ю.Г. Фельштинский «ВЧК-ГПУ», М., 1995, с. 61].

Василий Михайлович, священник, владелец деревянного дома в Новочеркасске по адресу: Комитетская ул. (от Железнодорожной ул. до Кирпичной ул.), д. №46 (дворовое место № 15). [Б.В. Краснов «Новочеркасск» (Справочная книжка), Новочеркасск, 1896, с. 155].

Кафедральный протоирей, умер 26 декабря 1909 г. на 51 году жизни; похоронен в Новочеркасске на Дмитриевском кладбище. В Троицкой церкви ст. Аксайской: *"Надменной пышностью, прельщенный суетой."*

*Познай ничтожество, познай век краткий свой !
Здесь человек лежит таков, как ныне он !
Исчезнут прелести, честь, слава, мир, как сон.
Здесь погребен Отец Василий сын Петров
Пророкам страшен был и злость врагов губил,
За храбрость мужество, себе честь получил
А в тысяча семьсот и шестьдесят году осьмом
Священства сан принял он по трудам.
Раскола семена старался истреблять,
Святейшей веры свет, догматы утверждать.
В сем подвиге святом вся жизнь его прошла,
Свечою и вождем слепым, хромым была.
В надежде будущих блаженных райских дней
Рачением трудов создал Святой Храм сей
За честность, знания от многих был любим
От злобы, зависти за истину гоним,
Но в тысяча семьсот девять десятых год,
В одиннадцатый день декабря скончал живот
Всего лишь пятьдесят он в жизни только жил,
Но Церкви, обществу премного услужил.
О, Боже милости, за всег его труды
Блаженством, славою, бессмертной награди".*

[Река времен (Русский Провинц. Некрополь), кн. 4, М., 1996, л. 326 - 327].

На старом кладбище в Новочеркасске обнаружено следующее. Средняя часть памятника черного мрамора, высотой около 130 см, возможно, не на своем месте. Верхняя часть (Крест - ?) отсутствует. В 5-ти метрах на ю.-з. за тропой, обнаружен подходящий постамент аналогичного материала. Памятник находится в ограде "Гончарова Н.А.", на нем надпись: «*Блажени чисти сердцем яко тии Бога узрят*». Ниже овальная выемка, еще ниже: «*Кафедральный протоиерей о. Василий Михайлович Петров род. 1-го авг. 1858 г. скон. 26-го декабря 1909 г. дети его Верочка 3-х лет и Олечка 1 месяца*». Справа надпись на боковой стороне: «*Светлая память о тебе, наш милый несравненный Папочка сохранится вечно в сердцах любящих тебя жены и детей !*» С левого бока надпись:

*О, если б и все мы могли умереть
С такою же чистой душой.
О, если б и все мы прощались с землею
С такой надеждою ясной
Что ждет нас за гробом не сон вековой
А мир благодатно-прекрасный !»*

[сообщили М.Ю. Абрамов и С.А. Марченко в 2001 г.].

Василий Петрович, сын Надворного Советника, р. 28 июля 1866 г.; окончил Георгиевское 3-х-классное училище; награжден: СМ-А3, ТБМ-897, Серебряным орденом Бухарской Восходящей Звезды 2 ст.

Канцелярским служащим Владикавказского окружного Суда с 18 марта 1885 г. Во Владикавказской почтово-телеграфной конторе с 6 февраля 1887 г. Произведен в Коллежские Регистраторы—18 марта 1889 г. Губернским секретарем с 18 марта 1892 г. Помощником пристава Владикавказа с 7 декабря 1893 г. Помощником полицейского пристава г. Пятигорска с 7 февраля 1898 г. Награжден Бухарским орденом – 14 января 1898 г. Помощником пристава г. Георгиевска с 25 сентября 1898 г. Коллежским Секретарем с 10 июня 1901 г. Титулярным Советником с 11 ноября 1901 г. Приставом с 17 ноября 1903 г. Коллежским Ассессором с 15 августа 1904 г. Полицейским приста-

вом г. Грозного с 19 января 1906 г. Заседателем Донецкого округа с 16 января 1907 г. Приставом Таганрогской городской полиции с 17 января 1908 г. Заседателем Донецкого округа с 19 июля 1908 г. Жена – дочь отставного бомбардира Козчарева(?) Татьяна Алексеевна (р. 10 января 1872 г., венчание – 3 сентября 1889 г.), дети: Любовь р. 26 августа 1890 г., Георгий р. 18 августа 1893 г., Вера р. 29 сентября 1897 г., Николай р. 29 декабря 1902 г. [РГВИА, ф. 330, оп. 58, д. 559, ПС за 1908 г.].

Василий Петрович, год переписи – 1893, казак Верхне-Кундрюческой ст., поступил в 9 ДК (Усть-Белокалитвенский) пеший П в ноябре - декабре 1918 г. [РГВА, ф. 39845, оп. 1, д. 20].

Владимир, прапорщик полка №15; хорунжим с 23 сентября 1916 г. со старш.с 1 июня 1915 г.; сотником с 11 октября 1917 г. со старш.с 1 июля 1917 г.[Выс. приказы].

Владимир, старший урядник; в Донской армии в Л.-Гв.Казачьем полку до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на ледоколе "Илья Муромец". [Волков: ГАРФ, ф. 5982, д. 65. Списки эмигрантов.].

Владимир Антонович, произведен в подполковники 18 апреля 1920 г. со старш. с 24 апреля 1917 г. [РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 123, л. 79 об.].

Род.в 1887г., окончил Полтавский КК в 1904 г. и Павловское ВУ в 1906 г. В Донской армии, ВСЮР и Русской Армии; в 1919 – 1920 гг. в Донском стрелковом полку. Награжден А-4 – 30 апреля 1920 г. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Александровского ВУ во Франции. Полковник. В эмиграции; основатель Русского Сокольского общества во Франции. Умер 19 октября 1963 г. в Нью-Йорке. [Волков: Список частей Русской армии на осень 1925 г.; ж. Часовой].

Владимир Иванович, р. 13 июня 1880 г., нижним чином с 1 сентября 1900 г.; хорунжим с 22 апреля 1905 г. [РГВИА, ф. 400, оп. 9, д. 34961, л. 235 об., док.за 1914 г.]

Из юнкеров НКЮУ произведен в хорунжие – 22 апреля 1905 г. со старш. с 9 августа 1904 г. с зачислением в полк № 1. Хорунжий; сотником с 6 мая 1909 г. со старш. с 9 августа 1908 г. [Выс. приказы]. Примечание. Может быть ему принадлежат приказы, отнесенные к Владимиру Аверкиевичу (см. выше).

Гавриил, Коллежский Секретарь, заседатель Окружной опеки 1 Донского округа; произведен в Титулярные Советники – 24 января 1916 г. со старш. с 27 ноября 1915 г. [Выс. приказы].

Георгий, ст. Верхне-Курмоярская, казак. Пропал без вести. [ДОВ, № 243, л. 4; 24 октября 1914 г.].

Георгий Казымич, приказным в конной сотне 9 ДК (Усть-Белокалитвенского) пешего П на март 1919 г. [РГВА, ф. 39845, оп. 1, д. 12].

Герман Гаврилович, из казачьих детей, р. 12 мая 1881 г., казак Краснокутской ст.; окончил военно-ремесленную школу и НКЮУ по 2 разряду.

Юнкером с 1 сентября 1901 г. Произведен в хорунжие 9 августа 1904 г. с зачислением в полк № 14. Холост. [РГВИА, ф. 330, оп. 58, д. 500, ПС за 1904 г.].

Хорунжий полка № 14; награжден С-3 – 24 января 1908 г. Хорунжий; сотником с 6 мая 1909 г. со старш.с 9 августа 1908 г.; подъесаулом с 5 октября 1912 г.со старш. с 9 августа 1912 г. Подъесаул в комплекте ДКП; переименован в штабс-ротмистры с назначение командиром корпусным продовольственным транспортом 7 Сибирского армейского корпуса – 11 октября 1915 г. [Выс. приказы].

Гурий Митрофанович, 23 года, хорунжий; отставка по болезни с чином (сотника) приказом Войскового Штаба ВВД № 146 (и № 520) от 27 апреля 1920 г. [РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 144, л. 42 об.]. Остался в Крымк. Расстрелян в ноябре – декабре 1920 г. в Евпатории. [Волков: кн. "Киев: жертвы репрессий", 1997].

Давид, старший урядник 3 Донского казачьего конного дивизиона; награжден СГ-2 – приказом Войскового Штаба ВВД № 71 от 1 июня 1921 г. [РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 122, л. 51 об.].

Дмитрий, сотник Донской армии; подъесаулом с 10 мая 1918 г. [Волков: РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 84].

Дмитрий Иванович, образование: 4 класса гимназии и НКЮУ. [РГВИА, ф. 2007, оп. 1, д. 74, л. 336 об., док. за 1916 г.].

Из юнкеров НКЮУ произведен в прапорщики 1 сентября 1915 г. с зачислением в комплект ДКП. Прапорщик полка № 33; хорунжим с 17 мая 1916 г. со старш. с 24 апреля 1916 г.; сотником с 10 марта 1917 г. со старш. с 24 января 1917 г. [Выс. приказы].

Е.В., Е.Ф., и др., в запущенной, заросшей кустарником до непроходимости, ограде, заваленной мусором, найден цементный постамент со следами серебрянки, с ажурным проржавевшим металлическим крестом; на кресте укреплен покрытая ржавчиной табличка из жести, на которой надпись черной краской, местами утраченная: «Здесь покоитс... / Петрова Е.В. ...рла 45 . . . 1882 . . . / Петрова Е.Ф. умерла 32 лет 1896 г. / Петров Н.П. умер 63 лет 18...3... / Петров ... М. умер 80 ... 191... / Петрова Е. И(?) . умерла 4... 19... / Петрова Л.Н. умерла 60 лет 19... / Петрова Леночка умерла 19 лет в ... г... / Петров А.П. умер . . . / Данилов В.Е. умер 35 . . . / Данилов Володя погиб в . . . 19... / зубной врач Петрова-Данилова В.П. ум... в » [сообщили М.Ю. Абрамов и С.А. Марченко в 2001 г.].

Емельян, год переписи – 1915; приказный в 1-й Скуришенской сотне на весну 1918 г. [РГВА, ф. 40148, оп. 1, д. 25, л.32 – 33].

Ерофей К., старший урядник, ВВД. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован на о. Протии на корабле "Ростав Павел" [Волков: ГАРФ, ф. 5982, д. 67. Списки эмигрантов].

Захар Егорович, купец, владелец каменного дома в Новочеркасске по адресу Мариинская ул. (от Ермаковского просп. до Почтовой ул.), д. №14 (дворовое место № 20). [Б.В.Краснов«Новочеркасск» (Справочная книжка), Новочеркасск, 1896, с. 171]

Иван, ст. Усть-Бузулукская, приказный. Умер от ран. [ДОВ, №109, л. 3; 16 мая 1915 г.].

Иван, из юнкеров НКЮУ произведен в прапорщики 1 января 1917 г. со старш. с 1 сентября 1916 г. с зачислением в комплект ДКП. [Выс. приказы].

Иван, из урядников 4 Донского казачьего отдельного батальона произведен в прапорщики 27 апреля 1917 г. со старш. с 31 января 1917 г. [Выс. приказы].

Иван, казаком в конной сотне Старо-Григорьевской ст. с 11 мая 1918 г. [РГВА, ф. 40148, оп. 1, д. 25, л. 127, 129].

Иван, младшим урядником во 2 Клетской пешей сотне с 20 мая 1918 г. [РГВА, ф. 40148, оп. 1, д. 25, л. 26 – 31].

Иван, казакom в Кепинском пешем отряде с мая–июня 1918 г. [РГВА, ф.40148, оп. 1, д. 25, л. 77 – 78].

Иван, полковник; **Иван**, хорунжий. В Донской армии, ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе Гундоровского полка в Болгарии. [Волков: Список частей Русской армии на осень 1925 г.].

Иван Андреевич, р. 29 августа 1890 г.; нижним чином с 1 октября 1910 г. [РГВИА, ф. 400, оп. 9, д. 34961, л. 444 об., док. за 1914 г.]. Образование: реальное училище (не окончил) и НКЮУ [РГВИА, ф. 2007, оп. 1, д. 74, л. 166 об., док. за 1916 г.].

Из юнкеров НКЮУ произведен в хорунжие 6 августа 1913 г. со старш. с 6 августа 1912 г. с зачислением в полк № 14; за отличие в делах награжден: А-3 МБ – 21 апреля 1915 г., С-3 МБ – 5 августа 1915 г., А-4 – 16 декабря 1915 г. Хорунжий полка № 14; сотником с 29 марта 1916 г. со старш. с 9 августа 1915 г.; подьесаулом с 14 марта 1917 г. со старш. с 15 января 1917 г. [Выс. приказы].

Полковник, на весну 1920 г. в Донском корпусе. [РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 88, л. 191].

Иван Антонович, приказный, х. В.Реченский ст. Луковской; за отличие в делах награжден СГ-4. Фото. [ДОВ, прил. № 4, с. 2; 5 апреля 1915 г.; прил. № 20, с. 4, 26 июля 1915 г.].

Иван Георгиевич, р. 1887 г., образование: реальное училище и НКЮУ; прапорщиком с 1 января 1916 г., хорунжим с 31 августа 1918 г; на весну 1920 г. младшим офицером Зюнгарского калмыцкого конного полка. [РГВА, ф. 39456, оп.1, д. 88, л. 175 об.].

Иван Иванович, р. 1887 г.; урядник; награжден Сг-4 в 1 Мировую войну; умер от тифа в 1919 г. и похоронен в ст. Старочеркасской. [сообщил М.Ю. Абрамов].

Иван Максимович, подхорунжий. В Донской армии, ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе управления Лемнонской группы в Болгарии. [Волков: Список частей Русской армии на осень 1925 г.].

Иван Петрович, нестроевой старшего разряда, атаман Акишевской ст.; произведен в Коллежские Регистраторы приказом Войскового Штаба ВВД № 361 от 21 июля 1920 г. [РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 122, л. 50].

Иван Семенович, год переписи – 1916; приказный 9 ДК (Усть-Белокалитвенского) пешего П; ранен 18 сентября 1918 г. [РГВА, ф. 39845, оп. 1, д. 53].

Иван Стефанович, р. 16 апреля 1888 г.; нижним чином с 1 сентября 1908 г. [РГВИА, ф. 400, оп. 9, д. 34961, л. 383 об., док. за 1914 г.].

Из юнкеров НКЮУ произведен в хорунжие 6 августа 1911 г. со старш. с 6 августа 1910 г. с зачислением в полк № 17; сотником с 5 октября 1914 г. со старш. с 6 августа 1914 г.; за отличие в делах награжден: С-3 МБ и А-4 – (оба) 2 января 1915 г. (22 декабря 1914 г.), С-2 М – 23 мая 1915 г., В-4 МБ – 19 июня 1915 г., А-2 М – 30 июня 1915 г., А-3 МБ – 10 июля 1915 г. Подьесаул полка №17; награжден Выс. благоволением – 1 сентября 1916 г.; есаулом с 11 октября 1917 г. со старш. с 2 июня 1917 г. [Выс. приказы]. Казак Екатерининской ст.; сотник; за отличие в делах награжден: А-4, А-3 МБ, А-2 М, С-3 МБ, С-2 М, В-4 МБ. Фото. [ДОВ, прил. № 40, с.1; 13 декабря 1915 г.]

Есаул. В Донской армии; временно исполняющий должность командира в 49-м Верхне-Кундрюческом полку. Войсковым старшиной с 27 марта 1919 г. [Волков: РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 85].

Иван Яковлевич, казак Дурновской ст.; приказный; за отличие в делах награжден СГ-4. Фото. [ДОВ, прил. № 40, с. 3; 13 декабря 1915 г.].

Кирилл Савельевич, казак Мигулинской ст.; умер от ран 5–6 октября 1919 г.; отпелался в Казасном храме. (из списка убитых, умерших от ран и болезней чинов Добровольческой армии в 1918 – 1919 гг. под Луганском. [сообщил В.В. Федичев].

Климент Захарович, образование: права 2 разряда; хорунжим с 1919 г.; в Зюнгарском калмыцком конном полку. [РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 88, л. 187].

Клим Захарович, р. 1895 г.; казак Ермаковской ст.; на весну 1920 г. в Гундовском Георгиевском полку. [РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 88, л. 190 об.].

Константин, лекарь; старший врач конвоя Донского атамана; произведен в Коллежские Асессоры приказом Войскового Штаба ВВД № 157 от 26 апреля 1920 г. [РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 122, л. 48 об.].

Константин Андреевич, [РГВИА, ф. 2007, оп.1, д.74, л.580 об., док. за 1916 г]

Из юнкеров НКЮУ произведен в прапорщики 1 сентября 1915 г. с зачислением в комплект ДКП. Прапорщик 1 Донского казачьего отдельного батальона; хорунжим с 23 сентября 1916 г. со старш. с 1 мая 1915 г.; сотником с 9 апреля 1917 г. со старш. с 9 июня 1916 г. [Выс. приказы].

Мария Алексеевна, жена "прч", слобода Тростянка. В списке дворян Хоперского округа, имеющих право голоса в Дворянском Собрании. [Дворянский Адрес-Календарь, СПб., 1897, с. 158].

Мария Дмитриевна, р.1890 г.В Донской армии, ВСЮР и Русской Армии в санитарном управлении ВВД до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Евпатории на тральщике "Т-412". Дочь Ольга Петровна р. в 1911 г. [Волков: ГАРФ, ф. 5982, д. 54. Списки эмигрантов].

Матвей, подхорунжий. В Донской армии в 41-м пешем ДКП. Хорунжим с 10 ноября 1919 г. [Волков: РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 85].

Матвей Трофимович, ст. Нагавская, приказный; за отличие в делах награжден: СГ-4, Георгиевской медалью 4 ст. Фото. [ДОВ, прил. № 16, с. 4; 17 апреля 1916 г]

Михаил, отставной Губернский Секретарь; назначен участковым заседателем Донецкого округа – 9 ноября 1914 г.со старш. с 23 июня 1914 г.; Коллежским Секретарем с 21 июня 1915 г. со старш. с 14 апреля 1915 г. [Выс. приказы].

Михаил, кадет ДИАЗКК (36-й выпуск); в 1922 г. из 4-го класса в Египте переведен в школу в Буюк-Дере. [Волков: Список кадетов Донского корпуса, из ж. Кадетская перекличка].

Михаил Иванович, Губернский Секретарь; в управлении Донского корпуса; Коллежским Секретарем с 12 января 1917 г.; Титулярным Советником с 12 января 1920 г. Оба производства приказом Войскового Штаба ВВД № 4 от 11 января 1921 г. [РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 122, л. 51].

Никандр Иванович, р. 1896 г.; образование: гимназия и Петербургская школа прапорщиков; прапорщиком с 14 декабря 1915 г.; поручиком с 4 января 1917 г.; на весну 1920 г. в Донском офицерском резерве. [РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 88, л. 180]. Примечание. Вероятно, не Донской.

Николай, казаком во 2 Клетской пешей сотне с 25 мая 1918 г. [РГВА, ф. 40148, оп. 1, д. 25, л. 26 – 31].

Николай, Губернский Секретарь. В Донской армии, ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе Донского госпиталя в Болгарии. [Волков: Список частей Русской армии на осень 1925 г.].

Николай, кадет ДИАЗКК (36-й выпуск); в 1922 г. из 4-го класса в Египте переведен в школу в Буюк-Дере. [Волков: Список кадетов Донского корпуса, из ж. Кадетская переключка].

Николай Алексеевич, помощник, начальник организационно-мобилизационного отдела войскового штаба; награжден В-3 Приказом Войскового Штаба ВВД №215 от 28 мая 1920 г. [РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 122, л. 49]. Начальник орг.-моб. Отдела Дед. Генерала В. Штаба ВВД; произведен в генералы 20 июля 1920 г. приказом ВСЮР от 4 июля 1920 г. и ВВД № 290 от 21 июля 1920 г. [л. 50].

Р. 24 января 1878 г., + 28 марта 1853 г.; уроженец г. Ташкента; генерал-майор. Не Донской. [сообщил И.М. Алабин.]

Николай Васильевич, р. 1888 г.; образование: реальное училище и Владимирское ВУ; подпоручиком с 1 декабря 1914 г. В Донском офицерском резерве. Весной 1920 г. направлен в Донской офицерской резервный полк. [РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 88, л. 183]. Примечание. Вероятно, не Донской.

Николай Васильевич, 31 год, прапорщик; отставка по болезни с чином (подпоручика) приказом Войскового Штаба ВВД № 149 от 30 апреля 1920 г. [РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 144, л. 42 об.]. Также, вероятно, не Донской.

Николай Митрофанович, подъесаул; наблюдатель; начальник мастерских (Донской авиационный парк) «Список г.г. офицеров, врачей, Чиновников, состоящих на службе в Донской авиации». [РГВА, ф. 39457, оп. 1, д. 408, л. 4 – 5 об.].

Николай Николаевич, год переписи–1916, старший урядник 9 ДК (Усть-Белокалитвенского) пешего П; награжден СГ-4 –1 июня 1918 г. [РГВА, ф. 39845, оп. 1, д. 18] Вахмистр; ранен 14 сентября 1918 г. [д. 53].

Николай Петрович, образование: Каменец-Подольская гимназия и Киевское ВУ. [РГВИА, ф. 2007, оп. 1, д. 74, л. 268 об., док. за 1916 г.]. Из юнкеров Киевского ВУ в хорунжие 12 июля 1914 г. со старш. с 6 августа 1913 г. с зачислением в полк № 10. Хорунжий полка № 27; за отличие награжден: А-3 МБ – 6 января 1915 г., С-2 М –16 июня 1915 г., А-3 МБ –3 июля 1915 г. Сотником с 1 июня 1916 г. со старш. с 19 июля 1915 г.; за отличие награжден: А-2 М – 27 сентября 1916 г. Сотник полка № 27; подъесаулом с 14 февраля 1917 г. со старш. с 19 сентября 1916 г. [Выс. приказы].

Николай Петрович, год переписи – 1916; вахмистром 9 ДП (Усть-Белокалитвенского) пешего П с ноября – декабря 1918 г. [РГВА, ф. 39845, оп. 1, д. 20].

Николай Савельевич, из крестьян ВД, р.6 декабря 1875 г, награды: С-3 МБ, СГ-3, СГ-4. В службе в 206 Сальянском полку рядовым с 21 ноября 1897 г. Ефрейтором с 1 апреля 1899 г. Младшим унтер-офицером с 1 октября 1899 г. Унтер-офицером с 30 марта 1903 г. Фельдфебелем с 7 июля 1903 г. Подпрапорщиком с 27 июня 1907 г. В Персии в 1911 – 1913 г. Участник Германской кампании 1914 –1918 г., в

действительных сражениях За отличие в делах награжден СГ-4 и СГ-3, а также произведен в прапорщики 14 октября 1914 г. Ранен и контужен у д. Бржезнице. За отличие награжден С-3 МБ. Подпоручиком с 1918 г. В 9 Донском казачьем (Усть-Белокалитвенском) пешем полку. Жена – дочь казака Фетисова Елена Михайловна, дети: Николай р. 9 мая 1895 г., Федор р.6 февраля 1898 г., Алексей р.3 сентября 1911 г., Мария р. 6 февраля 1903 г., Евдокия р. 13 февраля 1906 г. Дочь окончила Каменскую гимназию; сыновья окончили прогимназию в г. Баку, ныне на фронте. [РГВА, ф. 39845, оп. 1, д. 18, л. 496, док. 14 января 1919 г.]

Род. 6 декабря 1876 г.; за отличие награжден СГ-4, СГ-3; прапорщиком с 14 октября 1914 г.; награжден С-3; подпоручиком с 1917 г.; поручиком с 18 сентября 1918 г.; в 9 ДК (Усть-Белокалитвенском) пешем П. [РГВА. ф. 39845, оп. 1, д. 18].

Николай Степанович, р. 1891 г.; образование: Павловское ВУ; подпоручиком с 1 февраля 1915 г.; штабс-капитаном с 18 декабря 1918 г.; на весну 1920 г. в штабе Донского корпуса; назначен членом военно-судной комиссии при штабе Донского корпуса. [РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 88, л. 173]. В эмиграции в Югославии. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. в США. Умер 29 октября 1968 г. в Ред Банке (США). Жена Фаина Ивановна. [Волков: "Корпусник" и Альбом Русского корпуса; ж. Наши вести и др.]. Примечание. Вероятно, не Донской.

Николай Федорович, образование: реальное училище и НКЮУ [РГВИА, ф. 2007, оп. 1, д. 74, л. 185 об., док. за 1916 г.].

Из юнкеров НКЮУ произведен в прапорщики 1 октября 1915 г. с зачислением в комплект ДКП. Прапорщик полка № 16; хорунжим с 23 сентября 1916 г. со старш. с 1 июня 1915 г.; сотником с 11 октября 1917 г. со старш. с 1 марта 1917 г. [Выс. приказы]

Павел Васильевич, Коллежский Секретарь; имеет законченное юридическое образование; на весну 1920 г. отправлен в Донской офицерский резерв. [РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 88, л. 15 об.].

Павел Михайлович, казак Усть-Хоперской ст., год переписи – 1916; приказный 9 ДК (Усть-Белокалитвенского) пешего П; ранен 19 июля, 14 сентября и 22 декабря 1918 г. [РГВА, ф. 39845, оп. 1, д. 53]. Исключен из 4-й сотни в ноябре 1918 г. [д. 20].

Петр, из юнкеров НКЮУ произведен в прапорщики 1 сентября 1915 г. с зачислением в комплект ДКП. Прапорщик полка № 8; хорунжим с 13 февраля 1916 г. со старш. с 1 декабря 1914 г.; за отличие награжден С-3 МБ – 9 июля 1916 г. Произведен в сотники 10 июня 1917 г. со старш. с 11 октября 1916 г. [Выс. приказы].

Петр Александрович, ст. Аксайская, прапорщик, бывший учитель; "скончался от ран". Фото. [ДОВ, прил. № 6, с. 1; 7 февраля 1916 г.].

Петр Григорьевич, р. 1894 г., ур. Астраханской губ.; на весну 1920 г. поручиком в 7 ДКП. [РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 88, л. 190 об.]. Не Донской.

Петр Иванович, образование: домашнее и НКЮУ, прапорщик полка № 33. [РГВИА, ф. 2007, оп. 1, д. 74, л. 338., док. за 1916 г.]. Из юнкеров НКЮУ произведен в прапорщики 1 мая 1916 г. с зачислением в комплект ДКП. [Выс. приказы].

Петр Петрович, из казачьих детей, р. 18 октября 1858 г., казак Константиновской ст.; окончил ЕКЮУ по 1 разряду; награжден СМ-А3.

В службе казаком с 1 января 1877 г. В полку №12 с 23 октября 1879 г. Урядником с 15 января 1881 г. Юнкером с 29 августа 1881 г. Подхорунжим с 6 августа 1885 г. В полку № 11 с 19 июля 1885 г. Произведен в хорунжие 9 февраля 1886 г. со старш. с 1 сентября 1885 г. В полку №16 со 2 апреля 1889 г. Сотником с 24 сентября 1889 г. со старш. с 1 сентября 1889 г. Подъесаулом с 15 апреля 1893 г. В полку № 17 с 12 февраля 1896 г. Произведен в есаулы 15 апреля 1902 г. В полку № 17 с 25 июля 1902 г. В полку № 20 с 8 марта 1905 г. Умер 5 мая 1905 г.

Вдов, дети: Александр р. 30 марта 1887 г., Николай р. 5 апреля 1892 г., Зинаида р. 8 июля 1890 г. [РГВИА, ф. 330, оп. 58, д. 509, ПС за 1905 г.].

В ПС за 1894 г. показано: р. 4 октября 1857 г., жена – дочь священнослужителя Мария Феофиловна, еще сын Евгений р. 19 января 1894 г. [д. 51]. Жена из Волынской губ. [оп. 57, д. 813. ПС за 1889 г.]. Род. 29 июня 1857 г. [д. 610, ПС 1887 г.]. Есаул полка № 20; исключен из списков умершим – 13 июня 1905 г. [Выс. приказы].

Петр Степанович, подъесаул; после эвакуации Крыма в Донском техническом полку. [РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 88, л. 192 об.].

Порфирий, Коллежский Секретарь, делопроизводитель по хозяйственной части полка №3; Титулярным Советником с 23 августа 1909 г. со старш. с 16 июля 1909 г.; Коллежским Ассесором 13 июля 1914 г. со старш. с 22 апреля 1914 г.; награжден А-3 – 12 июля 1915 г. [Выс. приказы].

Прасковья Дмитриевна, дочь казака, владелица деревянного дома в Новочеркаске по адресу: Архангельская ул. (от Почтовой ул. до Западенской ул.), д. № 40 (дворовое место № 49). [Б.В. Краснов «Новочеркаск» (Справочная книжка), Новочеркаск, 1896, с. 25].

Раиса Аркадьевна, вдова войскового старшины, владелица деревянного дома в Новочеркаске по адресу: Аксайская ул. (от Крещенского спуска до Кирпичной ул.), д. № 50 (дворовое место № 15). [с. 5].

Ростислав Константинович, р. 1902 г. Во ВСЮР и Русской Армии, юнкер в Атаманском ВУ до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле "Лазарев". Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе Атаманского ВУ в Болгарии. Хорунжий. [Волков: ГАРФ, ф. 5982, д. 54. Списки эмигрантов; Список частей Русской армии на осень 1925 г.].

Степан, казак ВВД. В Донской армии, ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе Гундоровского полка в Болгарии. [Волков: Список частей Русской армии на осень 1925 г.].

Степан Алексеевич (отец Сергей), сын священнослужителя, р. 30 января 1864 г., казак Аксайской ст. (отец – священник ст. Аксайской Петров Алексей Петрович умер в 1874 г.).

Окончил Донскую духовную семинарию в 1885 г. С 1886 г. на историко-филологическом факультете Императорского университета, окончил в 1891 г. с дипломом 1 степени. 27 мая 1891 г. прикомандирован к киргизской миссии Томской епархии. 2 ноября 1892 г. пострижен в монашество. 7 ноября 1792 г. рукоположен в иеромонахи и назначен помощником начальника киргизской миссии. С 9 апреля 1892 г. – архимандрит. С 24 декабря 1899 г. епископ Бийский. С 20 января 1901 г. епископ Омский и Семипалатинский. С 6 сентября 1903 г. епископ Ковенский. [кн. «Донцы XIX в.», 1907].

Стефан, ст. Владимировская. Урядник. Убит. [ДОВ, № 17, л. 4; 22 января 1915 г.].

С.С., казак ст. Раздорской с Медведицы. Умер 22 января 1937 г. в госпитале де Бреван (Франция), где и погребен 24 января 1937 г. [Алабин: г. Последние новос-ти. – 1937, № 5784, 25 (27) января – с. 5].

Трофим Георгиевич, юнкер бывшего 10 ДКП; произведен в хорунжие приказом Войскового Штаба ВВД № 56 от 6 марта 1921 г. со старш. с 1 сентября 1919 г. [РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 122, л. 52].

Трофим Степанович, год переписи – 1911, младший урядник 9 ДК (Усть-Белокалитвенского) пешего П; за отличие 30 мая 1918 г. награжден Георгиевской медалью 4 ст. [РГВА, ф. 39845, оп. 1, д. 18].

Трофим Тимофеевич, казаком в конной сотне 9 ДК (Усть-Белокалитвенского) пешего П на март 1919 г. [РГВА, ф. 39845, оп. 1, д. 12].

Фадей Николаевич, на весну 1920 г. во 2-м Донском конно-артиллерийском дивизионе. [РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 88, л. 192].

Федор, унтер-офицер полка № 56; окончил Телавскую школу подготовки прапорщиков пехоты; производство Главного начальника Кавказского военного округа – 20 марта 1916 г.; прапорщиком с 28 сентября 1916 г. [Выс. приказы].

Федор, год переписи – 1917; в команде штаба обороны Скуришенской ст. на весну 1918 г. [РГВА, ф. 40148, оп. 1, д. 25, л. 38].

Федор, подхорунжий 2 ДКП; награжден СГ-4 приказом Войскового Штаба ВВД № 87 от 14 июня 1921 г. [РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 122, л. 52 об.].

Федор, прапорщик; в Донской армии; в 1-м Богучарском добровольческом отряде. Награжден А-3 – 31 января 1919 г. [Волков: РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 85].

Федор Акимович, год переписи – 1895; казак Ермаковской ст.; поступил в 9 ДК (Усть-Белокалитвенский) пеший П в ноябре - декабре 1918 г. [РГВА, ф. 39845, оп. 1, д. 20]. Приказный. [д. 16].

Федор Дмитриевич, р. 1879 г.; хорунжим с 20 декабря 1915 г.; в 3-м атаману Каледина полку; произведен в есаулы приказом Войскового Штаба ВВД № 547 от 5 / 18 октября 1920 г. со старш. с 12 мая 1920 г. [РГВА, ф. 39456, оп. 1, д. 88, л. 177 об.; д. 122, л. 50 об.]. награжден С-3 МБ тем же приказом (№ 547) [то же].

Федор Дмитриевич, из казаков ВВД; капитан. Умер 24 апреля 1955 г. в Клуанже (Франция). [Волков: ж. Часовой].

Федор Киреевич, казак ст. Чертковской. Подхорунжий. В Донской армии. ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе 3 ДКП в Болгарии. [Волков: Список частей Русской армии на осень 1925 г.].

Федор Николаевич, казак 9 ДК (Усть-Белокалитвенского) пешего П; ранен 15 июля 1918 г. [РГВА, ф. 39845, оп. 1, д. 53].

Федор Трифионович, сын потомственного почетного гражданина, р.ок.1865 г.; домашнее образование; награжден СМ-Корон.

В службе казаком с 1 января 1884 г. Писарем Войскового Штаба с 1 октября 1885 г. Признан нестроевым – 1 января 1889 г. Выдержал экзамен при НКЮУ на 1-й

классный чин и признан кандидатом на классную должность – 12 сентября 1895 г. Делопроизводителем полка № 13 с 1 сентября 1896 г. Казначеем Новочеркасской городской полиции с 16 января 1897 г. Делопроизводителем Управления окружного атамана Черкасского округа с 8 апреля 1899 г. Делопроизводителем полка № 3 с 24 апреля 1899 г. Произведен в Коллежские Регистраторы – 18 июля 1899 г. Помощником пристава Новочеркасской городской полиции – 1 февраля 1900 г. Столоначальником Областного ВД приказа Общественного Призрения с 26 сентября 1900 г. Губернским Секретарем с 22 декабря 1902 г. со старш. со 2 октября 1902 г.

Жена – дочь казака Горбункова Феодора Андреевна, дети: Дмитрий р. 25 октября 1890 г., Антонина р. 15 февраля 1893 г. Имущество благоприобретенное – деревянный дом в Новочеркасске. [РГВИА, ф. 330, оп. 58, д. 467, ПС за 1902 г.].

Коллежский Секретарь, помощник делопроизводителя Областного Правления ВД; Титулярным Советником с 16 ноября 1908 г. со старш. со 2 октября 1908 г.; Коллежским Ассесором с 18 декабря 1911 г. со старш. со 2 октября 1911 г.; награжден С-3 – 6 мая 1912 г. и А-3 – 6 мая 1915 г.; Надворным Секретарем с 15 ноября 1915 г. со старш. со 2 октября 1915 г. [Выс. приказы].

Яков Ильич, ст. Петровская. Убит. [ДОВ, № 200, л. 3; 3 сентября 1915 г.].

?, младший урядник; во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма в 12 ДКП. Эвакуирован из Балаклавы на корабле "Лебедь". [Волков: ГАРФ, ф. 5982, д. 66. Списки эмигрантов].

?, генерал-майор Генерального Штаба; в Донской армии; в июне – сентябре 1919 г. начальником штаба партизанской бригады. [Волков: ж. Первопоходник, 9].

?, полковник; в Донской армии; с 8 декабря 1918 г. по 2 января 1919 г. начальником штаба войск Старобельского района. [Волков: Путеводитель по фондам Белой армии]

XX век

Петр Ильич (Петров-Бирюк), р. 18 октября 1900 г. в ст. Анненской.

С 17 лет в Красной армии. Секретарь станичной партийной ячейки. Заместитель редактора газеты «Красный Хопер». *“Вопросам коллективизации сельского хозяйства на Дону посвящены его очерки «Колхозный Хопер». Его роман «На Хопре» показывает судьбы простой казачки Марфы Королевой, вожака казачьих масс, организатора первых на Дону колхозов”*. Автор романа – трилогия «Сказание о казаках». *“Три революции, русско-японская, первая мировая и Великая Отечественная войны, судьбы трех поколений донского казачества нашли отражение в этом многоплановом произведении”*. Автор романа о Кондратии Булавине «Дикое поле», впоследствии «Кондратий Булавин»; романа о М.И. Платове – «Сыны степей донских», дилогии о Гражданской войне – «Юг в огне» и «Перед лицом Родины». Умер в 1977 г. [В.С. «Хаблов П.И.», в кн. Казачья Сотня» сост. В.Ф. Князев и Г.Л. Воскобойников; 1996, л. 255 - 256].

Примечание. О его творчестве см. в рубрике *“В краю непуганых историков”*.

Роман Ильич, *“85 лет со дня рождения Романа Ильича ПЕТРОВА (1919 – 1944). Героя Советского Союза, уроженца города Белая Калитва. Высокое звание получил за проявленный героизм при проведении разведки боем на выборгском направлении. Р.И. Петров погиб в этом бою. Его именем в родном городе названа средняя школа № 1 и улица. С 1987 года ежегодно в городе проводятся соревнования среди учащихся ДЮСШ на приз имени героя”* [Донской временник, 2004, с. 90].

Доктор филологических наук Ф.Г. Бирюков

Ниже приводятся выдержки из автореферата диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Название диссертации – «Народность и историзм М.А. Шолохова». (Работа выполнена в Литературном институте им. А.М. Горького; специальность 10.01.02 – советская литература; официальные оппоненты: д.ф.н. А.И. Хватов, д.ф.н. В.В. Бузник, д.ф.н. В.М. Минокин; защита состоялась в 1975 г. в Институте русской литературы (Ленинград)).

Те самые “навороты”, которые ничего общего не имеют с историей, представляются в качестве чертовски достоверных описаний. И за это автор удостоивается докторской степени (!?!). Все подчеркивания и выделения полужирным шрифтом сделаны мною - С.К.

“Книги Шолохова, воссоздающие во всей полноте, сложности, противоречия реальный процесс жизни в переломные периоды, воспринимаются человечеством как **суровая, честная и необходимая правда века**” [с. 3].

“Сыграли положительную роль высказывания М. Горького. В частности, он отнес Шолохова к ряду тех советских писателей, которые «сумели хорошо изобразить войну 1914 – 1918 годов со всеми ее ужасами», в чьих произведениях «широко и многими весьма талантливо использован героический и трагический материал гражданской войны»” [с. 4 - 5].

“Отвлеченность от конкретной исторической реальности действительно резко ощущалось в ряде исследований. Встал вопрос о более точном прочтении Шолохова, прежде всего эпопеи «Тихий Дон», потому что слишком резко разошлись два взгляда: непосредственное читательское восприятие и субъективные концепции исследователей, повторявших в ряде положений вульгарно-социологические схемы. Не отменяя положительное, что было достигнуто в предыдущие годы, исследователи стремились дать новое решение важных проблем.

...
 Исследователи с большой глубиной и основательностью начали подходить к проблеме народности, применять принцип историзма. Создана была более благоприятная обстановка для использования необходимых архивных материалов. Это активизировало поиски историков. Многие факты получили новое освещение, чем было раньше. В частности, были отвергнуты некоторые неточные определения казачества – его исторического прошлого, роли в революции и гражданской войне. **Конкретно-историческая основа «Тихого Дона» предстала в более объективном виде.**

...
К. Хмелевский, Д. Бабичев и другие, занимавшиеся историей Дона, хотя и расходились между собой в некоторых положениях, оценках фактов, но строили свои выводы на более проверенной научной основе.

Особенно важные выводы и соображения о казачестве в годы революции и гражданской войны были даны в «Истории Коммунистической партии Советского Союза» (1968) [с. 6 - 7].

“В настоящей диссертации автор выдвигает как один из главных аспектов изучения творчества Шолохова – историко-социальный анализ, который необходим для правильного определения свойственных писателю принципов народности и историзма” [с. 8].

В 1-й главе исследуется проблема – «Крестьяне в эпосе Шолохова» [с. 9].

“Этот принцип изображения крестьянства особенно нагляден в «Тихом Доне». В центре повествования – народ. Он впервые на переднем плане в величайшей эпопее, в крупном изображении, с индивидуальными чертами. Шолохов увидел в народе много здорового, жизнотворного, притягательного – привлекательность, простоту, выносливость, удачу, энергию, широту натур, свободолюбие, искренность, человечность. Естественно приходят на память народные типы из нашей классики – Тарас Бульба, запорожцы Репина, тургеневские образы крестьян из «Записок охотника», казаки Толстого, некрасовские правдоискатели.

Шолохов сказал правду о казачестве, затемненную многими историками, глубоко вошел в его прошлое, развеял мрачные легенды о народе Дона как, якобы, единой «железной гвардии» царя.

Диссертант считал необходимым обратиться к истории, чтоб показать то своеобразное, демократическое, оригинальное, что было присуще казакам с самого их поселения на Диком поле и что в лучших представителях, потомках Болотникова, Разина, Булавина, Пугачева, их соратниках сохранялось всегда.

Шолохов изображает трудовую жизнь казаков, хотя это было и военное сословие. Тяжесть существования не обходила их. Это – часть крестьянства; закон классового деления, несмотря на внешнее единство этой среды, действовал и здесь. Противоречия обнажались еще до войны, особенно острыми стали во время войны и революции. Трудовые казаки отказались поддержать монархию, Каледина и Богаевского. Отошли от Краснова. Они тянулись к миру с советской Россией.

Трагические колебания донского казачества в годы революции, которые привели к вооруженному конфликту с революционным народом России и тяжелым последствиям для обеих сторон, Шолохов объяснил как **роковое заблуждение**, вызванное рядом серьезных причин. **Сложность обстановки воссоздана во всей определенности и объективности: в романе раскрыта, если использовать ленинскую характеристику научного метода, «совокупность всех сторон явления, действительности и их (взаим)отношения...»** [с. 14 - 15].

“Наконец, приведены обобщающие выводы из «Истории Коммунистической партии Советского Союза» (1968) о «серьезных ошибках, допущенных в решении казачьего вопроса», . . .» [с. 16].

“Из всего этого видно, настолько существенна одна из проблем, разрешаемая в «Тихом Доне». К каким односторонним выводам приходят исследователи, не учитывающие реальной исторической обстановки. Им кажется, будто восстание было неизбежно, неотвратимо, иначе, дескать, все проходило бы на мечту о «сладкой» революции, на «идиллию» [с. 18].

«Тихий Дон» - мудрая книга. На тяжелом подлинном событии она показывает, как жизненно необходим союз рабочего класса и крестьянства, насколько трагичны последствия, когда этот союз оказывается нарушенным и колеблющиеся массы становятся добычей враждебных сил.

Книга учит, насколько опасно отступление от ленинизма, классового принципа в руководстве, подчеркивает роль субъективного фактора в истории.

Книга убеждает и в том, что очень осмотрительным, ответственным должно быть поведение самих масс, рассеивает иллюзию о третьем пути, которого не существует. Общественная жизнь нашего века требует все более тесной сплоченности всех трудящихся на основе классовых и интернациональных идей.

Писатель ставит проблему, которая касается пролетарской тактики: где проходит та грань, которая отделяет друзей от врагов? С кем надо обязательно договориться и кого – смести прочь с дороги? Кто способен поддержать новое и в то же время – при стечении неприятных обстоятельств – выступить против? Поскольку на практике это предстает всегда в очень запутанном виде, Шолохов дал картину широкой позитивной оценки.

Он провел строгий классовый принцип. С одной стороны, убежденные враги – Листницкие, Коршуновы, Моховы, атаманы и генералы, контрреволюционные политические деятели. Все те, кто не примирился с советским строем. В отношении к ним нет и тени проповеди «человеческой любви», хотя нет и однолинейности в изображении, сплошных черных мазков. С другой стороны, - трудовой народ, поставленный в особые исторические условия, естественно подверженный колебаниям. Шолохов далек от всяких узких сектантских теорий, «левых» установок, которые в пору создания «Тихого Дона» проводили в некоторых худ. произведениях, вплоть до теории «раскрестьянствования». Наша революция укрепляла свои позиции, когда опиралась на гибкую тактику в отношении промежуточных слоев города и деревни, старых специалистов, полезных нам офицеров, чиновников, деятелей науки, искусства, техники.

Шолохов на примере Дона показал, что грань между врагами и друзьями надо проводить осторожно, она не всегда ясно обозначается и в конкретном случае проходила далеко не там, где ее видели вдохновители рассказывания. «войны с Доном». Григорий Мелехов, Пантелей Прокофьевич, Прохор Зыков, Христоня, Авдеич – и многие другие могли быть в схватке двух миров на нашей стороне, потому что не было принципиального противоречия между целями революции, самой народной и широкой по своей политической программе, и коренными интересами этой следы. Вот мысль, которая проходит через роман. Насколько она ныне актуальна для всего прогрессивного движения – доказывать не приходится.

Некоторые критики приписывали Шолохову сочувствие враждебному лагерю, «объективизм». На самом же деле писатель равно далек и от бесстрастного объективизма, и безнадёжного фатализма» [с. 19 - 21].

“Ярким воплощением народных характеров выступают представители революционного лагеря в эпосе, идущие вперед под знаменем равенства, свободы, боевого интернационализма. Подтелков, Кривошлыкы. Бунчук, Лагутин, Штожман, Лихачев, Котляров, Кошевой и находятся на главной линии борьбы, принимают на себя первые удары. Шолохов отмечает в них рыцарскую верность идее, бескорыстие, честность, прямоту, стремление до конца служить народу” [с. 21].

“Вторая глава диссертации – «Три войны» – посвящена шолоховскому изображению самых больших войн нашего века – первой мировой, гражданской и Великой Отечественной” [с. 27].

“«Тихий Дон», всесторонне воссоздающий историю, обстоятельства, психологию разных слоев общества, политические тенденции с точки зрения ленинизма, стал в этом случае не просто художественным произведением, но и своего рода весомым историческим документом, во всей зримой конкретности представившим мировую трагедию войны, «русский вопрос» в целом” [с. 27].

“Он снимает романтику величия с «подвига», который грубо сочинялся для восторженности – вроде «геройства» Кузьмы Крючкова, , расписанного на все лады царской пропаганды. Но это не значит, что Шолохов не видит подвиггов, мужества в той войне. Они были, потому что истинные цели войны прикрывались патриотическими идеями” [с. 29].

“В «Тихом Доне» - эпосе объективного содержания и огромной аналитической силы – на материале истории дан ответ на вопрос: по чьей вине разгорелась междоусобная война. Прослежены нити заговора против революции, активная роль мятежных генералов, монархистов, кадетов, эсеров, националистов. Столкновение трудового народа в эксплуататорами, стремившимися к реставрации прежних порядков, писатель изображает как неизбежность. Он развернул картины напряженных боев, столкновений лицом к лицу, тот самоотверженный порыв, который помог красным дойти до Новороссийска, сбросить в море Деникина, разбить в Крыму Врангеля, разгромить белополяков. Уничтожить контрреволюционные банды. Энтузиазм народа, борьба за справедливое дело. солидарность, классовое чувство, преходство духа – в этом увидел писатель главную причину победы наших сил и поражения врага. «Тихий Дон» - «Илиада» революции, ее героическая песня. Опасность реставрации помещичьих и буржуазных порядков спланивает ряды красных, удешевляет энергию. Мужество Подтелкова и его отряда во время казни – потрясающая страница истории гражданской войны, запечатленная Шолоховым с редкой художественной силой”.

“Шолохов воссоздает историю гражданской войны обстоятельно и точно. Дилетантизм, субъективизм и приблизительность в подходе к сущности фактов начисто исключается. История предстает не во внешних лишь признаках, как бывало у других писателей, а выверенной, глубоко осмысленной. Введенные в текст документы усиливают достоверность всей фактуры. По этой причине многие действующие лица являются реальными: Подтелков, Кривошлыков, Лагутин, Щаденко; с другой стороны: Родзянко, Корнилов, Каледин, Марков, Фицхеллауров, Агеев, Чернецов и др.” [с. 30].

“Третья глава диссертации называется «Художественное слово Шолохова». Эта проблема а также непосредственно связана с особенностями и реализма Шолохова” [с.32]

* * *

Вероятно, “подсластить пилюлю” можно приведа биографическую справку, из все той же энциклопедии В.Д. Батырева «КАЗАЧЕСТВО»[М., ИНФРА-М,2003]:

“БИРЮКОВ Федор Григорьевич [род. 28.2(13.3.) 1915, с. Крутец ныне Саратов губ.], литератор, доктор филолог. наук (1977). Окончил Саратов. пед. ин-т (1933). С янв. 1942 преподавал в средней школе. С 1959 на пед. работе в Лит. ин-те им. А. М. Горького: ст. преподаватель, с 1967 доцент, с 1979 профессор, в 1979 – 86 зав. каф. стилистики и рус. языка. Чл. СП (с 1983). Осн. работы посвящены исследованию творчества М.А. Шолохова: «Художественные открытия М. Шолохова» (1976), «О подвиге народном» (1989), «Перечитывая классику. Шолохов» (1998) и др. Принят в казаки каз. сходом стан. Вешенской» [с. 36].

Писатель Д.И. Петров (Бирюк).

По-прежнему ценнейшим источником информации на тему - "что же считать о казачестве" я считаю "нетленный труд" Батырева и К - Энциклопедию «КАЗАЧЕСТВО» Где же еще найдешь столько одиозных фигур, да еще и в такой степени напакотивших казакам ? На с. 252 читаем очередную биографическую справку из этого опуса.

"ПЕТРОВ-БИРЮК Петр Ильич (18). 10.1900, стан. Анненская ныне Волгоград. обл.,-1977), из дон. казаков, писатель. В 18 лет добровольцем вступил в Кр. Армию. Во время Гражд. войны в России воевал в составе кав. соединений и частей под команд. С.М. Буденного. После окончания войны секретарь комитета бедноты стан. Михайловская, инструктор станичного земельного отдела в стан. Урюпинская. Секретарь станичного парт. Комитета. Нек-рое время был зам. редактора газ. «Красный Хопер». В 1927 появились первые рассказы П.-Б. «Рыбаки», «Лаверентьева любовь» и др. Печатался в г. «Известия», «Крестьянская газета», ж. «Работница» и др. наиболее значит. произведение П.-Б. роман-трилогия «Сказание о казаках», в к-ром прослеживается судьба трех поколений дон.казаков. Автор ист. романа «Дикое поле (1945) о казако-крест. восстании 1707-09 под предвод. К.А. Булавина. Этот роман потом несколько раз переиздавался под назв. «Кондратий Булавин». Участию дон. казаков под команд. атамана М.И. Платова в Отеч. войне 1812 посвящен роман «Сына степей донских» (1953). О судьбах дон. казаков в Гражд. войну и последующие десятилетия повествуется в романах «Юг в огне» (1957) и «Перед лицом Родины» (1963). В ист. повести «Степные рыцари» (1961) рассказывается о героической обороне казаками Азова. Большой знаток казачества, его многовековой истории, писатель умело использовал в своих произведениях местные наречия, поговорки, каз. нар. песни. Для них характерны многоплановость художеств. изображения, острота социальных конфликтов, стремление к объективному показу истории казачества в сов. период".

Примечание. Кстати, не Петр Ильич, а Дмитрий Ильич.

Псевдоним отражает девичью фамилию матери – Бирюкова.

Просмотрев карточки в каталоге РГБ, убеждаешься, что суммарный тираж книг писателя превышает миллион (!). Вероятно, ввиду столь значительного вклада писателя в Советскую литературу в 1976 г. увидела свет брошюра В.М.Трофимова «Творчество Д.И. Петрова» [М., Московский рабочий, 160 с.], причем довольно-таки значительным для работ подобного рода тиражом – 10 тыс. экземпляров.

Художественная составляющая, разумеется, в произведениях присутствует, но не производит особого впечатления. Поэтому, изначально, в качестве "плюса" можно отметить только тематику – "казачество" в виду того, что на эту тему очень мало пишут, а популяризация необходима.

Писатель затрагивает очень многие исторические события. Можно выделить четыре описываемых эпохи:

- 1) Казаки в Советское время.
- 2) XVII век и начало XVIII века.
- 3) Начало XIX века.
- 4) Революционное движение и Гражданская война.

Казаки в Советское время.

Что-то у меня не появилось особого желания читать о счастье, которое охватило простую казачку, после того, как ласковая Советская власть провела коллективизацию. На эту тему работы:

Роман «Марфа Королева» [Сталинград, 1950, тир. – 10 тыс.]. (1. Казачество донское. 2. Классовая борьба в деревне. 3. Коллективизация сельского хозяйства. 4. Женщина в СССР).

Впоследствии этот роман имел название «На Хопре» и издавался трижды: в Ростове-на-Дону в 1934 г. (тир. 5 тыс.) и в 1958 г. (15 тыс.); в Москве в 1966 г. (65 тыс.)

Очень характерен отзыв об этих книгах в работе В.М. Трофимова: *“В нашей литературе нет других произведений, которые бы отразили ту сложную и вместе с тем радостную пору создания первых колхозов на Хопре”* [с.15]. Неплохо о *“радостной поре”*, не правда ли? Кроме того, присутствуют такие эпитеты как *“достоверность и доказательность”* [с. 16].

Данная тематика – одно из двух (наряду с гражданской войной) самых ужасных событий в отечественной истории. Любое произведение Советского периода об коллективизации содержит в себе значительную политическую составляющую, а, точнее, кроме нее, в общем-то, в произведениях, как правило, ничего больше и нет. И если писатель брался за эту тему, то, в лучшем (для него) случае, это означает, что было очень сильное давление и его просто заставили заниматься столь неблагоприятной деятельностью. Если же наблюдалось собственное желание, то о какой морали, в таком случае, могла идти речь ?

Также нет никакого желания читать третью часть “основного труда” писателя «Сказание о казаках», в которой обласканные устроеным геноцидом казаки мужественно защищали от фашистов Советскую власть.

Еще не исследована в полной мере деятельность казаков во время Великой Отечественной войны.

С одной стороны. Восприятие значительной частью казаков немцев как освободителей. Формирование казачьих отрядов, а затем и частей. Исход вместе с отступающими немцами. Казачьи части в составе вермахта.

С другой стороны. Соппротивление казаков против немцев. Казачьи формирования в составе Красной Армии.

Все-таки рассматривать какую-либо одну сторону без упоминания другой нет никакого смысла. Уж очень однобокой получается картина.

Кроме того, при рассмотрении службы в РККА нужно попытаться определить – где был патриотизм, а где жесткая и насильная мобилизация.

В случае же службы немцам надо тщательно рассматривать причины такого деяния и для этого скрупулезно изучать все художества Советской власти на Дону за предшествовавшие войне 25 лет. Полезно также ознакомиться с тем, какую память оставили о себе немцы в 1918 году.

Кстати, в работе В.М. Трофимова говорится, что данная (3-я) часть трилогии (о Великой Отечественной войне) значительно уступает 1-й ввиду того, что автор плохо владеет темой. Все намешано в кучу: и казачьи кавалерийские соединения, и казачий партизанский отряд, и подполье в Ростове.

На основании вышесказанного описания Советского периода, предложенные писателем, я бы оценил как большой “минус”.

Начало XIX века.

Здесь два исторических романа.

Историческая повесть «Сыны степей донских» издавалась трижды: в Ростове-на-Дону в 1953 г. (тир. 30 тыс.), в Москве в 1959 г. (75 тыс.) и в 1970 г. (65 тыс.).

Отечественная война 1812 г. и участие в ней казаков под водительством атамана М.И. Платова (противостояние Кутузова и Платова Наполеону). Ввиду того, что на эту тему было достаточно написано в XIX веке, ничего нового в романе не наблюдается.

Роман «Братья Грузиновы» [М., 1969, тир. - ?].

Достаточно своеобразные идеи (возможно, и помешанного) гвардейского полковника Грузинова о создании нового государства, да еще и хулящего Императора Павла I, повлекли за собой казнь. В Советский период к этой теме любили возвращаться, как к примеру царской жестокости. Уж очень хотелось из братьев Грузиновых сделать что-то напоминающее декабристов. Эту же задачу ставит перед собой и писатель (злбный взбалмошный и коварный царь и гордый красавец полковник). См. на эту тему вып. № 22 и 52 данной серии.

И если роман об Отечественной войне можно еще потерпеть (как говорится, - *ладно, пусть будет*), то второй существенно искажает Павловскую эпоху.

XVII век и начало XVIII века.

Здесь также два исторических произведения. Начнем с менее значимого.

Историческая повесть «Степные рыцари» [М., 1964, тир. – 65 тыс.]. (1. Азовское сидение. 2. Казачество донское. 3. Турецко-татарская агрессия в русском государстве 17 века).

Борьба казаков за г. Азов в XVII в. Это, пожалуй, единственная тема, освещение которой советским писателем можно приветствовать. О действиях казаков во время многолетней борьбы с турками за этот город нужно писать и писать. Еще больше, на мой взгляд, нужно писать о морских походах казаков в XVII веке, когда, по сути, на небольших лодках регулярно грабили турецкие и крымские города, и, более того, нанесли серьезный урон турецкому флоту.

Вспоминаю, как в детстве увлекался приключениями пиратов: «Остров сокровищ», «Одиссея капитана Блада» и т.д. Почему же нет книг о наших пиратах? Каким раздольем для писателей являются эти морские походы! Так зачем же нам воспитывать наших детей на рассказах о каких-то английских флибустьерах, когда есть свои? Проблема-то как раз в том, что нет талантливых писателей, которые могли бы взяться за столь увлекательную приключенческую тематику.

Таким образом, одна повесть, да и то о сухопутных казаках, - является явной промашкой.

В 1975 г. было издано еще одно объединенное произведение «Братья Грузиновы. Степные рыцари» [М., тир. – 100 тыс.].

Вторая тема – Булавинское восстание 1707 – 1708 гг. На эту тему:

Роман «Дикое поле», изданный в Ростове-на-Дону в 1945 г. (тир. – 2 тыс.) и в Ленинграде в 1946 г. (30 тыс.).

Роман «Кондрат Булавин», издававшийся в Москве в 1951 г. (15 тыс.), в Ростове-на-Дону в 1951 г. (15 тыс.), в Москве в 1955 г. (75 тыс.), в 1958 г. (100 тыс.), в 1959 г. (100 тыс.), во Владимире в 1962 г. (100 тыс.), в Москве в 1965 г. (100 тыс.), и в 1970 г. (100 тыс.).

Повесть «Бахмутская вольница» [Донецк, 1970, тир. – 50 тыс.].

Данная тема неоднократно рассматривалась в XIX веке. Успех романа объясняет работа В.М. Трофимова. Там говорится, что в романе представлено новое, Советское видение Булавинского восстания, в корне отличающегося от того, что было в XIX в.

Здесь автор напал на “золотую жилу”. С одной стороны, наблюдалась потребность в исторических романах, а с другой, все предыдущие варианты трактовки данного события никак не соответствовали Советскому мировоззрению.

Достаточно интересна и поучительна смена названия произведения. В первом варианте («Дикое поле») по мнению власти не совсем точно были отражены события (писатель осуждал восстание). Как показано в брошюре В.М. Трофимова, последовали критические статьи и автор воспринял “конструктивную” критику. В результате исправленный роман получил другое название («Кондрат Булавин») и имел общий тираж более 600 тыс. экземпляров.

Итак, писатель отражает официальную Советскую версию данного события. Именно эту трактовку в предисловии к роману дает профессор В. Лебедев, подтверждая тем самым “правильность” подачи материала в художественном произведении (перед другими произведениями Д.И. Петрова никаких предисловий нет). Речь идет об “антифеодальном народном движении на Дону и в Придонуе”.

Конец XVII – начало XVIII вв. – царствование Петра I. После взятия Азова в 1696 г., по сути, закончилась казачья вольница с ее легендарными морскими походами. Император “в быстром темпе” стал лишать казаков их привилегий. Как реагировать на это – казакам было непонятно. Уж очень на тот период был “неадекватный” царь. Такой мог просто, как говорится, порубать все Донское казачество “в мелкий винегрет”. В результате незавидная доля постигла подряд трех атаманов: И. Зерщикова, Л. Максимова, К. Булавина.

Дореволюционные историки в качестве причины восстания называли обыкновенный земельный спор за Бахмутские земли между Донскими казаками и слободским Изюмским полком. Очередным шагом по ущемлению прав казаков была посланная царем экспедиция для возврата с Дона беглых крестьян. Тем самым нарушалась одна из казачьих привилегий “С Дону выдачи нет”.

Атаман Л. Максимов, с одной стороны, державшийся московской ориентации, с другой, был вынужден противостоять натиску Петра I по лишению исконных прав казаков. Поскольку это был не первый шаг Петра I в данном направлении, атаман тайно сообщил о нем Бахмутскому атаману К. Булавину, который, в результате разбил отряд и тем самым начал восстание.

Л. Максимов отмежевался от действий К. Булавина и в дальнейшем при взятии последним Черкаска был казнен.

У И. Зерщикова, бывшего атаманом до Л. Максимова (и после смерти К. Булавина), верноподданнические чувства боролись с желанием помочь К. Булавину. Помоему, он пытался выбрать “наименьшее зло” для Дона. Таковым он посчитал убийство К. Булавина и присягу на верность Петру I. Вероятно, он был прав. Не сделай этого, для Дона все могло бы закончиться значительно хуже. Правда, сам, при этом, не уцелел и был казнен Петром I.

Притягивать сюда борьбу классов и “антифеодальное народное движение” можно только “за уши”. Забавно смотрится трактовка ряда событий, характеризующая уровень знаний советских историков, и бездумно популяризируемая писателями.

Например, смерть К. Булавина. Распространенная версия о самоубийстве подается в качестве мужественного поступка, принятого ввиду безысходности, и, как бы, рисующие человека в лучшем свете.

Все та же традиционная неграмотность, влекущая за собой непонимание мотивов, движущих людьми.

Самоубийство – большой грех, выставляющий сделавшего это в самом неблагоприятном свете. Такого не отпевали в церкви и не хоронили на христианских кладбищах, что влекло за собой “значительные неприятности” на том свете. Да и на его роду в дальнейшем лежало пятно.

В последующих исследованиях утверждается, что К. Булавин был все-таки убит (есаулом Степаном Ананьевым). Т.о., представление смерти в виде самоубийства, по тем временам, – посмертная жестокая расправа.

Судя по всему, для Советских историков понять это было сложновато.

Еще один аспект – расправа на Дону после Булавинского восстания. На эту тему читаем у ростовского историка А.П. Пронштейна (в его докторской диссертации «Земля Донская в XVIII в.»):

“Мстя восставшим Хованский на «завоеванной» им территории уничтожил 8 донских городков, в том числе Паншин, Голубые, Качалин, а 39 городков привел к крестному целованию («Роспись казачьим городкам, которые разорены и выжжены и из которых станиц были у крестного целования») в сб. «Булавинское восстание» №140, с. 331” [с. 264]. Насколько я понимаю, имеются в виду станицы Голубинская и Качалинская, которые в дальнейшем существовали и развивались. Далее по тексту говорится об уничтожении 44 казачьих городков.

В предисловии профессора В. Лебедева читаем:

“Но в конце концов восстание было жестоко подавлено. Все верховые городки были уничтожены, многие тысячи крестьян возвращены помещикам. Дон обезлюдел, и на его свободных землях установилось крепостное право”.

Уж очень далекая для меня эпоха. Однако . . . Неоднократно брал в руки сохранившуюся в РГАДА “Крестоприводную книгу” 1718 года – перепись Донских казаков. Прошло менее десяти лет (немного). Верховые станицы существовали и не сказать, что там было существенно меньше народу, чем в низовых

Революционное движение и Гражданская война.

Развитие революционного движения на Дону в начале XX века описано в романе «Казачи». Вначале это было отдельное произведение, издававшееся не менее семи раз: в Ростове-на-Дону в 1935 г. (тир. 1150 экз.), в Москве в 1937 г. (10 тыс.), в Ростове-на-Дону в 1940 г. (10 тыс.), в Краснодаре в 1941 г. (10 тыс.), в Москве в 1941 г. (10 тыс.), в Ростове-на-Дону в 1947 г. (10 тыс.) и в 1948 г. (10 тыс.).

Затем это стало 1-й(и основной) частью трилогии «Сказание о казаках» (так называемого “наиболее значительного произведения” писателя) и издавалось: в Ростове-на-Дону в 1951 г. (15 тыс.), в Москве в 1952 г. дважды (15 тыс. и 75 тыс.), в 1953 г. (75 тыс.), в 1955 г. (75 тыс.), в 1956 г. (75 тыс.), в Ростове-на-Дону в 1960 г. (75 тыс.) и в Москве в 1973 г. (50 тыс.).

В брошюре В.М. Трофимова очень подробно разбирается это произведение, много говорится о правильном отражении истории, о понимании писателем сути и проблем казачества, о точных и реалистичных образах и т.п.: “А.Ф. Бритиков справедливо называет книгу «Казачи» Петрова (Бирюка) в ряде «самых известных» романов второй половины тридцатых годов” [с. 80].

Произведение представляет из себя набор советских штампов в преломлении на казачью тематику. Если обычно в подобных случаях изображались прогрессивные рабочие и отсталые крестьяне. То здесь в качестве носителей свежих идей выступа-

ют, в первую очередь, иногородние и, во вторую, молодые казаки (убедившиеся на службе в реакционности власти), а в качестве отсталого элемента и оплота реакции показаны старые казаки.

Показано противостояние “иногородние – казаки” с явной симпатией автора к первым.

Уже в начале романа (1900 г.) и чтение запрещенной литературы и задушевное исполнение “Смело, товарищи, в ногу . . .” среди рабочих, живущих в казачьей среде.

Один из героев романа, иногородний Петр, женившийся на дочери станичного атамана, переходит в казачество. Ему этого не особенно хочется, но так посоветовали товарищи: именно таким образом он сможет более эффективно влиять на косную казачью среду. Другой – природный казак Герасим Лукич стал революционером на службе. Участвуя в разгоне рабочих, прозрел и понял реакционную сущность царизма.

Интересна и завязка романа. Видите-ли, наказной атаман Максимович (!), да еще и с военным министром Куропаткиным (!!) объезжает станицы и т.о. проверяет готовность казаков к службе. Кстати об атамане: *“Генерал Максимович был ограниченным человеком, кичился своим аристократическим происхождением и связями с министром двора . . .”* [М., 1973, с. 33].

Иногородний Петр на джигитовке в присутствии наказного атамана и военного министра посрамил всех станичных казаков и взял первый приз.

Бессовестное отношение казаков к иногородним. Кляузники – хуторские атаманы. А эти кляузы, оказывается, рассматривает сам наказной атаман (!?):

“Письмо было коротко:

«Дорогой дядя!

Шлю вам низжайший поклон, а также и тетушке, братцам и сестрицам с детками. В отношении поданной вами его высокопревосходительству господину войсковому наказному атаману жалобы на смотрителя табунного расхода Кривцова могу сообщить следующее: наказному атаману я жалобу передал лично и расказал о всех тех обидах, которые переносит братец Кирилл. Господин войсковой наказной атаман хотел смотрителя немедленно снять с должности и лишить его урядницкого звания. Но потом выяснилось, что Кривцов считается чуть ли не лучшим смотрителем во всей области, его жеребцы находятся в наилучшем состоянии в сравнении с другими. Господин войсковой наказной атаман ограничился тем, что лишил Кривцова звания урядника за унижительное обращение с табунщиками.

Об этом издан приказ по Войску Донскому, который будет зачитан у вас.

Остаюсь уважающий вас племянник, сотник И. Долгачев» [с. 58].

Для того, чтобы приняли в казаки, оказывается, нужно спойть весь станичный сбор:

“Дед Карпо щерит беззубый рот, поглядывает вверх на Матвея Ивановича и еще больше интризует: - Водки нынче много польем!

- Ну-у ? – изумляется Матвей Иванович, и в глазах его блестят веселые огоньки. – Кто же купит ? - Атаман станичный. - Атаман ?

- Вишь, какое дело, - поясняет дед Карпо, - Ныне будут зачитывать прошение его зятя Петра о приеме в казаки. Понял ?

- Ну – ну !

- Вот и «ну». Стало быть, тесть и хочет подпойть сбор, чтобы подмахнуть приговор” [с. 59].

Набирающее силу революционное движение марксистов. Кулачный бой (куда уж без него). Дерутся, почему-то и пожилые (!?). Начинаящие революционеры интересуются Ульяновым, читают “Искру”. Битье жен.

Выборы хуторского атамана опять сопровождается тем, что претенденты пытаются сплотить выборщиков. *"Ухмыляясь, радостный от победы Афанасий Федорович вынул десятку, послал за водкой. Принесли несколько ведер водки, и началась всеобщая попойка. А утром казачки разыскивали своих пьяных мужей в канавах"* [с. 96].

Каторжный труд наемных рабочих у казаков, после чего следует и бессовестный обман. "Гнусная сущность" хуторского атамана, вероятно, - наиболее удавшийся образ:

"Афанасий Федорович доволен. Хлеб успели скоосить вовремя. Он рассчитывался с косарями.

- Постой, постой, станишник, - вдруг оцетинился тщедушный мужичок, подсчитывая деньги. - Ты чего ж только десять целковых-то дал ? (до этого повестуется, как А.Ф. договорился с наемными рабочими, предложив бессовестно низкую плату; а во время работы нещадно эксплуатировал и очень плохо кормил).

- А сколько ж тебе ? - сощурился глаза, вызывающе посмотрел на него Афанасий Федорович.

- А ты разве не знаешь ? - злыми глазами просверлил его мужичок. - Семнадцать ден работали по шестьдесят пять, стало быть, одиннадцать целковых с пятаком надоть... Ты думаешь, мы грамоте не умеем ? Давай рупь с пятаком.

Остальные мужики посчитали свои деньги. У них также не хватало по рублю пять копеек. Они загалдели: - Отдай, отдай наши деньги !

- Ишь ты ! - ощерился Афанасий Федорович. - Вы что ж думаете, я вам, к тому, водку-то задарма покупал до трех разов ? Да пуд сала стравил... Сами же вы пожелали улучшения в пище...

-Да ты что ж это, - кипятился тщедушный мужичок, -бога, видать, не боишься ?.. Думаешь, у нас закона нет ? Мы тебя к начальству притянем... При-итянем !

- К начальству пойдем ! - поддержали мужики.

Афанасий Федорович обдал их гневным взглядом, гордо выпрямился, ударил себя кулаком в грудь:

- Мы сами начальники ! Сами атаманы !.. Идите отсель, покуль целы, а то недолго до греха - спущу на вас собак, сиволапы !

Тщедушный мужичок завопил:

- Креста на тебе нету ! Жулик !.. Отдай денежки кровные !

- Ларька, дай ему за такие слова, - кивнул он головой на мужичка. - Ишь ты, жуликом я стал... Я те дам жулика !..

Ларион, тяжело ступая косолапыми ногами и сумрачно сопя, медленно подошел к попятившемуся от него тщедушному мужику и, стремительно размахнувшись, ударил его по шее. Мужичок охнул, взмахнул руками, как бы норовя взлететь, отскочил к воротам. Мужики заволновались, засучивая рукава, угрожающе закричали, подступая к Лариону: - За что ?.. За что бьешь, чигоман ?

Ларион испуганно озираясь на них, полез на крыльцо...

Афанасий Федорович рысцой затрусил к двум огромным псам, злобно громыхавшим цепями у амбара, и спустил их с цепей. - Куси, куси их !

Собаки с остервенелым лаем кинулись на мужиков, разрывая на них в ключья холстинные рубахи и порты. Мужики, испуганно хватая мешки и косы, бросились к воротам. Один из мужиков, не успевший выбежать со двора, отбивался от собак косою. Лохматая серая собака, оскалив клыки, огромным прыжком подскочила к нему, мужик ударил ее косою. Собака дико взвизгнула и закружилась по двору, оставляя за собой кровавый след. У амбара она упала, задрыв лапами, захрипела.

- Убил !.. Мужик убил !.. - неистово заорал Афанасий Федорович, бросаясь в хату. Сейчас же он выбежал оттуда с дробовиком и, приложившись щекой к прикладу, выстрелил в ворота.

На шум сбежались хуторяне. – Что тут такое ?.. Что ?..

Афанасий Федорович, слышав знакомые голоса, выбежал за ворота. – Братцы, – крикнул он казакам, – Бей мужиков ! Бей ! Грабить хотели... собаку убили...

– Бей грабителей !.. Бей мужиков !.. – раздался голоса.

Казаки бросились на мужиков. Пожилой рыжий мужик с перекошенным лицом, моргая глазами, размашисто крестясь, испуганно закричал:

– Вот те Христос, не виноваты !.. Не виноваты, казаки !..

– Бей !.. Бей мужиков !..

Кто-то из казаков, наткнувшись на косу, завизжал:

– Зарезали !.. Зарезали мужики !..

Исступленная толпа сбила мужиков с ног. Казаки злобно матерцинили, выли, взмахивая кулаками, топтали ногами... Мужики глухо стонали. Кто-то из них кричал навзрыдь. Слышался голос рыжего мужика: – За что, братцы ?.. За что ?..

Михаил Кузнецов попробовал было защищать мужиков. Бегая вокруг толкущихся людей, казак, он кричал: – Не виноваты они, казаки !.. Не виноваты !.. Я с ними косил, люди они хорошие.

Афанасий Федорович показал ему жилистый кулак. Кузнецов смолк. Били мужиков до тех пор, пока они не замолкли. Марк Сметанников, грудастый старик батарец (били, оказывается и старики. С.К.), с большой окладистой седой бородой, приближавший дружок Афанасия Федоровича, устало дыша, первый остановился:

– Ой, будет ! Ну их к шутам... Устал дюже !.. Будет, казаки, а то как бы ненапроком не отбить печенки у них... Хо-хо...

Казаки отступили. Мужики лежали без движения, уткнув лица в пыль. Тщедушный мужичок, раскинув ноги, лежал на спине, часто и тяжело дыша. Рыжая борода, налитанная кровью, торчала вверх. Широко открытыми глазами смотрел он в ясное голубое небо, и из его глаз текли слезы. Смывая пыль и кровь на лице... В кулаке он судорожно сжимал измятые деньги... Казаки, оживленно обсуждая побоище, расходились по домам. Михаил Кузнецов и с ним еще два казака, выждав, когда все разошлись, подошли к мужикам. – Земляки, вы живы ? – спросил Кузнецов.

Пожилой рыжий мужик приподнял похматую голову, мутными глазами посмотрел на Кузнецова: – Живы.

И, тяжело приподнявшись, сел, отирая рукавом с лица кровь. Спohватившись, полез в карман, стал пересчитывать деньги. – Трех рублей не хватает ! – растерянно глянул он на Кузнецова (еще и обворовали, С.К.).

– Шут с ними ! – сказал Кузнецов. Говори спасибо, что цел-то остался... Казаки наши подобрали, должно, пьянствовать теперь будут...

Кузнецов принес ведро воды. Мужики обмылись, стали собираться в дорогу. Тщедушный мужичок, скрипя зубами, с трудом приподнялся, но идти не мог. Казаки сострадательно качали головами.

– Куда ж ему идти, – сказал один из них, – у него, должно, все ребра переломаны... Я видел, какого Афанасий Федорович гирей (!!!, С.К.) все долбил в бока...

Второй казак вздохнул и сказал: – Видно, уж я его до станции к фершалу отвезу... Хотя и некогда, возить снопы надо, но что ж поделаешь, ведь, небось, он не собака, а человек...

Но довести живьем тщедушного мужичка до станции не пришлось: дорогой он умер [с. 116 – 118].

Впечатляющий образ хуторского атамана, в частности, и казаков, в целом, не правда ли ? Вероятно, для Советской власти было особенно ценно, что такую картину рисует природный казак.

“Экстренная мобилизация” по поводу войны с Японией. Кстати, почему экстренная ?

Формируемая Донская дивизия, по мнению автора, включает в себя ДКП № 20, 25 и 39. Герои романа, проживающие в ст. Садковской (вымышленное название) попадают в полк № 39.

На самом деле 4-я Донская казачья дивизия, участвовавшая в Русско-Японской войне, включала в себя ДКП № 19, 24, 25 и 26 и ДКБ № 2 и 3.

В целом, о войне ничего интересного. Околовоенные события закономерны: бессовестный писарь, пользуясь нуждой, соблазняет казачку; интриги и безобразия в верхах действующей армии; за неправильное обращение «*Благодарю*» вместо «*Покорнейше благодарим*» дается 10 суток ареста Георгиевскому кавалеру; гнусный хуторской атаман раньше обговоренного срока выгоняет из дому в зимнее время вдову с детьми; «пьянство и разврат офицеров».

В конце войны еще одна мобилизация «*В станице Садковской спешно мобилизовались все те, кто способен владеть шашкой, плетью, и, сформированные отряды направлялись в города и села. На рудники и заводы – на усмирение рабочих и крестьянских беспорядков*» [с. 184].

Неплохой оборот – «*те, кто способен владеть плетью*».

39-й полк послан в Донбасс расправляться с шахтерами. Революционеры сознательно «разлагают» полк. Казаки отказываются стрелять в шахтеров и, более того, спасают рабочих от драгун.

Юзовка. Арест революционных казаков. Товарищи отбивают их у драгун. Полк № 39 в полном составе восстает и уходит в свою станицу (Садковскую) без офицеров с красными флагами.

Воззвание «От 39-го казачьего полка ко всем гражданам России» (его текст на с. 249 – 250 романа). «*Воззвание попало в газеты, и дело 39-го полка стало известно далеко за пределами округа*» [с. 250]. Отправлен карательный отряд. После обстрела станицы полк сдался. Суд. Различные сроки каторги для служивших в полку казаков и расправы в станице над теми, кто сочувствовал полку.

Итак, мятеж целого полка (!) и области ВД (!!), да еще и вернувшегося в свою станицу (!!!). По-моему, это – покруче восстания крейсера «Очаков» под руководством П.П. Шмидта.

Пожалуй, самое интересное по поводу этой ахинеи – то, что об этом пишет В. М. Трофимов в своей брошюре. Он отмечает, что еще в 1940 г. вышла статья Ф. Пудалова «*Фальсификация истории*» (М., Молодая гвардия. № 11, с. 151–155) о невозможности такого события [с. 82]. Затем идут пространные рассуждения В.М. Трофимова о том, что писатель имеет право на вымысел ввиду того, что он показывает то, что **могло произойти**.

Это на Дону то? Полагаю, что даже среди правоверных большевиков, обладающих буйной фантазией, немного найдется обладающих столь смелым полетом мысли. Вероятно, именно эта черта писателя была по достоинству оценена Советской властью, что и получило отражение в тиражах.

* * *

И, наконец, роман «Юг в огне» о революции и Гражданской войне, который издавался: в Ростове-на-Дону в 1957 г. (тир. – 30 тыс.) и в 1964 г. (100 тыс.); в Москве в 1966 г. (10 тыс.) и в 1972 г. (75 тыс.). Ниже ссылки даются на книгу, вышедшую в 1972 г. [Советская Россия]. В.М. Трофимов в своей брошюре пишет о том, что роман был очень хорошо принят на Дону (!), обсуждался в библиотеках свыше 1000 раз (!!), многие трудящиеся писали автору и в редакцию восторженные письма (!!!).

Красные и белые на примере судьбы двух братьев. Белый, впоследствии – генерал, Константин. Красный – Прохор. Еще их двоюродный брат подпольщик Виктор.

О Константине: *"По окончании Усть-Медведицкой учительской семинарии некоторое время он учительствовал в своей станице в двухклассном училище, а как началась война, ушел в школу прапорщиков. Теперь (весна – лето 1917 г., С.К.) он уже в чине есаула командует отдельной сотней в Ростове на Дону"* [с. 22]. *"Всегда холодные надменные глаза", "закулил перед женой", а еще пьет "по-взрослому"*.

С конца 1914 – начала 1915 г. до лета 1917 г. пройдены чины: прапорщик, хорунжий, сотник, подъесаул, есаул. Даже в действующей армии, многократно отличившись, такого сделать невозможно. И уж, тем более, в тылу (именно это показано в романе), где чин сотника отделен от хорунжего четырьмя годами, чин подъесаула от сотника тем же сроком и т.д.

О нежелании казаков родниться с иногородними (это – в конце XIX в.): *"В казачьих станицах существовала острая сословная вражда"* [с. 22].

О трудностях простых людей учить детей. [с. 23].

В Атаманском полку - разговоры о Ленине. Противостояние старых казаков (отсталых и косных) и молодых (передовых и революционных). Противостояние передового Ростова-на-Дону и реакционного Новочеркасска.

О Подтелкове, состоящем в 6 л. -Гв. ДКБ. Много и охотно говорит о Ленине.

О Чернецове (герое Гражданской войны) очень аккуратно. С одной стороны, не надо на нем особенно заострять внимание, с другой, необходим о "опустить".

В начале романа Виктор сталкивается у Константина с группой офицеров:

"- Нет, правда, господа, - радостно говорил горбоносый, похожий на турка, молодой лысеющий есаул с черными разбойными глазами. Я когда узнал, что генерал Корнилов назначен правительством на пост верховного главнокомандующего, так меня... Ха-ха !, Даже на слезу прошибло. До чего же это изумительно правильно !.. А говорят, Керенский дурак. Да разве дурак мог бы додуматься до такой гениальной мысли ?.." [с. 53].

"- Я думаю, господа, нас ждут еще большие события, участниками которых будем мы с вами, - жуя кусок колбасы, заговорил снова горбоносый есаул. – немало еще прольется крови . . ."

- О какой ты крови говоришь. Чернецов ? – спросил подъесаул с крысиным лицом. – Что ты под этим подразумеваешь ?

- Тебе что, непонятно ? Я имею в виду гражданскую войну" [с. 54].

"- Вы, Чернышев, конечно, известный теоретик, по части революционных дел, - захохотал есаул Чернецов. – Вам, как говорится, и карты в руки. А мы – люди маленькие, так сказать, вне всякой политики. Я вот, например, просто только казачий офицер. Но сердце у меня горячо бьется, сердце истинного русского патриота, и мне, конечно, далеко не безразлична судьба моей родины... И вот, уважаемый штабс-капитан, разрешите, как патриоту, спросить вас, человека осведомленного, принадлежащего к партии социалистов-революционеров, как вы мыслите создать этот, как выразились, «новый образ жизни» ?"

- Очень просто, - кратко ответил штабс-капитан Чернышев, - при помощи Учредительного собрания.

- А вы в него верите ? – скептически усмехнулся есаул.

- А как же ? – весь даже восторженно встал штабс-капитан.

- А я не верю, - отрезал есаул. – Да, не верю ! Мы с вами, как манны небесной, ждем этого Учредительного собрания. Надеемся, что оно принесет России благоденствие, наведет порядок в стране, положит конец анархии и произволу, вызываемому темными силами революции. А эти темные силы не ждут Учредительного

собрания. Они орудуют, науськивая солдат не подчиняться командирам, агитируя бросить фронт, подстрекают крестьян жечь помещичьи имения, направляют рабочих устраивать саботаж и забастовки. Вот в чем зло! Сначала надо разгромить эти темные силы революции, а потом уж устраивать Учредительное собрание...

- Кого вы имеете в виду под «темными силами революции»? – пристально посмотрел поверх пенсне штабс-капитан на есаула.

- Ну, конечно, не вас, господин штабс-капитан, и не ваших коллег по партии, - усмехнулся есаул. – Я имею в виду главным образом разных анархистов, большевиков и тому подобных. По своей наивности, - простите, пожалуйста, я не хочу вас обидеть, - вы, быть может, думаете, что с ними можно мирно жить?.. Можно найти компромисс?.. Напрасная иллюзия... С большевиками и анархистами можно говорить только языком пуля. В общем, делаю резюме: сначала дасть по морде зарывающимся диким фантазерам, а затем уж и созывать Учредительное собрание, чтобы его работе никто не мешал..." [с. 55].

"Есаул Чернецов торопливо, словно боясь, что ему не дадут, налил водки в свой стакан и, не поморщившись, выпил.

- Господа! – гаркнул он, привставая и окидывая взглядом сидевших за столом. – послушайте меня. Есаул Ермаков, безусловно, прав. Нам, офицерам, передовой части армии, как уже я сказал, не безразлична судьба России, ее будущность. Мы, офицеры, должны быть едины в своих мыслях и стремлениях. Объединившись в крепкий кулак, мы прошибем все на свете. Мы, черт побрал, дадим по морде... извините, Вера Сергеевна... но добьемся, чтобы власть в России была бы не связана никакими группировками и организациями и свободна от разных политических влияний...

- Позвольте, господин Чернецов, - прервал его штабс-капитан Чернышев. – Как я понимаю, все ваши разговоры сводятся к тому, что как будто назрел вопрос об организации какой-то офицерской партии, что ли?

- К черту все партии! – взревел есаул Чернецов. – Презираю все партийные группировки!.. Я – человек, повторяю, вне всякой политики. Разговор идет не об организации какой-то офицерской партии, а вот офицерской союз нам нужен. В этом союзе мы объединимся крепко и будем представлять из себя могучий бронированный кулак, которым расшибем хоть самого сатану". [с. 56 - 57]

Ну, "лысеющим" Чернецов не был, "разбойных глаз" такоже не было. Окружающий текст тоже неплох, выражения типа "подъесаул с крысиным лицом".

О мудром Буденном и клоуне генерале [с. 73]. Развернуто о Буденном и начале его революционной деятельности. [с. 85 - 95]

"Основной частью населения Новочеркасска были отставные генералы, полковники, войсковые старшины, чиновники войскового правления да купцы. Жили они в добротных домах, сыто, лениво, обзаведясь кругом знакомыми, погрязнув в сплетнях, в мелочных интригах..." [с. 96].

За разоружение двух большевистских полков "сам Каледин торжественно пожал руку Константину и пожаловал его чином войскового старшины" [с. 98].

Развернуто о съезде в Каменской. Подтелков, Кривошлыков, Щаденко. Смерть Каледина, потуги Корнилова создать армию, привлекая в нее деньгами. Буденный, казаки у Ленина.

– Ну, ясное дело. Тут, парень, под станицей Глубокая на казаков наших наскочил было есаул Чернецов со своими офицерами да юнкерами. Так наши козачки такого дали им чесу, что они навсегда запомнят. Почти всех порубила... А самого Чернецова зарубил Подтелков... Ты б глянул на этого Подтелкова. Ох, и казачина же боевой!..

Виктор вспомнил есаула Чернецова, когда-то бывавшего у Константина в Ростове" [с. 142].

Вот так, как бы между прочим, с отсылкой на предыдущий текст на с. 53 – 57.

Взятие Новочеркасска красными, никаких расстрелов. Подтелков, Орджоникидзе. Смерть Подтелковского отряда. О зверствах белых.

"... Я слышал, будто в Платовской станице белые более полтысячи иногородних жителей шашками порубали..." [с. 173].

Дроздовцы в Новочеркасске. Константин – полковник, его развратная жена. Муж одобряет ее действия, если они помогают его карьере. Все это, разумеется, на фоне чистой и возвышенной любви большевиков (Прохора, Виктора).

Неуклюжее и неестественное изображение варианта: брат на брата. Полк Константина собирается напасть на станицу, где расположился отряд Прохора. Благородство красных, бессовестность белых. Константин в конце концов захватывает станицу, творит расправу; в последний момент Прохора спасают буденовцы.

"По приказу войскового атамана на Дону создавались Саратовская, Астраханская и Воронежская армии. Атаман думал, что крестьяне, жившие в одноименных губерниях, которые займут казаки, будут охотно вступать в эти армии, считая их своими.

Формированием Саратовской армии руководил полковник Манкин. Его ближайшим помощником был есаул Греков, прозванный Белым Дьяволом за свою жестокость в обращении с пленными и подозреваемыми в большевизме. Грекову было только двадцать три года, но болезненный, дегенеративный, седой, как лунь, он походил на семидесятилетнего старца" [с. 239].

Сплошь и рядом белые характеризуются такими эпитетами: "отрывисто прохрипел", "зловеще усмехнулся" и т.п. Разумеется, подобного рода отмашек в сторону красных нет и в помине.

О Ворошилове, мужественно оборонявшего Царицын от Мамонтова. Буденный и Ворошилов.

По протекции англичанина – любовника жены Константин становится адъютантом войскового атамана. Подполье в Новочеркасске. Зверства белых. Антанга. Продажные белые. Константин послан в Англию за танками и там общается с Черчиллем (ни один из донских генералов в подобного рода связях замечен не был).

Подвиги Олеко Дундича. 1-я Конная. Доброе отношение к пленным красных. Поспешная эвакуация из Новороссийска. Жена сбегает от Константина с англичанином, да и он сматывается за границу.

Незабываемая встреча Буденного и Ворошилова с Лениным.

Выводы.

Можно перечислить еще ряд произведений писателя, правда, не имевших столь значительных тиражей, как рассмотренные выше:

Очерк «Встречи на Бузулуке и Хопре». Волгоград, 1970 г., 5 тыс. Роман «Иван Турчанинов». М., 1973, 65 тыс. Повесть «История моей юности», Ростов-на-Дону, 1962, 30 тыс. Роман «Перед лицом Родины». М., 1963, 100 тыс. Путевые впечатления «По странам Европы», Ростов-на-Дону, 1957. 15 тыс. «Рассказы о казаках», Ташкент, 1943, 5 тыс. «Сказание про льва» (для детей). Ростов-на-Дону, 1948, 60 тыс. Очерки о стхановцах «Творцы урожая», Ростов-на-Дону, 1947, 5 тыс. Рассказы «Филимон», М., 1965. Рассказы «Шелковая рубашка», Ростов-на-Дону. 1944, 5 тыс.

Ну что можно сказать об этом писателе ?

Чутко улавливал то, что от него требовала власть, и беспрекословно выполнял пожелания.

О качестве только так, чтобы это никак не противоречило генеральной линии партии.

Если война с турками или французами, то изображался патриотизм. Если внутреннее восстание, то борьба с крепостничеством. При совершении ошибки в описании событий – немедленное внесение исправлений, отражающих пожелания партии (от «Дикого поля» к «Кондрату Булавину»).

Выполненное на отлично задание партии по изображению революционного движения в начале XX века в казачьей среде. Даже перевыполненное: не только обнаружено это самое движение там, где его не было, но и показан мятеж, аналог которого во всей Империи с трудом найдешь.

К описанию Гражданской войны также со стороны Советской власти не может быть претензий. Сделано именно так, что придаться невозможно. То же самое по поводу коллективизации.

И все это написал природный Донской казак (! ? !). Еще раз хочется обратить внимание на тиражи, отражающие, в первую очередь, тот восторг, который питала к этим работам власть. Полагаю, что совершенно по праву он включен в паноптикум под названием – Энциклопедия «КАЗАЧЕСТВО». В очередной раз поблагодарим В.Д. Батырева за его впечатляющие усилия.

Именной указатель

Бажкова Глафира Степ.(196); **Береснева** Неолида Зот.(205); **Бурдюговы:** Александра Ив.(211), Анастасия Ив.(211), Иван Григ.(211), Степан Ив.(211), Федор Ив.(211);

Гардеева Елена Артем.(203); **Горбункова** Феодора Андр.(229); **Гугуев** Петр Ив.(216);

Дехнек Людмила Георг.(206); **Диковы:** Василий Григ.(216), Пелагея Дмитр.(216); **Дудкины:** Карп Вас.(217), Ульяна Зах.(217);

Золотаревы: Василий Капитон. (201), Григорий Капитон.(201), Дмитрий Капитон.(201), Капитон Вас.(201), Марфа Капитон.(201), Надежда Капитон.(201), Серафима Макс.(201), Феона Степ.(201);

Кисляковы: Владимир Фед.(213), Екатерина Вас.(213), Зинаида Фед.(213), Мария Фед.(213), Михаил Фед.(213), Надежда Фед.(213), Николай Фед.(213), Федор

Алексеев. (213); **Косоротова** Анна Андр.(196); **Кострюченкова** Наталья Ефрем.(214); **Красновы:** Алексей Вас.(214), Мария Арсен.(214); **Куница** Меланья Вас.(205);

Лошкобановы: Дмитрий Ильич(216), Елена Мих.(216), Юлия Дмитр.(216);

Максимова Мария Ив.(213), **Макушкина** Гликерия Петр.(206); **Манушкина** Лукерья Петр.(206); **Медведева** Анна Спиридон.(203); **Мишаревы:** Афанасий Фед.(205), Прасковья Кирилл.(205);

Наярниковы: Анна Мих.(202), Галина Степ.(202), Степан Фед.(202); **Павловы:** Василий Григ.(215), Марфа Вас.(215);

Петровы: А.А.(218), Августа Макс.(201), Аверьян Петр.(205,206), Агриппина Ефим.(211), Аким Вас.(204,205), Аким матв.(218), Александр(218), Александр Аким.(205), Александр Андр.(206), Александр Дмитр.(195), Александр Никол.(211), Александр Петр.(194,211,227), Александра Ив.(218), Александра Мих.(201), Александра Наум.(211), Алексей(209,218), Алексей Григ.(209), Алексей Евсигнеев.(218), Алексей Ив.(201), Алексей Киреевич(209,210), Алексей Мих.(215), Алексей Никол.(226), Алексей Петр.(211,227), Анастасия Ив.(211), Анастасия Ларион.(202), Анастасия Маркиян.(215), Андрей(209,218), Андрей Ив.(203), Андрей Матв.(206), Андрей Мих.(215,218), Андрей Панфил.(210), Андрей Петр.(205,206), Андриан Петр.(218), Анна(196), Анна Абрам.(214), Анна Александр.(195), Анна Андр.(196), Анна Егор.(204), Анна Мих.(202), Анна Павл.(219), Анна Спиридон.(203), Антон(211), Антон Матв.(211), Антон Сем.(212,219), Антонина Фед.(229), Арефий Карнеев.(219), Арсений(219), Арсений Ларион.(203), Артем Дмитр.(212), Артем Мих.(212), Афанасий Петр.(205,212), Борис(218), Борис Фед.(219), Валентин Ив.(206), Варвара Антон.(211), Варвара Дмитр.(203), Василий(209,212,219), Василий Аким.(205), Василий Александр.(195), Василий Алексеев.(212), Василий Амплиев.(219), Василий Вас.(195), Василий Грг.(209), Василий Елисеев.(203), Василий Ив.(212), Василий Игнат.(210), Василий Мих.(219), Василий Петр.(220,221), Васса Яков.(205), Вениамин Никол.(203), Вера Вас.(221), Владимир(221), Владимир Аверкиевич(207,221), Владимир Аверьян.(206), Владимир Александр.(196,199), Владимир Антон.(221), Владимир Ив.(207,221), Владимир Степ.(212), Вукол(212),

Гавриил(221), Георгий(221), Георгий Вас.(221), Георгий Казьм.(221), Георгий Карп.(212), Герман Гавр.(221), Глафира Степ.(196), Гликерия Петр.(206), Григорий(209,213,219), Григорий Григ.(209), Григорий Дмитр.(195,196), Гурий Митроф.(222), Давид(222), Дмитрий(218,222), Дмитрий Александр.(195), Дмитрий Ив.(222), Дмитрий Фед.(229), Дорофей(219),

Е.В.(222), Е.Ф.(222), Евгений Андр.(206), Евгений Петр.(227), Евграф Вас.(195,196), Евдоким Демент.(213), Евдокия Аверьян.(206), Евдокия Дмитр.(206), Евдокия Никол.(226), Евдокия Петр.(213), Евдокия Серг.(201), Евсей Сем.(210), Евтей Ив.(209), Евтей Сем.(210), Егор(209), Екатерина Вас.(213), Екатерина Дмитр.(199), Екатерина Фед.(215), Елена Александр.(196,199), Елена Артем.(203), Елена Мих.(216,226), Елена Поликарп.(211), Елизавета Андр.(206), Елизар Ефим.(213), Емельян(209,222), Ерофей К.(222), Ефимия Ив.(202,203), Ефимия Филипп.(195), Ефрем Петр.(208),

Захар Егор.(222), Зинаида Андр.(219), Зинаида Петр.(227),

Иван(208,209,210,213,218,219,222,223), Иван Аким.(205), Иван Александр.(213), Иван Алексеев.(213), Иван Андр.(223), Иван Антон.(223), Иван Вас.(197), Иван Георг.(223), Иван Григ.(209), Иван Егор.(213,214), Иван Зах.(214), Иван Ив.(214,223), Иван Киреевич(210), Иван Кирилл.(204,205), Иван Лаврент.(201), Иван Ларион.(203), Иван Макс.(223), Иван Матв.(206,207), Иван Петр.(210,214,223), Иван Савел.(214), Иван Сем.(223), Иван Стеф.(223), Иван Фед.(214), Иван Яков.(224), Илларион Иллар.(214), Илья(214,218), Илья Роман.(214), Ирина Валентин.(207), Исай Панфил.(210),

Казьма(209), Казьма Яков.(214), Кирей(209,210), Кирилл Вас.(204), Кирилл Савел.(224), Клавдия Петр.(202), Клим Зах.(224), Константин(210,224), Константин Андр.(224), Ксения Александр.(196,197), Ларион Макс.(202), Лукерья Петр.(206), Любовь Вас.(221), Людмила Алекс.(219), Людмила Георг.(206),

Максим(210), Максим Лаврент.(200), Мария Александр.(195), Мария Алексеев.(224), Мария Арсен.(214), Мария Дмитр.(224), Мария Ив.(213,214,215), Мария Мартын.(204), Мария Матв.(206), Мария Мих.(216), Мария Никол.(226), Мария Осип.(210), Мария Сем.(214), Мария Феофил.(227),Маркиян Андр.(215),Маркиян Дмитр.(215), Марфа Вас.(215), Матвей(224), Матвей Ильич(218), Матвей Мих.(215,216), Матвей Петр.(205), Матвей Сем.(215), Матвей Трофим.(224), Матрена Анисеевна(215),Меланья Вас.(205), Меркул Кирилл.(215), Мирон Ларион.(202), Михаил(219,224),Михаил Андр.(209), Михаил Антон.(211), Михаил Ив.(201,215,224), Михаил Киреевич(209), Михаил Макс.(201), Михаил Фед.(215),

Наталья Ефрем.(214),Наталья Ив.(216),Наталья Ларион.(202),Никандр Ив(224), Неолида Зот.(205),Николай(216,225),Николай Александр.(196,199),Николай Алексеев.(225), Николай Валентин.(207), Николай Вас.(221,225), Николай Ив.(216), Николай Ларион.(202), Николай Митроф.(225), Николай Никол.(225,226), Николай Петр.(225,227), Николай Савел.(225), Николай Степ.(226), Николай Фед.(226),Ольга Андр.(206), Ольга Вас.(195), Ольга Петр.(224), Осип Петр.(208),

Павел Вас.(216,226), Павел Мих.(226), Павел Петр.(216), Павла Протас.(217), Пантилеймон(218), Панфил(210), Панфил Петр.(216), Пелагея Аким.(205), Пелагея Дмитр.(216), Петр(216,226), Петр Александр.(226),Петр Андр.(216),Петр Вас.(204,205), Петр Григ.(226), Петр Ив.(201,203,226),Петр Макс.(201,219),Петр Мих.(219),Петр Петр.(226),Петр Степ.(227),Порфирий(227),Прасковья Дмитр.(227),Прасковья Кирилл.(205), Прасковья Мих.(216), Протас Петр.(216), Раиса Аржад.(227), Роман Ильич(229), Роман Филат.(210), Ростислав Конст.(227),

С.С.(228), Савелий Сем.(210), Сарпион Петр.(217), Свирид(210), Семен(210), Семен Андр.(209), Семен Дмитр.(217), Семен Степ.(210),Серафима Осип.(195), Серафима Макс.(201),Сергей Александр.(196,199),Софья Владимир.(207), Степан(210,218,227), Степан Алексеев.(227), Степанида(217), Стефан(227), Стефан Лукич(217),

Татьяна Алексеев.(221), Татьяна Ив.(214), Терентий Ив.(217), Тимофей Алекс.(217), Тимофей Киреевич(210), Трофим Георг.(228), Трофим Степ.(210,228), Трофим Тимоф.(228), Ульяна(217), Ульяна Зах.(217),

Фадей Никол.(228), Федор(228),Федор Аким(228),Федор Вас.(197),Федор Дмитр.(228), Федор Ефим.(217),Федор Киреев.(228),Федор Мих.(216),Федор Никол.(226,228), Федор Панфил.(210), Федор Петр.(205,206), Федор Степ.(217), Федор Трифон.(228), Феодора Андр.(229), Федосья Протас.(217), Феона Степ.(201), Филат(210), Хрисанфа Егор.(204), Яков(219), Яков Вакул.(217), Яков Ильич(229), Яков Карп.(217), Яков Петр.(217), Яков Филат.(210);

Пирилли: Анна(196), Кароль(196); **Покручина** Мария Мартын.(204); **Поповы:** Александр Серафимович(200), Анатолий Александр.(199), Андрей Ив.(213), Евдокия Петр.(213), Елена Ив.(213), Иван Ив.(213), Игорь Александр.(199), Ксения Александр.(196,199), Михаил Ив.(201); **Привалова** Анна Егор.(204);

Стояновы: Августа Макс.(201), Александра Павл.(201), Василий Павл.(201), Павел Мих.(201), Фома Павл.(201); **Сутуловы:** Андрей Ив.(215), Дорофей Андр.(215), Мария Ив.(215), Орест Андр.(215), Павел Андр.(215); **Сухотина** Евдокия Дмитр.(206);

Тихоновы: Алексей Данил.(216), Данила Данил.(216), Данила Яков.(216), Матвей Данил.(216), Михаил Данил.(216), Наталья Ив.(216), Николай Данил.(216), Пелагея Данил.(216), Серафима Данил.(216), Яков Данил.(216),

Фетисова Елена Мих.(226);

Харитоновна Евдокия Серг.(201);

Чумаковы: Георгий Ив.(202), Иван Тимоф.(202), Клавдия Петр.(202), Мария Ив.(202); **Шумковы:** Агриппина Ефим.(211), Яков Григ.(211);

Юдина Екатерина Фед.(215);

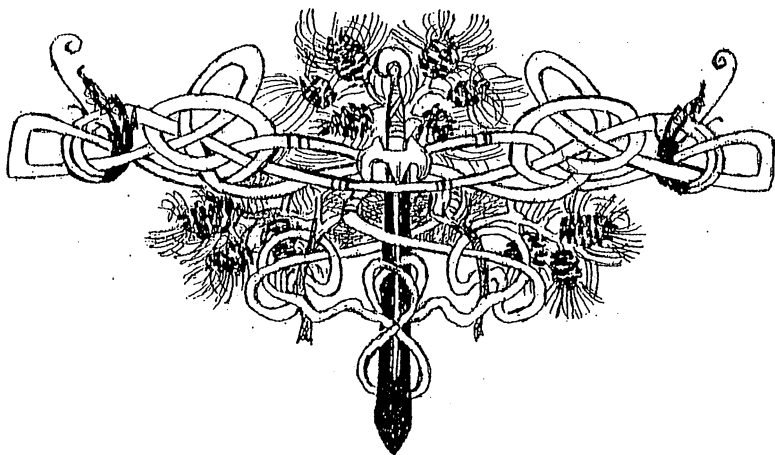
Язевы: Александра Наум.(211), Василий Филипп.(211), Мария Филипп.(211), Филипп Ефим.(211).

Список сокращений

6 Л.-Гв. ДКБ	6 Лейб–Гвардии Донская казачья Его Величества батарея; с 4 марта 1917 г. – 6 Лейб – Гвардии Донская казачья батарея
Алабин:	из архива Алабина Игоря Михайловича (адрес: 123480, г. Москва, ул. Героев Панфиловцев, д. 18, корп. 1, кв. 21) со ссылкой на:
батарея	Донская казачья батарея (ДКБ)
ВД (ВВД)	Войско Донское (Всевеликое Войско Донское)
Волков:	словарь Волкова Сергея Владимировича "Словарь – справочник "Участники Белого движения в России" со ссылкой на:
В (Вил)ПЮУ	Варшавское (Виленское) пехотное юнкерское училище
ВСЮР	Вооруженные Силы Юга России
ВУ	Военное Училище
Выс. приказы	Высочайшие приказы о чинах военных (до 14 февраля 1917 г., включительно); с 4 марта 1917 г. - Приказы Армии и Флоту о военных чинах сухопутного ведомства (Высочайшие приказы, утвержденные с 15 февраля по 3 марта 1917 г., изданы приложением к 4 марта 1917 г.); с ? - Приказы Временного правительства Армии и Флоту о военных чинах; с 24 июля 1917 г. – Приказы Временного правительства Армии и Флоту о чинах военных; с 26 октября по 19 ноября 1917 г. – Приказы Армии и Флоту о чинах военных (за подписью Управляющего Военным Министерством генерала от артиллерии Маниковского), год, город (гг. – года)
г.	год, город (гг. – года)
ГАВО	Государственный архив Волгоградской области (адрес ГАВО: г. Волгоград, ул. Коммунистическая, д. 30; адрес филиала ГАВО: 403805, г. Камышин, ул. Набережная, д. 48).
ГАРО	Государственный архив Ростовской области (адрес ГАРО: 344710, г. Ростов-на-Дону, пр. Ворошиловский, д.28; адреса филиалов ГАРО: 346527, г. Шахты, ул. Ворошилова, д. 33; 347900, г. Таганрог, ул. Ленина, д. 72; 346411, г. Новочеркасск, ул. Народная, д. 68/6).
д.	дело
ДИАЗКК	Донской Императора Александра III кадетский корпус
ДО(В)В	Донские Областные (Войсковые) Ведомости
док.	документ
Е (И)В	Его (либо Ее) (Императорское) Величество
ЕКЮУ	Елизаветградское кавалерийское юнкерское училище
К(М)АУ	Константиновское (Михайловское) артиллерийское училище
КК	кадетский корпус
кл.	класс
кр.	крепость
л. (об.)	лист (оборотная сторона указанного листа)
Л.-Гв. Атаманский полк	Атаманский полк вначале был переименован в Казачий Атаманский Его Императорского Высочества Наследника полк. С 29 августа 1831 г. – Казачий Атаманский Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича (ЕИВНЦ) полк. С 18 февраля 1859 г. – Лейб – Атаманский ЕИВНЦ полк. С 8 сентября 1859 г. Лейб – Гвардии Атаманский ЕИВНЦ полк. С 4 марта 1917 г. – Лейб – Гвардии Атаманский полк.
Л.-Гв. Казачий полк.	27 января 1798 г. образован Лейб – Гвардии Казачий полк. 14 августа 1872 г. переименован в Лейб- Гвардии Казачий Его Величества полк. С 4 марта 1917 г. – Лейб – Гвардии Казачий полк.
Медали	
С(Б,СБ,ТБ)М	Серебряная(Бронзовая,Светло-бронзовая,Темно-бронзовая)медаль

- СМ-812 Серебряная медаль в память 1812 г.
СМ-Париж Серебряная медаль за взятие Парижа в 1814 г.
СМ-826 Серебряная медаль в память Русско-Персид. войны 1826 – 1828 гг.
СМ-828 Серебряная медаль в память Русско-Турецкой войны 1828 – 1829 гг.
СМ-Варшава Серебряная медаль за покорение Варшавы в 1831 г.
СМ-849 Серебряная медаль за усмирение Венгрии и Трансильвании, 1849 г.
СМ-Севаст. Серебряная медаль за оборону Севастополя в 1854 – 1855 гг.
СМ-ЧД Серебряная медаль за покорение Чечни и Дагестана в 1857–1859 гг.
СМ-ЗК Серебряная медаль за покорение Западного Кавказа в 1859–1864 гг.
СМ-А3 Серебряная медаль в память царствования Имп. Александра III
СМ-Корон. Серебряная медаль в память Св. Коронования Их Императорских Величеств в 1896 г.
- БМ-853 Бронзовая медаль в память Восточной войны 1853 – 1856 гг.
БМ-863 Бронзовая медаль в память Польской кампании 1863 – 1864 гг.
С(Т)БМ-877 Светло (темно)-бронзовая медаль в память Русско-Турецкой войны 1877 – 1878 гг.
- СБМ-904 Светло-бронзовая медаль в память Русско-Япон. войны 1904–1905 гг
ТБМ-883 Темно-бронзовая медаль в память Св. коронования . . . 1883 г.
ТБМ-897 Темно-бронзовая медаль за труды, понесенные при переписи 1897 г. местечко
- м.
МВКК (ВГ) Михайловский Воронежский кадетский корпус (военная гимназия)
НКУ Николаевское кавалерийское училище
НКЮУ Новочеркасское казачье юнкерское училище (с 1911 г. –Новочеркасское казачье училище).
- ОК(А,С)Ш
оп. Офицерская кавалерийская (артиллерийская, стрелковая) школа
ордена Описание включает: название, степень и спецификацию:
Название: **Г** – орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия, **В** – орден Св. Владимира, **А** – орден Св. Анны, **С** – орден Св. Станислава, **П** – Польский знак отличия за военное достоинство; **ЗОВО** –Знак отличия военного ордена (до 1856 г.); **СГ**–солдатский Георгий(после)
Спецификация: **Б** – бант, **М** – мечи.
Примеры: В-4 Б – орден Св. Владимира 4 ст. с бантом; С-2 М –орден Св. Станислава 2 ст. с мечами; А-3 МБ –орден Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом.
Исключения. А-4 –орден Св. Анны 4 ст. в оружии с надписью “за храбрость”. А-3 (в ПС до 1816 г.) – орден Св. Анны 3 ст. в оружии с надписью “за храбрость”. Г-4 (В-4) –“25”– за выслугу 25 лет в офицерском чине; ГО – Георгиевское оружие.
- полк Донской казачий полк (ДКП), (ниже – Д к п)
полк № 1 С 27 июля 1875 г. – Донской казачий № 1 полк (в прошлом - № 23). С 24 мая 1894 г. – 1-й Донской казачий полк. С 16 апреля 1901 г. – 1-й Донской казачий Генералиссимуса Князя Италийского, графа Суворова-Рымнижского полк. С 15 января 1906 г. – 1-й Донской казачий Генералиссимуса Князя Суворова полка. В 1917 г. – 1-й Донской казачий Его Величества полк. С 4 марта 1917 г. вновь 1-й Донской казачий Генералиссимуса Князя Суворова полк.
- полк № 2 С 27 июля 1875 г. – Д к № 2 п (в прошлом № 33). С 24 мая 1894 г. – 2-й Д к п. С 26 августа 1904 г. 2-й Д к Генерала Сысоева п. Впоследствии 2-й Донской казачий Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк. С 4 марта 1917 г. 2-й Донской казачий полк.

полк № 3	С 27 июля 1875 г. – Д к № 3 п (в прошлом № 32). С 24 мая 1894 г. – 3-й Д к п. С 26 августа 1904 г. 3-й Д к Ермака Тимофеева п.
полк № 4	С 27 июля 1875 г. – Д к № 4 п (в прошлом №22). С 24 мая 1894 г. – 4-й Д к п. С 26 августа 1904 г. – 4-й Д к Графа Платова п.
полк № 5	С 27 июля 1875 г. – Д к № 5 п (в прошлом № 19). С 24 мая 1894 г. – 5-й Д к п. С 26 августа 1904 г.–5-й Д к Войск. атамана Власова п.
полк № 6	С 27 июля 1875 г. – Д к № 6 п (в прошлом № 34). С 24 мая 1894 г. – 6-й Д к п. С 26 августа 1904 г. –6-й Д к Генерала Краснощекова п.
полк № 7	С 27 июля 1875 г. – Д к № 7 п (в прошлом № 28). С 24 мая 1894 г. – 7-й Д к п. С 26 августа 1904 г. – 7-й Д к Войск. атамана Денисова п.
полк № 8	С 27 июля 1875 г. – Д к № 8 п (в прошлом № 30). С 24 мая 1894 г. – 8-й Д к п. С 26 августа 1904 г. – 8-й Д к Ген. Иловайского 12-го п.
полк № 9	С 27 июля 1875 г. – Д к № 9 п (в прошлом № 29). С 24 мая 1894 г. – 9-й Д к п. С 26 августа 1904 г. – 9-й Д к Генерал-Адъютанта Графа Орлова – Денисова п.
полк № 10	С 27 июля 1875 г. – Д к № 10 п (в прошлом № 31). С 24 мая 1894 г. – 10-й Д к п. С 26 августа 1904 г.–10-й Д к Генерала Луковкина п.
полк № 11	С 27 июля 1875 г. – Д к № 11 п (в прошлом № 26). С 24 мая 1894 г.– 11-й Д к п. С 26 августа 1904 г.-11-й Д к Ген.-от-кав.Графа Денисова п.
полк № 12	С 27 июля 1875 г. – Д к № 12 п (в прошлом № 27). С 24 мая 1894 г. – 12-й Д к п. С 26 августа 1904 г.-12-й Д к Генерал – Фельдмаршала Князя Потемкина – Таврического п.
полк № 13	С 27 июля 1875 г. – Д к № 13 п (в прошлом № 21). С 24 мая 1894 г. – 13-й Д к п. С 26 августа 1904 г.-13-й Д к Ген.-Фельдм. Князя Кутузова –Смоленского п.
полк № 14	С 27 июля 1875 г. – Д к № 14 п (в прошлом № 25). С 24 мая 1894 г. – 14-й Д к п. С 26 августа 1904 г.-14-й Д к Войск. атамана Ефремова п.
полк № 15	С 27 июля 1875 г. – Д к № 15 п (в прошлом № 15). С 24 мая 1894 г. – 15-й Д к п. С 26 августа 1904 г.– 15-й Д к Генерала Краснова 1-го п.
полк № 16	С 27 июля 1875 г. – Д к № 16 п (в прошлом № 16).С 24 марта 1894 г.- 16-й Д к п. С 26 августа 1904 г. – 16-й Д к Генерала Грекова 8-го п.
полк № 17	С 27 июля 1875 г. – Д к № 17 п (в прошлом № 20). С 24 мая 1894 г. – 17-й Д к п. С 26 августа 1904 г.-17-й Д к Генерала Бакланова п.
ПС	послужной (либо формулярный) список
р. (р. ок.)	рождения (рождения около), река
РГВА	Российский государственный военный архив (адрес: 125212, г. Москва, ул. Адмирала Макарова, д. 29).
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив (адрес: 107005, г. Москва, 2-ая Бауманская ул., д. 3).
РГИА	Российский государственный исторический архив (адрес: 190000 г. С.-Петербург, Английская наб., д. 4).
с.	страница, село
Св.	Святой (Святого)
сп.	список
ст.	станция, степень
старш.	старшинство (со старш. – со старшинством)
т.	том
ф.	фонд
х.	хутор
ч.	часть
Шумков:	«Алфавит Донских Дворянских родов» [ч.1: “А – В”, С.Н. Борисенко, А.А. Шумков, СПб., ВИРД, 2001].со ссылкой на:

В предыдущих выпусках автор, упоминаемый первым: М.Ю. Абрамов (№16, 37,48), И.М. Алабин (№12), В.А.Гусев(№ 9,32), А.А.Жильцов(№ 49, 57), В.Н. Королев (№ 5, 15), С.В. Корягин (в остальных). Описаны рода (выделены полужирным шрифтом фамилии, стоящие первыми в названии брошюры; в скобках –номер брошюры; подчеркнуты дворянские фамилии; «д» - дополнение; «пд» – повторный с дополнением; «о»–обнаруженные ошибки и дополнения из рубрики «Прочитали–прослезились»; «ф» – снимки в «Фотоальбоме №(вып)»):

Абакумовы(25), Абраменковы(29), Абросимовы (4), Абуховы(Обуховы) (25,30о), Аведиковы (4,25пд,30о),Аверкиевы (28), Авиловы (25,30о), Авраамовы(25,30о), Аврамовы (25,30о), Авсянковы(27), Агаповы(28), Агеевы(28,44о), Агрызковы(19), Ажиновы (28,44о), Ажогины(28,44о), Айвазовы(28,44о),Акатновы(28,44о),Акентьевы(8),Акимовы (28,44о),Акользины(7), Аксеновы(28,44о),Акулинины(7),Акулиничевы(7),Александрины (29), Александровы (29), Алексеевы(29), Алентьевы(29), Алещины(29), Алимовы(29), Алипатовы(7),Алифановы(7,29д),Алонцовы(28),Алпатовы(23,34ф,36д), Алфераки(61), Андреевы(31), Андрияновы(27), Андроновы(31), Андроповы(31), Анисимовы(31), Анохины(35), Антонниковы(27), Антоновы(58), Антоньевы(24,29о), Ануфриевы (29), Апанасовы(35), Апостоловы(38), Араканцевы(31), Аредовские(28), Арефьевы(61), Арженковские(33,44о), Аркашарины(61), Армейсковы (33, 44о), Артемовы (33,44о), Артикуловы (31), Артинские(31), Архиповы(61), Аршиновы(23,36о),Асадченковы (27,44о), Астаховы (16,26о),Атаманчуковы (25),Афанасьевы(10),Афонины (31), Ахановы(31), Бабичевы(12), Бабкины(13),Багаевы(3),Багровы(31),Баклановы (40), Балабины(62), Баландины(19), Банниковы(24,29о),Барабанщиковы(27,44о),Барановы(31,59пд), Бардаковы(19), Баршовы(31), Барышниковы(62), Басакины(3),Басовы(31), Баталкины (24),Баулины(24,29о),Бахиревы(23,36о),Белгородевы(57),Белоглазовы(62), Белоусовы (62), Беляевские(4),Беляевы(33,44о), Бендерсковы(62), Березовские (43),Билевы (36), Бирюковы(62), Блудилины(19), Бобриковы(5), Богаевские(4), Богатыревы (33, 44о),Богачевы (61), Богуновы(32), Богучарсковы(8), Божковы(33),Божковские(27), Бокковы(6), Большовы(36), Бондаревы (33,44о), Борисовы (33,44о), Боровковы(33,44о), Бородины(36), Браиловские(62), Бреховы(19), Брызгалины(19), Брыкины(32), Брыковы (32), Брюзины (19), Будановы (33,44о), Бузины(62), Буланкины (36),Бурдюговы(36), Быкадоревы(23, 34ф,36до),Быхаловы(33), Валовы (14),Валуевы(14),Варламовы(38),

Васичкины(13), Веденины(Венедиктовы)(11), Ведерниковы(62),Венсовичи(38), Вершинины(38), Ветошкины (9),Вилковы(38), Вислогузовы(11), Владимировы(62) Владыкины (38), **Власовы**(21), Волгины (38), Володины(62), **Волошиновы** (39),Ворожейкины(19), Воронковы(39), Воскобойниковы(61),Востриковы(10,17пд),Выгряжкины(38),Гавриловы (13), Галдины(14), Галстенковы(31), Галушкины(14), Гарелкины(14), **Герасимовы** (8), Герцевы(27, 44о), Гладковы(30), Глазины(19), Глазуновы(15), Глазуновсковы (19), Гласковы(19), Глушихины(27), Гнилозубовы(19), Гнилорыбовы(4), Гнутовы(27), Говжеевы(27,44о), Гоголевы(27,44о), Голицины(56),Головковы(27),Голубовы(47), Горбиковы(31), Гордеевы(16,26о), Гореловы(51), **Горины** (32), Горские(51), Горшковы(14), Гревцовы(54), **Грековы**(42), Греченовские(51),Григорьевы(52), Гриневы(52), Грицихины(52), Грошевы(52),Грудневы(52), **Грузиновы**(52), Груциновы(52),Губкины (52), Гупнины(19), Гуляевы(52), Гуреевы(10), **Гусевы** (9, 32д), Гущины(52), **Даниловы** (51), Дворянские(52), Двух-братовы(10),Двухженновы(40), Девяткины(10,23д,34ф), **Дементьевы** (39), Демины(58), Демьяновы(51), Денежниковы(39), **Денисовы**(20), Дербенцовы(54), Деревянкины(40),Дерябкины(54), Добрынины(39), Долбины(19), Долгопятаовы(39),Долотины(54),Домашевские(54),Донченковы(54),Донцовы(39), Дорофеевы(53), Драчевы(53), Дробовы(7), Дроновы(7), Дрынкины(7, 53пд), Дубовсковы (39), Дукмасовы(39), Дуваровы(7),Дугины(7),Дударевы(7), Думчевы(54), **Дураковы** (19), Дурникины(19), Дурноглазовы(19),Дурняпины(19), Дурняпкины(19), Дурындины(19), Дьяконовы(40), Дюбины(54), Дьячкины(56), Евдокимовы(7), **Евсиковы**(22), Евстратовы(46), Евтеревы(7), Егоровы(24,11д,29о,32д),Елатонцевы(7),Емановы(46), Емельяновы(7,54пд),Елифановы(46), Еремеевы(7), Еремкины(55), Ересенковы(7),Ерофеевы(5), **Ерыженсковы**(45), **Ефремовы** (26,32о), Ждановы(27),Желтообруховы(22), Желтоножникины(55), Жеребковы(15),Животковы(54), Жилины(19),Жидковы(30),Жирновы(14), **Жировы**(30), Жигеневы(27), Жмурины(29), Жуликовы(19), Завжаловы(28), Загородновы(44),Загряжские(28,44о), Зайцевы(54), Закотновы(28, 44о), Запорожцевы(30), Зарубины(33,44о), Зарянсковы (33), **Захаровы**(59), Зверевы(30), Зеленковы (30), Земленухины(45), Землины(10),Земляновы(28,44о), Земцовы(35), Зенковы (28), Зимовейсковы (35), Зимовновы(35), Золотовы(28,44о),Зорины(30), Зотьевы(33,44о), Зубковы(44), Зубриловы(54), Иванковы (33,44о),Изваловы(55),Изварины(22), **Иловайские** (17), Исаевы(49), Кагальниковы(4),Кадочкины(4), Казимировы(4), Кажурины(53), **Каледины** (44,47пд), Калиновские(53),Калужновы(4),Камбуловы(4), **Каменновы**(38), Каменские(53), Капылкины(4), Калужновы(53),Караичевы(53), **Каргины**(22), Кареловы(41),Карповы(6),Карташевы(41),Кастрыкины(22), Катасоновы(55), Катачины(41), **Кательниковы** (41),Кашцевы(22),Киевские(44),**Киреевы**(54), Киселевы(3), Китайские(44),Кладовщиковы (44), Клевцовы(44), Клунниковы(53), Козины(44), Колывановы(44), Комисаровы(55), Кононовы(55), Концовы(44),Коньковы(1),Кошкины(56),Красовы(56), Красовские(54), Кривошлыковы(47), Крюковы(50), **Крючковы**(43), Кудиновы(23), **Кузнецовы** (60), Кулешевы(54), Кульбаковы(21), Кульгавовы(20),Кульгачевы(21), Кумсковы (21), Кунаковы (21),Кураловы(20), Кургановы(54), Курнаковы (6), Курнасковы (54), Курочкины(21), Кустовы(23,36о), **Кутейниковы** (36), Кучеровы(20),Кушнаревы (21),Лавровы(4), Лаврухины(14,23д), Лагутины(4),Лазаревы(10),Лазины(38), Лапухины(39), Ледковы (37),Лесниковы(38),Лимаревы(38), **Линниковы** (24),Липодаевы(4), Литвиновы(37),Лихачевы(39),Лобачевы(38),Логвиновы(37),Лотошниковы(38), Лощмановы(38),Лугансковы(39),Луизовы(38), **Луковкины**(37),Лупилины(22),Лыткины(37), Любченковы (37), Ляпины(37), Ляпичевы(9,39пд), Максимовичи(43), Малченковы (43), Малюкины(43), Мангатовы(48), Мандрыкины(43),Манжины(32),Манохины(45), Мануниновы(43), Мардвинцовы(43), Мардовины(43), Маркины(61), Марковы (14), **Мартыновы** (5), Марушенко(48),Маршевы(43),Мастеровы(43),Матавилины(43),Матеекины (44),Махины(32), Махонины(48),Махоньковы (48),**Машлыкины**(46),Мелентьевы(43), **Мельниковы** (11),**Мержановы** (46), Мериновы(43), Мешковы (21), **Миллеры**(2), Миневрины(49), Миневковы (40), Минченковы(40),Мисины(46),Митрофановы(40), Михайловы(41),

Михайлушкины(9), Мишины (41), Мишаревы (46), Могилянские(48), Могучевы(8,46пд), Моисеевы(40), Молодикины (44), Молчановы (40), Монетовы(46),Моргуновы (40), Мордасовы(10), Морозовы(46),Московкины(44),Муженковы(40),Мухины(7),Мушкетовы (48), Мыльниковы (40), Мяжковы (41), Мясниковы (7),Настоящевы (7), Небыковы(51), Неволины(18,28о), Недоростовы (18,28о), Неживовы (16, 26о), Немченковы(18,28о), "Непристойные"(11), Несохловы(43, 45), Нечаевы(10),Низовкины (44),Никитченковы (18, 28о), Николаевы(55), Никоновы(14), Никулины (44), Норовы(28),Носовы(18,28о), Нюхарева(18, 28о), Одноглазковы(15), Орловы (27, 44о), Орловы-Денисовы(27,44о), Паниотовы(57), Панкратовы (18,28о), Пантелеевы(18,28о), Панфиловы(61), Папковы (57), Парамоновы (18, 28о),Пахомовы(18,28о), Пашковы (18, 28о),Перелыгины(22), Перфиловы (45), Першиковы(26,32о), Пивоваровы (48), Пигаревы (10), Пирушкины (26) Писаревы(49),Письменковы(49), Платовы(45),Победновы(26,32о),Погребниковы (26, 32о), Подгаевскы(32), Подураевы(22), Подтелковы(47), Подхалиузины(22), Поевовы (26, 32о), Покидышевы (26,32о), Поликарповы(26,32о), Полковниковы(25, 30о), Полубедовы (25,30о),Полушкины (26,32о), Польшинскы (26), Помазковы(27), Померанцевы (26), Поневкины(9), Потатуевы(26,32о),Потоцкие (26), Поцелуевы(26), Прекрасновы (25), Протопоповы (54), Прянишниковы (7), Птахины (25),Пудавовы (24,29о),Пухляковы (26,32о), Пшеничновы(61), Пырковы (24,29о), Пышкины (25,30о), Пятаковы(25), Ребреевы(18,28о), Рибриковы (18,28о), Ревровы(18, 28о), Ревины(18, 28о), Редичкины(18,28о), Резвяковы (18,28о), Ремчуковы (25, 30о), Ренскы (25), Ретивовы(61), Родионовы(61), Рубашкины(6), Рубцовы(61), Рудаковы (23,34ф, 36до), Русаковы (24,29о), Рытчиковы(20), Рытченковы (20), Рябины (55), Савватеевы(30), Савиловы(35),Савостьяновы(23,36о),Сагацкие(40), Саконниковы (30,35), Салтыковы (57), Самарины(61), Самойловы (35), Самсоновы(35),Сапухины (30), Сариновы (15), Сарычевы (30), Сатаровы (30), Сафоновы(58), Сафроновы(30), Свеколкины(57), Свинаревы(10), Себряковы(57), Секретевы(1), Селивановы(54), Семенченковы(54), Семизоровы(44, 45), Семилетовы(50), Сенины (43), Сенченковы (43), Сенюткины(35), Сербиновы(57), Сергеенковы(38), Серегины(38), Сиволобовы (30), Сидорины (39), Сигаевы(30),Сизовы (30),Сизякины(39), Силкины (32), Симоновы (30),Синегубовы (30), Синякины (30), Синяпкины(30), Синяткиновы (30), Сироткин(30), Ситниковы(35),Сказкины(30),Скасырковы(15), Скачковы (35),Скопины (31), Скопцовы (31),Скоробогатовы(41), Скрыпкины(40), Скуновы(37), Сладковы (31), Слепковы (35), Слепухины (36), Слюсаревы(59), Сметанниковы (35), Смоленские(30), Смолины(41), Соболевы (31),Соины(36),Солдатовы (35),Сохрановы(36),Стальницкие(41),Стариковы (41), Стенюкины (41), Степанниковы(51), Стоцкие (35), Стояновы(30),Страховы(22), Студеникины(52), Ступачевские(30),Суворовы(43), Суетины(51),Сулацковы(36), Сулины (3),Суляевы(3),Суравцовы(51), Суслины(3), Сухаревы(36), Сухошеевы(10), Суховы(43), Сысоевы(58), Сычевы(58), Сыченновы (41), Табунщиковы(13), Талаконниковы (50), Таперечкины(14), Тацины(53), Текутовы (12), Текучевы(12), Терезниковы (50), Терентьевы(52), Тереховы (10,32пд), Тимонины (Золотаревы)(9, 32д), Тимошкины (12), Тихоновские(12), Тихоновы (13), Траилины(51), Трегубовы(14), Тропины(51), Трухачевы(50), Турченковы (9), Тюрморезовы(50), Улитины(51),Улиткины (50), Упорниковы(25,30о), Ургаповы(49), Урюпинскы(49), Усачевы (49),Уткины(15), Фадеевы (14), Фатеевы (14), Федорцевы (14), Федотовы (14), Фетисовы (18, 28о), Филины(61), Финковы(14),Финляндские(14),Фокины (18),Фрянскы(54),Харисовы(3), Харитоновы (53), Ховаевы(3), Ходаковы (3), Хопряниновы (48), Хорошиловы(5), Хрещатицкие(48), Цепляевы(48),Церковниковы (32), Цыплаковы (48), Чайкины(58), Черемисовы(48), Чернецовы(47), Черновы(10), Чернозубовы (49), Чернокнижниковы(48), Черноярловы (48), Чернушкины(48), Черячукины(14), Чикилевы (56), Чиковы (48), Чукавовы(48), Чумаковы (5), Чурбаковы(48), Шамины(3), Шаровы(59), Шейкины (4), Шелякины (41),Шильченковы(41), Шмаревы(41), Шумилины (32), Шумковы(61), Шуруповы (15),

Щекатурины(57), Щелкуновы(59), Щепетковы(61), Щербины(55), Щербухины(62), Щетковские(61), Щучкины(59), Югановы(54), Юдины (56), Юкины(62), Ющенковы(54), Ягодины(15), Язевы(54), Яицковы(52), Якушевы (39), **Яновы** (55), Янченковы(54), Яскины (54). [671, 463].

Рубрики:

Боевые награды:

Китайская кампания 1900–1901 гг.(4). Герои Советского Союза(12). Русско–Японская война 1904–1905 гг.(8). Георгиевские кавалеры: {1775-94} - (22) {1805 – 07} – (49). {1808 -11} – (51). {1812} – (53). {1813 - 14} – (54). {1816 – 41} – (55). {1846 – 55} – (56). {1857 - 1908} - (57). Сводная таблица {1775 – 1908} (57). {1914} – (58). {1915} – (59). {1916 - 1919} – (61). Сводная таблица (1914 – 1919) (61).

Убитые и умершие от ран:

1812–1814 гг. { оф., ниж чины } (19). 1900–1913 гг. { оф } (9). 1914 г. { оф., ниж чины } (12,48д). 1915 г. {оф.} (48). Метрики Елисаветовской ст. 1918 – 1920 гг. (16).

Некрополи:

Сент-Женевьев-де-Буа.(13). Тестаччо.(14). Пирея.(22). Старочеркасск. (28). Брюссель.(28). Новочеркасск (37). Братское (48).

Архивы и библиотеки:

Фонд. 52 РГВИА(4). Фонд. 1343 РГИА (5). Фонд. 338 ГАВО (9). РГВИА – ГАРО, сравнительный анализ(6). Генералитет 1812 г. В.М. Безотосного (10). О Платове(45). Генералитет в изгнании(22). Дворянские фамилии(15). Алфавит дворянских родов (26). Елисаветовская ст.(16). Песни о Платове(21). Опыт работы в ГАРО (32). О Каледине (44, 47пд). О Чернецове (47). О Голубове (47). О Подтелкове и Кривошлыкове (47).

Казачьи байки В.М. Безотосного I – V: {I -Донское дворянство } (11), {II – Просвещение и кругозор } (12), {III - Образование } (14), {IV - Семейные связи } (15), { V – 1812 год и образ М.И. Платова } (17).

О Ф.Д. Крюкове (50). Баллада о Е.О. Грузинове (52).

Из истории Дона:

Брак и семья у донских казаков (16). Из истории религиозных движений на Дону в первой четверти XIX века (41). Самоубийства Донских казаков в XIX в. (48). Очерк переселения казаков с Дона на Терек, Кубань и Сунжу(49). Шолохов и большевистская конъюнктура (50). «Кавказская и Восточная войны» (56). Балканские славяне и их потомки в составе казачества (57). Воспоминания А.Ф. Кузнецовой(60).

1812 год:

Казаки и гусары (24).

1 Мировая война:

Казаки в Карпатах (38). И.А.Родионов о Корниловском мятеже (61).

Эмиграция:

Воспоминания Н.П. Рудакова (36).

Авиация:

Личный состав Донской авиации (39). Герои 1-й Мировой войны (59).

Читаем классика.

“Миражи «Тихого Дона»” (47): {гл.1–О 1 Мировой войне; гл.2–О мирной жизни; гл.3 – О революции; гл.4 – О Гражданской войне; гл.5 – Значение романа}. Гл.1,2,5 еще и в вып. № 43. Смерть Каледина(44). “Шолохов, Крюков или ... ?”(50). А.С. Серафимович(50).

Под Советской властью:

Бутово, 1937 г. (25). Ленин о Каледине и Богаевском (30). Памятник Свердлову (30). Смертная жатва (33). Семь расстрелянных. (39).

Использование ВТ в генеалогических исследованиях:

Хранение и обработка больших массивов данных(4). Автоматизированное составление выписок из документов(6). Обработка дореволюционных текстов(49). Повышение качества распознавания текстов (57).

В краю непуганых историков:

Скромное обаяние музейных работников (21). Великий Пронштейн(31). А.И.Агафонов о В.М. Безотосном (24). А.И. Агафонов о дворянстве (26). А.И. Агафонов о генеалогии (27). Проф. В.Г. Сироткин (35). Ростовская шпана (44). Книга К.А. Хмелевского (47). Энциклопедия «1812 г.» (45). Проф. А.В. Венков (50). Д.и.н. М.А. Алпатов(50) Донцы XIX и XX веков (56). Статья О.Н. Лобова (59).

Журнал «Русская Старина»:

Проект эксп. в Индию. 1800 г. (27). О Грузиновых (52). Посольские путешествия в Турцию. (28). Цена людей в 1853 г. (28). Дон и Донцы в 1851 г. (29). . . в 1877 г.(46). Софья Пугачева(31). О Булавином бунте(31). Моя боевая жизнь (восп. Я.П. Бакланова (40), Я.П. Бакланов. (40). Донской календарь 1879 г.(40). Есаул Евл. Кательников (41). Атака Лейб-казаков под г. Лейпцигом 1813 г. 4 октября (41). Донская конная арт-я (42). О Платове и Земленухине (45).

Сергей Викторович Корягин

А.С. Серафимович – автор «Тихого Дона»

Генеалогия и семейная история Донского казачества

Выпуск 63

Бумага офсетная № 1, формат 60x84/16 Заказ № 67
Отпечатано в Типографии МГТУ им. Н.Э. Баумана
107005 Москва, ул. 2-я Бауманская, д. 5

